

ЕМЕЛЬЯНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы всероссийской научной конференции
«VIII Емельяновские чтения»,
посвященной 75-летию образования курганской области

Курган, 20 апреля 2018 г.

VIII ЕМЕЛЬЯНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ISBN 978-5-4217-0487-4
9 785421 704874

Курганский
государственный
университет
Библиотечно-издательский
центр
65-48-12
Общий вид 2-ой части г. Кургана.

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Курганский государственный университет»

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

РОССИЙСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
(КУРГАНСКОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ)

VIII ЕМЕЛЬЯНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ,
ПОСВЯЩЕННОЙ 75-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ

г. Курган, 20 апреля 2018 г.

УДК 9(063)
ББК 63л0
Е 60

VIII Емельяновские чтения : материалы Всероссийской научной конференции (Курган, 20 апреля 2018 г.) / отв. ред. В.В. Менщиков. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2019. – 197 с.
[Электронное издание]. URL: <http://dspace.kgsu.ru/xmlui>

Печатается по решению научного совета Курганского государственного университета.

Рецензенты:

Зайцева Л.Ю., доктор исторических наук, профессор Курганского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ;

Костомаров В.М., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института проблем освоения Севера СО РАН (г. Тюмень).

Настоящее издание представляет сборник докладов участников Всероссийской научной конференции «VIII Емельяновские чтения», посвященной 75-летию образования Курганской области.

В сборнике представлены статьи по социально-экономической, политической и социокультурной истории российской провинции исследователей из Центральной России, Беларуси, Крыма, Урала, Западной и Восточной Сибири.

Материалы предназначены для историков, этнографов, культурологов и всех интересующихся региональной историей.

ISBN 978-5-4217-0487-4

© Курганский государственный
университет, 2019
© Авторы, 2019

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

УДК 93 (930.85)

*И.С. Менщиков,
г. Курган*

ИСТОРИЯ ЗАСЕЛЕНИЯ И ОСВОЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XVII–XIX ВЕКАХ В РАБОТАХ Н.Ф. ЕМЕЛЬЯНОВА

Аннотация. В статье анализируются основные монографии профессора Н.Ф. Емельянова, посвященные заселению и освоению Западной Сибири, прежде всего Среднего Приобья в XVII–XIX веках. Рассматриваются основные выводы известного сибирского историка о взаимоотношениях власти и русских засельщиков с аборигенами, способах эксплуатации со стороны феодального государства, динамике численности русского и автохтонного населения.

Ключевые слова: Н.Ф. Емельянов, историческая демография Сибири, освоение Западной Сибири, Среднее Приобье.

Имя Н.Ф. Емельянова находится в ряду выдающихся исследователей истории Западной Сибири. Сфера его научных интересов охватывала значительный временной пласт со времени начала заселения русским этого региона и до начала XX века [7, с. 14]. В одной из наших статей [6, с. 10] были очерчены основные вехи творческого пути видного сибирского историка, выделены основные периоды его научной работы (томский, омский, курганский), каждый из которых отличается расширением предмета исторического исследования и хронологических рамок. Поэтому было бы целесообразнее сосредоточить внимание на наиболее крупных монографиях, посвященных заселению и освоению Западной Сибири. Эти книги, вышедшие в первой половине 80-х годов XX века, стали библиографической редкостью, хотя и не утратили своей актуальности [8, с. 4; 1, с. 4]

В 1980 году выходит монография Н.Ф. Емельянова «Население Среднего Приобья в феодальную эпоху (Состав, занятия и повинности)». Работа носит во многом новаторский для того времени характер и не утратила своей актуальности и до наших дней. Новизна, по нашему мнению, заключается в предмете и в подходах к проблеме. Автор отошел от традиционных для советской исторической науки тем классовой борьбы, выступления крестьян, ссылки и каторги: «За пределы предлагаемой монографии вынесена характеристика, вопросы феодальных отношений и классовой борьбы» [1, с. 14]. Кроме того, новизна работы состоит в следу-

ющем. Как правило, советские исследователи рассматривали проблемы населения Сибири отдельно аборигенов, отдельно русских поселенцев. Николай Филиппович сконцентрировал свое внимание на населении одного региона, включавшего Томский край. Такой подход дал возможность сконцентрировать исторический материал и применить комплексный метод при изучении Среднего Приобья [1, с. 4]. Это позволило обратить внимание на межэтническое взаимодействие, рассмотреть различные аспекты взаимного влияния местного населения и русских засельщиков. Для решения поставленной указанной исследовательской задачи Н.Ф. Емельянов широко применял междисциплинарный подход, что, безусловно, было новаторским в то время. Работа написана на стыке истории, исторической демографии, исторической этнологии.

В первой главе, посвященной автохтонному населению, Н.Ф. Емельянов отмечает его этническую пестроту. Трудности при идентификации того или иного народа заключаются и в том, что русские источники XVII века нередко либо называют всех некими общими этнонимами «остяки», «татары» [1, с. 25], либо выделяют достаточно небольшие этнические группы, привязывая их название к названию местности, где он проживали. Н.Ф. Емельянов приходит к следующему важному выводу: «Как видим, коренное население не вымирало, а численно росло. Учет его по тяглам скрывал истинное положение дел. Население пыталось укрыться от ясака, со смертью тягловцев поворачивание новых под разными предлогами не производилось, давались заведомо ложные сведения» [1, с. 35]. Опираясь на более точные данные подушных переписей, которые проводились во второй половине XVIII – начале XIX века, он заключает, что прирост населения составлял не менее 0,5% в год [1, с. 37]. Автор монографии подчеркивает, что царские чиновники не вмешивались во внутренние дела местного населения. Они заимствовали у татар ясачную систему, которую постепенно усовершенствовали [1, с. 77].

Вторая глава монографии посвящена первым русским засельщикам Томского края. В ней выделено три главных категории освоителей Западной Сибири: служилые люди, посадские, государевы крестьяне и монастырские крестьяне. Здесь особо следует остановиться на характере первой группы поселенцев. Автор подтверждает мнение своих предшественников (в частности С.В. Бахрушина и В.Н. Шункова) о том, что служилые люди отличались от своих «собратьев» в Европейской России. В Сибири служилые люди были, прежде всего, среди тех, кто активно осваивал новые земли, в XVII веке они не являлись, в массе своей, чиновниками и служилыми дворя-

нами. Они были рядом с крестьянами, отмечает Н.Ф. Емельянов, на первых этапах опережая их и помогая им осваивать новые земли, впоследствии защищая их и аборигенов от набегов кочевников. «Служилые люди были неразрывно связаны с сибирской народной колонизацией. Хлеб как тех, так и других был одинаково сладок и горек» [1, с. 97]. Основу служилых людей в Сибири должны были составлять выходцы «из гулящих охочих добрых людей», но их всегда не хватало. Поэтому вскоре стали доминировать перевод из других районов страны и ссылка [1, с. 101]. Служилые люди получали либо жалованье, либо возможность пользоваться «государевой пахотой». Со второй половины XVII века наметилась тенденция к самовоспроизводству служилого населения.

Основу русского населения Среднего Приобья составляли крестьяне, причем подавляющее большинство из них были государевы крестьяне, и лишь незначительная часть относилась к категории монастырских. После секуляризации церковных земель в 1764 году эта группа фактически слилась с государственными крестьянами. На протяжении второй половины своей монографии (около ста страниц) Н.Ф. Емельянов рассматривает расселение, положение, занятия этой основной группы русских в Томском уезде, формы контроля и эксплуатации их со стороны государства. Анализируя документы XVII – начала XVIII века, исследователь сумел установить, что крестьяне оказывались под довольно жестким контролем со стороны государственных властей. Поскольку вся земля в Сибири считалась царевой, то работающие на ней должны были платить оброк, в основном натуральный, либо обрабатывать своего рода барщину («отработочная рента сохранялась») [1, с. 137]. Приказчики должны были осматривать и замерять пашни, следить за урожаем и качеством обработки земли. Кроме того, им поручалось следить и за личной жизнью крестьян, с тем, чтобы последние не «не пили и не бражничали», не играли в зернь или карты, посещали церковь и не буйствовали. То есть на приказчиков были возложены полицейские функции, жизнь крестьян подвергалась жесткой регламентации [1, с. 137].

Завершая краткий обзор этой монографии, хотелось бы обратить внимание на одну, весьма примечательную, черту научных трудов Н.Ф. Емельянова. Он весьма глубоко и научно анализирует состав населения, его рост и прирост, хозяйственные занятия, нормы эксплуатации, отражение всего этого в государственных отчетах. Текст снабжен сносками и многочисленными цифрами, с которыми трудно спорить. И вдруг, среди всей этой сухой цифриры появляется живой человек. Вот простой пример. Анализируя ревизию 1720 года, он отмечает количество семей, место их проживания, вычислены проценты

и указаны доли. После этого говорится: «В слободе Сосновской Степан Дедякин (70 лет от роду) пахал с 1713 года полдесятины в поле, отсыпной хлеб не платил и заготовил до 100 копен сена на зиму. У него имелся двор с баней, мельница и другие постройки... Семья Дедякина была большой, куда входили дети, братья и племянники. Состав и положение этой семьи указывает на то, что она основательно осела на землю и жила главным образом за счет земледелия, скотоводства, мельничного промысла. Одновременно в уездах имелись еще слабо устроенные семьи. Например, в д. Гутовой гулящий человек Василий... получив свободу в 1709 г. он переехал на жительство на «порожную землю», поставил свой двор и снова завел свою пашню. Эта семья была намного беднее Дедякина» [1, с. 141]. Характер и выводы указанной работы были весьма новыми и интересными для своего времени.

Во второй части своей монографии, которая вышла в свет спустя два года, Н.Ф. Емельянов осветил некоторые вопросы, оставшиеся за пределами его предыдущего исследования. Рассмотрев достаточно небольшую группу приписных крестьян, он отметил значительную степень эксплуатации этой категории, которые фактически были крепостными, «заводская барщина была обременительной и разорительной... заводская администрация отличалась большей жестокостью, чем казенная» [2, с. 65]. Большая часть этой книги посвящена рассмотрению управления и поземельным отношениям в Среднем Приобье. Он отмечает, что по мере заселения и освоения края, поземельные отношения сильно запутывались. Проходило размежевание и уточнение весьма условных границ владений. Причем администрация, заинтересованная в сборе ясак, передавала уже обжитые русскими крестьянами земли в ясачные угодья, что, по сути, означало ликвидацию русских поселений «без особого учета на будущее. С самого начала действия правительства носили стихийный характер» [2, с. 69, 71], власти то отторгали земли аборигенов в пользу русских засельщиков, то строго-настрого запрещали вмешиваться в их дела, поскольку это сказывалось на сборе ясак. Правда заимки русских крестьян чаще всего возникали на землях свободных от промысла аборигенов, тем не менее, трения возникали, и необходимо было уточнение границ станов и ясачных волостей. Землевладение среди служилых людей и среди крестьян были своего рода гарантией на быструю колонизацию обширных земель Сибири и сохранения их в пределах Российской империи [2, с. 77].

Интересно, подчеркивает автор исследования, что крестьяне в это время начинают считать себя собственниками земли и угодий. Они продаются, покупаются, обмениваются. Чиновники стремились бороться с этим явлением, но до-

вольно безуспешно и, в конце концов, смирились, при условии выплаты денежной ренты и налогов. Невзирая на серию указов и инструкций, вышедших в 1765–1775 годах, запрещавших давать пахоту и угодья во владения отдельным личностям, а только селениям, которые и имели право определять наследников и распределять земли, поземельная политика не дала желанных результатов. Крестьяне придерживались сложившихся форм и правил владения землей. Тяжбы велись по-прежнему и по старым нормам [2, с. 76]. Фактически, отмечает Н.Ф. Емельянов, томские крестьяне и после проведения межевания в XIX веке оставались такими же землевладельцами, что и до межевания [2, с. 93].

Книга «Заселение русскими Среднего Приобья в феодальную эпоху» посвящена почти исключительно проблемам исторической демографии, которая тогда в СССР только получала признание. Её автор обращает внимание на то, что хотя этот регион был вторым в Сибири по значимости и численности русского населения, уступая только Тобольскому, история его заселения и освоения русскими освещена недостаточно полно [3, с. 13].

В своем исследовании Н.Ф. Емельянов выделяет три основные территории в зависимости от природно-географического фактора и форм заселения и освоения: Нарымский север региона, центральная и восточная часть (долины рек Томи и Чулыма, район г. Томска) и юг и юго-восток региона (Томско-Обского междуречье).

Завершая обзор исследуемых монографий, необходимо еще раз подчеркнуть важность сделанных в ней выводов. Что является, может быть, еще более важным эти выводы основаны на прочной и широкой источниковой базе. Огромное количество сносок на дела и фонды Томского архива и ЦГАДА лишний раз свидетельствуют об этом. В этой работе Н.Ф. Емельянов еще раз подтвердил свой тезис о том, что заселение Томского края велось вначале служилыми людьми, затем, на основанные ими опорные пункты (остроги) приходили крестьяне, посадские и разного рода гулящие и охочие люди. Заселение шло, как правило, с севера (Нарым) на юг, по большим рекам. Подчеркивается мирный характер колонизации. Столкновения и конфликты между аборигенами и русским были довольно случайным явлением и имели место по поводу удобных земель, которые местные племена использовали для охоты. Царская администрация выступала в роли арбитра и не всегда становилась на сторону переселенцев, поскольку была заинтересована в сборе ясака. Анализ монографии позволил выделить четыре основных периода в заселении и освоении Среднего Приобья: первая половина XVII века, когда началось заселение региона служилыми людьми; вторая половина XVII века, когда усиливается движение

крестьян, посадских, гулящих людей, которые заселяют и осваивают новые земли; большая часть XVIII века, когда поток переселенцев несколько ослаб, основу воспроизводства населения составляет естественный прирост; первая половина XIX века, когда в заселение края активно вмешивается государство, расселяет ссыльных, проводит межевание, стремится упорядочить поземельные отношения.

Три указных монографии, составляющих единое целое, стали важной вехой в отечественном сибириеведении и исторической демографии Сибири. Весьма солидная и хорошо фундированная источниковая база не только подтверждает сделанные выводы, но и может служить основой для дальнейших исследований в этой сфере. Приведенный богатейший цифровой материал помогает исследователю опираться на уже изученные и введенные в научный оборот документы.

В 1970 – первой половине 1980-х годов Н.Ф. Емельянов жил в г. Омске и стал одним из основателей Омского государственного университета. Здесь в полной мере проявились его таланты администратора и организатора. Он был первым деканом исторического факультета и сумел заложить высокий уровень исторического образования на новом месте работы.

Во второй половине 80-х годов XX века Н.Ф. Емельянов переехал в Курган. Заметно меняется и тема его научных интересов. Он сконцентрировался на изучении поземельных отношений в Западной Сибири. Итогом этого стала докторская диссертация, монографии и серия статей. Остановимся более подробно на специальной монографии, посвященной развитию поземельных отношений в Сибири при феодализме. Обратив наше внимание на то, что в феодальную эпоху земля является главной ценностью и опираясь, как всегда, на весьма солидную источниковую базу, Н.Ф. Емельянов описывает развитие поземельных отношений, проблемы землеустройства и разграничения угодий между различными этническими группами и слоями населения. В первых строках автор обращает наше внимание на то, что так и не решен вопрос о численности местного населения на момент прихода русских. Он останавливается на цифре 250 тыс. чел. [4, с. 4]. Говоря о занятиях аборигенов, он указывает на то, что земледелие распространено было только среди отдельных категорий сибирских татар, хлеба не хватало. Под влиянием русских переселенцев в XVIII веке ситуация заметно изменилась, земледелие распространилось по южным районам Западной Сибири, где имелись соответствующие почвенно-климатические условия. Однако ведущими продолжали оставаться скотоводство и охотничьи и рыболовные промыслы. У северных народов преобладало кочевое скотоводство, и в этом

отношении практически ничего не изменилось. Рассматривая пушные промыслы, которые были главным объектом интересов правительства, автор обращает внимание на то, что главной формой проявления суверенитета над северными народами был ясак. Ясачная политика носила в целом консервативный характер. Когда в XVIII веке поступление главного ясачного меха соболя стало сокращаться, правительство заменило его на другие меха или денежный эквивалент [4, с. 9]. В первые десятилетия освоения Сибири русские аборигены владели землей на правах родовой и племенной собственности. Землевание и землепользование осуществлялось на основах местных традиций. Правительство стремилось сохранить ясачные волости и ограничить эксплуатацию их русскими засельщиками. В то же время, под влиянием русских и феодальных отношений в Русском государстве у аборигенов появляется семейная собственность [4, с. 16–18].

Во второй половине XVII в. основную массу переселенцев составляли русские крестьяне, которые и составили впоследствии большинство русского населения Сибири. Земля, тем не менее, считалась собственностью государства. Крестьяне, жившие на ней, должны были платить ренту – отработочную, натуральную или денежную. Роль последней все время возрастала, пока она не стала к середине XIX века единственной. Н.Ф. Емельянов еще раз повторяет свой тезис о том, что правительство стремилось сохранить ясачные волости и наделяло крестьян землей только там, где не было угодий аборигенов. При этом межевание всегда проводилось в присутствии представителей местных племен [4, с. 40–41].

В XVIII веке закрепился принцип, отмечает Н.Ф. Емельянов, согласно которому давнишнее владение землей и вложенный в неё труд делало крестьян фактически владельцами земли даже и «без крепостей», т. е. без официальных бумаг на землю. Это позволяло расширять леса и расширять свою пашню. Невзирая на то, что правительство хотело распространить на Сибирь ту же функцию крестьянской общины, что и в Европейской России, это ему не слишком-то удавалось. Община должна была выступать как бы арендатором государственной земли и одновременно её сдатчиком крестьянам и регулировать поземельные отношения. Однако индивидуальное владение снижало роль общины, покупки и заклады земли, распаивание залежных и очищенных от леса земель является показателем этого. «Поземельное равенство – это миф, при наличии обходных путей его декларация не спасала от всех бед в сельском хозяйстве», – заключает автор монографии [4, с. 56]. Пастбища и леса, а также рыболовные угодья (реки озера), как правило, не выделялись в личное пользование, их контролировала община [4, с. 63].

Правительство очень неохотно давало земли, которые считались царскими, кроме того, в условиях большого количества свободных земель и слабой заселенности, на таких землях просто некому было работать. Практика пожалования земель частным лицам участилась только при Александре I. Эти пожалования были распространены исключительно в обжитых регионах и относительно небольшими участками 100–400 дес. «пустой земли» [4, с. 106]. Закрепить за собой земли в частную собственность стремились, прежде всего, чиновники, офицеры и купцы [4, с. 112]. Первая половина XIX века – время вторжения частного землеустройства в Сибирь. «Правительство довольно робко шло на жалование земли частным лицам, так как Сибирь являлась заповедником казны. Кроме того, упорное сопротивление крестьян нежелательным соседям настораживало правительство и заставляло его корректировать свою политику» [4, с. 112].

Н.Ф. Емельянов еще раз обращается к проблемам, основательно изученным им в начале 80-х годов XX века на примере Томского края, но теперь уже на более масштабном общесибирском уровне. Кроме того, он предлагает принимать во внимание, что отдельные представители аборигенов обрусевали, записывались в крестьяне, мигрировали. Таким образом, тезис о вымирании коренного населения после присоединения к феодальной России он считает несостоятельным [5, с. 39–40]. Рассматривая процесс заселения Сибири в Петровскую эпоху, автор пришел к выводу, что активнее всего осваивались окраины Сибири, 84% русского населения этого региона проживали именно в Западной Сибири. Темпы прироста в этот период заметно возросли по сравнению с предыдущим столетием, быстрее росло крестьянское население – в 2,7 раза за 20 лет (1701–1722), неподатное и посадское – примерно в два раза [5, с. 46]. В это время процесс колонизации носил сложный характер. Вольное заселение сочеталось с ссылкой, мероприятиями монастырей. Основной поток населения все больше смещался к югу, на более плодородные и подходящие для земледелия места. Большую роль играли и казаки. В первой четверти XVIII века они продолжали оставаться пионерами в освоении Сибири. Правительство видело в них самый простой и дешевый инструмент управления и военного контроля. Только с появлением в Сибири в XIX веке регулярных частей роль казачества заметно снизилась [5, с. 54]. Автор очень подробно рассматривает эволюцию служилого населения, приведены прекрасные данные по разным городам и уездам региона, которые обобщены в таблицы. В финансовом и продовольственном отношении в XVIII веке Сибирь в целом перешла на самообеспечение [5, с. 63, 99].

Завершая рассмотрение монографии «Спор-

ные вопросы истории феодальной Сибири», необходимо остановиться на характеристике феодального государства и феодальных отношений в этом регионе. Н.Ф. Емельянов справедливо отмечает, что усиление регламентации, характерное для абсолютистского государства, наблюдается совершенно отчетливо и в Сибири. Несмотря на то, что крепостные крестьяне практически отсутствовали на территории Сибири, государство было крепостническим по сути своей. «Феодализм с его крепостничеством определил в Сибири социальную структуру – служилые и неслужилые, где сложилась четкая сословная градация, определились основные права и обязанности каждого человека. Сам принцип подчиненности, эксплуатации, выбор действий, определение условий труда, реализации своих возможностей и др. зависел от господствовавшей системы отношений. И ясачное население, и крестьяне и посадские, и служилые люди – все в этой системе, выполняя свои функции поголовно испытывали как негативнейшую ношу – крепостничество. Каждый обладал относительной свободой действий, она колебалась в зависимости от сословия, места в производстве материальных благ управления и др. степень подчиненности и давления сверху вниз стала основным мерилом духа. Крестьяне Сибири в этой системе не всегда выгодно отличались от европейских, порядки не выглядели предпочтительней, поэтому не случайно часть исследователей Сибири видела в них крепостных казны или государя» [5, с. 144].

Даже в самой колонизации Сибири Николай Филиппович склонен видеть крепостную сущность. Это система острогов пограничных городов, которые стали прежде всего административными, а не торговыми центрами. Строгая иерархия пронизывала все стороны жизни. В XVII веке перед Сибирью стояла альтернатива: стать колонией или органической частью большой страны. По мнению автора работы, второй вариант стал реализовываться уже во второй половине этого столетия. Благодаря успехам заселения и освоения Сибирь смогла обеспечить себя продовольствием, а управленческий аппарат – деньгами. Все это свидетельствует «о том, что Сибирь отныне – неотъемлемая, органическая часть страны. Ни в экономическом, ни в политическом смысле она не стала колонией России» [5, с. 147].

Завершая этот краткий обзор работ Н.Ф. Емельянова, необходимо отметить, что они внесли заметный вклад в изучение истории Западной Сибири нового времени. Детальный анализ источников и понимание исторической ситуации позволил их автору показать место вольной и государственной колонизации этого региона русскими, взаимоотношение засельщиков и чиновников с местным населением, проследить пути пополнения русского населения в Западной Сибири. Он отмечает также особый

характер поземельных отношений в этой части России. Земля считалась царской, но основным пользователем и распорядителем была община. Вместе с тем, местные крестьяне основывались на принципе старозаимочности и относились к пахотной (да и не только к пахотной) земле как к своей, переделы, свойственные деревни европейской России здесь практически отсутствовали. Тем не менее, по его мнению, феодально-крепостническое по сути своей государство устанавливало на сибирских землях феодально-крепостнические порядки. Даже принимая во внимание, что практически все крестьянское население было лично свободным, оно фактически было крепостным государства.

Список литературы

- 1 Емельянов Н. Ф. *Население Среднего Приобья в феодальную эпоху (Состав, занятия и повинности). Часть 1.* Томск : Изд-во Томского университета 1980. 251 с.
- 2 Емельянов Н. Ф. *Население Среднего Приобья в феодальную эпоху.* Томск : Изд-во Томского университета, 1982. Часть 2. 244 с.
- 3 Емельянов Н. Ф. *Заселение русскими Среднего Приобья в феодальную эпоху.* Томск : Изд-во Томского университета, 1981. 181 с.
- 4 Емельянов Н. Ф. *Поземельные отношения в Сибири при феодализме.* Свердловск : Свердловский государственный педагогический институт, 1990. 121 с.
- 5 Емельянов Н. Ф. *Спорные вопросы истории феодальной Сибири.* Курган : Курганский государственный пед. ин-т. 1991. 160 с.
- 6 Менщиков И. С. Н.Ф. *Емельянов – историк Зауралья // Емельяновские чтения : материалы I Межрегиональной научно-практической конференции.* Курган, 2006. С. 10-11.
- 7 Менщиков И. С. Н.Ф. *Емельянов – историк Западной Сибири // Урал и Сибирь в контексте развития российской государственности : материалы всероссийской научной конференции, посвященной 1150-летию российской государственности, 75-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора Н.Ф. Емельянова и 60-летию исторического факультета КГУ.* 2012. С. 14–16.
- 8 Менщиков И. С. *Локальная история в трудах Н.Ф. Емельянова // II Емельяновские чтения : материалы Всероссийской научно-практической конференции.* Курган, 2007. С. 4-5.

УДК 930.1

**В.В. Менщиков,
г. Курган,
Н.В. Перцев,
г. Салехард**

РУССКАЯ ЭКСПАНСИЯ НА УРАЛ И В ЗАПАДНУЮ СИБИРЬ В XII–XV ВЕКАХ: ПРИЧИНЫ, ХАРАКТЕР И ПУТИ ПРОНИКНОВЕНИЯ (К ИСТОРИОГРАФИИ ПРОБЛЕМЫ)

Аннотация. Статья посвящена анализу историографии проблемы раннего проникновения русских на территорию Урала и Западной Сибири (XII–XV веков). Рассматриваются мнe-

ния отечественных и зарубежных исследователей по ключевым вопросам. Авторами выделено четыре группы мнений о причинах этого процесса, в основном сконцентрированных на попытках установления контроля над северными торговыми магистралями. Более спорными являются аспекты, связанные с характером русской экспансии. В меньшей степени в историографии представлены работы, связанные с выявлением путей проникновения, при этом в современной литературе намечается тенденция к проработке этого вопроса в контексте изучения конкретных военных походов.

Ключевые слова: колонизация, Урал, Западная Сибирь, историография.

Проблема раннего проникновения русских на территорию Урала и Западной Сибири имеет обширнейшую историографию, формирование которой началось уже с момента становления первых отечественных исторических школ. Начиная с эпохи великих научных экспедиций (в первую очередь – Второй Камчатской 1730–1740-х годах [14, с. 56–59]) появляются первые попытки объяснения этого феномена. С этого периода история Сибири начинает осознаваться как неотъемлемая часть истории Российской и даже мировой. В силу развития гуманитарной мысли и появления новых подходов к изучению исторических источников историографический очерк данной проблемы кажется в настоящее время уместным, а все более возрастающий интерес к вопросам присоединения Урала и Западной Сибири подчеркивает его актуальность.

Для выявления историографического наследия нами были проанализированы мнения наших предшественников по ключевым вопросам, среди которых: причины, характер русского движения и маршруты, связывающие русские земли с исследуемыми территориями. Среди многочисленных гипотез о причинах русского движения на северо-восток можно выделить четыре группы мнений.

Большинство отечественных авторов единогласны во мнении, согласно которому основной движущей силой, провоцирующей походы русского населения на отдаленные территории северного Предуралья и Западной Сибири, являлись попытки получения контроля за пушными рынками. Такой подход фигурирует в трудах Г.Ф. Миллера [17, с. 197], А.Б. Бушена [3, с. 168–169], С.В. Бахрушина [2], В.Д. Пузанова [29, с. 162], С.А. Чернышева [36] и многих других.

В свою очередь, установление плотных торговых отношений с насельниками Северного Приуралья и Западной Сибири было крайне актуальным мероприятием для главного участника русского продвижения раннего периода – Новгородской республики. Являясь связующим звеном между далекими северо-восточными областями

полулегендарной «Югры» и Европейскими торговыми городами, именно Новгород мог рассчитывать на сверхприбыль от транзита северной пушнины в Европу. Торговля Великого Новгорода, в т. ч. и товарами, привезенными из отдаленных территорий Предуралья и Западной Сибири, стала объектом внимания таких исследователей как Н.И. Костомаров [10, с. 169–182], А.Л. Хорошкевич [35, с. 47–51], Е.А. Рыбина [30, с. 34, 36–37]. Сквозь призму становления устойчивых товарообменных связей между Восточной Европой и Урало-Западно-Сибирским регионом рассматривают проблематику А.Г. Иванов [8, с. 149], Е.П. Казаков [9, с. 102], Н.В. Федорова [34, с. 95–97], И.В. Побережников [26, с. 11], А. Эткинд [38, с. 109]. По отношению к целям Московского государства принято говорить, что Великий князь только подхватил дело Новгорода, интерес Московии к указанным территориям продолжал держаться на перспективах установления контроля над пушными рынками Восточной Европы.

Заметим, что зарубежная историография (прежде всего англоязычная) полностью солидарна с рассмотренной гипотезой. В классическом труде канадского исследователя Питера Армстронга «*Foreigners, furs and faith: Moscow's expansion into Western Siberia 1581-1649*» (название говорит само за себя: *Иноземцы, меха* (здесь и далее курсив наш – В.М., Н.П.) и *вера*: московская экспансия в Западной Сибири 1581–1649 годов) погоня за пушнинной является единственным аргументом, оправдывающим «русскую колонизацию» Западной Сибири [39]. С другой стороны, этот автор косвенно, но все же рассматривает период второй половины XV – начала XVI века в контексте политических отношений Московии и осколков Улуса Джучи, в силу чего «Московская экспансия» начального этапа воспринимается в работе как некий ответ на внешние раздражители [39, р. 41–42]. В этом отношении данный труд близок по смыслу работам Ж. Мартин [40, р. 86].

Иная версия событий встречается в историографии второй половины XIX – начала XX века, сформированной под влиянием работ В.О. Ключевского и М.К. Любавского. «Русская колонизация» объявлялась этими исследователями как основа существования русского народа [11, с. 52; 15]. «Дух свободы» стал основным стимулом для продвижения Новгородской политики и в концепции С.М. Соловьева [33, с. 19–20]. Из современных авторов близка к ним позиция А.В. Головнева, считающего русскую колонизацию результатом уникальной природы населения нашего отечества [5, с. 339].

Еще одно объяснение выдвигает в своем исследовании «Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVII века» В.А. Оборин. Автор предлагает в качестве дополнительного стимула русского продвижения перспективы сельскохозяйственного освоения рассматривае-

мых территорий [20, с. 66-67]. Необходимостью освоения новых районов объясняет русское продвижение на северо-восток и Н.А. Макаров [13, с. 32]. В этом ключе написаны работы Э.В. Савельевой [32, с. 134–138] и Р.Д. Голдиной [4, с. 328], в которых рассматривается процесс сельскохозяйственного освоения Предуралья, обмен передовыми для того времени технологиями и навыками, что приводило к развитию мирных взаимоотношений с коренными народами.

Н.Б. Крыласова к факторам русского продвижения на северо-восток причисляет также поиск источников сырья для развития цветной металлургии. Основываясь на анализе археологических материалов, связанных с этой отраслью хозяйства, исследователем был сделан важный вывод о возможности поступления латуни в Новгород именно с предуральских территорий [13, с. 33], что в свою очередь опровергает мнение о зависимости самого Новгорода от европейских государств в вопросах поставки этого металла. Анализ медеплавильных комплексов и ресурсов цветного металла Предуралья в эпоху средневековья стал объектом диссертационного исследования П.М. Орехова [23]. Автор приводит аргументированные доказательства развития этой отрасли хозяйства, что подтверждает это мнение. Кроме того, участники военных операций в случае своего успеха могли рассчитывать на богатый выкуп, который выплачивался серебряными изделиями, о чем замечал составитель «Пермской летописи» В.Н. Шишонко [37, с. 6].

В целом мы можем констатировать, что подавляющее большинство исследователей видят истоки русского продвижения в Предуралье и Западную Сибирь в активизации северных торговых магистралей и попытке поставить их под свой контроль. Менее единодушны исследователи в вопросах природы этого продвижения. Здесь, как ни странно, характер русской экспансии слился с характеристикой основных игроков. Об этом открыто заявляет выдающийся отечественный краевед и публицист А.А. Дмитриев, выделивший отдельный «новгородский этап» русской колонизации исследуемой территории [6, с. 4]. Сибирский этнолог второй половины девятнадцатого столетия А.В. Оксенов, посвятивший долгое время изучению русской колонизации, поддержал эту точку зрения в двух статьях, посвященных соответственно «Новгородскому» и «Московскому» этапам [21; 22].

Классическое деление русского «колониационного» потока на Новгородский и Московский период, в которых первому соответствовала вольнонародная инициатива, а второму – государственная, было обосновано С.Ф. Платоновым [25]. Полностью солидарен с ним А.В. Головнев [5, с. 224, 228–230], хотя уже С.Ф. Платонов замечал, что такое предприятие, требующее громадных усилий, могли обеспе-

чить только «именитые» люди Новгорода [25, с. 20], из чего следует условность такого деления. С.В. Бахрушин также считал, что и новгородский вариант был подконтролен государственной политике Новгорода [1, с. 18-19], добавляя, что «государственные отряды новгородцев мешали частным лицам в Югре, владеющими там рынками» [24, с. 65]. Это мнение разделяет и И.В. Побережников [27, с. 13].

По нашему мнению, для четкого разделения на вольнонародный и государственный потоки русской колонизации Урала и Северо-Западной Сибири в настоящее время нет оснований. В случае с Новгородом мы располагаем лишь такими известиями, которые не могут исключать ни частной инициативы, ни конкретного государственного заказа, тем более что специфика политического устройства Новгородской республики вполне могла породить явление, при котором часть «государственного аппарата» «сливалась» с корпорациями типа «югорщина» и могла организовывать и спонсировать очередные походы. Централизованная деятельность Московского государства, вероятно, не выходила за рамки подчинения Предуральских территорий. «Московский» этап проникновения за Уральский хребет вряд ли мог исключать проявления деятельности частных купцов или так называемой «русской вольницы».

Слабо в историографии разработана и проблема периодизации. Вероятно, преждевременно выделение каких-либо этапов хозяйственного и административного освоения Зауральских территорий, начавшееся, по справедливому замечанию И.В. Побережникова, не ранее последней трети XV века, после окончательного закрепления Московии в Предуралье [28, с. 16].

Крайне важным для понимания объекта исследования является вопрос о путях проникновения русских военно-промысловых отрядов на территорию Западной Сибири. Данный аспект не получил широкого освещения в научной литературе. Частично об этих путях в своих «Путевых записках» упоминает Г.Ф. Миллер [31, 109-110]. Маршрут, следующий из притоков р. Печеры в р. Сев. Сосьва был обследован К.Д. Носиловым [18]. «Путешествие» (экспедиция), совершенное этим автором, показало возможность использования данного пути только в зимний период [19, 215–234].

Н.П. Загоскин, придерживающийся версии о приморской локализации Югры по обе стороны Урала, попытался проследить все возможные маршруты, по которым шло проникновение на данную территорию. Его внимание было приковано не только к речным магистралям по течению рек Сухона, Юг и Вычегда (притоки Сев. Двины), которые образуют единую водную диагональ в «русском северо-востоке» [7, 169–171], но и морским путем [7, с. 161], что позволяло достигать ве-

ликих Сибирских рек в обход Уральских гор.

Более подробный анализ в контексте русской колонизации Сибири эти пути получили в трудах С.В. Бахрушина [1]. Особого внимания заслуживает детальный разбор Печерского «чрезкаменного» пути со всеми возможными вариантами маршрутов, который автор считает одним из самых древних путей в Западную Сибирь [1, с. 63]. Лишь в новейших исследованиях маршруты проникновения получили дополнительное раскрытие в контексте рассмотрения отдельных военных походов московских войск. Таковы работы пермских [12] и курганских [16] историков.

Подводя итоги нашему исследованию, отметим, что за несколько столетий исследований проблемы раннего проникновения русских на территорию Урала и Западной Сибири ученым удалось шагнуть далеко вперед в вопросах определения движущих сил русской колонизации. Между тем ряд аспектов еще остается дискуссионным. Думается, что привлечение новых методологических подходов в будущем позволит более подробно раскрыть содержание этого интереснейшего периода истории нашего Отечества.

Список литературы

- 1 Бахрушин С. В. *Очерки по истории колонизации Сибири XVI-XVII вв.* Москва, 1928. 200 с.
- 2 Бахрушин С. В. *Остяцкие и вогульские княжества в XVI-XVII веках.* Ленинград, 1935. 90 с.
- 3 Бушен А. Б. *Опыт исследования о древней Югре // Вестник Русского географического общества.* Т. 4. Санкт-Петербург, 1855. С. 167–190.
- 4 Голдина Р. Д. *Древняя и средневековая история удмуртского народа.* Ижевск, 2004. 422 с.
- 5 Головнев А. В. *Феномен колонизации.* Екатеринбург : УРО РАН, 2015. 592 с.
- 6 Дмитриев А. А. *Пермская старина. Сборник статей и материалов преимущественно о Пермском крае.* Вып. 1. Древности бывшей Перми Великой. Пермь : Типография П.Ф. Каменского, 1889. 237 с.
- 7 Загоскин Н. П. *Русские водные пути и судовое дело в допетровский период.* Казань, 1910. 506 с.
- 8 Иванов А. Г. *Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья (конец V – первая половина XIII в.).* Ижевск, 1998. 309 с.
- 9 Казаков Е. П. *Волжская Болгария и северо-восток Европы в IX-XI веках // Европейский Север в культурно-историческом процессе.* Киров, 1999. С. 101–104
- 10 Костомаров Н. И. *Северорусское Нардовластие во времена удельно-вечевоего уклада (история Новгорода, Пскова, Вятки).* Том I. Санкт-Петербург, 1886. 434 с.
- 11 Ключевский В. О. *Сочинения.* В 9 т. Т. 2. *Курс русской истории.* Ч. 2. Москва : Мысль, 1987. 447 с.
- 12 Корчагин П. А., Лобанова А. С. *Очерки истории Перми Великой: водно-волоковые пути // Вестник Пермского университета.* Пермь, 2012. Вып. 1 (18). С. 121–134.
- 13 Крыласова Н. Б. *Начало «Древнерусской колонизации» Прикамья и ее роль в появлении новой территории по именованию «Пермь» // Труды КАЗЭ ПГГПУ.* Пермь, 2014. Вып. 9. С. 28–39.
- 14 Лебедев Г. С. *История отечественной археологии. 1700-1971 гг.* Санкт-Петербурга : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1992. 464 с.
- 15 Любавский М. К. *Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX в.* Москва : МГУ, 1966. 688 с.
- 16 Маслюженко Д. Н., Рябинина Е. А. *Поход 1483 г.*

и его место в истории Русско-Сибирских отношений // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 1 (24). С. 115–123.

17 Миллер Г. Ф. *История Сибири. Издание второе, дополненное. Том I.* Москва : Восточная литература, 1999. 630 с.

18 Носилов К. Д. *С Оби на Печору // Записки Императорского русского географического общества.* Т. XX. Санкт-Петербург : Типография А.С. Суворина, 1884. 15 с.

19 Носилов К. Д. *У вогулов: Очерки и наброски.* Издание А.С. Суворина, 1904. 264 с.

20 Оборин В. А. *Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVII вв.* Иркутск : Изд-во Иркутского университета, 1990. 168 с.

21 Оксенов А. В. *Сношения Новгорода Великого с Югорской землей (историко-географический очерк по древней истории Сибири) // Литературный сборник. Издание редакции «Восточного Обозрения».* Санкт-Петербург : Типография И.Н. Скороходова, 1885. С. 425–445.

22 Оксенов А. В. *Политические отношения Московского государства к Югорской земле // Журнал Министерства народного просвещения. Часть 273, январь.* Санкт-Петербург, 1891. С. 245–272.

23 Орехов П. М. *Бронзолитовое производство Прикамья в постананьинский период.* автореф. дис. канд. ист. наук... Ижевск, 2006. 24 с.

24 *Очерки по истории колонизации Севера и Сибири. Петрозаводск : Редакционно-издательский Комитет Народного Комиссариата Земледелия, 1922. Вып. 2. 136 с.*

25 Платонов С. Ф. *Прошлое Русского севера: Очерки по истории колонизации Поморья.* Берлин : Обелиск, 1924. 107 с.

26 Побережников И. В. *Северные территории Зауралья и Западной Сибири в составе Российской цивилизации: проблемы интеграции // Урало-Сибирский Север в развитии российской цивилизации: сборник научных статей.* Екатеринбург : Банк культурной информации, ИИИАУРО РАН, 2005. С. 3–36.

27 Побережников И. В. *Модели освоения Ямала (Ямал и канадский опыт XVI – начала XX вв.) // Ямал в XVII – начале XX вв.: социокультурное и хозяйственное развитие (документы и исследования).* Салехард-Екатеринбург : Банк культурной информации, 2006. С. 3–43.

28 Побережников И. В. *Ямал в конце XV – начале XX вв. (проблемы изучения) // История Ямала: дискуссии и научные решения.* Салехард-Екатеринбург : Банк культурной информации, 2006. С. 9–19

29 Пузанов В. Д. *Русские походы в Югру XI-XVI вв. // Вестник угроведения.* № 3(18). Ханты-Мансийск, 2014. С. 161–164.

30 Рыбина Е. А. *Археологические очерки истории новгородской торговли.* Москва, 1978. 164 с.

31 *Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г.Ф. Миллера / пер. и подгот. текста, предисл., коммент. А. Х. Элперта.* Екатеринбург : НППМ «Волот», 2006. 416 с.

32 Савельева Э. А. *Начальный этап древнерусской колонизации Европейского Северо-Востока // Историческое познание: традиции и новации.* Ч. 1. Ижевск, 1993. С. 28–31.

33 Соловьёв С. М. *История России с древнейших времён.* Том III. Москва, 1993. 768 с.

34 Федорова Н. В. *Западная Сибирь и мир средневековых цивилизаций: история взаимодействия на торговых путях // Археология, этнография и антропология Евразии* 4 (12). Тюмень : Изд-во ИПОС СО РАН, 2002. С. 91–101.

35 Хорошкевич А. Л. *Торговля Великого Новгорода в XIV-XV веках.* Москва, 1963. 368 с.

36 Чернышев С. А. *Присоединение Западной Сибири к русскому государству в XVI-XVII вв.: торгово-экономический аспект // Вестник Томского государственного университета.* 2013. № 370. С. 105–108.

37 Шишонко В. Н. *Пермская летопись с 1263-1881 г. Первый период с 1263-1613 г.* Пермь, 1884. 238 с.

38 Эткинд А. *Внутренняя колонизация. Имперский*

опыт России. Москва : Новое литературное образование, 2013. 448 с.

39 Armstrong P. *Foreigners, furs and faith: Moscow's expansion into Western Siberia 1581-1649. Ottawa, 1997 – 185 p.*

40 Martin J. *The Tiumen' khanate's encounters with Muscovy // Turco-Tatar past soviet present. Studies presented to Alexandre Bennigsen. Editions Peeters - Louvain-Paris, 1986. P. 80-87.*

УДК 070.04

**Л.А. Коханова,
г. Москва**

ПРЕССА КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. В данной статье речь идет о прессе как инструменте формирования образа Курганской области, что крайне важно для развития региона. Ее изучение является одним из фрагментов более широкого исследования СМИ регионов в проекте «Глазами молодых», которое ведется с 2000-х годов по настоящее время студентами факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. На примере Курганской областной общественно-политической газеты «Новый мир» показывается, каковы возможности прессы в позиционировании региона как «инвестпривлекательной области» и как «места для достойной жизни». Для анализа выбраны материалы культурологической и социальной направленности издания. Итоговая выборка за 2016-2018 годы – более 800 статей, что позволяет сделать обоснованные выводы.

Ключевые слова: пресса, региональная печать, областная общественно-политическая газета, интернет-ресурсы, тематики, «инвестпривлекательная область», «место для достойной жизни».

В последние годы региональная пресса все больше привлекает исследователей, причем молодых. Вызвано это, прежде всего, тем, что они хотят понять, как воспринимается согражданами нашей страны и далеко за ее пределами территория, где они живут. Они должны иметь четкое представление о том, какова ее история и перспективы, чтобы связать с ней свою судьбу. Соответственно, необходимо ответить более четко на вопрос: какую роль в формировании ее образа играют средства массовой информации.

Так, молодой исследователь из Чувашии Ирина Варламова считает, что **актуальность выбранной ею темы исследования** «обусловлена возрастом влияния нематериальных активов на повышение потенциала локальных территорий. Одним из таких активов является

целенаправленно создаваемый и внедряемый в общественное сознание при помощи средств массовой коммуникации образ территориально-пространства, конструирование которого подчинено решению конкретных социально-экономических задач» [2, с. 3].

Очевидно, что реализация этой потребности молодых исследователей послужила одним из поводов принять участие в конкурсе «Россия молодая», который в начале 2000-х годов организовывала пресс-служба Совета Федерации. Позже это переросло в самостоятельное исследование региональных СМИ «Глазами молодых», в котором принимали участие как студенты факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, так и его Филиала в городе Севастополе.

Они в рамках учебных занятий по профильным дисциплинам довели собранный в течение шестнадцати лет материал до публикации – это пресса 85 регионов России, выступив их соавторами и редакторами целевого номера журнала «Идеи и новации» (2016, №2 (5)). Предваряя этот номер, член комитета по науке, образованию и культуре Совета Федерации Г.А. Савинов в своей статье в качестве выпускающего редактора написал: «Но мне бы хотелось, чтобы, знакомясь с публикациями этого номера журнала «Идеи и новации», читатель обратил внимание как минимум на два его инновационного преимущества: первое – основа исследования – публикации молодых журналистов; второе – анализировали их творчество молодые будущие журналисты» [4, с. 5].

Казалось бы, точка поставлена. Но интерес, как оказалось, не ослаб к этой теме уже в рамках модуля «Журналистика печатных СМИ» по курсу «Современная газетно-журнальная периодика России». Будущие журналисты уверены в том, что СМИ играют одну из ведущих ролей в формировании образа территории. Поэтому проект «Глазами молодых» получил свое продолжение. По мнению его участников, это объясняется тем, что они «выступают не только субъектом этого процесса, но и средством реализации информационно-коммуникативной политики, инструментом имплантации в массовое сознание тех или иных представлений» [2, с. 3].

По результатам своего исследования Динара Аблехарова, 3 курс, пишет: «У тех, кто населяет тот или иной край, просто обязательно должно быть благоприятное о нем представление. Это родной край для тех, кто живет там. Это одна из главных задач, которую должны решать местные СМИ. Другой вопрос: решают ли? Делают ли это целенаправленно или от случая к случаю?».

Суммируя высказывания студентов по этому поводу, можно увидеть, что их явно не устраивает, что до сих пор недостаточно выявлена специфика участия средств массовой информации

в процессе создания и кристаллизации территориальных образов. Они, собирая литературу по данному вопросу, приходят к выводу, что по-прежнему это малоисследованная тема. Одной из недавно изданных работ можно назвать лишь коллективную монографию «Газеты средних и малых городов России в 2010-х гг. Контент-аналитическое исследование» [2].

К сожалению, количество изданий, которые в ней представлены, невелико. Практически неизученным остается и образ Курганской области, СМИ которого не попали в число исследуемых изданий. Вместе с тем интерес к этому региону проявился у студенческой аудитории. В данном случае предпринятое исследование будущих журналистов можно рассматривать лишь только как заявку на комплексный научный анализ.

Работа по данной теме шла в течение последних трех лет. В ней приняли участие более пятнадцати студентов, которые попытались «представить живой облик этих изданий, познакомиться с историей газет, их конкретным содержанием и оформлением, выделить какие-то специфические черты, связанные с особенностями региона, его инфраструктуры и особенностями стиля журналистов именно данного издания» [2, с. 104].

Обобщение собранных материалов взяла на себя Алена Руснак, 4 курс, которая, как и на первом этапе исследования, выполняла редакторские функции. На основании коллективно собранной и проанализированной информации она утверждает, что Курганская область имеет достаточное количество изданий, которые в определенной степени формируют ее образ. Это, прежде всего, Курганская областная общественно-политическая газета «Новый мир», которая раньше называлась «Советская Зауралье». Она выходит параллельно с областной «Субботней газетой».

К тому же сохранила свои позиции районная печать. Это Шатровская газета «Сельская новь», Кетовская районная газета «Собеседник», в Каргапольском районе выходит газета «Голос целинника» и др. Судя по собранному студентами материалу, это одна из областей, где пресса продолжает активно развиваться. Она востребована своей аудиторией.

Молодые исследователи также показали, что периодика Курганской области интегрирована в глобальное информационное пространство. Благодаря онлайн-версии газеты «Новый мир» стало возможным собрать этот материал и конкретно исследовать ее предметно-содержательную модель, выявить основные тематики, которые она целенаправленно разрабатывает.

Помимо этого, судя по ряду интернет-ресурсов, это дает им возможность наращивать посещаемость своих информационных ресурсов и активнее транслировать новости о событиях в области. Причем это как онлайн-версии традиционных

газет как «Новый мир», так и самостоятельные сетевые медиа, как, например интернет-телеканал «Zauralonline». Причем этот ресурс ведет специальные социально значимые проекты. Одним из них является телепроект «День радости».

Поэтому вполне правомерно студентами был сделан вывод, что благодаря новым коммуникативным возможностям местные средства массовой информации способны позиционировать область далеко за ее пределами. По их мнению, этому могло бы содействовать и телевидение, представленное в области ГТРК «Курган» и «ТВ-24 Канал». Но оно в региональных блоках больше ориентировано на внутреннюю аудиторию и соответственно формирует свое видение области для внутреннего потребления, что тоже далеко не так плохо.

Большой интерес у будущих журналистов вызвало появление новых технологических возможностей у прессы, онлайн-версий традиционных изданий, а также создание самостоятельных интернет-ресурсов. Они считают, что именно СМИ, отвечающие современным требованиям, вносят существенный вклад в конструирование образа Курганской области, который сегодня вполне можно назвать ее своеобразным «идентификационным паспортом».

В этом убеждает эмпирическая база, собранная на основании общепринятых социологических процедур. Выборка сделана в основном по газете «Новый мир», которая имеет свою онлайн-версию. Это и позволило молодым исследователям собрать и проанализировать собранные материалы. Она представлена более чем 200 статьями за 2016–2018 годы ежегодно. Итоговая выборка за три года – более 800 статей. В соответствии с ней можно утверждать, что сформированный на сегодняшний момент образ только одной ведущей газетой Курганской области – это «следствие отображения комплекса абсолютных факторов, сложившихся в результате филогенеза (как то: географические и климатические характеристики, ресурсный потенциал, развитость инфраструктуры, социально-экономическая, политическая ситуация и т. д.), а также релятивных (базирующихся на результативности информационной политики, направленной на благоприятное позиционирование территории в зеркале масс-медиа)» [2, с. 4-5].

Диапазон тематики, представленной данной газетой, достаточно широк. Так, публикацию ее политических и экономических новостей можно рассматривать в качестве важнейшего инструмента формирования образа данной территории. Но, сведя воедино эти материалы, выяснилось, что более значимой по количеству оказалась подборка материалов культурологической, социальной направленности.

Именно в них студенты увидели преодоление стереотипа периферийности в региональной печатной

ти. Они посчитали, что эти тематики необходимы для формирования у населения представлений о престиже проживания в данной области. В этом случае они ориентировались на утверждение И.В. Варламовой, «что ощущение социальной принадлежности к статусной территории, занимающей ведущие позиции, завоевавшей признание и хорошую репутацию в России и за рубежом, способствует росту национального самосознания, гордости, благоприятно сказывается на самоуважении и мироощущении жителей» [2, с. 23].

Анализ представленных в выборке материалов позволяет утверждать, что конструирование социально привлекательного образа Курганской области в них идет в контексте сглаживания бытовавшего представления о территории как о малоизвестной российской глубинке. Судя по публикациям, видно, что журналисты стараются упрочить репутацию края за счет своей особой, крайне значимой роли в общественно-экономической и культурной жизни страны, прежде всего, благодаря тем людям, которые составляют его гордость. Поэтому они пишут об именитых зауральцах, таких как хлебороб Терентий Мальцев, врач Гавриил Илизаров, скульптор Шадра и др.

Например, один из таких материалов «Первые научные опыты Гавриил Илизаров провёл в селе Долговка» опубликован как в печатной, так и в онлайн-версии газеты («Новый мир», 20 января, 2017). Это, безусловно, расширяет читательскую аудиторию. Причем в онлайн-варианте дается текст в большем объеме, чем в печатном выпуске.

К чести этого издания следует сказать, что журналисты, работающие в нем, достаточно много пишут и о рядовых жителях города и области. Одним из таких примеров можно считать публикацию «В Курганской области живет самый молодой травник России» («Новый мир», 2 ноября, 2017). В ней идет речь о Дмитрии Юровском, который, несмотря на достаточно молодой возраст, приобрел большой опыт в применении трав и стал известен не только в стране, но и за рубежом. Сейчас он, – пишет газета, – «проводит лектории по теме «Лекарственные травы Зауралья» в библиотеке имени В. Маяковского - знакомит всех желающих с разнообразием лекарственных растений Курганской области и особенностями их применения».

Продолжая знакомить с земляками, журналист Т. Маковеева в своем материале «Увлечение, помогающее жить» рассказывает о жителе Кургана Александре Зырянове, который, уйдя на пенсию, настолько увлекся историей своего края, что написал уже шесть книг. В их числе «История Южного Зауралья в произведениях художественной литературы», «Страницы истории. Знатные земляки. По произведениям документальной прозы», «Курган. Исторические хроники» и др. («Новый мир», 3 февраля, 2017).

Об уникальном, не имеющем аналогов в других регионах проекте «Детям о Кургане» пишет корреспондент Н. Богомякова («Новый мир», 9 июля, 2016). Она акцентирует внимание на том, что значимые дела объединяют людей. Задуманный в 2011 году в стенах городской библиотеки имени Маяковского новый уникальный проект по созданию для детей в рамках муниципальной программы «Любимый город» написанных доступным языком и красочно иллюстрированных изданий собрал хорошую команду. В итоге в серии вышло девять книг. Среди них «Царево городище. Легенда о Царевом кургане», «Город во время войны», «Великий хлебороб» и «Доктор с орденом Улыбки» и др.

Интерес к истории Кургана и области в целом явно виден во многих публикациях газеты «Новый мир». Поэтому вполне закономерным стало появление 35 в стране - Курганского регионального отделения Российского исторического общества. В интервью журналисту М. Перовой о планах, которые оно собирается реализовать, рассказывает его председатель, декан исторического факультета Курганского госуниверситета Денис Маслюженко. Одним из важных проектов, по его мнению, должна стать реконструкция исторически достоверного облика слободы Царево Городище («Новый мир», 11 октября, 2016)

Очевидно, что это уже становится еще одним из реальных дел, которое объединяет вокруг себя увлеченных историей своего края горожан. Но это значимо и для газеты «Новый мир», которая пополняет ряды преданных ей читателей. Так, один из экспертов совета конкурса «10 лучших газет России-2016» Н. Скворцова пишет: «Людей самых разных возрастов, например, объединяют интересы, связанные с историей своей малой родины. Эта читательская группа местной прессы, пожалуй, самая многочисленная. Уходят в прошлое наукообразные публикации, подготовленные квалифицированными специалистами из музеев и архивов. Потому что, помимо верности историческим фактам, материалы эти должны быть занимательными, увлекать аудиторию, научить ее радоваться своим малым открытиям, создавать мосты во времени и даже пространстве» [5, с. 41].

Это собственно и реализуется на практике газета «Новый мир». Сведя воедино все тематики, которые она разрабатывает, можно утверждать, что в большей степени конструированию современного образа Курганской области способствуют публикации, в которых территория преподносится как «инвестпривлекательная область» и как «место для достойной жизни».

Молодые исследователи, работающие по данной теме, считают, что такие тематики достаточно полно представлены даже в рамках обозначенной ими выборки. В качестве примера они приводят корреспонденции «В Кургане замахну-

лись на парк достижений предприятий региона» («Новый мир», 7 ноября, 2017); «Зауральский экскурсионный маршрут стал «Маршрутом года» («Новый мир», 19 ноября, 2016); «В Кургане развивается «Социальный туризм» («Новый мир», 23 декабря, 2016). Также можно назвать статьи В. Седанова «Каргапольский пролог с продолжением. Навстречу Шадринскому инвестиционному форуму» («Новый мир», 17 июня, 2016), Д. Багаевой «Курганской области есть что показать» («Новый мир», 19 октября, 2016) и др.

Как видим, идея о превращении Курганской области в культурно-туристический центр региона явно выражена в большинстве публикаций, которые оказались в выборке. Направление развития туристической индустрии – пресса отзеркаливает эту ситуацию, тем самым она способствует формированию представлений об инвестиционной привлекательности территории. По мнению эксперта совета конкурса «10 лучших газет России-2016» М. Базуновой, краеведение – это своеобразная визитная карточка города. Она пишет: «Сюда можно отнести проекты и конкурсы о малоизвестных фактах родного города и села, его туристическом потенциале» [1, с. 29].

Анализ деятельности газеты показывает, что она идет по этому пути, рассказывая на своих страницах о новых проектах, конкурсах и других начинаниях горожан. Они в немалой степени способствуют развитию социальной и культурной сферы Курганской области, что уже само по себе является основой основ инвестиционных туристических проектов. Для того, чтобы туристический потенциал области реализовался, она должна стать территорией для жизни. Этот акцент явно виден во многих публикациях газеты «Новый мир». Это корреспонденция Т. Юговой «Любимый город»: итоги и перспективы» («Новый мир», 2 февраля, 2017), лид которой «Наше преимущество – это люди» четко определяет ее суть. Об этом же говорят и другие публикации, такие как «Власти Кургана хотят превратить город в «цветущую столицу» («Новый мир», 30 мая, 2017); «В Кургане появилось новое место для прогулок» («Новый мир», 24 октября, 2016) и др.

Эта концептуальная идея наиболее четко выражена в корреспонденции «Город для жизни» («Новый мир», 14 апреля, 2016). В ней идет речь о том, что в Кургане впервые прошел форум городских сообществ. Газета пишет: «Это масштабное и абсолютно новое для столицы Зауралья событие было призвано объединить общественность, муниципальные власти и бизнес-сообщество ради одной цели – процветания и развития города, в котором мы живем. Девиз мероприятия так и звучал: «Курган – город для жизни».

На завершающей стадии работы студенты пришли к выводу, который полностью корреспондирует с выводами их старших коллег. Авторы коллективной монографии пишут: «Иссле-

дование показало, что газеты средних и малых городов – крайне необходимое и важное звено местной печати, единственный источник информации о жизни города и района, помощник в решении насущных проблем горожан, посредник и коммуникатор связи жителей с властями и между собой» [3, с. 104].

Однако, по мнению начинающих исследователей, существенные изменения уже явно видны в информационной среде Курганской области. Все больший вес в позиционировании области начинают играть интернет-ресурсы. Так, городской портал «Мой Курган» в партнерстве ООО «Архстройпроект» выступают главными организаторами курганских урбанистических форумов. Интернет-ресурс «Zauralonline» и Туристский информационный центр области активно работают над интернет-проектом «Добро пожаловать в Зауралье» («Новый мир», 19 октября, 2016).

Тем самым, можно утверждать, что именно появление новых технологических возможностей в сочетании с традиционными подходами печатной прессы формируют образ Курганской области. Свою репутацию она создает на основе представления о ней как о территории, крайне значимой в общественно-экономической и культурной жизни страны, прежде всего, благодаря тем людям, которые составляют его гордость. Это не только именитые земляки, но и обычные жители области.

К тому же, благодаря усилиям журналистов в информационной сфере этот регион воспринимается как «инвестпривлекательная область» и как «место для достойной жизни» («Курган – город, где хочется жить»).

Однако, как считают студенты, видно, что средства массовой информации скорее по интуиции, чем планомерно занимаются формированием образа своего края. Они осознают, что «уважение к прошлому – залог будущего», декларируя этот слоган в ряде своих публикаций. Но целенаправленная работа СМИ в этом направлении во многом бы способствовала развитию Курганской области, помогала бы более четко определить ее перспективы.

Список литературы

- 1 Базунова М. «Шоу должно продолжаться» или Как удержать читателя // Журналистика и медиарынок. 2017. № 8. С. 29.
- 2 Варламова И. В. Формирование современного образа республики средствами массовой информации Чувашии : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2015. 30 с.
- 3 Газеты средних и малых городов России в 2010-х гг. Контент-аналитическое исследование. Москва : Ф-т журн. МГУ, 2016. 280 с.
- 4 Савинов Г. А. Региональная пресса в номинациях исследователей (2000-е–2016 гг.) // Идеи и новации. 2016. № 2 (5). С. 5.
- 5 Скворцова Н. Моя газета // Журналистика и медиарынок. 2017. № 8. С. 41.

РАЗДЕЛ I. РОССИЙСКАЯ ПРОВИНЦИЯ В ПАНОРАМЕ ВЕКОВ

УДК 39

Ю.Б. Сериков,
г. Нижний Тагил

АБРАЗИВЫ В КУЛЬТУРНОЙ ПРАКТИКЕ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ КЛАДОВ И ПОГРЕБЕНИЙ)

Аннотация. Абразивы – обычные и распространенные предметы хозяйственной деятельности занимают особое место в культурной практике древнего населения. Это доказываются фактами их помещения в клады и погребения. Набор предметов в кладах и погребениях не может быть случайным. Каждый предмет отражал определенную деталь мифологической картины мира. В культуре народов Евразии абразивы (точила) использовались для лечения. В свадебной обрядности точило выступает в качестве выкупа за невесту. В скандинавской мифологии Тор был поражен обломком точила. В ритуальной практике главной функцией абразивов является их огненная природа. Это связывает их с культом «небесного огня», который кроме воспроизводящей функции обладал и охранительной.

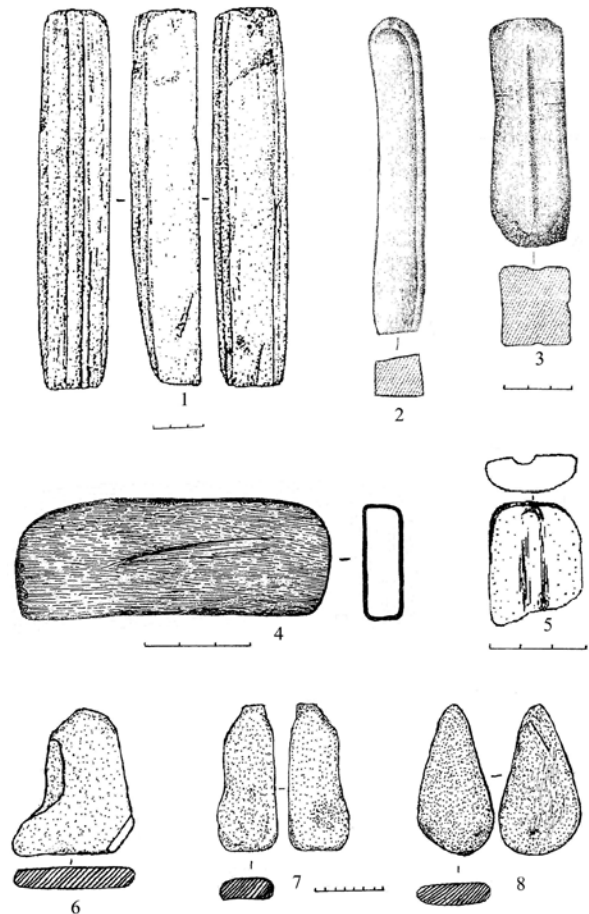
Ключевые слова: абразив, клад, погребение, святилище, семантика.

Абразив – твердое мелкозернистое вещество, применяемое для шлифовки, полировки, заточки. Казалось бы обычный и распространенный предмет хозяйственной деятельности. Однако анализ местонахождений абразивов показывает гораздо более сложную систему их использования и, соответственно, значения. Это доказывают факты их помещения в клады и погребения.

Клады до сих пор являются одним из самых загадочных видов археологических источников. Большая их часть обнаружена случайно. Исследователи по-разному интерпретируют и классифицируют клады: «клады-сокровища», «клады литейщика», «торговые клады», «ранцевый набор», «культурные клады», «вотивные клады» и т. д. [9, с. 7-8]. Причины сокрытия кладов у разных народов и в разные эпохи, по всей видимости, были различны. В настоящее время клады делят на «возвратные», которые считались сокровищем и закапывались с целью сохранения, и «безвозвратные» («культурные»), которые являлись жертвами (приношениями). Анализ топографии и условий залегания выявленных кладов вполне обоснованно позволяет считать их жерт-

венными комплексами, которые являлись культурными маркерами и охранителями на границе освоенного и неосвоенного пространства [23, с. 26-27].

На территории Урала известен только один абразив в составе клада. Найден клад при застройке дачного участка на территории г. Миасс (Челябинская обл.). Следов культурного слоя в месте находки клада не выявлено. В его состав входят восемь топоров, два тесла, два нуклеуса и состоящий из двух частей абразив (рисунок 1, 1). Абразивы имеют прямоугольную с закругленными углами форму длиной 21 см и шириной 4 см. На внутренней стороне каждой части расположен продольный неглубокий желобок по всей длине абразива, при складывании образующий округлое сечение. Абразив такой формы в археологии каменного века Урала встречен впервые [15, с. 153]. По типам орудий клад датируется эпохой неолита-энеолита.

1 – клад в Миассе; 2, 3 – клад на острове Сергушкин;
4 – Волосовский клад; 5 – клад на стоянке Большой
Эльгахчан I; 6–8 – клад с поселения Дюнное-5
Рисунок 1 – Абразивы из кладов каменного века

На других территориях также известны находки абразивов в кладах. На стоянке Большой

Эльгахчан I (Магаданская обл.) найден клад из 168 изделий (наконечники дротиков, стрел, скребки, пилки, резец, нож, боковые и торцевые вкладыши, микропластинки и два бронзовых изделия). Клад датирован поздним неолитом, в комплексах которого изредка встречаются изделия из бронзы. В состав клада входил и обломок желобчатого абразива из мелкозернистого песчаника, использовавшийся для шлифовки дротиков стрел.

Обломок абразива имеет подпрямоугольную форму. Сохранившийся конец изделия имеет закругленные края. Длина сохранившейся части – 3,7 см, ширина – 2,8 см, толщина – 11 см. Посередине абразива вдоль его продольной оси проходит желобок диаметром 0,7 см. По всей вероятности, должна была быть и вторая половинка абразива, аналогичная абразиву с клада из Миасса [6, с. 63].

Два абразива происходят из неолитического клада, найденного на острове Сергушкин (Ангара, Красноярский край). Кроме двух абразивных брусков в кладах находились три долотовидных тесла и «янусовидная» рыбка. Один из абразивов находился под каменной рыбкой, которая перекрывала его сверху. Брусочек изготовлен из мелкозернистого песчаника, имеет вытянутую подпрямоугольную форму квадратного сечения и размеры – 14 × 2,1 × 1,9 см (рисунок 1, 2). На всех четырех гранях бруска присутствуют следы сработанности. На двух гранях наблюдается вогнутость, образованная, по мнению автора раскопок, в процессе шлифовки абразивом боковых сторон «тела» рыбки. При наложении одной из вогнутых сторон абразивного бруска на боковые обводы «тела» рыбки наблюдается полная совместимость.

Второй брусок меньшего размера (10,1 × 3,1 × 3,4 см) также имеет подпрямоугольную форму и квадратное сечение (рисунок 1, 3). На трех из четырех боковых гранях бруска фиксируются неглубокие продольные желобки. Изготовлен абразив из крупнозернистого песчаника [19, с. 151].

Два клада каменных изделий, в состав которых входили и абразивы, обнаружены в Ростовской области. Один из них найден на поселении Дюнное-5 у станции Старочеркасской. Состоял клад из 42 изделий, среди которых находились сверленный каменный молот, два массивных песта, кремневый отжимник, 35 заготовок кремневых наконечников и три абразива [4, с. 46–49.]

Абразивы изготовлены из плоских плиток разнообразной формы: сапожковидной, бутылкообразной и каплевидной (рисунок 1, 6–8). Размеры абразивов авторы не приводят, но обращают внимание на различную степень шероховатости их поверхности – от очень гладкой и плотной, до рыхлой и крупнозернистой. Они считают, что абразивы приготовлены для разных стадий обработки каменных изделий. Клад дати-

руется эпохой раннего металла [4, с. 47].

Второй клад раннего металла найден на поселении «Мартышкина Балка» у пос. Овощной. В нем находилось 26 наконечников дротиков, утюжок из талька с вырезанной литейной формой тесла, кусочек талька со следами шлифовки и абразив. Такая уникальная находка как утюжок с литейной формой, видимо, затмила собой все остальные. Об абразиве можно узнать только то, что он изготовлен на плоской продолговатой гальке мелкозернистого песчаника [5, с. 103]. Ни размеров, ни рисунка абразива авторы не приводят.

Имеется абразив и в составе знаменитого Волосовского клада эпохи энеолита (Владимирская обл.). Клад из 118 изделий был найден в 1910 году при необычных обстоятельствах [26, с. 5]. Абразив прямоугольного сечения имеет подпрямоугольную форму с закругленными углами. Его размеры – 8,8 × 3,2 × 1,0 см. На одной из плоскостей имеется неглубокая выемка, возникшая от заточки костяных или медных шильев (рисунок 1, 4). И.К. Цветкова допускает, что абразив вместе с обломками орудий, подвесок и керамики попал в клад при его засыпке. Она считала, что обломки изделий и, тем более, фрагменты керамики «едва ли нужно было хранить в земле вместе с ценными предметами» [26, с. 18]. Обстоятельства находки клада вполне позволяют сделать такое предположение. Но нужно учитывать и другие моменты. Во-первых, клады являются очень специфическим видом археологических источников. Во-вторых, необходимо помнить, что, исходя из принципа «часть вместо целого» в клады, как и в погребения, часто помещали и сломанные предметы, и отдельные фрагменты керамики. На культовой площадке памятника Шайтанское озеро II (Свердловская обл.) под каменной вымосткой вместе с двумя заготовками орудий были положены и восемь фрагментов керамики [22, с. 154].

В хронологических рамках позднего мезолита – раннего неолита датируется клад на многослойном памятнике Баранова гора (Тверская обл.). Клад представляет собой типичный «ранцевый набор» древнего охотника [24, с. 38–42]. Среди 47 кремневых изделий (нуклеусы, скребок, резец, пластины, отщепы) находился абразив из ожелезнённого песчаника. Размеры не указаны, рисунок отсутствует [25, с. 196–204].

Таким образом, на громадной территории от Чукотки до Тверской области из 130 кладов каменных изделий абразивы присутствовали только в семи. Из одиннадцати абразивов, найденных в кладах, только один представлен обломком (с Большого Эльгахчана I), все остальные – целые. Клады с абразивами датируются в основном неолитом – энеолитом.

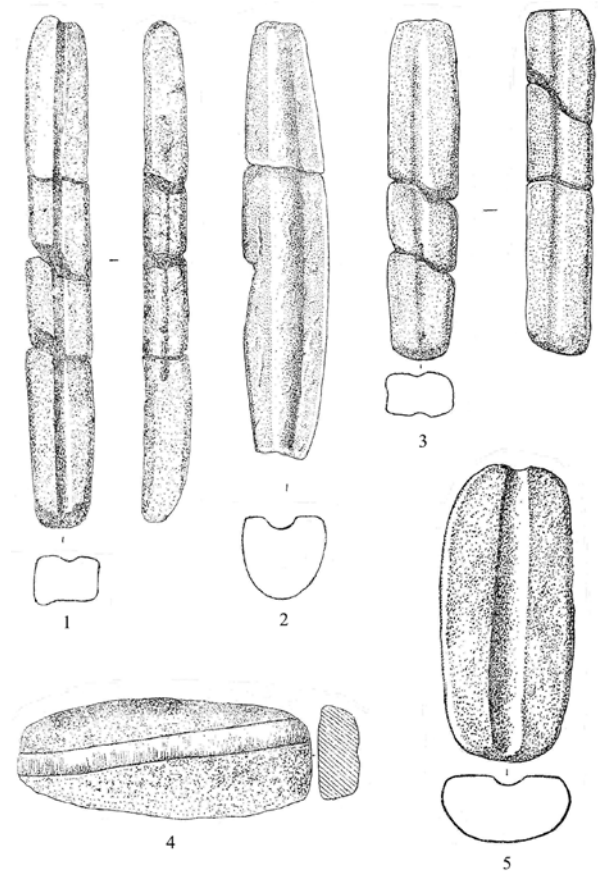
С погребениями картина совсем другая.

В погребениях неолита – энеолита абразивы встречаются гораздо чаще, чем в кладах [7, с. 302–304; 1, с. 102–103; 16, с. 37, 43, 50, 134–135; 17, с. 33, 127, 146, 149, 158; 18, с. 59, 72, 138; 28, с. 185; 2, с. 8; 8, с. 35, 39; 14, с. 33, 36–37, 74, 86, 92; 21, с. 37; 3, с. 9, 19, 44; 11, с. 20; 27, с. 55–63; 13, с. 54]. Количество абразивов в погребениях сильно варьирует. Обычно в погребениях присутствуют по одному абразиву. Но известны погребения с двумя, тремя, пятью и даже двенадцатью абразивами [27, с. 63–66].

Встречаются в погребениях и абразивы с желобками для шлифовки древков стрел. Все они происходят из погребений реки Ангары. В богатом погребении № 10 могильника Циклодром («Локомотив») найдено, по крайней мере, три абразива с желобками [16, с. 43; табл. 16] (рисунок 2, 4). К сожалению, все иллюстрации в книгах А.П. Окладникова 1974–1976 годов выполнены без масштаба, а размеры изделий в тексте указываются не всегда. Упоминается о находке «разбитого точила из песчаника с желобком» в первом погребении этого же могильника [16, с. 37]. Целый абразив с желобком находился в первом погребении Китайского могильника [16, с. 50; табл. 55, 4] (рисунок 2, 5). Абразив с желобком посередине, состоящий из двух половинок (по А.П. Окладникову – выпрямитель древков стрел) происходит из погребения № 6 Усть-Удинского могильника [17, с. 158; табл. 142, 4]. Интересно отметить, что каждая половинка абразива была расколота на две части. Внутренние желобки хорошо выражены. Абразив изготовлен из песчаника плохой сохранности. Длина орудия – 14,5 см, ширина обеих половинок – 4,5 см (рисунок 2, 2). Аналогичные абразивы с желобками из двух половинок (две пары) залегали в погребении № 18 Серовского могильника [18, с. 72; табл. 99, 9–12]. Размеры абразивов не указаны. Как и в Усть-Удинском могильнике все абразивы были разбиты на части. Обе половинки меньшего абразива были расколоты на три части каждая (рисунок 2, 3). А обе половинки длинного абразива были разбиты на четыре части каждая. Причем отколотые концы абразивов оказались в два раза длиннее обломков средних частей (рисунок 2, 1).

Необходимо отметить, что абразивы с желобками находились в элитных погребениях лиц высокого социального статуса, которые выделялись количеством и необычностью находок. Например, в десятом погребении могильника Циклодром находилось 70 изделий из камня, кости, рога, перламутра. Среди них следует отметить два скульптурных изображения из рога голося и рыбы, две скульптуры рыбы из белого мрамора, а также подвески и бусы [16, с. 42–44; табл. 15–23]. Таким же богатым и нестандартным был погребальный инвентарь из шестой могилы Усть-Удинского могильника (около 50

предметов). Уникальными находками являются две антропоморфные скульптуры длиной около 13 см, вырезанные из бивня мамонта [17, с. 158–159; табл. 142]. Больше сотни предметов найдено в погребении № 18 Серовского могильника. Только бусин из перламутра было около 90 экз. Значимыми изделиями являлись бронзовый кинжал и четыре бронзовых кольца [18, с. 72–75; табл. 92–101]. Менее богатым было первое погребение Китайского могильника. Погребальный инвентарь состоял из 50 предметов, наибольшую ценность из которых составляли костяные орнаментированные браслеты, изделия из нефрита и украшения [16, с. 50; табл. 52–55].

1, 3 – Серовский могильник, погребение № 18; 2 – Усть-Удинский могильник, погребение № 6; 4 – могильник Циклодром, погребение № 10; 5 – Китайский могильник, погребение № 1
Рисунок 2 – Абразивы с желобком из погребений р. Ангары

Очень часто абразивы в погребениях представлены обломками. В некоторых случаях обломки собираются в целые изделия. Кроме уже упомянутых примеров можно добавить еще один. Во втором, самом богатом погребении энеолитического могильника Большой Салым 4 находился абразив из мелкозернистой породы. Он представлен восемью фрагментами длиной от 1,1 см до 4,6 см. Четыре обломка интенсивно окрашены охрой в светло-красный цвет. Все восемь фрагментов склеились в один кусок длиной до 11,2 см [10, с. 512–513].

Следует добавить, что абразивы (точильные камни и шлифовальные плиты) очень часто присутствуют и на святилищах. Любопытная аналогия абразиву с Большого Салыма 4 выявлена на скальном святилище Шайтанского озера – Шайтанском шихане. В северо-восточной части святилища недалеко от энеолитического погребения в щели между валунами найдено семь крупных и восемь мелких обломков двусторонней шлифовальной плиты из известняка. Все фрагменты склеились между собой в большой кусок размером 38 × 30 см. На культовом памятнике Среднего Зауралья Усть-Вагильский холм найдено свыше 400 абразивов. На святилище Голый Камень, расположенном на вершине горы, 31 плитка использовалась для заточки металлических ножей. В пещерном святилище «Пещера Туристов» кроме 24 плиток для заточки металлических ножей найдено и два оселка с отверстиями для подвешивания. В культовом энеолитическом центре Шайтанское озеро I в качестве абразивов использовались 49 точильных камней и 66 шлифовальных плит из гранодиорита. Приведенные примеры свидетельствуют, что абразивы помещались в разные типы древних святилищ: в пещерах, на шиханах, на вершинах гор, в культовых центрах.

Набор предметов в кладах и погребениях не может быть случайным. Каждый предмет отражал определенную деталь мифологической картины мира. К сожалению, семантическое значение обычных предметов «профанного мира» является практически не разработанной проблемой в археологии [12, с. 155–164].

В культуре народов Евразии точильные камни (абразивы) занимают знаковое место. В лечебной практике коми вода, пропущенная через сито с точильным камнем, приобретает особую силу. В свадебной обрядности точило выступает в качестве выкупа за невесту. В песнях-сказках коми развитие сюжета начинается с точила и им же заканчивается. В этнографическом контексте роль точильного камня связана с идеей символического жертвоприношения. В скандинавской мифологии Тор был поражен обломком точила. А от другого обломка произошли все кремневые горы Скандинавии. В ритуальной практике главной функцией абразивов является их огненная природа, т. е. способность высекать огонь. Это связывает их с культом «небесного огня», который кроме воспроизводящей функции обладал и охранительной. Видимо, поэтому у ненцев и коми абразивы с отверстиями (оселки) служили в качестве оберегов [20, с. 155–156].

Поломка вещей является наиболее распространенным способом маркировки мира мертвых. Именно поэтому в древних погребениях практически всегда присутствуют сломанные изделия. Помещение в могилу намеренно разрушенных предметов в древности связано с пред-

ставлениями, что в другом мире эти предметы станут целыми. Касается это и абразивов, что хорошо показано приведенными фактами.

Список литературы

- 1 Бородкин Ю. М. Материалы неолитического погребения у с. Васьково // Изв. Лаборатории археологических исследований. Кемерово : КГПУ, Кемер.ГУ, 1967. Вып. 1. С. 101–107.
- 2 Горюнова О. И. Серовские погребения Приольхонья. Новосибирск : Изд-во ИАЭ СО РАН, 1997. 112 с.
- 3 Горюнова О. И., Новиков А. Г., Зяблин Л. П., Смотрова В. Н. Древние погребения могильника Улярба на Байкале (неолит – палеометалл). Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2004. 88 с.
- 4 Гудименко И. В., Дмитренко М. В. Клад кремневых и каменных изделий эпохи бронзы на территории поселения «Дюнное-5» у станицы Старочеркасская // Археологические записки. Ростов – на – Дону : Донское археологическое общество, 2009. Вып. 6. С. 46–49.
- 5 Гудименко И. В., Кияшко В. Я. Оригинальная литейная форма палеометаллической эпохи // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1994 г. Азов : Азовский краеведческий музей, 1997. Вып. 14. С. 102–112.
- 6 Дикова М. А. Клады Чукотки и сопредельных территорий (каменный век) // Ученые записки Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии. Общественные науки. Нижний Тагил : НТГСПА, 2009. С. 61–71.
- 7 Дульзон А. П. Томский неолитический могильник // Учен. зап. Том. гос. пед. ин-та. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1957. Т. 17. С. 297–323.
- 8 Кирюшин Ю. Ф., Кунгурова Н. Ю., Кадиков Б. Х. Древнейшие могильники северных предгорий Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2000. 117 с.
- 9 Клады: состав, хронология, интерпретация // Материалы тематической научной конференции. Санкт-Петербург : СПбГУ, 2002. 252 с.
- 10 Коноваленко М. В., Балужева Ю. В., Сериков Ю. Б. Энеолитические погребения на р. Большой Салым // V (XXI) Всероссийский съезд : сборник научных трудов. Барнаул : Алтайский государственный университет (Барнаул), 2017. С. 512–513.
- 11 Кунгурова Н. Ю. Могильник Солонцы-5. Культура погребенных неолита Алтая. Барнаул : Барнаулский юрид. ин-ут МВД России, 2005. 128 с.
- 12 Лбова Л. В., Жамбалтарова Е. Д., Конев В. П. Погребальные комплексы неолита – раннего бронзового века Забайкалья. Новосибирск : Изд-во ИАЭ СО РАН, 2008. 248 с.
- 13 Матвеев А. В., Матвеева Н. П., Сериков Ю. Б., Скочина С. Н. Культурные памятники эпохи неолита. Тюмень : Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2015. 156 с.
- 14 Молодин В. И. Памятник Сопка-2 на реке Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла). Новосибирск : Изд-во ИАЭ СО РАН, 2001. Т. 1. 128 с.
- 15 Мосин В. С., Зайцев И. А. Клад рубящих орудий с Южного Урала // РА. 2012. № 1. С. 152–154.
- 16 Окладников А. П. Неолитические памятники Ангары. Новосибирск : Наука, 1974. 320 с.
- 17 Окладников А. П. Неолитические памятники Средней Ангары. Новосибирск : Наука, 1975. 320 с.
- 18 Окладников А. П. Неолитические памятники Нижней Ангары. Новосибирск : Наука, 1976. 328 с.
- 19 Привалихин В. Клад каменных артефактов эпохи неолита стоянки и могильника Сергушкин-1, пункта «А» // Второй век подвижничества. Красноярск : КККМ, 2011. С. 150–160.
- 20 Семенов В. А. Мифологические минералы в традиционной культуре народов Европейского Севера // Археоминералогия и ранняя история минералогии : материалы Международного семинара. Сыктывкар : Геопринт, 2005. С. 155–156.

21 Сериков Ю. Б. Энеолитическое погребение с Шайтанского озера // Нижнетагильский государственный педагогический институт. Ученые записки. Общественные науки. Нижний Тагил : НТГПИ, 2002. Т. 2. Ч. 2. С. 35–50.

22 Сериков Ю. Б. Клады Шайтанского озера // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург; Сургут : Изд-во Магеллан, 2011. Вып. 26. С. 151–160.

23 Сериков Ю. Б. Сакральный аспект кладов каменных изделий на территории Урала // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2016. Вып. IX. С. 7–29.

24 Сериков Ю. Б. Ранцевые наборы охотников каменного века // XV Зырянские чтения : материалы Всероссийской научно-практической конференции. Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2017. С. 38–42.

25 Синецкая Г. В., Зарецкая Н. Е. О новой дате валдайской культуры // Тверской археологический сборник. Тверь: ТГОМ, 2002. С. 196–2002.

26 Цветкова И. К. Волосовский клад. Москва : Советская Россия, 1957. 36 с.

27 Чаиркина Н. М. Погребальные комплексы эпохи энеолита и раннего железного века Зауралья (по материалам погребально-культурной площадки Скворцовская гора V). Екатеринбург : УрО РАН, 2011. 224 с.

28 Шорин А. Ф. Энеолитическое погребение у поселка Дружный в Южном Зауралье // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев, 1982. С. 183–188.

хеологическими памятниками периода «сибирского взятия».

Отмечая географию похода, следует указать, что в 1581 (1582) году дружина Ермака выступила из вотчины купцов Строгоновых уральского Орла-городка. Двигаясь водным путем по рекам Чусовая и Серебрянка, она достигает, так называемого, Тагильского волока, где пришлось преодолеть небольшой участок пути по суше, и далее идти по рекам Тагил – Тура – Тобол – Иртыш. Недалеко от места слияния Тобола и Иртыша состоялось первое крупное сражение – битва у Чувашского (Потчувашского) мыса, где казаки смогли одержать убедительную победу над ханскими войсками. Этот успех позволил дружине Ермака без боя занять Кашлык (Искер) – главный город Сибирского ханства, где в дальнейшем казаки проживали около трех лет.

В свое время по описанному маршруту в XX столетии прошли многие научные экспедиции, стремившиеся выявить и изучить географические объекты, связанные с походом – места сражений, военные стоянки, взятые приступом крепости и прочее. Действительно, и в Восточном Урале, и в Сибири были выявлены некоторые археологические памятники, но ни один из них невозможно уверенно связать с пребыванием казачьей дружины. Единственным известным нам местом, сохранившим археологические материалы военного похода (которое, впрочем, никогда не выпадало из внимания любителей сибирской истории), является городище Искер, где на протяжении долгого времени проводились как спонтанные сборы находок, так и профессиональные раскопки. Значительная часть этих коллекций хранится в фондах Тобольского музея-заповедника [5].

Одним из первых, кто поставил задачу выделения разновременных материалов Искера был В.Н. Пигнатти, проводивший раскопки на памятнике в 1915 году, и примерно в это же время он занимался обработкой археологических коллекций городища, хранящихся в Тобольском губернском музее (консерватором которого он являлся). В своем докладе «Искер» (Кучумово городище) автор выделяет как минимум три разновременных комплекса: угорский, татарский и русский. Первый комплекс образуют вещи, которые по мнению В.Н. Пигнатти, убедительно свидетельствуют о том, что на памятнике проживали остяки (говоря современным языком, предки народа ханты) [11, с. 22]. Основную часть находок Искера им отнесены к «татарским» вещам. Кроме того, В. Н. Пигнатти выделяет небольшую коллекцию русских вещей, оставленную на памятнике в результате проживания здесь дружины Ермака. В сделанном им описании эта коллекция представлена «обломками (3) железного ружейного ствола; свинцовыми пулями (12) круглой, не всегда правильной формы и весом от

УДК 903

**И.В. Балюнов,
г. Тобольск**

«РУССКИЕ» ВЕЩИ С ГОРОДИЩА ИСКЕР

Аннотация. Изучение археологических материалов Искера позволяет выделить несколько групп вещей, которые могут указывать «русское» присутствие на городище. Это, прежде всего, предметы общераспространенных форм, которые в XVI в. бытовали как в Европе, так и в Сибири, так же это вещи явно русского производства, которые могли попасть в Искер как с казаками, так и в результате торговых отношений. Кроме того, это предметы, которые можно достаточно уверенно определить как свидетельства пребывания в Искере казаков и стрельцов.

Ключевые слова: Искер, археология, коллекции, русские вещи.

Важнейшим событием, определившим присоединение обширных территорий за Уралом к русскому государству, является поход дружины Ермака, и любые исторические свидетельства об этом событии представляют для нас исключительную ценность. И если письменные источники уже достаточно полно введены в научный оборот, то овеществленные данные в виде археологических находок еще продолжают выявляться и исследоваться. Подобная работа осуществляется с привязкой к географическим объектам, которые потенциально могут быть ар-

12 до 19 грм. каждая, при чем на некоторых из них ясно виден след пулелейки; куском свинца неправильной формы, весом 45 грм.; круглыми формами (2) из глины – для литья пуль; к перечисленному можно добавить медные пластины (16) разной величины и формы, которые, несомненно, представляют из себя остатки шлемов, – по моему мнению, русских, – также обрывки (7) железных кольчуг» [11, с. 27]. Несколько конкретизировать это описание может каталог коллекций находок на Искере, принадлежащий Тобольскому губернскому музею, составленный так же В.Н. Пигнатти. Здесь представлен достаточно подробный список вещей с их кратким описанием [12].

Заметно позднее к этой теме обращается В.А. Могильников, который в своей небольшой статье, в общем, солидарен с выводами В.Н. Пигнатти. Характеризуя проживание на Искера дружины Ермака, он вкратце повторяет уже названный список «русских» вещей, и делает небольшие дополнения. По его мнению, сюда же можно отнести железные обувные подковки и топоры [10, с. 117].

За последние годы исследования на Искере проводил тобольский археолог А.А. Адамов, который также ставил вопрос о выделении разновременных комплексов на городище. Использование при работе на памятнике металлодетектора позволило ему собрать в раскопе и на береговой осыпи представительную коллекцию вещей, явно русского производства: свинцовые пули, нательные кресты, монеты времен Ивана Грозного [2, с. 298-299]. По мнению исследователя, «московские» монеты участвовали в денежном обращении Сибирского ханства, а вместе с тем за Урал в большом количестве могли проникать и русские товары [1, с. 15].

В 2016 г. И.В. Балюновым был опубликован медный коньковый гребень, найденный на Искере, который, судя по известным аналогиям, является продуктом русского производства и может быть датирован второй половиной XVI века Базируясь на выводах, сделанных ранее А.А. Адамовым, стоит уточнить, что указанный гребень может являться как предметом русского импорта, так и вещью, принадлежавшей участнику похода Ермака [4, с. 152].

В 2017 году увидела свет монография «Город Сибирь – городище Искер (историко-археологическое исследование)», основные разделы которой были написаны уральским археологом А.П. Зыковым. Автор обобщил результаты своих раскопок на памятнике 1988 года и 1993 года, а также обратился к коллекциям с Искера, хранящимся в фондах Тобольского музея-заповедника. В культурном слое городища им выделяется так называемый 5-й строительный горизонт, который по его мнению, соотносится с периодом 1563-1585 годы,

т. е. время пребывания казаков в Искере [8, с. 69]. Говоря о находках предметов, связанных с русским огнестрельным оружием конца XVI века, А.П. Зыков пишет, что «они одни только и могут быть неоспоримым доказательством длительного пребывания здесь русского отряда казаков и стрельцов» [8, с. 75]. Кроме того, в тексте монографии можно найти указания, что, топоры [8, с. 105], ножницы [8, 124], ножи [8, с. 140] вполне могут быть вещами русского производства. Как предметы, которые, вероятно, были оставлены казаками на Искере, автор называет костяные игральные фишки [8, с. 273], торговые пломбы [8, с. 280], бусы [8, с. 339], овальнощитковые перстни-печатки [8, с. 347].

Кроме выше названных публикаций стоит упомянуть еще один важный источник. В 70-80-е годы XIX века вещи с Искера собирал и скупал тобольский художник М.С. Знаменский, с некоторыми оговорками можно сказать, что им была составлена первая археологическая коллекция, которая в дальнейшем была продана и оказалась в фондах Финляндского национального музея [5, с. 28]. В Тобольске же сохранился альбом археологических находок, многие из которых, судя по подписям, происходят с городища¹. Достоинством этих рисунков является то, что художник почти с фотографической точностью смог передать значительный пласт историко-культурного наследия Западной Сибири.

Обобщая материалы Искера, как опубликованные, так и хранящиеся в фондах Тобольского музея-заповедника, следует выделить несколько групп вещей, которые позволяют установить «русское» присутствие на городище. Первая группа – это предметы общераспространенных форм, которые в XVI веке бытовали как в Европе, так и в Сибири. Вторая группа – вещи явно русского производства, которые могли попасть в Искер как с казаками, так и в результате торговых отношений Московского государства и Сибирского ханства. Третья группа – предметы, которые можно достаточно уверенно определить как свидетельства пребывания в Искере казаков и стрельцов.

К первой группе следует отнести находки, которые не имеют яркой культурной и хронологической принадлежности, и с разной степенью вероятности могут принадлежать как коренным жителям Искера, так и казакам. К этой группе относятся некоторые предметы быта, например, наперстки, черешковые ножи, ножницы, плоские обувные подковки, точильные камни, навесные замки и ключи к ним, кресала, плоскообушные топоры, рыболовные крючки, а так же предметы вооружения – фрагменты кольчуг, некоторые

¹ Знаменский М. С. Прогулки по историческим окрестностям г. Тобольска. Альбом // Фонды ТИАМЗ. № ТМ-16782/1-21.

типы наконечников стрел. Предметы аналогичного облика имели широкое распространение в позднем Средневековье как на территории Западной Сибири, так и в Европейской России, более того, их использование продолжилось как минимум еще в XVII столетии [7, с. 85, 94-95]. Например, лук и стрелы находились на вооружении русских воинов длительное время, и очевидно, что они входили в боевой арсенал казаков Ермака [3, с. 66]

Отдельно стоит заметить, что согласно исследованиям А.В. Курбатова обувные подковки появились на Руси не ранее середины – второй половины XVI века вместе с новыми конструкциями обуви, заимствованными в Европе [9, с. 269]. Известные сибирские материалы, не противоречат этому тезису и здесь можно не согласиться с А.П. Зыковым, который писал, что эти находки «отражают весь трехсотлетний период существования татарского памятника» [8, с. 361]. Таким образом, во-первых, можно обоснованно утверждать, что найденные обувные подковки принадлежат к последним десятилетиям существования Искера, а во-вторых, они как прямо, так и косвенно свидетельствуют о русском влиянии.

В отдельную группу можно отнести вещи, которые имеют явно «русское происхождение». Очевидно, что сюда относятся находки серебряных и медных копеек времен Ивана Грозного. Значительное количество последних, а также наличие на некоторых экземплярах отверстий для подвешивания в качестве украшений (что характерно для женского костюма сибирских татар), свидетельствует о том, что монеты имели широкое распространение у местного населения задолго до прихода дружины Ермака [1, с. 15]. Следует подчеркнуть, что у Сибирского ханства своя денежная система была не развита, и, по понятным причинам, в ходу были в том числе русские деньги. К этой же группе следует отнести и пять предметов, которые А.П. Зыков определяет как русские торговые пломбы. Такое определение из-за отсутствия надежных аналогов находится в области научной дискуссии, но изображения и надписи на этих круглых бронзовых бляхах прямо свидетельствуют, что они были изготовлены в московских землях [8, с. 280].

Категорию личных вещей русского производства образуют находки нателных крестов и конькового гребня, бус молочно-белого глухого стекла, инкрустированные чередующимися вертикальными полосками красного и синего стекла. Серебряные овально щитковые перстни-печатки с гравированным рельефным изображением ростовых человеческих фигур, по предположению А.П. Зыкова, были принадлежностью русских служилых воинских людей – стрелецких пятидесятников, сотников, казачьих атаманов и т. п. [8, с. 347]. Еще одной личной вещью является

медный кружок с надписью, свидетельствующей о том, что эта вещь принадлежала князю Петру Ивановичу Шуйскому. Известный историк С.В. Бахрушин сделал предположение, что данный предмет является знаком с кольчуги, которая после смерти князя Шуйского, могла быть передана в качестве царского подарка атаману Ермаку [6, с. 171-172]. Если это так, тогда это единственный экспонат в фондах Тобольского музея, который непосредственно принадлежал когда-то главному герою «сибирского взятия».

Казаки, жившие в Искере, проводили свой досуг за играми, об этом свидетельствуют находки шахматной фигурки и игральные фишки. В свое время М.С. Знаменский полагал, что это развлечение было свойственно в мгновения безделья войнам хана Кучума [3, с. 9]. Известные аналоги шахматной фигурки из его альбома¹ принадлежат русским памятникам XVII века и вероятно, шахматы получили широкое распространение в Западной Сибири уже после похода Ермака [7, с. 99-100].

Еще одну отдельную группу образуют предметы снаряжения огнестрельного оружия. Основной массив письменных источников указывает на отсутствие у татарской рати «огненного боя», и, более того, это обстоятельство выступает как одна из главных причин военного успеха казаков. Единственным исключением является «История сибирская», написанная С.У. Ремезовым, где указано, что у ханского войска имелись в арсенале две пушки, якобы привезенные из Казани. Следует заметить, что автор летописи создавал ее более чем через сто лет после завершения похода и включал в ее текст многочисленные местные легенды и предания, достоверность которых ничем не подтверждается и часто не выдерживает никакой критики. В искерской коллекции находится значительное количество свинцовых пуль, а также предметы, служащие для их изготовления, керамические пулелейки – формы для литья, состоящие из двух половинок. Присутствуют фрагменты стволов пищалей, а так же детали ружейных замков. Следует отметить, что археологический материал указывает на достоверное использование фитильных замков, но нельзя исключать пищалей с замками ударно-кремневого действия, поскольку они появились в середине XVI века и применялись уже несколько десятилетий до начала похода Ермака. На рисунках М.С. Знаменского можно видеть еще несколько интересных элементов снаряжения ручного огнестрельного оружия – наконечники шомполов, которые применялись для чистки внутреннего канала ствола².

Даже кратко сделанный обзор археологи-

¹ Знаменский М. С. Прогулки по историческим окрестностям г. Тобольска. Альбом // Фонды ТИАМЗ. № ТМ-16782/15.

² Там же, № ТМ-16782/12.

ческого материала с Искера позволяет прийти к достаточно логичным выводам. Во-первых, материальная культура сибирских татар находилась примерно на том же уровне развития, что и материальная культура населения Московского государства. По другим источникам известно, что русские отличались более развитым земледелием и некоторыми отраслями производственной деятельности (например, гончарство, оружейное дело и пр.), но нет оснований считать, что существовало некое серьезное превосходство в повседневной жизни. Во-вторых, не было состояния тотальной войны между двумя государствами и во времена, предшествующие походу Ермака, имели место существенные торгово-экономические связи, очевидно, взаимовыгодные для каждой из сторон. И в-третьих, археологические коллекции с городища Искер (хранящиеся, прежде всего, в фондах Тобольского музея-заповедника) это практически единственные материальные свидетельства, оставленные казаками Ермака во время сибирского похода.

Список литературы

- 1 Адамов А. А. Новые данные о денежном обращении в Сибирском Юрте // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2015. № 12-1 (62). С. 13–16.
- 2 Адамов А. А. Археологические исследования на Кучумовом городище (Искере) в 2014 году // *Поволжская Археология*. 2015. № 4 (14). С. 291–300.
- 3 Адамов А. А., Балунов И. В., Данилов П. Г. *Город Тобольск. Археологический очерк*. Тобольск : ИАЭТ СО РАН; ТГПИ им. Д. И. Менделеева; ТГИАМЗ, 2008. 114 с.
- 4 Балунов И. В. Медные гребни из фондов Тобольского музея-заповедника // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2016. Т. 15. № 7. С. 149–57.
- 5 Балунов И. В., Загваздина Я. Г. Археологические материалы Искера в экспозициях тобольского музея-заповедника // *Историко-культурное наследие татар и сибирских татар Тюменской области: материалы научно-практической конференции*. Тюмень : Изд-во Тюменского ун-та, 2017. С.26–38.
- 6 Бахрушин С. В. Кольчуга князя П. И. Шуйского // *Тобольский хронограф*. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2004. Вып. 4. С. 169–175.
- 7 Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001-2004 гг.). Екатеринбург – Нефтеюганск : Изд-во «Маггелан», 2008. 296 с.
- 8 Зыков А. П., Косинцев П. А., Трепавлов В.В. *Город Сибирь – городище Искер (историко-археологическое исследование); Ин-т истории и археологии УрО РАН; Ин-т российской истории РАН; Ин-т экологии растений и животных УрО РАН*. Москва : Наука-Вост. лит., 2017. 559 с.
- 9 Курбатов А. В. Овсянников О. В. Изделия кожевенного производства в городах Русского Заполярья XVI-XVII вв.: (Мангазея) // *Археологические вести*. 1999. № 6. С. 245-271.
- 10 Мозильников В. А. О времени заселения городища Искер // *Тобольский хронограф*. Екатеринбург : Уральский рабочий, 2004. Вып. 4. С. 113–119.
- 11 Пианатти В. Н. *Искер (Кучумово городище) // Ежегодник Тобольского Губернского музея*. 1915, Вып. XXV. С. 1–36.
- 12 Пианатти В. Н. *Каталог коллекций находок на Искере, принадлежащий Тобольскому Губернскому Музею*. 1916. Тобольск : Типография Епарх. Братства. 90 с.

Список сокращений
 ИАЭТ – Институт археологии и этнографии
 СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук
 ТИАМЗ – Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник
 ТГПИ – Тобольский педагогический институт
 УрО РАН – Уральское отделение Российской академии наук

УДК 930.2

С.С. Тихонов,
г. Омск

«ДОЕЗД СТРУНИНА 7203 ГОДУ...» В «ХОРОГРАФИЧЕСКОЙ КНИГЕ...» С.У. РЕМЕЗОВА И СВЕДЕНИЯ ПО ГЕОГРАФИИ И ИСТОРИИ СИБИРИ

Аннотация. Материалы, собранные первым сибирским картографом С.У. Ремезовым – очень важный источник по истории и географии Сибири, изучение которого стало намного проще после того, как меценат из Тобольска А.Г. Елфимов переиздал «Чертежную...», «Хорографическую...» и «Служебную...» книги. Это вызвало некоторую активность ученых по изучению и анализу указанных источников.

В данной работе рассмотрен документ, послуживший источником для работ С.У. Ремезова – «Доезд Струнина 7203», карта, которая помогла выяснить детали некоего события того времени, понять логику действий его участников, познакомиться с системой путей сообщения и оборонительными сооружениями русских Притоболья.

Ключевые слова: карты, С.У. Ремезов, природно-географическая среда, исторические события.

Проблема. Стремление ученого изучить новый источник естественно, поскольку вкуче с уже имеющимися материалами исследование становится и обширнее, и глубже. В полной мере это относится к опыту анализа специалистами известных материалов С.У. Ремезова, интерес к которым усилился в последнее десятилетие. Условно можно выделить темы, которыми занимались ученые: археологические и исторические объекты, места их расположения и внешний вид [1, с. 90–101; 2, с. 141–155; 4, с. 170–175; 12, с. 74–81], культовые места и их местонахождения [13, с. 165–173]; границы и территории политических или этнических образований [3, с. 49–77; 6, с. 82–85; 9, с. 420–431; 10, с. 147–162; 11, с. 139–143; 14, с. 78–97; 15, с. 58–61; 17, с. 79–87; 19, с. 6–11], места произошедших событий [8, с. 275–281], системы расселения и численность корен-

ных сибиряков и русских первопроходцев [7, с. 6–8; 16, с. 52–56; 18, с. 98–108; 20, с. 76–83].

С сожалением отмечу, что ученые к творчеству первого сибирского картографа обращаются несистемно и эпизодически. Об этом свидетельствуют: относительно небольшая современная библиография, малый объем каждой публикации и «точечность» рассматриваемого сюжета. Только в двух случаях материалы С.У. Ремезова вошли в монографии [3, с. 49–77; 14, с. 78–97].

Как известно, С.У. Ремезов и его сыновья при подготовке «Чертежной ...», «Хорографической ...» и «Служебной ...» книг использовали многие источники, которые пока выпали из поля зрения ученых. Поэтому, чтобы как-то заполнить этот пробел, и для того, чтобы еще раз привлечь внимание специалистов к трудам С.У. Ремезова, рассмотрим один из источников, использованных картографом.

Источник. В «Хорографической книге ...» [21] есть лист 18, в правом верхнем углу которого показан участок Тобола в районе Ялуторовска. К этому листу приклеен небольшой листик белой бумаги, который подписан «доезд Струнина 7203 году» (рисунок 1), дата которого по современному летоисчислению – 1695 год. На нем изображена часть течения р. Тобол от д. Суерская до слободы и острога Евлаторовского (здесь приведены топонимы в написании конца XVII века). На рисунке 1 показаны правые притоки Тобола: Ук, Березовка, а также р. Емуртла с притоками Кызык и Качигай/Кирчигай и населенными пунктами: д. Емуртлинска, с. Емуртлинска и Табары. На карте показаны несколько озер: Щучье, Пресно, Травыкуль, Былыкуль Большой, Былыкуль Малой. Кроме того, изображена сеть дорог с мостами, и надписями куда и откуда ведет путь, указаны расстояния между географическими точками. Почти в центре листа есть надпись «Побоище ратных людей с Шульгиным». Т. е. карта доезда Струнина намного подробнее, чем ремезовский рисунок, и содержит некоторую историческую информацию.

Методика анализа. Известно, что в конце XVII века устоявшихся требований к составлению карты, кроме размещения юга (полдня) вверху листа практически не было. Поэтому рисунки были выполнены не в масштабе, пропорции рек и направления их русел были искажены. Центральная часть рисунков как самая важная была более информативна. Для лучшего понимания географической ситуации прошлого на современной карте масштаба 1:1000000 («десятикилометровка» – стандартные листы 42-1 и О 42-3) в графическом редакторе CorelDRAW Graphics Suite X8 были прорисованы показанные на чертеже конца XVII века объекты: реки, озера, пути сообщения, места расположения населенных пунктов (рисунок 2). Для изучения деталей географической ситуации (определе-

ния мест расположения мелких рек, озер, а также уточнения географических названий и т. п.) были использованы карты масштаба 1:100000 («километровки» – стандартные листы N 42-01, N 42-02, O 42-31, O 42-32).

Оказалось, что лист, нарисованный Струниным, если разместить юг карты внизу рисунка, повернут относительно современной карты на 45° влево, а направления течения рек, места расположения озер и населенных пунктов приблизительно соответствуют современным картам. Это дало возможность интерпретировать «доезд Струнина 7203» с большой степенью достоверности.

Обсуждение. За 300 с небольшим лет гидрографическая система, конечно, претерпела некоторые изменения. Например, исчезли или появились новые протоки в поймах, что обычно для больших сибирских рек. Так, не удалось соотнести протоку Тобола Быстрый исток напротив Ялуторовска с современным водотоком. Это не значит, что она исчезла совсем. Просто необходимо исследования микротопонимики.

Длина рек в наши дни стала меньше, чем в год составления карты. У Струнина показано, что р. Кызык (современный Кизак) вытекает и оз. Травыкуль. В наши дни эта река начинается не подалеку от Мокроусово, вытекая из длинного болота Займище (на болоте есть мелкие озера), а реки Ук, Березовка, Емуртла показаны в верховьях пересыхающими. Ситуация очевидна: верхнее течение реки заболотилось или пересохло из-за изменения увлажненности и деятельности человека, вырубавшего древесную растительность в верховьях рек. Как пример приведем известный Камышловский лог, который в XVIII веке был рекой Камышловка. Сейчас же он представляет собой цепочку соленых или заболачивающихся озер с болотами между ними.

Уменьшилась площадь озер. Так, в котловине, которое занимает сейчас оз. Щучье, расположено собственно озеро и болото к западу от него. Северная часть озера Большой Травыкуль (бывшее Травыкуль) на картах показана пересыхающей. Определение «Большой», применяемое к гидрониму Травыкуль предполагает, что есть еще и «Малый». Т. е. одно озеро разделилось на два. Озеро Малой Былыкуль стало Сухим Балакулем, иначе говоря, подсохло.

Вывод следующий: гидрологическая система в основных чертах осталась без изменений, но обводненность территории стала меньше.

По рекам расположены населенные пункты Ялуторовск (Евлаторска) и Суерка (Суерская) на Тоболе, Емуртлинский (с. Емуртлинска) и Емуртла (д. Емуртлинска) на р. Емуртла. Все они сохранили свои старые названия, хотя и немного измененные, и все они находятся на тех же местах, что и в конце XVII века, за исключением д. Емуртлинска, переехавшей с правого бере-

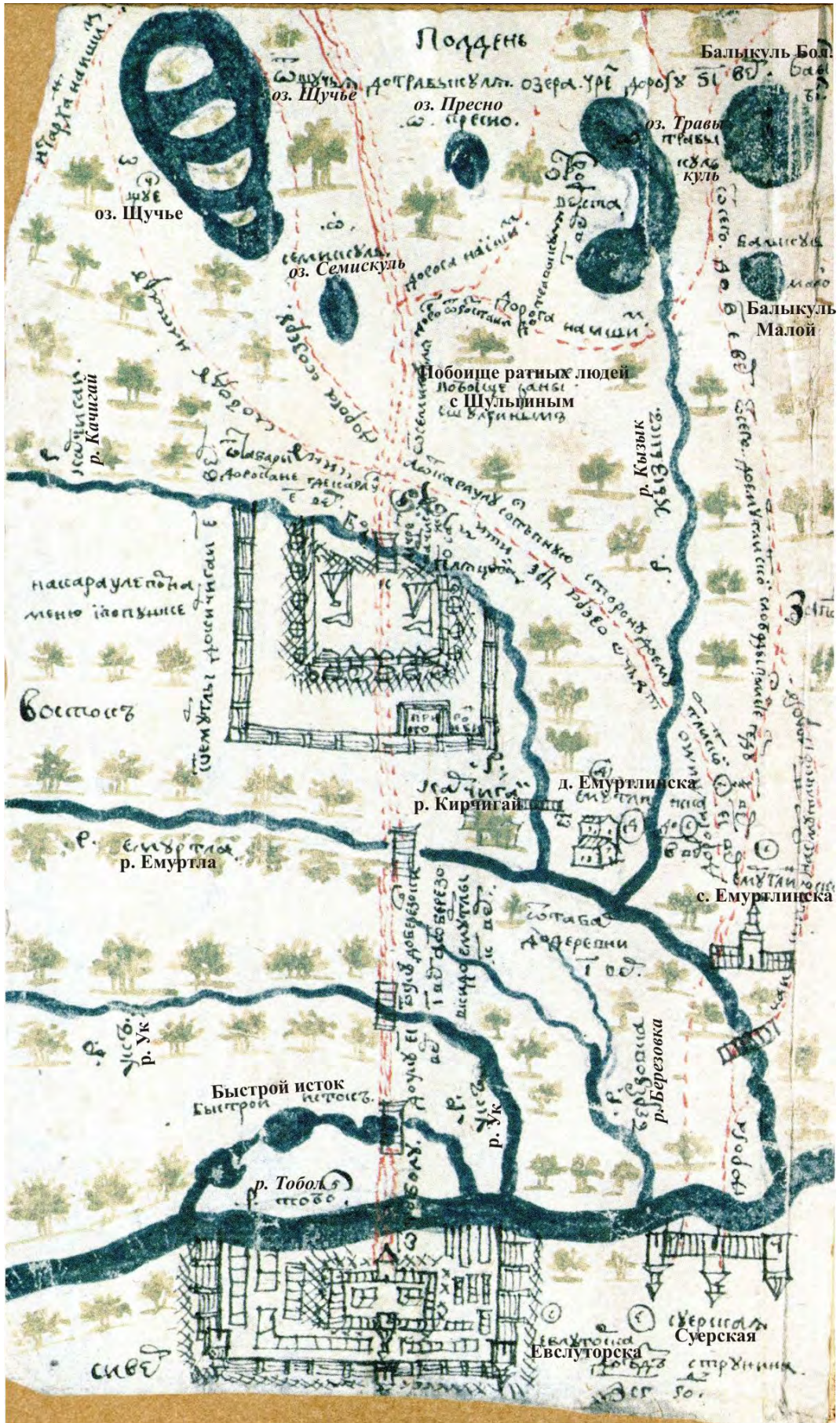

Рисунок 1

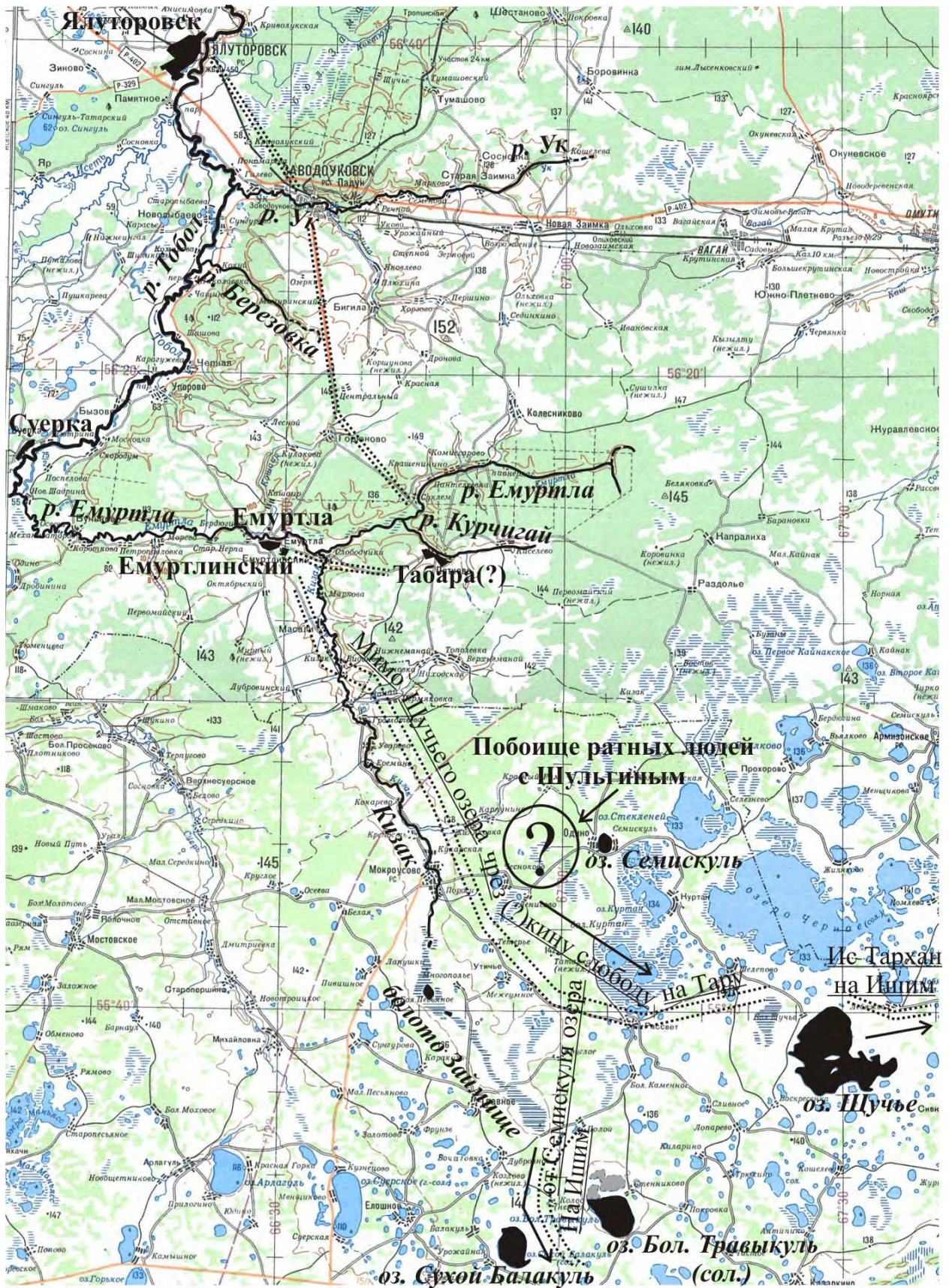

Рисунок 2

га Кызыка на левый. На том месте существует д. Слободчики.

На правом берегу р. Курчигай находится еще один населенный пункт, название которого предположительно Табары. На этом месте сейчас находится д. Пятково. На карте Струнина этот пункт центральный (и по месту нахождения, и по размерам, и по расположению надписей-пояснений). Мимо него проходили дороги из Евлуторовска и с. Ермутлинска через озера Щучье, Травыкуль и Былыкуль Малой в Тару и на разные участки р. Ишим.

На рисунке 1 показаны дороги, перенесенные на рисунок 2. Одна из них ведет из Ялуторовска на юг, переходя по мосту через протоку Быстрый Исток, пересекает р. Ук (примерно в районе современного Заводоуковска) идет к Табара (?) через Емуртлу по мосту выше устья р. Карчигай (левый приток Емуртлы). В принципе этот путь совпадает с современной трассой Ялуторовск – Заводоуковск – Горюново – Пятково. Это еще одно подтверждение того, что дороги проходят по одним и тем же местам в течение длительного времени, а также объясняет, почему Струнин показал р. Березовка, и не нарисовал речки Черная и Упоровка. Она была ориентиром, и чтобы попасть на мост на Курчигай нужно было держаться восточнее ее вершины.

Есть и другие дороги: от с. Емуртлинска на Табара, и от обоих населенных пунктов на юго-юго-восток к озеру Семискуль и оттуда на озера Щучье, Травыкуль, Былыкуль Малой, и далее на Тара или Ишим. Остальные озера, даже более крупные, Струнин не показал, т. к. они не являлись путевыми ориентирами.

Указанные населенные пункты подвергались набегам казахов и каракалпаков. На это указывают материалы письменных источников, есть сведения об этом в работах современных ученых. Так, в августе 1690 года был набег на Тарханский острог и с. Воскресенское, в июне 1691 года степняки напали на села и деревни Утяцкой и Камышевской слобод, в 1692 году были атакованы деревни близ Царева городища и Утяцкой слободы [5, с. 278, 281, 284-285; 14, с. 98-99]. Об опасностях в местах проживания свидетельствует и рисунок Струнина: Ялуторовск и Табара укреплены, к тому же к востоку от Табары был караул в поле (рисунок 1). Укреплены были и Суерка, и с. Емуртлинска.

Документы свидетельствуют, что набегу были успешны: «В том же году (в 1692 – С.Т.) в июне месяце пришед безвестно ... козачьи орды татарские и каракалпаки ... на деревни слободы Царева городища, и развоевали Утяцкую слободу... И за ними гонялись сотник да 100 человек беломестных казаков ... и догнались ... и на том бою убит сотник, да с ним сорок пять человек. Да за ними же гонялись ... сот с шесть, которые были в слободах ... а достич их воровских воин-

ских людей не могли» [5, с. 278].

Для обеспечения безопасности русских земель «Того же года (1693 – С.Т.) в апреле ... посланы из Тобольска дворяне и дети боярские, и конные казаки, и тюменцы в тобольские и исецкие остроги и слободы, на береговую службу на конех, от приходу воинских людей: начальной с ними человек тоболенин Василий Павлов сын Шульгин» [5, с. 281].

Меры были приняты не зря, потому что в июне на Ялуторовскую слободу снова был набег казахов и каракалпаков. Захватив пленных, кочевники отправились восвояси. В.П. Шульгин, судя по всему, получив сведения о набеге не медлил, и выступил в погоню. И «сошли в степи у Семискуля озера ... и у них, ратных людей, с ними нечестивыми агаряны вчался бой крепкий ... И судом в Троице славимого Бога, и праведным гневом его за грехи наши вси воины, начальной человек Василий Шульгин, с двумя братьями ... на том бою все у того Семискуля озера убиены быша ... [5, с. 284-285].

Очевидно, что Василий Шульгин торопился, и с отрядом, не дождавшись подкрепления, вышел к перекрестку дорог у оз. Семискуль, где и настиг степняков, и где принял последний бой. Через два года, в 1695 году Струнин снял план местности, особо показав на нем место боя русских людей с казаками и каракалпаками.

Заключение. Доезд Струнина – документ, ставший одним из источников для составления карт С.У. Ремезовым, помогает понять как логику действий кочевников, приходивших из года в год по одному и тому же маршруту, так и действия В.П. Шульгина, стремившегося обезопасить русские владения на Тоболе, и перехватить врага как можно скорее. Интересна также информация о путях сообщения, об укреплении населенных пунктов и о гидрологической системе прошлого. Конечно, для большей детализации хорошо было бы провести полевые исследования, но это уже другой жанр работ ученых.

Список литературы

- 1 Белич И. В. Чертеж «Кучюмово городище» С.У. Ремезова из «Хорографической чертежной книги» // Вестник ТюмГУ. Сер.ист. наук. 2009. С. 90–101.
- 2 Белич И. В. Чертеж «Кучюмово Городище и Старая Сибирь» из «Хорографической чертежной книги» С.У. Ремезова: К 300-летию составления первого русского географического атласа Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень : Изд-во ИППОС СО РАН, 2010. № 1 (12). С. 141–155. URL: <http://www.ipdn.ru/rics/va>.
- 3 Бородаев В. Б., Контев А. В. Формирование российской границы в Иртышско-Енисейском междуречье в 1620–1720 гг. Барнаул : АлтГПУ, 2015. 415 с.
- 4 Добжанский В. Н., Ермолаев А. Н. Рисунок каштакского острога и рудника из «Хорографической чертежной книги» С.У. Ремезова // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 3 (59). Т. 2. С. 170–175.
- 5 Записки, к сибирской истории служащие // Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российской касающихся, изданная Николаем Новиковым. Из-

дание второе, часть III. Москва, в типографии Компании типографической, 1788. С. 104–289.

6 Катюшов О. Н. Обь-Иртышское междуречье на картах Сибири // *Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума*. Новосибирск : Наука, 2002. Т. 5. С. 82–85.

7 Маслюженко Д. Н. Царекурганская слобода на чертежах С.У. Ремезова // *XI Зырянские чтения*. Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2013. С. 6–8.

8 Матвеев А. В., Аношко О. М. Ермакова перекопь на старинных картах и в материалах полевого историко-археологического обследования // *Вестник Омского университета*. 2012. № 2. С. 275–281.

9 Матвеев А. Омская область на листах «Служебной чертежной книги» // *Тобольск и вся Сибирь : альманах*. Кн. 16. Тобольск : Возрождение Тобольска, 2014. С. 420–431.

10 Матвеев А. В., Яворская Л. Я. Территория современной Омской области на листах «Хорографической чертежной книги Сибири С.У. Ремезова 1697–1711 // *Известия ОГИК-Музея*. Омск, 2003. С. 147–162.

11 Матвеев А. В., Яворская Л. Я. Павлодарская область на листах «Хорографической чертежной книги Сибири С.У. Ремезова 1697–1711. Олкетану – Краеведение. Спец. вып.: Этноархеология: Актуальные проблемы и перспективы развития. Павлодар, 2004. Вып. 3. С. 139–143.

12 Перцев Н. В., Сабаров А. Н. Аборигенные городки Нижнего Приобья в конце XVI – XVII в. (из опыта создания исторической карты) // *История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири*. Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2017. С. 74–81.

13 Селезнев А. Г. Мусульманские культовые комплексы Сибири в картографических материалах Семена Ульяновича Ремезова // *Вестник Омского государственного университета*. Серия: Исторические науки. 2015. № 4. С. 165–173.

14 Слобода Царево городище на Тоболе (1679-1792). Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2015. 254 с.

15 Тихонов С. С. Карты С.У. Ремезова и «межи» аборигенов на реке Демьянке // *Вестник Омского государственного университета*. 2013. № 1. С. 58–61.

16 Тихонов С. С. Карты С.У. Ремезова в археолого-этнографических исследованиях // *Вестник Томского государственного университета*. История. 2013, № 3(23). С. 52–56.

17 Тихонов С. С. Река Демьянка на картах С.У. Ремезова и этнографо-археологические исследования // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2013в. №2 (21). С. 79–87. URL: <http://www.ipdn.ru/rics/va>

18 Тихонов С. С. Карты С.У. Ремезова и записки Г.Ф. Миллера как источники по изучению системы расселения и численности сибирских татар // *Средневековые тюрко-татарские государства*. 2013. № 5. С. 98–108.

19 Тихонов С. С. Чертежи С.У. Ремезова и изучение ханства Кучума (на примере «Хорографической книги» // *История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств*. Курган : Изд-во курганского гос. ун-та. 2014. С. 6–11.

20 Тихонов С. С. «Царекурганская слобода» и ее окрестности на картах С.У. Ремезова // *Археология Среднего Приобья и сопредельных территорий*. Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2016. С. 76–83.

21 Хорографическая чертежная книга Сибири С.У. Ремезова. Т. 1. Факсимильное изд. Houghton library of the Harvard college Harvarduniv. Тобольск : 2011. 350 с.

УДК 902.2"18/19"

Д.Н. Маслюженко, И.К. Новиков, А.А. Первухина, г. Курган

ЭЛЕМЕНТЫ СТРОИТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ XVIII – НАЧАЛА XX ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК ПАМЯТНИКА «КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ ГОРОДА КУРГАНА»)

Аннотация. Археологический памятник «Культурный слой города Кургана» был выделен в 2005 году. С 2009 года начались ежегодные археологические раскопки на разных городских усадьбах середины XVIII – начала XX века, расположенных в границах выявленного объекта культурного наследия. При их проведении обязательно осуществляются архивные изыскания с целью выявить смену хозяев усадеб и их занятий, что удается для времени не ранее первых десятилетий XIX века. Это является привлекательной чертой городской археологии нового времени, поскольку позволяет создать «археологию с человеческим лицом». Совокупность архивных материалов и датирующих артефактов (нумизматика, клейма производителей на стекле, фарфоре и фаянсе) дает возможность определить этапы изменений строительных технологий в провинциальном городе имперского времени.

Ключевые слова: культурный слой города, материальная культура горожан.

Опыт выделения и обоснования особых зон археологического наследия на территории города в форме т.н. «культурного слоя» есть не во всех регионах. Курган стал одним из первых городов, где такой проект появился и был удачно реализован. С августа 2009 года началось проведение городских археологических раскопок большой площадью, в результате были обследованы одиннадцать участков.

Исследование «Культурного слоя города Кургана» дает интереснейший материал в плане строительных технологий, которые на данный момент можно рассматривать в рамках второй половины XVIII – начала XX века. При раскопках были обнаружены остатки построек хозяйственного и торгового назначения, жилых помещений и наземных конструкций. К сожалению, по археологическим данным можно реконструировать лишь небольшую часть сооружений, при этом архивные данные при описании застройки усадеб обычно не дают информации о строительных технологиях.

Одними из наиболее многочисленных археологических объектов являются столбовые ямки, в поздних объектах – зачастую с остатками стол-

бов. Примечателен факт, разделяющий столбовые ямки на ранние и поздние: ранние столбовые ямки имеют округлые очертания, когда как поздние ямки в основном подквадратной формы. Данная закономерность, по всей видимости, связана с особенностью инструмента для копки. Современная лопата используется как рычаг при рытье, а лопата XIX века, или инструмент сходный по назначению, по всей видимости, работала в двух вариантах – сперва для рыхления, потом для отгребания или вычерпывания земли, что приводило к формированию округлой столбовой ямки.

Деревянные настилы были зафиксированы в 2014 году во время раскопок двора усадьбы на углу улиц Советская и Пичугина. Раскоп четко стратифицирован с начала XIX века. Настил представлял собой фрагменты досок, вытянутых по одной линии, при этом доски без лаг были брошены прямо на подстилающую поверхность и никак не скреплены между собой. Интересно длительное бытование настила, так, под досками верхнего горизонта, отнесенного к концу XIX – начала XX века, в 40 см ниже находились такие же доски, лежащие в том же направлении. Нижние доски относятся к слою середины XIX века, что может говорить о сохранении традиции выстилания двора, векторов передвижения и мест расположения основных построек в пределах усадьбы в течение полувека.

Еще один настил был обнаружен в 2009 году во время раскопок на участке между ул. Климова и р. Тобол. Здесь был зафиксирован крупный фрагмент настила, ориентированного перпендикулярно улице и руслу реки. Настил сформирован из толстых плотно уложенных, скрепленных между собой досок, доски расположены перпендикулярно общей направленности настила. Сам настил повторяет рельеф участка – наклонен в сторону реки. Предположительно (по данным картографии) данный настил является покрытием переуллка, ведущего от реки к улице. Возможно, он использовался для перемещения товаров на речные пристани, что подтверждается находками рядом с ним свинцовых пломб второй половины XIX века. Расположение досок, скорее всего, обусловлено лучшим сцеплением при передвижении по наклонной поверхности.

Нижние венцы деревянных домов и части пола были обнаружены на улице 1-я Заводская, по сопутствующему материалу объект был датирован серединой XVIII века. На данный момент, это единственный объект, относящийся к слободскому периоду истории Кургана. Примечательно использование бревен-подпорок, рубка сруба в обло, а также композитный, многослойный пол, состоящий из древесного тлена, битого кирпича и большого количества фрагментов керамики [4, с. 197-198]. Деревянный пол также был зафиксирован при раскопках на ул. Пролетарская, по

всей видимости, он относился к зданию магазина, который одновременно, по архивным данным, являлся и складом. Толстые доски лежали на деревянных лагах, расстояние между лагами составило 1,2 м, общая площадь исследованной части сооружения более 50 кв. м. Под лаги с одинаковым шагом были заведены деревянные столбы до 1 м длиной. Интересно использование в качестве опорных столбов комлевой части дерева, отличающейся высокой степенью сохранности, в сравнении с вышележащими досками и лагами [1, с. 148-149].

Каменные фундаменты обычно относятся ко второй половине XIX – началу XX века. Примечательно четкое выдерживание горизонтальной плоскости фундаментов. Так, например, во время раскопок на улице Пролетарской, где материковая поверхность имеет естественный уклон, кирпичная кладка была положена горизонтально, с переходом на погребенную почву, с последующим введением еще двух рядов кирпичной кладки снизу. Стоит отметить и особенности сооружения самих фундаментов: все они характеризуются минимизацией земляных работ. Так, сооружения с подвалами и просто фундаменты для построек четко вписаны в котлован/траншею, о чем свидетельствует непотревоженная внешняя стратиграфия относительно котлована/траншеи, которая сохраняется буквально в 1 см от кирпичной кладки. Например, фундамент для кирпичного здания водочного завода был сооружен в траншее шириной 80 см, кирпич укладывался обычной кладкой с использованием известкового раствора, и занимал все пространство траншеи [1, с. 150-151]. Фрагмент кирпичного фундамента, огибающий цокольный этаж, обнаружен при раскопках усадьбы на углу улиц Советская и Пичугина. Он так же был идеально вписан в котлован, оставляя не потревоженным окружающий его культурный слой [3, с. 25-26].

Сходные по конструкции известковые ямы, связанные со строительными технологиями, были обнаружены на двух усадьбах: при раскопках на углу улиц Советская и Пролетарская (№ 1) и на углу улиц Кирова и Куйбышева (№ 2) [2, с. 22–24]. Обе ямы относятся к слоям второй половины XIX века, и скорее всего, связаны с каменным строительством, объем которого резко возрос после сильных пожаров 1850–1860-х годов, когда выгорели две трети города. Подобная яма должна была находиться возле каждого крупного кирпичного или полукаменного здания (яма №1 находилась возле снесенного полукаменного дома, яма № 2 возле брандмауэрной стены). Представляют они из себя ямы, вырытые в земле, борта и дно которых закрыты деревянными щитами. С внешней стороны щиты формируют поперечные доски, а внутренняя поверхность известковой ямы остается гладкой.

На дне и, в особенности, по углам фиксируется застывшая известь. Доски в обоих случаях плохой сохранности, при этом, исходя из стратиграфии, верхние доски убирались, а нижние и половые оставались в яме. После использования яма закапывалась. На дне одной из ям (№ 2) была зафиксирована застывшая в известковом растворе железная лопата, которая, по всей видимости, слетела с черенка при перемешивании или заборе извести.

Примечателен факт переиспользования материкового песка, который является вынужденным отходом при сооружении заглубленных в землю сооружений. Практически на всех изученных участках фиксируются прослойки местного материкового песка, распространенного на большой площади, мощность таких прослоек различна. Например, при исследовании купеческой усадьбы на ул. Пролетарской были зафиксированы крупные линзы местного материкового песка. Известно, что в конце XIX века на данном участке был сооружен ренсковый погреб, постройка которого должна была сопровождаться сооружением большого котлована. При раскопках на углу улиц Советская и Пичугина фиксируется четыре прослойки материкового песка, который на этом раскопе имел характерный серый цвет. Они фиксируются на всей площади раскопа и разделяются между собой слоями древесного тлена, содержащего основные артефакты. Создается ощущение, что после каждого строительства, включавшего в себя создание котлована, участок выравнивался полученным песком, после чего на нем какое-то время формировались следы жизнедеятельности.

Таким образом, проведенные за последние 10 лет раскопки на территории г. Кургана позволили выявить отдельные элементы строительных технологий, которые были использованы на протяжении XVIII–XIX веков. При этом данные элементы не фиксируются по архивным документам, то есть, скорее всего, речь идет об определенных сложившихся в провинциальной среде традициях.

Список литературы

1 Маслюженко Д. Н., Новиков И. К., Первухина А. А., Янченко Е. С. Исследования на территории купеческой усадьбы второй четверти XIX – начала XX века в Кургане // *Культура русских в археологических исследованиях. Сборник научных статей к 50-летию Ларисы Вениаминовны Татауровой* / под ред. С. Ф. Татаурова. Омск : Издатель-Полиграфист, 2015. С. 145–161.

2 Новиков И. К. Предварительные итоги исследования культурного слоя г. Кургана в 2013 г. // *XI Зырянские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Курган, 5-6 декабря 2013 г.)*. Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2013. С. 22–24.

3 Новиков И. К., Усачев Е. В. Эхо Забытой войны (Артефакты гражданской войны в городской археологии Кургана) // *XIII Зырянские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции*. Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2015. С. 25–28.

4 Слобода Царево Городище на Тоболе (1679-1782 гг.)

/ под ред. Д. Н. Маслюженко, В. В. Менщикова. Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2015. 254 с.

УДК 299.4

М.Р. Арпентьева,
г. Калуга

ИСТОРИЯ И ВЕРОВАНИЯ НАРОДОВ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА

Аннотация. В Забайкалье сформировались и зародились, а также распались и переместились в другие регионы многие иные государства, империи и цивилизации: здесь шли постоянные войны, миграции и постоянный обмен народов и этносов, религий и культур. Движения из этого региона и в него часто отражали разные волны миграции народов хунну, ставших основой современного славянско-татарского суперэтноса России.

Ключевые слова: Забайкалье, верования, психотехнический компонент верований, космологический компонент верований, шаманизм, буддизм, даосизм, мусульманство, христианство, тюрки, эвенки, монголы, буряты, казаки, гураны.

Историография народов и религий Забайкалья – одна из актуальных тем мировой и отечественной науки, которая привлекает внимание исследователей с конца XVII века. Она затрагивалась в трудах ученых и практиков, изучавших различные аспекты культуры народов региона. Первые научные описания о населении и религиях региона оставили И. Идес, А. Брандт, Ф. Ланге, Н. Спафарий-Милеску. И. Идес и А. Брандт, например, уже в конце XVII века описали шаманов и суеверия, связанные с этим природой края. В 20-е годы XVIII века народы региона изучаются Ф.И. Стралленбергом и Д.Г. Мессершмидтом, в рамках описания культур народов Сибири в целом. Важную роль в научном осмыслении культур и религий региона сыграли научные экспедиции XVIII века. В частности, Г. Миллер приводил доказательство шаманского происхождения древних текстов и считал, что некогда по всей Сибири была одна и та же архаическая религия. Тогда же началось и изучение буддистских текстов. В XIX веке богатый материал о буддизме и буддийской космологии, истории бурят влияния буддийского духовенства на их культуру собрали М.А. и Н.А. Бестужевы, Д.И. Завалишин. Декабристы, попавшие в Забайкалье ссыльными, приняли участие в исследованиях забайкальских старообрядцев, отмечая высокий уровень их культурной жизни которых. В начале XIX века на территории Забайкалья занимались исследованиями Д. Банзаров, Н.Я. Би-

чурин, А.П. Маслов, В. Паршин, записывавшие легенды о кладах, мифических народах и всемогущих духах. С этого момента также отмечается рост активности православных священнослужителей и миссионеров, которые не только интересовались православной историей, но и публиковали свои наблюдения о населении Забайкалья, о влиянии христианской морали на жизнь, быт и нравственный облик крещеных бурят (архимандрит Аввакум (Д. Честной), Н.С. Щукин, архиепископ Н. Исакович, И. Попов, А. Введенский, В. Кожевников И. Подгорбунский, М. Якимов, И. Иркутский (Кульчицкий) и др.). В конце XIX – начале XX века выделяются работы А.М. Позднеева, Г.Н. Потанина, Б. Рабданова, Б.Я. Владимирцова, А. Потаниной, Г.Ц. Цыбикова, П.Г. Мацокина, Ю.Д. Талько-Грынцевича, С.Ф. Ольденбурга, О.О. Розенберга, посвященные буддизму и шаманизму, их отношением с православием в регионе. Интенсивное и разностороннее исследование истории и культуры Забайкальских народов проводили И.А. Асалханов, Н.П. Егунов, Ф.А. Кудрявцев, Г.Н. Румянцев, П.Т. Хаптаев и др., но и на сегодняшний день вопросов очень много: один из центральных вопросов связан с протекающими на глазах исследователей процессами интеграции народов и религий Забайкалья. Процесс этот начат давно, и не случайно Забайкалье становится не только одной из колыбелей цивилизации, но и колыбелей новых религий.

Население Забайкалья, исповедует и долгие годы исповедовало три основные религии: шаманизм, православие, буддизм [1; 9; 12; 14]. Также у коренных народов в Забайкалье и в средневековье, и позднее, и до сих пор продолжают жить иные языческие верования, а также некоторые иные, неязыческие религии, [8; 13; 22]. Исторические данные свидетельствуют нам, что уже со II века до н. э., протомонгольские этнические группы (хунну и их потомки сяньби, кидани и т. д.) были разносторонне и глубоко знакомы с буддистскими доктринами разного типа. Православие пришло в Забайкалье, Бурятию и т. д. намного позже: первоначально оно пришло с поселенцами – старообрядцами, затем с казаками (регулярных и иррегулярных частей), а также их потомками – гуранами. Также в Забайкалье проживают последователи иудаизма и ислама, старательно стертого действиями Монголии, Китая и России в XVII-XIX веках, а также ранее и поныне: память о Великой Орде и ее каганатах, а также доордынских государственных образованиях Забайкалья как одной из колыбелей цивилизации, ее достижениях и жизни, деформирована и разрушена многочисленными подменами, сама культура в ходе традиционных и информационных войн почти полностью уничтожена. Поэтому, например, артефакты разветвленной системы представлений о мире, в том

числе мире потустороннем у сибирских татар воспринимаются как «артефакты», выдумки, не имеющие значения для заключения о развитии болгарской и татарской культур, в том числе и их религиозных доктрин и практик.

Переселение татар в Забайкалье происходило со второй половины XVII века по настоящее время, в вольном и подневольном режиме. Поскольку у татар Забайкалья широко распространены браки с русским и иными народами, то этнические признаки – смешанные. До этого времени, однако, отмечается государство «тохаров»: народа европеоидной расы, который жил ранее в Средней Азии (в том числе, на Таримской равнине, II век до н.э. и I век н.э.): «До прихода русских в Сибири жило много разных народов [7; 10]. Но как раньше рассказывали старики, в памяти остались только такие народы как чудь и баргуты. Они на нашей земле жили давно, потом поизвелись. Пошто они из этих мест ушли, кто знает? После них сюда прикочевали тунгусы ... буряты... почему они бежали с запада, говорят, с Алтая, никто не знает...» [7, с. 5-6]. Гунны, татары и иные имена принимали на себя народ, сформировавший в III веке н.э. и существовавший до середины VI века первый жужанский каганат (жужани/авары). В Забайкалье сформировались и зародились, а также распались и переместились в другие регионы многие иные государства, империи и цивилизации: здесь шли постоянные войны, миграции и постоянный обмен народов и этносов, религий и культур. Движения из этого региона и в него часто отражали разные волны миграции народов хунну. Основа Забайкалья – потомки скифов и гуннов. Здесь находилась известная до XVI века, но ныне забытая Тартария. В ней жили и русские: большая группа русских жила в Сибири задолго до казачьего отряда Е.(Г.) Тимофеева, то есть еще в XIV веке. В конце XV века татарские улусы, разбросанные по Тоболу и Иртышу, объединились в так называемое Сибирское ханство со столицей Кашлык (Искер или Сибирь). Здесь возникло феодальное государство, сначала зависевшее от Золотой Орды, но затем приобретшее независимость: к власти в нем приходят потомки татар-тохтар. В целом, с середины XIV века и до конца XV века в Сибири (как и во всей Руси) длилось смутное время: войны всех с всеми. Однако в новое и новейшее время история этого региона неоднократно деформировалась: современные историки не стремятся эти деформации исправить, а о стране Тартарии и иных «Лукоморьях» остались в основном сказки [7]. Вместе с тем, М.В. Ломоносов писал: «Итак, по величеству чудского народа и по доказательству исключительным славян, имя скифов чудскими поколениями следует..., равно как сходствующие скифские и чудские речения и обстоятельства соответствующие подают все-

му неодолимую вероятность и не оставляют сомнения, что чудские поколения суть от рода подлинных древних скифов, ныне по большей части Российской державе покоренные или уже из давних времен в един народ с нами совокупленные. Из сего следует, коль велика древность и слава чудского племени» [11]. Забайкалье стало ареной войн между Монголией, Китаем и Россией, а также сферой интересов правительств Японии, Европы, Америки, на свой лад перекраивавших ее историю, если не удавалось сразу перекроить карту. Так, в XVII веке Монголия стала объектом захватов России и маньчжуров. Россияне и китайцы использовали междоусобицы правителей-ноёнов Монголии. В результате они заключили Нерчинский (1689) и Кяхтинский (1727) договоры, по которым Прибайкалье и Забайкалье вошли в состав России. В результате этносы Прибайкалья и Забайкалья стали отделены от монголов, возник как отчасти самостоятельный бурятский народ. В рамках Российской империи развернулся процесс социально-культурной консолидации разных этносов и подгрупп этносов. Новые, не свойственные индигенным, хозяйственно-экономические и социально-культурные отношения привели к формированию и развитию как отчасти самостоятельного к концу XIX века собственно бурятского этноса.

Традиционные народные верования эвенков и других этносов Забайкалья, с которыми они жили до прихода русских, в том числе казачества, – шаманизм (хара шажан – чёрная вера), сохраняется до сих пор. Эвенки или тунгусы (орочен, эвен) сложились на основе смешения аборигенов Восточной Сибири с тунгусскими племенами, пришедшими из Прибайкалья и Забайкалья [2; 8; 17; 18]. К прототунгусской общности антропологи и языковеды также относят и «глазковскую культуру», культуру древнетунгусских племён Прибайкалья и Приангарья (XVIII–XIII века до н. э.), которую считают предшественницей эвенков и других тунгусо-маньчжурских народностей. Иногда в качестве предков эвенков рассматривают увань (гувань), история которых связана с войнами с киргизами, тюрками Уйгурского каганата и империей Тан. В целом, многие столетия подряд у бурят и эвенков, проживающих в Прибайкалье, шаманизм является традиционно мощным духовно-религиозным направлением, включающим самые разнообразные родовые и т. д. культуры. У эвенков, несмотря на спады, современный шаманизм остается ведущей религией. В конце XX века началось также возрождение шаманизма на территории Бурятии. Буряты, проживающие в Иркутской области, на Западе региона, все же больше опираются на буддизм, поддерживая, а местами и восстанавливая связи с монгольскими народностями и Монголией, а также с представителями этих народностей в Китае [4; 5; 14; 24].

Понятие шамана существует почти во всех культурах мира. «Паншаманизм» убежден, что шаманские верования были свойственны всем культурам на начальных стадиях их развития, однако шаманизм существует и до сих пор, в том числе в сообществах, живущих во вполне «цивилизованных» условиях, а сам шаманизм встречается далеко не во всех культурах [21; 22; 23; 24]. Часто, кроме того, его путают с измененными состояниями психики и болезнями психики, «одержанием» и т. д. По одним источникам понятие о шаманах исходит из древнеиндийского, санскритского шраман (*śramaṇa*). Шраман – странствующий отшельник, духовный подвижник-аскет. Полагают, что параллельно с буддизмом этот термин проник в Азию и через эвенкийский язык проник в русский и западные языки. Но, с другой стороны, чаще всего полагают, что понятие имеет собственно тунгусо-маньчжурское происхождение: оно возникло от понятия «са» – знать. Так, у эвенков существует слово «саман» – человек, любящий знания. Шаманом выступал человек, предстающий посредником и избранником «духов». Он обладал или обладает способностью понимать иную потустороннюю реальность и путешествовать в ней [21, р. 495].

Шаманы это важные, в том числе с точки зрения внешних и внутренних отношений и политики, члены традиционного общества. Будучи посредниками между миром людей и миром духов, они проходят специальную подготовку, обряды инициации и посвящения для «увеличения сакральной силы», для преодоления «шаманских болезней» и получения статуса «большого шамана». Важным моментом многих шаманов является разделение шаманов на белых, камлавших в Верхний мир, и чёрных, камлавших во все миры: «белые» шаманы, как полагают народности Забайкалья, «совершают восхождение в небесные миры и почитают небесных богов или высшего бога, а «черные» шаманы связаны с подземными, хтоническими, духами и совершают нисхождение в нижний мир». Однако, как отмечает Е.А. Торчинов, такие «волшебные (экстатические) путешествия» и в верхний, и в нижний мир совершает один и тот же шаман [13, с. 135].

Кроме того, будучи посредниками между мирами людей и духов, шаманы могут не только понимать, но и путешествовать в иные реальности и через них, в том числе пребывать одновременно в двух и более мирах. Вселенная как особое, сакральное, пространство и время, в котором действуют уникальные для каждого мира и слоя законы, отличные от обыденной, физической, жизни, была доступна шаману, в зависимости от его могущества и мудрости, в разной мере [2; 8; 25]. Путешествия в мир духов (восстановление того, что они видели в мире духов, когда спасали душу больного, умирающего и т. д.)

практиковались у многих народов Алтая и Забайкалья. Для этого использовался механизм «камлания». В настоящее время в Сибири также существуют целые шаманские школы: они работают в Якутии, Туве, Хакасии, на Алтае. В их работе происходит сочетание традиций и их взаимообогащение, в том числе в соответствии с новыми знаниями и опытом, присваиваемыми из других религий и событий жизни народа и его шамана. Новые интерпретации духовного (мистического и ритуального) опыта, например, нередко встраиваются в системы, разработанные в рамках агни-йоги, буддизма, даосизма, христианства. Однако центральная тема поиска пути и обретения человеком гармонии с собой, восстановления и развития утраченных или нарушенных связей с природой и культурой, собой и миром выступает важной для шаманской практики и теории, а также для исканий современного человека в целом [1; 24]. В результате того, что многие годы в СССР рекламировался атеизм, а также иные механизмы родового и этнического плана, наследники шаманских родов и иные, часто «случайные» люди испытывают болезни типа шаманской. У тунгусов, например, шаманизм почти подразумевает «шаманскую болезнь»: она отражает сверхъестественное избраннычество, требует обучения и испытания избранника на практике. С помощью погружения в транс (камлание), с помощью танца или пляски (с бубном, жезлом, ножами и т. д.) шаман осуществляет путешествие в мир духов либо вселение духа в собственное тело с целью получения знания [25]. Иногда шаманы путешествуют «между звездами»: посещают иные планеты и их спутники, иные солнечные или звездные системы и их жителей. Они также могут рассказать, что именно они узнали и научились делать. При этом, как и проявления сверхспособностей, связанных с изменением телесных параметров шамана, подтверждаемых очевидцами, во время камлания и после камлания шаман способен поделиться сведениями, которые могут быть частично (в меру разведанности того или иного региона, в том числе фрагмента Вселенной и т. д.) подтверждены и сопоставлены с научными данными. Обычно же шаманы работают с разными духами: духи буга – бога, мира и неба, индифферентные человеку; духи эндури – конкретного места; духи арэнки – духи неуспокоенных душ мертвых; духи сиркуль – конкретных болезней, а также часто с собственным или «общими» духами сывэн – помощниками. Е.А. Торчинов отмечает, что «за исключением психотехники, в шаманизме нет ничего уникального, ибо все космополитические и космографические идеи и представления, используемые или утилизируемые шаманизмом (тройственное деление мира, образ мировой оси и т. п.), существовали и до него, и помимо него. ...особенность шаманиз-

ма именно то, что он сделал эти представления содержанием индивидуального религиозного опыта, а точнее, смоделировал его форму по образцу общепринятых космологических представлений, используя их и для описания своего сугубо личного опыта глубинных переживаний» [13, с. 123].

Особенно интересно эти процессы протекают в тунгусских племенах. «Тунгусы в большей мере, чем их соседи, склонны признавать влияние духов, и не только нижнего, но и этого мира – потенциальных источников всякого рода беспорядка. Именно поэтому тунгусские шаманы предпринимают сеансы, особенно предварительные, «малые сеансы», не только по классическим мотивам – болезнь, смерть, жертвоприношение богам, но и по многим другим поводам, которые, однако, всегда требуют знания духов и господства над ними», – писал М. Элиаде [20, с. 64]. «Тунгусы явно сопоставляют силу и отвагу «старых шаманов» с малодушием современных, которые – в отдельных районах – уже не решаются предпринимать опасные нисхождения в Преисподнюю». При этом «Тунгусский шаман обязан употреблять свою силу во многих случаях. Шаман необходим как исцелитель – он либо разыскивает душу больного, либо изгоняет демонов заклятиями; с другой стороны, он является проводником душ; он же относит жертвы на Небо или в Ад; но главная его обязанность – поддержание духовного равновесия общества в целом. Когда болезни, неудачи или бесплодие угрожают роду, именно шаман должен определить причины и исправить положение» [20, с. 64].

При этом «В архаических культурах сообщение между Небом и Землей используется для жертвоприношений небесным богам, а не для того, чтобы предпринимать конкретное и индивидуальное восхождение, которое остается уделом шаманов», которые способны выходить в иные миры, в Небо и т. д., преобразуя космологические концепции своего народа в конкретный индивидуальный и экстатический мистический опыт: «то, что для остальной общины остается космологической идеограммой, для шаманов (и других героев и т. д.) становится мистическим маршрутом». Обычные люди отправляют в мир по ту сторону реальности просьбы и приношения, шаманы же могут уходить в этот мир. Однако шаманы не создали космологию, мифологию и теологию, бытующие у их народностей. «Они лишь ввели их в свой внутренний мир, опробовали и использовали в качестве маршрута для своих экстатических путешествий», писал М. Элиаде [19, с. 151-152].

Поэтому в ходе развития шаманизма его психотехнический элемент активно развивался: трансперсональные переживания («транс» в терминологии М. Элиаде) становятся все более

глубокими и обширными, привычными и разрабатанными: стремление достичь «вознесения во плоти», мистического и в то же время реального путешествия в иные миры часто приводит к ошибочным трансам, накоплению и отбору опыта трансов и психотехник трансов [19, с. 198].

При этом шаманизм мало отличается от других практик изменения сознания: «люди во все века, от шаманов до индийских йогов и от орфиков и гностиков до «сайентологов», занимались экспериментами с психикой, стремясь поверить опытом доктринальные положения и догматические схемы, которые, в свою очередь, непосредственно или опосредованно также восходили к опыту и переживанию», – пишет Е.А. Торчинов [13, с. 125]. Иногда такие эксперименты приводили к психотехническим «чудесам», подобными йоге, иногда – к появлению весьма опасного во многих отношениях религиозного и т. п. «культа». «Шаманизм был шаманизмом, пока психотехнический и космологический (архаический по своему характеру) аспекты его находились в гармонии и согласии», – он отмечает, однако чрезмерное усиление психотехнических экспериментов повлекло к осознанию недостаточности старых мифов и космологии, и наступил кризис шаманизма, в том числе, разрешаемый путем создания целостных, интегративных религий типа даосизма [13, с. 125].

«Шаманская болезнь» есть лишь там, где существует представление об избранничестве или необходимости потомственной передаче функций шамана: потенциальный шаман является, по его мнению, бессильным перед «волей духов», бессознательным, стремящимся прорваться в этот мир, не учитывающим его сознательную волю. Если же будущий шаман избирается практикующим шаманом, а шаманское служение становится результатом сознательного и добровольного выбора человека, то «шаманская болезнь» не наступает. Феномен «шаманской болезни» часто списывают на психопатологию: проявления «арктической истерии» [3, с. 84-85]. Эта точка опровергнута М. Элиаде [21, р. 23–32; 22]: шаманизм и «шаманская болезнь» распространены по всему миру; переживания многих психически больных людей сами по себе лишены религиозного содержания и религиозной ценности и сравнимы с религиозными трансперсональными состояниями внешне, а нативные носители шаманской традиции четко различают носителей шаманского дара от носителей психопатологии; шаманский транс управляем и создается с помощью специальной процедуры, шаман – это «исцелившийся больной», полностью управляющий своим состоянием; шаманы представляют элиту народа, выступая как хранители и трансляторы национальной культуры, ее традиций, мифов и фольклора [13, с. 128]. Методом исцеления

и самораскрытия личности и индивидуальных потенций шамана выступает посвящение (инициация), включающая элементы переживания смерти, расчленения, очищения и воскресения, в результате которых умирает «ветхий человек» и воскресает обновленная личность «нового человека», «сверхчеловека». Аналогичные психотехнические приемы и практики посвящения есть и в высокоразвитых религиях, в буддизме и христианстве. Иногда отличается их цель: отделение от тщеты и мгновенности мирского и профанического, всеобщности непостоянства и неизбежности смерти, переживание «памятования о смерти» и трансценденция профанного [21, р. 63-64]. Шаманская деятельность как бескорыстное служение – это весьма «тяжелая работа» [13, с. 133]. Поэтому, например, «для шамана существует разрыв между его могуществом, обретенным в трансе, и его состоянием в обыденной жизни, тогда как для даоса и то и другое едино и неразделимо» [23, р. 45].

С конца XVI века начала широко распространяться и активно развиваться одна из тибетских школ буддизма под названием гелугпа (шара шажан – жёлтая вера). В начале XVII века тибетский буддизм прошел на север региона, к бурятам (сами буряты также перемещались, распространяя буддизм, как одну из типичных для монгольских народностей вер) [4; 5; 6; 23]. Сначала он был распространён у этнических сообществ, пришедших незадолго до того из Халхи – цонголов, сартулов, хатагинов; а конце XVII – начале XVIII века он стал встречаться на территории Забайкалья повсеместно. Второй источник буддизма в Забайкальском регионе – Тибет, в том числе монастырь Лабранг Трашикыл. Из Лабранга реализовывалась целенаправленная трансмиссия – проповеди и посвящения буддизма в среде бурят, тувинцев и калмыков. Лабранг Трашикыл выступает одним из ведущих образовательных центров буддизма в то время и ныне – это по сути университет, преподающий основы теории и практики буддийской философии, нижнего и верхнего тантрических, Калачакры, тибетской медицины и религиозного права. При завоеваниях Забайкалья и его возможно беспроблемного освоения русскими, буддизм был официально принят в качестве государственной религии Российской империи, наряду с другими религиями. Первым дацаном – буддийским монастырем-университетом у российских бурят (на территории региона) стал Цугольский, построенный в селе Цугол в 1801 году. Цугольский дацан «Даши Чойпэлинг» (Сүүгэлэй дасан) впервые на бурятской земле открыл классические монастырские школы буддийской философии Цанид и Мамба. Основы школы связаны с работами наставников тибетского монастыря Лабранг, а также школы тибетской медицины Г.-Ж. Тугулдунова, пригласившего сюда монголь-

ского эмчи-ламу Чой-монранбу. В итоге, в философском, психологическом и этическом учении современного бурятского буддизма нет серьёзных отличий от фундаментальных положений буддизма Махаяны, изложенных в тибетском варианте буддийского канона – Кэнгьюр (Ганжуур) и Тэнгьюр (Данжуур). Буряты-буддисты являются приверженцами северного буддизма (махаяна), который распространён в регионах Восточной Азии: Китай, Тибет, Монголия, Корея и Япония. Шаманизм же в свою очередь распространён среди бурят Иркутской области, а также среди старых баргутов Китая [1; 2]. Когда в конце XIX века началось интенсивное проникновение буддизма в Предбайкалье – Северную Бурятию, он встретил огромное сопротивление со стороны шаманов и православных миссионеров. В целом, буддизм оказал сильнейшее продуктивное влияние на развитие традиционной науки и культуры бурят-монголов, особенно плодотворным было его воздействие на формирование и развитие философской мысли, норм нравственного поведения, медицины, художественной литературы, изобразительного искусства. Буряты, верующие в Бога, преимущественно и до сих пор исповедуют буддизм. Многие из них и до сих пор являются шаманистами. Потомки тех, кто сражался в казачьих войсках, часто исповедовали христианство. Более того, они и другие индигенные сообщества Забайкалья нередко оформляются в отдельную группу.

Одной из интереснейших историй Забайкалья является история гуранов. Параллельно взаимопроникновению религий Забайкалья происходило возникновение и развитие в самостоятельную общность гуранов – ныне коренных забайкальцев, потомков браков русских с бурятами, эвенками, монголами, маньчжурами и т. д., в результате в регионе сформировался интересный тип «русского» населения, основанный на бурятском, эвенкийском. Преимущество русской идентичности в идентичности гуранов позволяет людям считать себя особыми русскими. Статус этой группы не признан, однако, продолжает сохраняться. Н.Н. Цыбиков утверждает: «В своем развитии этносы постоянно подвергаются процессу взаимопроникновения (гибридизации), следствием чего является либо исчезновение этноса, либо формирование нового... Забайкалье является уникальным регионом, в котором прослеживаются эти процессы. Чётко определены временные интервалы миграционных потоков русских, которые вступали в браки с аборигенами, результатом чего явилось рождение нового этноса гуранов» [16, с. 19].

С XVII века вместе с русскими пришло в край и православие, возникновение последователей христианства или русской веры – «ород шажан». Миграционные процессы в XVIII-XIX веках, в том числе православное и иное христи-

анское миссионерство, повлекли становление православных общин и епархий на территориях, ранее не охваченных им, в частности быстрому росту числа приверженцев православия, а также старообрядчества и иных христианских доктрин в Забайкалье. В эти же времена, после церковного раскола, в Забайкалье, до казаков, поселялись и старообрядцы. Во второй половине XVIII века юго-западную часть территории современного Забайкальского края населяли ссыльные старообрядцы-семейские. Первая христианская, православная церковь – Воскресенская, была выстроена в 1670 году в Нерчинском остроге. Как автономная Забайкальская епархия сформирована была лишь в 1894 году. До нее работу проводила Иркутская епархия, которая широко развернула миссионерскую деятельность, а также Английская духовная миссия в Забайкалье. Она действовала до середины XIX века в Селенгинске. Благодаря ей был осуществлен первый перевод Евангелия на бурятский язык [9; 10; 15].

В целом, христианизация была малоуспешной: русские сохраняли свои верования даже в сообществах гуранов, а тунгусы, буряты и другие народности сохраняли свои, даже будучи включёнными в казачье войско. Христианизация, в том числе насильственная и потому часто поверхностная и малоуспешная, усилилась во второй половине XIX века, продолжается до сих пор, при весьма негативном отношении местной епархии к развитию церквей иных верований, в том числе буддизма. Протестантизм и другие христианские течения в Забайкалье возникли относительно поздно и не имеют большой значимости. Таким образом, Забайкалье сохраняет свои уникальные верования, обогащающие со временем друг друга и мировую культуру. Этот процесс не протекает просто, однако общее направление его задано отчётливо: интеграция нового и старого с опорой на традиции и соединение психотехнического и космологического, повседневного и духовного, индигенного и общечеловеческого.

Список литературы

- 1 Авилов Р. С. Дальневосточное казачество в конце XIX в. в воспоминаниях барона А. П. Будберга. // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2015. № 2. С. 28–41.
- 2 Анисимов А. Ф. Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований. Москва-Ленинград: Изд-во АН СССР, 1958. 238 с.
- 3 Богораз В. Г. К психологии шаманства у народов Северо-Восточной Азии / *Этнографическое обозрение*. Кн. 1-2. Москва, 1910. С. 84-85.
- 4 Буддизм в общественно-политических процессах Бурятии и стран Центральной Азии / *Отв. ред. Л. Е. Янеутов*. Улан-Удэ: БГУ, 2012. 160 с.
- 5 Буддизм в современных общественно-политических процессах Бурятии. Улан-Удэ: Издательство БГУ, 2012. 200 с.
- 6 Галданова Г. Р., Герасимова К. М., Дашиев Д. Б., Митупов Г. Ц. Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX века: Структура и социальная роль культовой системы / *Отв. ред.*

В. В. Мантатов. Новосибирск : Наука, Сибирское отделение, Академия наук СССР, Сибирское отделение, Бурятский филиал. Бурятский институт общественных наук, 1983. 240 с.

7 Елиасов Л. Е. Байкальские легенды и предания : Фольклор. записи Л. Е. Элиасова. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1984. 255 с.

8 Жеребина Т. В. Шаманизм и христианство. Москва : Издательство Русской Христианской гуманитарной академии, 2011. 176 с.

9 Забайкальское казачество: Сборник документов. Чита, 1991. 60 с.

10 Константинов А. В., Константинова Н. Н. История Забайкалья (с древнейших времен до 1917 года). Чита : Изд-во ЗабГГПУ, 2002. 248 с.

11 Ломоносов М. В. Древняя российская история. Краткое описание разных путешествий по северным морям. Санкт-Петербург : Лениздат, 2014. 253 с.

12 Манзанов Г. Е. Современное состояние религиозности в республике Бурятия // Религиоведение (журнал). 2005. № 2. С. 79–87.

13 Торчинов Е. А. Религии мира: опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния. Санкт-Петербург : Азбука-классика, Петербургское Востоковедение, 2005. С. 123–143.

14 Уланов М. С. Буддизм в социокультурном пространстве России. Элиста : Изд-во КалМГУ, 2009. 236 с.

15 Христенко Г. А. К истории заселения Нерчинского острога // История городов Сибири досоветского периода : Сб. статей. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1977. С. 155, 161.

16 Цыбиков Н. Н. Этногенез и резистентность // Народы Забайкалья: возрождение и развитие. Международная науч. конф., посв. 60-лет. образования Чит. обл. Чита, 24–25 июня 1997 г. Чита, ЗабГПУ, ГАЧО и ЧОКМ. 1997. С. 13–20.

17 Эвенки: Народы России. Атлас культур и религий. Москва : Дизайн. Информация. Картография, 2010. 320 с.

18 Эвенки: Сибирь. Атлас Азиатской России. Москва : Топ-книга, Феория, Дизайн. Информация. Картография, 2007. 664 с.

19 Элиаде М. Космос и история: Избранные работы / Общая ред. И. Р. Григулевича, М. Л. Гаспарова. Москва : Прогресс, 1987. С. 145–198.

20 Элиаде М. Шаманизм: архаические техники экстаза. Москва : Ладомир, 2015. 552 с.

21 Eliade M. Shamanism: Archaic Techniques of Ecstasy / Foreword by W. Doniger. Bollingen: Princeton University Press, 2004. -648 p. P. 23-64.

22 Eliade M. Shamanism //Forgotten Religion / Ed. by V. Fern. N.Y., 1949. P. 299–308.

23 Izutsu T. Mythopoetic «Ego» in Shamanism and Taoism // Sophia Perennis. The Bulletin of the Imperial Iranian Academy of Philosophy. 1976. Vol. 2. N. 2. P. 22-47.

24 Zernov N. The Russian Religious Renaissance of the XX Century. London: Harper & Row Harper & Row, 1963. 410 p.

25 Znamenski A.A. The beauty of the primitive: shamanism and western imagination. Oxford University Press, 2007. 464 с.

УДК 93/99

Я.Г. Солодкин,
г. Нижневартковск

СОВМЕСТНЫЕ ПОХОДЫ БЕРЕЗОВСКИХ КАЗАКОВ И ОСТЯКОВ КОДЫ

Исследование выполнено в рамках проекта
РФФИ 17 – 11 – 86004.

Аннотация. Казаки Березова в первые десятилетия после его основания часто предпринимали военные экспедиции вместе со служилыми кодскими остяками, что сыграло существенную роль в процессе ранней русской колонизации Западной Сибири. В ходе этих экспедиций были разгромлены Кондинское и Обдорское княжества, Пегай орда, заложены Сургут и Томск, Носовой (Обдорский), Нарымский, Маковский, Енисейский и, возможно, Кетский остроги. Березовские казаки и «кодичи», иногда со служилыми Тобольска, Сургута, Тюмени, Пелыма, участвовали также в походах за солью к Ямышевскому озеру и (под предводительством тобольского сына боярского С. Навацкого) к верховьям Нижней Тунгуски.

Ключевые слова: Березов, Кодское княжество, казаки, служилые остяки, военные экспедиции.

В 1649 году кодские остяки заявляли, что служили московским государям «с Ермакова взятая Сибири» при царе Иване Васильевиче, «города и остроги по всей Сибири ставили ... и на всяких ослушников служили ... с тобольскими и березовскими казаками за один ходили» [1, с. 122–123]. Это свидетельство, во многом подтверждающееся челобитной «кодичей» за 1636 год, позволяет, в частности, уточнить и сложившиеся в историографии представления о роли, сыгранной березовцами в процессе ранней русской колонизации «восточной страны».

Упомянутая челобитная дает возможность заключить, что уже летом 1593 года две сотни воинов правившего Кодой князя Игичея Алачева, прибывшие к строившемуся «Березову городу», совершили поход на судах вниз по «великой» Оби до городка Войкара, располагавшегося в Обдорском княжестве [5, с. 13; 16, с. 20]. Быть может, в этом походе приняли участие и березовские казаки, которые не «ставили» новую крепость, а при ее возведении (близ устья Северной Сосьвы) находились, как выяснилось в ходе сыска 1636 года, «на отвожных караулах от остяков и в розсылке на государевых службах» [9, с. 74].

Зимой 1593/94 года те же казаки под началом головы И. Змеева и «кодичи» Игичея

Алачева (который вскоре приобрел в Березове дворы [11, с. 151]) предприняли экспедицию от устья Конды в Кондинское княжество, захватив его столицу Карта-уш; тогда попали в плен местный правитель Агай, его брат Косякма и старший сын Азыпка [5, с. 14, 27; 16, с. 20; 2, с. 65]. (Заметим, что вопреки утверждениям А. Т. Шашкова и С. Г. Пархимовича [4, с. 322], стрельцы не участвовали в этом походе (их в Березове не было ни тогда, ни впоследствии), а И. Змеев в ту пору имел уже чин казачьего головы, письменным он являлся накануне, до приезда в основанную летом 1593 года отрядом воеводы Н.В. Траханиотова крепость А.И. Благово).

Согласно врученному в Москве письменному голове В. В. Аничкову наказу от 19 февраля 1594 года о строительстве «Сургуцкого города», в его «поставлении» должны были принять участие березовцы под началом головы (вероятно, казачьего) М. Норова и атамана Д. Базарова, кодские остяки Игичея; им следовало «на усть Иртиша притти к Петрову дни (29 июня. – Я. С.)», а затем отправиться в Бардаково княжество, где и заложить еще одну русскую крепость в Северном Приобье [5, с. 15, 27; 14, с. 310; 1, с. 116].

Видимо, весной – летом 1596 года, окончательно подавив восстание остяков и «самояди» поблизости от Березова, прибывшая из столицы рать воеводы князя П. И. Горчакова вместе с «кодичами» совершила карательную экспедицию на судах вниз по Оби; тогда «многих изменников остяков на бою побили», немало «иноземцев» казнили, «князьков, лутчих людей, прислали ... к Москве», на Ангальском мысу, рядом с прежней княжеской резиденцией Пулинг-авот-ваш (неподалеку от устья реки Полуй), был заложен Носовой (Обдорский) острог. Считается, что «из числа его строителей – служилых людей, входивших в отряд Горчакова, очевидно, состоял и первый ... гарнизон» этого острога [5, с. 16, 27; 6, с. 115, 149]. Поскольку отряд захудалого князя, ранее управлявшего Пельмом, перед выступлением «на Обдор» находился в Березове, допустимо полагать, что в распоряжении предводителя нового зауральского похода были и березовские казаки (позднее, будучи годовальщиками, они принимали в Обдорском городке ясак у тундровых ненцев).

В 1597 году 70 березовцев во главе с атаманами И. Пешим и И. Аргуновым вместе с сургутянами, тоболяками, «кодичами» (последние состояли под началом князей Петра и Ивана Алачевых) овладели Верхним Нарымом – главной резиденцией властителя Пегой орды князя Вони, «на бою многих изменников остяков [побили], а жон их и детей в полон поимали», и «срубили» Нарымский острог [5, с. 17–19, 27; 1, с. 116, 124]. (Примечательно, что в царской

грамоте «на Березов» от 10 сентября 1599 года говорится о просьбе новокрещенов – матери Игичея Алачева Анастасии и ее сына Петра – устроить храм в Коде и дать им «с Березова для береженья с огненным боем человек по 10-и и по 15-ти». Как мы узнаем из грамоты царя Василия от 27 февраля 1608 года, накануне в Кодский городок, дабы защитить местных князей, посылали 10 годовальщиков [1, с. 122; 2, с. 94; 10, с. 45; 12, с. 152, 172]).

Согласно царской грамоте воеводе Сургуту князю Я.П. Барятинскому, в 1601 году 50 местных служилых отправились «ставить» острог на Енисее, видимо, Кетский или Кунгопский [5, с. 20, 21; 14, с. 330]. В «разрядах» предводителем отряда, выстроившего этот острог в Пегой орде, назван М.В. Лодыгин [15, с. 30], который, возможно, возглавлял в «посылке» на Кеть не сургутян (так считали Е.В. Вершинин и А.Т. Шашков), а березовцев. Ведь «кодичи» (они, напомним, «заодин ходили» с тобольскими и березовскими казаками) тогда «на бою ... изменников кетцких остяков многих побили и переранили, и в Кетцком острог поставили» [5, с. 28].

Известно, что в строительстве Томска (1604 год), кроме русских служилых людей (сургутян, березовцев, тоболяков, тюменцев, пельымцев), юртовских татар, сургутских остяков участвовала сотня «кодичей» во главе с князем Онжей Юрьевым – двоюродным братом скончавшегося к тому времени Игичея [3, с. 31, 33, 42; 5, с. 23, 27].

В 1607 году, когда среди березовских «иноземцев» созревал «изменный» замысел [6, с. 159, 214, 215], полсотни кодских остяков с казаком из Березова И. Рябым, посланные «без русских людей ... на Обдор», схватили князя Василия Обдорского, князца Шатрова Лугуева, которых вскоре повесили «на Березове по сыску за их измену» [5, с. 24, 27–28; 2, 2008, с. 71].

В 1618 году (с того времени возобновилось российское градостроительство в «Сибирской земле») 20 «кодичей» участвовали в сооружении Маковского острога у волока с Кети на Енисей, а также разбили тунгусского князца Данула «з братьею». В составе «ставившего» этот острог отряда пельымского сына боярского П. Албычева и тобольского стрелецкого сотника Ч. Рукина находились и березовцы; одним из них являлся Т. Анфилофьев, посылавшийся оттуда в Нарым и Кетск [5, с. 25, 26, 28; 7, с. 290–292]. В следующем году три десятка кодских остяков, вероятно, опять-таки с березовскими казаками, «рубали» Енисейский (Тунгусский) острог у противоположного края волока с Кети на Енисей [5, с. 26, 28].

В течение 1627–1630 годов отряд тобольского сына боярского С. Навацкого, насчитывавший 40 «кодичей», 25 тоболяков и 25 березовцев, предпринял поход к верховьям Нижней

Тунгуски «дл[я] обереганья торговых и промышленных людей, где их иноземцы на промыслах учили побивать», «на тунгуских и гуляшских людей войною»; многих среди них в ту пору убили и «переранили», остяки из Кодского княжества «бились явственно» [5, с. 26, 28; 8, с. 151; 9, с. 52, 55].

Кроме того, березовцы и «кодичи» в 1624/25, 1625/26 годах, а наверняка и раньше, участвовали (как и служилые люди едва ли не всех сибирских городов и острогов) в экспедициях «по соль» на Ямышевское озеро [13, с. 377–378, 419; 7, с. 200, с. 259; 11, 1987, с. 147].

Стало быть, в последние годы XVI – начале XVII века, а затем в конце 1610-х годов (перерыв почти всецело приходится на время московской Смуты, когда ввиду ограниченности военных ресурсов едва ли можно было добиться расширения русских владений в Северо-Западной Сибири) березовцы часто выступали сослуживцами кодских остяков, прежде всего в походах в Большую Конду, Обдорское княжество, Пегую орду, при основании Сургута и Томска, Маковского и, вероятно, Енисейского острогов, к верховьям Нижней Тунгуски, Ямышевскому озеру, а также, не исключено, в экспедициях к Войкару и на Кеть. Эти совместные «службы», разумеется, содействовали утверждению власти московских самодержцев в их «далечайшей вотчине», причем в условиях, когда раз за разом наблюдалась «шатость», а то и «прямая измена» – попытки поднять мятеж против «белого царя».

Список литературы

- 1 Бахрушин С. В. *Научные труды*. Москва : Изд-во АН СССР, 1955. Т. III. Ч. 2. 299 с.
- 2 Березово (*Очерки истории с древности до наших дней*). Екатеринбург : Изд. дом «Сократ», 2008. 471 с.
- 3 Бояршинова З. Я. *Основание города Томска // Вопросы географии Сибири*. Томск : Изд-во Томск. гос. ун-та, 1953. Сб. 3. С. 21–48.
- 4 Буцинский П. Н. *Соч.: в 2-х т. / под ред. С. Г. Пархимовича; сост. Ю. Л. Мандрика*. Тюмень, 1999. Т. 1. 327 с.
- 5 Вершинин Е. В., Шашков А. Т. *Участие служилых остяков Кодского княжества в военных походах конца XVI – первой трети XVII в. // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее*. Сургут : Диорит, 2004. С. 10–31.
- 6 *История Ямала: в 2-х т. / под общ. ред. В. В. Алексеева*. Екатеринбург: «Баско», 2010. Т. 1: *Ямал традиционный*. Т. 2: *Российская колонизация*. 323 с., ил.
- 7 Миллер Г. Ф. *История Сибири*. 2-е изд., доп. Москва : Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2000. Т. II. 796 с.
- 8 *Очерки истории Югры*. Екатеринбург : НППМ «Волот», 2000. 407 с.
- 9 *Первое столетие сибирских городов: XVII век. Новосибирск : «Сибирский хронограф», 1996, 190 с. (История Сибири: Первоисточники. Вып. VII)*.
- 10 Перевалова Е. В. *Северные ханты: этническая история*. Екатеринбург : Изд-во УрО РАН, 2004. 414 с.
- 11 *Полное собрание русских летописей*. Москва : «Наука», 1987. Т. 36. 382 с.
- 12 *Русская историческая библиотека*. Санкт-Петербург : Типография братьев Пантелеевых, 1875. Т. II, XII + XX с. + 1228 стлб.
- 13 *Русская историческая библиотека*. Санкт-Петербург : Типография Ф. Г. Елеонского и Ко, 1884. Т. VIII,

XVI + II с. + 1292 + 52 стлб.

14 *Русское старожильческое население Югры в конце XVI – середине XIX в.: исследовательские материалы и документы*. Москва : «Галерея», 2007, 591 с.

15 Солодкин Я. Г. *Служилые люди Сургута в первые годы его существования // Очерки истории Сургута / Науч. ред. А. И. Прищепа*. Сургут : Диорит, 2004. С. 24–35.

16 Шашков А. *Первые зауральские города и остроги // Югра*. 1997. № 8. С. 18–21.

УДК 94(571)

В.Д. Пузанов,
г. Шадринск

ПЕРВЫЙ РОССИЙСКИЙ ПОГРАНИЧНЫЙ ПОЛК СИБИРИ

Аннотация. Воевода Тобольска П.И. Годунов (1667–1669) для защиты южных слобод Зауралья организовал на юге Сибири первый драгунский полк для защиты рубежей края. В 1667 году, в Тобольске началось формирование драгунского полка. Полк драгун из Тобольска был отправлен на южную границу Зауралья по р. Исети от Катайского острога до Исетского острога, где планировалось возвести ряд укреплений. Правительство неуклонно проводило политику снижения расходов на содержание служилого мира Сибири, но при этом старалась увеличить боеспособность войск, размещенных на юге Сибири, путем увеличения их численности, улучшения вооружения и т. д. К 1680 году в полк удалось набрать 935 драгун. В результате на юге Сибири был сформирован первый русский драгунский полк, несший пограничную службу в крае.

Ключевые слова: рейтары, солдаты, драгуны, служилые люди, воевода, указ, уезд.

В XVII веке в России появились полки «иноземного строя», сформированные и обученные по европейской тактике. В 1659 году в Тобольске началось формирование полков «иноземного строя» в Сибири. К июлю 1660 года воеводе Тобольского разряда И.А. Хилкову удалось набрать в городах Сибири 600 рейтар, 615 солдат и 482 стрельца. В конце 1660 года И.А. Хилков отмечал, что для прибора полных полков рейтар и солдат на Верхотурье, в Тюмень и Туринский острог был послан из Тобольска ротмистр рейтарского строя Полуехтов¹. 25 сентября 1662 года И.А. Хилков сообщал, что в Тобольске и городах разряда удалось полностью сформировать только приказ стрельцов (500 чел.), в рейтары было набрано 786 человек, а солдаты – 900 человек. 26 декабря 1661 года в Тобольск из Москвы служилые люди привезли оружие для солдат – 1000 мушкетов «з банделеры»².

¹ РГАДА, ф. 214, ст. 630, л. 23.

² РГАДА, ф. 214, ст. 630, л. 21.

В конце 1660 года тобольские рейтары били челом Алексею Михайловичу, «что им Государева жалованья на лошади и на платье и на корм по 15 рублей человеку на год мало и лошадей и кому платья на себя купить не на что прокормитца и лошадь купить нечем», прося прибавить жалованье¹. Эту просьбу поддержал воевода И.А. Хилкова, по мнению которого, рейтары нуждались в увеличении жалованья, так как им теперь надо было покупать коней и обмундирование, а платье и ткани, по данным воеводы, «перед русскими городами в Тобольске и во всех сибирских городех купать дорогою ценою в двое и больше»². Воевода отмечал, что элита служилых людей – дети боярские, из которых были взяты многие рейтары, в Тобольске имели оклад от 17 до 20 рублей в год, помимо натуральных выплат. И.А. Хилков предложил назначить рейтарам Сибири оклады на уровне рейтар Москвы. 23 февраля 1662 года царь приказал повысить жалованье рейтар до 20 рублей на год, и с Москвы было отправлено 36 тысяч рублей³.

Полки «нового строя», как об этом писал воевода Петр Годунов, были созданы для борьбы с традиционными соперниками русских в Сибири ойратами и Кучумовичами⁴. В 1662 году полки были переброшены на юг Сибири для борьбы с башкирским восстанием. Новый воевода Тобольска П.И. Годунов (1667–1669) представитель старого известного рода Годуновых при отправлении в Сибирь получил, кроме обычного воеводского наказа, «приказ словесный» от самого царя Алексея Михайловича, повелевшего употребить все усилия для поиска прибылей. П.И. Годунов решил создать основную статью доходов на жаловании служилых людей Сибири. Как раз в 1667 году полки рейтар и солдат после 5-ти лет службы в острогах и слободах края вернулись в Тобольск. В полках насчитывалось: 51 начальный человек, 696 рейтар и 844 солдат. К этому времени изменилась не только численность, но и социальный состав полка: из-за нехватки служилых людей потери восполнялись также гулящими людьми и крестьянскими детьми.

Своеобразие опыта войны в лесостепном пограничье Сибири – постоянные набеги, стычки – серьезно скорректировало тактику полков, заставив отбросить европейский строй. Полки, которые формировались, в первую очередь, из служилого населения Сибири, в боевых условиях вернулись к тактике традиционных сибирских формирований. В первую очередь, удивлял разнородностью рядового состава полков «нового строя» в стрелковом оружии. В Тобольск с пограничья пришли солдаты не только с уставными мушкетами, но с гладкими и винтовальными пищалями

ми, турками. Многие рейтары сменили уставные карабины на саадаки.

5 июня 1667 года П.И. Годунов расспросил о том, насколько служилые люди усвоили «новый строй» и насколько новая тактика применяется в условиях Сибири. Начальные люди сказали воеводе, что не знают, насколько полно сибирские служилые овладели «новым строем» в «немногое время» ученья, однако теперь рейтарам и солдатам учить некогда из-за частых станиц и караулов – «а чему в Тобольске учились и то забыли, потому что в слободах рейтаром и салдатом ученья не бывает»⁵. Офицеры также сообщили, что бегство рейтар и солдат из слобод происходит по причине недодачи «нужного жалованья» и нехватки хлеба – крестьяне не продают хлеб по указной цене, потому «что у них крестьян и у самих хлеба нет»⁶.

Выяснилось, что, помимо тех рейтар и солдат, которые служат с «государевым ружьем» (установленными карабинами и мушкетами), часть рейтар служит со своим ружьем – винтовальными и гладкими пищалями и даже саадаками. Рядовые сообщили, что многие рейтары и солдаты служат со своим ружьем, оставив выданное «государево ружье» дома, и обратили внимание П.И. Годунова на тяжелое положение с продовольствием, по их словам, многие рейтары и солдаты бежали из-за недостатка хлеба за Урал в русские города или в деревни Тобольского и Тюменского уездов. Наиболее ярким стал пример Невьянской слободы, где из гарнизона в 70 солдат осталось 5 человек⁷.

Обобщая данные допросов в приказной избе, П.И. Годунов очень критично оценивал опыт первого сибирского «регулярства», сообщая, что рядовые плохо обучены, объясняя это, впрочем, тем, что и не у кого было учиться «новому строю», «которые начальные люди ныне у рейтар и те рейтарского учения не знают». По свидетельству Годунова, после первых боев полки выступали в бой «не строем», начальные люди и рейтары воевали не с ружьями, а «с саадаками», «солдаты с винтовальными пищалями заровно с беломестными казаки», то есть как привыкли воевать сибирские служилые люди. В результате, московские традиции быстро победили европейскую организацию, Годунов прямо пишет, что деньги на обучение были истрачены напрасно: «а строем те полки по-казацки», «а никогда они стройно под знаменами рейтары не бывали, и распускали их с вашей, великих государей службы по домам и по своим промыслам для своих корыстей начальные люди». П.И. Годунов в докладе царю писал только о негативных сторонах изменений, произошедших в полках, преувеличивая их размер. Воевода умолчал, что

¹ РГАДА, ф. 214, ст. 630, л. 25.

² РГАДА, ф. 214, ст. 100, л. 9.

³ РГАДА, ф. 214, ст. 100, л. 10.

⁴ РГАДА, ф. 214, ст. 100, л. 20.

⁵ РГАДА, ф. 214, ст. 100, л. 21.

⁶ РГАДА, ф. 214, ст. 367, л. 769 об.

⁷ РГАДА, ф. 214, ст. 367, л. 771.

именно эти полки в годы башкирского восстания защитили слободы Сибири от разгрома.

Причиной расформирования полков «нового строя» в Сибири была не их военная слабость, а растущие финансовые проблемы Русского государства. Полки «нового строя» служили без хлебного жалования, покупая хлеб у крестьян слобод Сибири. В 60-е годы XVII века после финансовых экспериментов правительства, цены на продовольствие по всей России резко пошли вверх, поэтому воеводы Тобольска И.А. Хилков и А.А. Голицин обязали слободских крестьян продавать хлеб рейтарам и солдатам не по рыночной, а по «указной цене» – 10 копеек за пуд ржи. Это административное регулирование привело к социальным противоречиям. В результате, П.И. Годунову удалось добиться согласия царя на расформирование с таким трудом набранных в Сибири полков «нового строя». Если солдатский полк был полностью раскассирован, то часть рейтар (360) были оставлены и получали оклад, уменьшенный Годуновым на 3 рубля – всего 12 рублей в год. В целях защиты южных слобод Сибири, пытаясь одновременно сочетать принципы экономии и безопасности, П.И. Годунов предложил царю создать на юге Сибири драгунский полк, сформированный по образцу подобных формирований из крестьян, построенных в России на южной и западной границах. Воевода сам писал в Сибирский приказ, что примером для формирующегося драгунского полка послужили ему комарицкие и олонечские драгуны.

Почему П.И. Годунов решил поселить на юге именно полк драгун? Полагаю, что это решение возникло под влиянием известного борца за славянское единство хорвата Юрия Крижанича. Ю. Крижанич, в 1661–1676 годы живший в ссылке в Тобольске, критиковал строй рейтар и вооружение. По мнению ученого, кавалеристы в латах, рейтары в условиях России были не нужны, так как их легко побеждала легкая татарская конница. Ю. Крижанич писал, что шпаги рейтар смешны в бою с татарами и уступают сабле, и полагал, что в Русском государстве нужны драгуны или мушкетеры, «которые носят мушкеты и сражаются пешими», причем особенно полезны эти воины могли бы быть в Сибири для борьбы с калмыками и татарами. Эти положения о военном деле были изложены Ю. Крижаничем в работе «Политика», написанной в первой половине 1660-х годов в Тобольске на основе размышлений о русско-польской войне 1654-1667 годов [2, с. 96–100]. Вероятно, Ю. Крижанич познакомил с этими идеями нового воеводу Тобольска П.И. Годунова.

П.И. Годунов хотел набрать полк в 1200 драгун, зачислив туда, в первую очередь, распущенных рейтар и солдат, а также охотников из служилых людей и гулящих людей. Крестьян-

ских детей, попавших в состав полков «нового строя», предполагалось вернуть обратно в свое сословие. Годунов решил вывести драгун из Тобольска на границу и разместить на среднем и нижнем течении р. Исети от Катайского острога до Исетского острога, где планировалось возвести ряд острогов, связанных в непрерывную линию засеками и валами. Построенная Исетская линия должна была прикрыть территорию Тобольского, Верхотурского, Тюменского и Туринского уездов – район компактного проживания русского населения со стороны калмыцкой степи, а также крайний юго-западный участок новой колонизации.

15 ноября 1667 года план Годунова был утвержден царем Алексеем Михайловичем: предусматривалось расположить роту драгун в Тарханском остроге на р. Тобол, полроты в Ялutorовской слободе, роту в Исетском остроге, роту в Мехонском, полроту в Шадринском, полроту в Катайском острогах. Кроме уже имеющихся по р. Исеть, намечалось строительство новых острогов, которые планировалось разместить следующим образом: на речке Масленке – роту, на устье р. Синары – полроту, на устье р. Каменки – 2 роты, на озере Исеть – роту, на верховьях р. Чусовой – 2 роты. Параллельно с усилением драгунского полка на юге Сибири администрация Тобольска предпринимала меры по полному сосредоточению власти в крае в своих руках. П.И. Годунов переподчинил себе последнее верхотурское поселение на р. Исеть – Катайский острог, обосновав это тем, что он «... построен меж слобод Тобольского уезду и от Верхотурья удален» и приказав управлять острогом не приказчиком, а «драгунским начальным людям», в частности, майору Алексею Фефилову. Годунов собирался поселить драгун по линии «домами», вооружив их оружием европейского образца – «мушкетами с банделерами», выписанными из Москвы, выучить, наконец, правильному строю – ходить в бой «под знаменем». Состав драгунского полка был утвержден в 1200 рядовых и 53 чел. начальных людей (1 полковник, 1 полуполковник, 1 майор, 1 ротмистр, 1 капитан-поручик, 12 капитанов, 11 подпоручиков, 12 прапорщиков, 12 подпрапорщиков, 1 квартмейстер).

В июне 1667 года, еще до того, как рейтарский и солдатский полки были расформированы, в Тобольске началось формирование драгунского полка. Первыми драгунами стали 300 человек: 26 ссыльных и 274 солдат, стрельцов, пеших казаков и гулящих людей, которые, по призыву Годунова, «били челом Великому Государю в драгунский строй». По словам воеводы, они, «буде Государь драгунскому строю в Сибири быть не изволит», были готовы служить по примеру беломестных казаков. С.В. Бахрушин считал, что драгунский полк в Сибири был сформирован из «бывших рейтар и солдат», что отражало скорее

намерения П.И. Годунова, чем достигнутый им результат [1, с. 279]. Рейтары и солдаты отказывались от драгунской службы, многие из них, по данным нового воеводы Тобольска князя И. Б. Репнина, «розбрелись в розные места»¹. В результате, в полк драгун пришлось набирать не профессиональных военных, его основу составили беломестные казаки, крестьяне и гулящие люди.

Набор драгун в реальности стал очень трудным делом, от него уклонялись как раскассированные рейтары и солдаты, так и беломестные казаки северных слобод, которые должны были перейти на Исетскую линию. Все рейтары и большинство солдат (из 844 солдат в него вошло только 44 человека) уклонились от набора в драгунский полк – несколько сотен человек вернулись в состав сибирских служилых людей или «разошились в разные места безвестно» по данным сибирской администрации. По данным Годунова, ему удалось набрать в полк и послать в остроги на р. Исеть 730 человек². В 1670 году князь И.Б. Репнин сообщил в Сибирский приказ более полные данные об источниках формирования драгунского полка. Его данные наглядно показывают, что план П.И. Годунова зачислить в полк как можно больше бывших рейтар и солдат не был реализован. Хотя реальной причиной действий П.И. Годунова были финансовые проблемы, воевода попытался обосновать проведение реформы также и особенностями военного дела на сибирском пограничье: «к осаде и в посылках драгуны рейтар и солдат к татарскому бою прибыльнее, потому что рейтар татарина догнать в поле строем не успеет», кроме того, преимуществом драгун была их способность воевать как в пешем, так и в конном строю («а драгун в походе конный, а и пеш драгун – солдат же»)³. Однако понятно, что подобное объяснение было оторванным от реальности, даже из сибирских служилых людей в условиях экономии не могли выйти более обученные драгуны, чем раньше рейтары и солдаты, а крестьян и гулящих людей обучать надо было гораздо больше.

Годунов представил в Сибирский приказ расчеты, показывавшие, в результате создания драгунского полка, большую «прибыль» казне. Содержание оставшихся рейтар и солдат, переименованных в драгуны, обходилось казне в 2 раза дешевле, чем содержание полков «нового строя». Оклады набираемым драгунам были значительно сокращены: рядовые получали по 5 рублей и 2 с четвертью пуда соли в год (по примеру беломестных казаков), а также 2,5 рубля на лошадь и 1,5 рубля на постройку дома одновременно⁴. Они, получая малое жалованье,

обязаны были сами пахать пашню, как это привлекли делать многие сибирские служилые люди. В первый год, когда драгунам полагалось выдать 9 рублей, экономия только с бывших рейтар составляла 4 176 рублей, а на последующие, когда оклад сокращался в 3 раза – 6 996 рублей. Экономия по полку на второй год после его переформирования должна была составить 5 761 рубль.

Главной причиной реформы стало сокращение содержания полков, обходившихся для Сибири очень дорого, по данным Годунова, «по 23 тысячи рублей на год и больше». После образования полков на них ежегодно тратилось в 1661 году 34 тысячи рублей, а после повышения жалования рейтарам – 36 тысяч рублей. Хотя к 1667 году, после боев с башкирами, численность полков «нового строя» уменьшилась и на жалование уходило ежегодно только 24 005 рублей (из них начальные люди получали 4 324 рубля, рейтары 10 440 рублей, солдаты 9 241 рубль), то теперь и эта уменьшенная сумма была велика для казны.

Реформы П.И. Годунова вызвали широкое недовольство сибирских служилых людей. В 1670 году воеводой Тобольска был назначен князь И.Б. Репнин, который принадлежал к высшей аристократии Русского государства. И.Б. Репнин весной 1670 года послал на реку Исеть Самойло Блудова, для досмотра мест под предполагавшиеся новые крепости и проверки личного состава драгунского полка. Выяснилось, что планируемые укрепления некому строить и нет кадров, достаточных для укомплектования уже построенных острогов: «драгуны многие розбежались», и всего на Исетской линии осталось 438 человек. Кроме того, на Таре имелось 44 драгуна.

Причиной этого стало формирование полка из разных групп, среди которых большая часть принадлежала к людям, малознакомым с военной службой – крестьянам своим родственникам, гулящим людям, ссыльным. Из 80-ти ссыльных в «понизовые сибирские города», которых П.И. Годунов послал в южные остроги, большая часть (52 человека) бежали. 72 беломестных казака Верхотурского уезда, которых П.И. Годунов зачислил в полк, отказались ехать и к 1670 году все еще оставались в своих слободах. И.Б. Репнин, узнав об этом, «велел начальных людей в слободах убавить, для того, что драгун мало, а начальных людей много и чтоб в том Государевой казне напрасных расходов не было». В результате, многие начальные люди, в первую очередь, из ссыльных, были отстранены. В то же время, воевода попытался «дополнить» драгун до 1000 человек, путем набора желающих из гулящих людей и членов семей крестьян. По данным «подписной росписи», посланной в Тобольск из Исетских слобод Самойло Блудовым, заявили о своем желании записаться в драгуны

¹ РГАДА, ф. 214, ст. 100, л. 35.

² РГАДА, ф. 214, ст. 100, л. 35.

³ РГАДА, ф. 214, ст. 100, л. 25.

⁴ РГАДА, ф. 214, ст. 100, л. 22.

144 детей, братьев и племянников стрельцов, 38 родственников посадских людей и 384 человека из крестьянских семей. Но добрать 1000 драгун из этих «охочих людей» И.Б. Репнину не удалось, царским указом 1671 года было предписано вернуть уже набранных в полки «нового строя» крестьян, если «без них будет быть мочно».

К 1671 году в слободах по р. Исеть находились только 438 драгуна, к 1674 году – 386 драгунов под командованием полковника Иоганна Ремеса (т. е. полк был укомплектован на 1/3). По данным отписки Тобольского воеводы боярина П.М. Салтыкова от 27 февраля 1674 года, из 730 драгун, набранных П.И. Годуновым, к этому времени многие «розбежались и живут в разных местех и поверстаны в разные чины»¹. По росписи 1678 года, в Сибири в полках «нового строя» насчитывалось 358 рейтар в Тобольске, Тюмени и Таре и 495 драгун. Начальные люди драгунского полка, назначенные из тобольских детей боярских, сами не знали драгунского учения, по данным Сибирского приказа.

Политика правительства и воевод Тобольска в отношении драгунского полка являлись следствием взаимодействия двух тенденций. С одной стороны, центральная власть неуклонно проводила политику снижения расходов на содержание служилого мира Сибири. С другой стороны, эта же власть старалась увеличить боеспособность войск, размещенных на юге Сибири, путем увеличения их численности, улучшения вооружения и т. д. Первая задача решалась воеводами Тобольска мерами по переводу драгун на самообеспечение и ликвидацией даже того небольшого жалования, что было положено Годуновым. Попытки усилить обороноспособность полка драгун в 70-80-е годы XVII века сталкивались с обычными для Сибири того времени трудностями – нехваткой служилых людей, оружия, денег. Первоначально в состав полка было включено значительное количество представителей групп «тяглых людей» – оброчных крестьян, ямщиков, жителей посада. Тобольская власть терпела такое положение, сопряженное с фискальными потерями, прежде всего, из-за нежелания элитных категорий служилых людей Сибири отправляться в остроги Зауральского пограничья.

В 1680 году указ Федора Алексеевича приказал довести на юге Сибири число драгун до 1000 человек из групп, не связанных тяглом. К 1680 году, по данным списка Тобольского уезда, в южных острогах и слободах имелось 635 драгунов, по царскому указу в этом году было прибрано в драгуны еще 300 человек. Кроме того, в слободах имелось еще 184 беломестных казака. Грамотой царя Федора Алексеевича Шереметеву было предложено увеличить усилия по набору в драгуны «драгунских детей и братья», а также выбрать из родственников служилых людей

Тобольска 300 человек и отправить их в полк «к прежним драгунам». Правительство распорядилось выдать средства на ведение хозяйства новым драгунам: «на семена... взаймы... по 4 чети ржи, по 6 чети овса на сенью и той семянной хлеб им драгунам посеять, и в пашенное время смотреть за ними драгунским начальным людям, чтоб они драгуны того хлеба не истеряли».

В 1680 году новоприборным драгунам было послано из Москвы 273 бердышей, которых было приказано раздать в слободах и зачесть в оклад по 3 алтына за бердыш. Большое внимание уделялось вооружению драгун, мушкеты и пищали, которых было приказано унифицировать по типу «Московской пехоты», недавно модернизированных стрельцов, «сделать к мушкетам, которые были с жаграми ложи новые, у которых ложь быть замком». Шереметев сообщал о нехватке оружия в Сибири: в зауральских слободах Верхотурского уезда «пушек нет, а ружья... мало, а в иных слободах и нет и в приход воинских людей оборониться будет нечем». В самом Тобольске не у всех служилых людей имелись ружья. В это время правительство занялось также и улучшением материальных условий службы драгун. В 1680 году указом Федора Алексеевича было приказано прибавить драгунам земли и давать по 5 десятин в поле, всего 15 десятин на человека. Начальство должно было следить, чтобы драгуны обрабатывали пашню без участия «выдельщиков» для поддержания крепости хозяйства служилых людей. В 1683 году драгуны южных острогов и слобод по р. Исеть в челобитной сообщили, что они получают денежное жалованье 5 рублей, а за хлебное жалование им была дана земля по 2,5 десятины в поле, всего 7,5 десятин. Однако во время этой общей военной реформы правительство стало испытывать все большие трудности с деньгами. В результате, в этот период денежное жалование драгуны получали с большими задержками и не каждый год. По данным Сибирского приказа, драгуны получали жалованье в 5 рублей с 1668 года, причем оклад выдавался им не только деньгами, но хлебом и товарами. В марте 1683 года драгуны подали челобитную в Москве, где сообщали, что не получили жалованья за 5 лет – 1677, 1679, 1681, 1682, 1683 годы. Преобразования 1678–1680 годов позволили усилить численность и вооружение драгунского полка в Сибири. На юге Сибири был сформирован первый русский драгунский полк, несший пограничную службу в крае.

Список литературы

- 1 Бахрушин С. В. Воеводы Тобольского разряда в XVII в. // Научные труды. Москва, 1955. Т. 3 : Избранные работы по истории Сибири XVI-XVII вв. Ч. 1: Вопросы русской колонизации Сибири в XVI-XVII вв. С. 252–297.
2 Крижанич Ю. Политика. Москва : Новый свет, 1997. 528 с.

¹ РГАДА, ф. 214, см. 100, л. 296.

А.П. Ярков,
г. Тюмень

О МЕСТЕ ИСЛАМСКОЙ РЕЛИГИИ В ПРОСТРАНСТВЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XVIII ВЕКЕ

Аннотация. В XVIII веке в пространстве Западной Сибири (где территория современной Курганской области – часть обширнейшей Сибирской губернии) проходили разнонаправленные процессы. Коснулись они и мусульман из ичкинских татар и сафакулевских башкир – органичной части региональной, общероссийской и мировой уммы.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Ислам и государство.

При единичном проникновении мусульман в Восточную Сибирь, в жизни мусульман во всей Северной Азии доминировала коллективная модель экономических, социальных и культурных связей, где индивидуальность мусульманина и личностное восприятие окружающего мира занимали подчинённое место. Касается это и пространства современной Курганской области, в XVIII веке являвшегося частью обширнейшей Сибирской губернии. Более того, ичкинские татары, причисленные к казачеству в силу исторических, природно-средовых, социокультурных причин отличались воинственностью, были востребованы государством при присоединении новых территорий.

Век прошёл для мусульман под знаком зависимости от часто менявшейся политики. Несмотря на укрепление идей Просвещения в губернской столице – Тобольске, насильственное крещение не прекращалось, а правительство и РПЦ всё жестче преследовало мусульман, старообрядцев и «язычников».

Это стало заметнее при Петре I, который стремился укрепить власть и средствами идеологии. Царя к тому принуждали экономические обстоятельства, требовавшие ухода от экстенсивного пути и, соответственно, перевода промыслового населения в разряд оседлого. Это предполагалось осуществить и закрепить на ментальном уровне с помощью христианизации, русификации и перевода в крестьяне – через оседание [1, с. 21; 3, с. 139–157]. Активизировались сторонники Петра среди иерархов и священников РПЦ, усилилось миссионерство, а мусульманам разрешили строить мечети лишь в «дальних местах». Реакция была адекватной: в 1705–1711 годы вспыхнуло очередное «Башкирское» восстание (захватившее и юг региона) с участием духовных лидеров.

Умма осталась консервативной, а часть му-

сульман питала негативное чувство к православию. Об этом свидетельствуют изъятые книги и рукописи с «хулой».

Безусловно, система отношений внутри уммы и за её пределами соответствовала представлениям социума и индивида. Например, статус служителей ислама и предводителей определялся не имущественным положением (хотя и принималось во внимание), а личной нравственностью и реальными делами. К авторитетным обращались для совета и разрешения споров.

В среде мусульман встречались яркие личности. Им, без сомнения, был «глава чатского духовенства в Томском уезде» Саид, который в не самое благоприятное время обратил в ислам часть зуштинцев. Не менее активен был его сын, также Саид, завершивший дело отца. Авторитет имел и ахунд Тобольска Б. Резепов-Кукмурский, лишённый княжеского титула за сопротивление насильственной христианизации казанских татар. Отправленный в г. Тобольск, он и там занимался пропагандой ислама.

Личностью в умме могли стать редкие люди, облечённые лидерскими качествами (харизмой) и доверием соплеменников. Это те, кого с челобитными отправляли в Тобольск, Томск и Санкт-Петербург, лидеры Крестьянско-казачьих и «Башкирских» восстаний.

Правительство и местные власти стремились получить данные об образе жизни различных общностей, их «законах и обычаях», чтобы организовать систему управления. Как следствие, разрешение конфликтов было отдано на усмотрение старшин. Одновременно ужесточалось наказание за прозелитизм: в губернаторском наказе 1727 года предписано: «...буде кого бесурман какими-нибудь мерами и насильством или обманом русского человека к своей вере принудит и по своей бесурманской вере обрежет, того бесурмана по сыску казнить, сжечь огнем без всякого милосердия, а кого он русского человека обасурманит и того русского человека отослать к патриарху или иной власти и велеть ему учинить указ по правилам святых апостол и святых отец: того ради как в Сибирской, так и в Казанской и Астраханской губерниях и провинциях под вышеупомянутым страхом подтвердить публичными указами, чтоб впредь татарские абызы в остяцкие и в чувашские и мордовские и прочие бесурманские жилища и юрты для учения махOMETанской веры и обрезывания отнюдь не приходили...» [9].

Новое время отмечено активными этническими процессами под влиянием политических и религиозных факторов. Не все тюркоязычные сибиряки исповедовали ислам, но тюменские татары и бухарцы идентифицировали себя только с мусульманами. В то время фарсоязычные бухарцы в общении постепенно переходили на тюркские языки. А иные бывшие подданные Си-

бирского ханства (вдали от владений Москвы) становились «язычниками» и алтайцами-тубаларами [9]. Они так «возрождали» прежнюю этническую и конфессиональную принадлежность. Но и принадлежность к умме – не препятствие к вражде. Башкиры и казахи, страдая от взаимных нападений, а также набегов калмыков, искали защиты у государства. В тот период оседание поволжских татар было связано не только с миграцией, но и укоренением в Сибири после службы в армии.

Вскоре противником крещения стало само государство, но не по мировоззренческим или политическим причинам, а вследствие материальных потерь. С 1720 года «воспринявших христианскую веру» предписывалось награждать и освобождать «от всяких сборов и податей» на 3 года. Осознав урон от миссионерской деятельности, в 1726 году вышел Указ «О выключке из подушной переписи крестившихся в греко-российскую веру Сибирских ясачных инородцев, и о собирании с них ясаку по-прежнему». Лишь в 1731 году принят Указ о награде крещёных калмыков и татар. Эти льготы подтверждены Синодом, но массового перехода в православие более не наблюдалось [2, с. 72-73, 77, 139, 146].

При сибирских митрополитах Антонии II (Нарожницком) и Сильвестре миссионерская деятельность вновь усилилась. Но, обеспокоенные снижением налоговых поступлений сибирские власти начали протестовать. Попытки обеспечить пользу только для одной стороны (РПЦ) и исключительно средствами насилия, без учёта мнения всех сторон, замешанных в правовых коллизиях, вызвали вал новых Указов, восстанавливавших статус-кво [6, с. 168–170].

Мусульмане встречались с чиновниками лишь по необходимости – для решения вопросов, связанных с исполнением повинностей и фискальными обязанностями. Но фактически они не надеялись на разрешение имущественных споров и реализацию социокультурных, в т. ч. религиозных, потребностей с помощью государства. Поэтому потребность мусульман в овладении русским языком была минимальной: «немногие с нуждою на русский язык переводят» [5, с. 66, 68]. Этот факт можно признать достоверным, но утверждение, что татары «грамматики у себя не имеют, и грамматического учения не знают», можно подвергнуть сомнению. Есть данные о сачара и «сысканных у тобольских татар книжках и письмах...», носимых ими татарами на грудях и усмотренных и сысканных у них де в аракинах и шапках писем, отобранных к делу в силе 1731 года Указе и уложении» [8, с. 209–212]. Это говорит не только о репрессивной политике государства по отношению к исламу, но и сохранявшейся у сибирских мусульман грамотности (хотя и не повсеместной) и тяге к знаниям.

Притеснения усилились, когда в 1747 году

вышел Указ Сената «О не переводе живущих в Сибирской Губернии иноверцев в другие места, и о позволении им построить расстоянием от каждого в полуверсте по одной мечети» [7, с. 775-776].

Синод принимал во внимание жалобы православной епархии на мусульман: была создана Следственная комиссия. Ей предписали выяснить всё о межконфессиональной ситуации. Но она исходила из позиции: «о происходящих от них, татар, на православную христианскую веру поруганиях и прочих предрезостях, а потом по протчем изследовать смотря при том по должности своей и по сущей справедливости накрепко». Кошунством комиссия посчитала не только устное поругание православия, но и то, что бывшие мусульмане, став новокрещёными, продавали нательные крестики [4, с. 186–188].

Являлись ли реальностью или наветом случаи, когда православные Южного Зауралья принимали ислам, а «малых ребят» якобы «скрадывали и бусурманили», за что «русские люди татар потому-ж побивали», судить трудно. Оценка другого в те времена часто исходила из предопределённых воспитанием и межконфессиональной ситуацией схем, что нередко «давали сбои». Мусульмане также следовали подобным схемам, а в отсутствие иерархии и общепризнанных духовных лидеров из улемов в сибирском исламе различные варианты становились нормой.

Осознав пагубность притеснения неправославных и старообрядцев, Екатерина II постаралась дать законное обоснование религиозной терпимости. В 1762 году, в ответ на просьбу бухарцев «императорское величество всемилостивейше соизволяет на отвод потребных земель и основании местечка или слободы». После строительства селения было разрешено «построить для них мечеть по тому плану и фасаду, который её величеством отобран для построения мечети на линии для киргиз-казаков, на что и сумма потребная по исчислению в свое время ассигнована будет» [10, с. 105, 118, 157, 164].

Однако, позиционируя себя сторонницей либеральных идей, царица защищала внутреннюю политику на присоединённых территориях и в своём «Антидоте» выступила критиком книги Ш. д'Отроша о Сибири. Идеями противниками императрицы были не только ортодоксы или европейские путешественники в лице д'Отроша. Стремясь приобрести на освоенных и присоединяемых территориях союзников, власти ввели статус «мусульманское духовенство», предоставив им льготы.

Восстание под руководством имама Батырши (А. Галиева), затронув и часть населения, проживавшего на территории современной Курганской области, показало, что время репрессий прошло, тогда как авторитет лидеров по-прежнему высок.

Власти охраняли приоритет РПЦ, обеспечивавшей идеологическую прочность государству и стабильность положения православных, контролировали соотношение их и «иноверцев» в городах. Одновременно нужно было сократить размах народных выступлений и поставить под контроль все группы, обладавшие реальным влиянием.

Консерватизм основной части мусульман связан с нараставшей в XVIII веке тенденцией к догматизации, которая привела к кадимизму, отражая очередную попытку переосмысления заповедей пророка Мухаммеда, а также с силой традиционного общества.

В тот век закрепились границы государства в Южной Сибири, как и завершился процесс этнического и конфессионального (через обращение в ислам) самоутверждения «барабинских и части тоболо-иртышских и томских татар, оставшихся до того шаманистами». В дополнение сюда пришли новые группы мусульман из Центральной Азии, сформировав конфессионально-этнографический ареал [11, с. 176].

Появление в 1789 году Оренбургского мусульманского духовного управления не только выстроило систему отношения уммы и государства, но и способствовало укреплению единства мусульман России. В развитии этого «сюжета» на рубеже XVIII-XIX веков под влиянием общемировой и общероссийской модернизации общественной системы среда местных мусульман взрастила череду неординарных личностей – носителей новой этики, внёсших серьёзный вклад в развитие края. Внедрение в сознание единоверцев оценочных подходов к разнообразию мира ещё не стало широко распространённой тенденцией, но их появление стало отражением идей Нового времени, хотя сама умма осталась консервативной.

Список литературы

- 1 Александров В. А. Русское население Сибири. XVII – XVIII вв. Москва, 1964.
- 2 Бакиева Г. Т. Сельская община тоболо-иртышских татар (XVIII – начало XX вв.). Москва; Тюмень, 2003.
- 3 Кабузан В. М., Троицкий С. М. Сибирь периода феодализма. Вып. 1. Новосибирск, 1962.
- 4 Ключева В. П. К вопросу о деятельности Следственной о татарах и бухарцах комиссии (середина XVIII в.) // Тюркские народы: мат. V Сибирского симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск, 2002.
- 5 Огрызко И. И. Христианизация народов Тобольского Севера в XVIII в. Ленинград, 1941.
- 6 Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода (1730). Т. X. Санкт-Петербург, 1901.
- 7 ПСЗ РИ. 1-е собр. Т. IV. Санкт-Петербург. 1830. №. 1946. Т. XIX. № 13996.
- 8 Трофимова О. В. Ведомость Тюменской воеводской канцелярии 1746 года как источник по этнической истории татар // Тумашевские чтения: актуальные проблемы тюркологии: мат. Всерос. науч.-практ. конф. Тюмень, 2007.
- 9 Шерстова Л. И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. Новосибирск, 2005.

10 Щеглов И. Б. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. Сургут, 1993.

11 Юзефович Л. А. «Как в посольских обычаях ведётся...». Москва, 1988.

УДК 94(470)

А.Л. Устинов,
г. Екатеринбург

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЗАВОДОВЛАДЕЛЬЦЕВ И БАШКИР НА КАСЛИНСКОМ И КЫШТЫМСКИХ ЗАВОДАХ В СЕРЕДИНЕ – ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ КУПЧИХ КРЕПОСТЕЙ)

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы взаимодействия русских заводовладельцев и инородцев в период создания заводских хозяйств на Южном Урале. На примере материалов купчих крепостей дается анализ характеру, условиям и факторам формирования таких отношений. При этом автор ставит проблему с позиции ее влияния на эффективность организуемого производства и его характер на рассматриваемых заводах.

Ключевые слова: купчая крепость, заводовладельцы, инородцы, башкиры, эффективность производства.

Проблемы взаимодействия с инородческими элементами в период заведения заводского хозяйства весьма актуальны, ведь это позволяет понять, насколько глубоко такие отношения влияли на эффективность и характер самого производства на организуемых заводах, и с какими трудностями столкнулось Российское государство на пути колонизации Южного Урала и Зауралья в период создания капиталистического хозяйства. Именно обеспечение эффективности управления заводским хозяйством становится важной задачей такой колонизационной политики.

Задачи эффективной организации производства и управления, такой организации, которая бы обеспечила и высокое (или, по крайней мере, приемлемое) качество выпускаемой продукции, и ее гарантированный, а главное выгодный с точки зрения цены сбыт, и минимальные затраты, и, что, наверно, самое главное, достойный уровень жизни людей, создавших эту продукцию, нельзя не согласиться, не решены до сих пор. В этой связи обращение к прошлому опыту решения таких вопросов может представлять существенный научный интерес.

Как этот вопрос решался в исторической науке?

Главным фактором, определяющим основу

советской исторической науки, был формационный подход. В соответствии с таким разделением применительно к России эпоха капитализма брала свое начало с 1861 года – года отмены крепостного права. Следовательно, и изучаемый нами период, и собственно промышленное развитие этого периода анализировались с позиций феодализма, то есть и уральская промышленность XVIII века признавалась феодальной, а точнее феодально-крепостнической, хотя и отмечались черты вызревания капитализма [3, с. 25]. Зарождение и генезис капитализма, товарного производства, формы и темпы развития капитализма на Урале и в Западной Сибири были рассмотрены А.А. Преображенским [10, с. 23]. И.Д. Ковальченко и Л.В. Милов основным фактором генезиса капитализма считают складывание всероссийского рынка, в котором уральская промышленность заняла свое особое место [2, с. 37].

В 1990-е годы в исторической науке намечился новый поворот в исследовании промышленного развития Урала. Данная тема стала особо перспективной в связи с отказом от классового подхода в интерпретации отдельных событий и процессов прошлого. На базе основных методологических подходов и степени полноты и разработанности темы о системе управления частным металлургическим производством Урала эти работы можно разделить на следующие категории:

1 Базовые исследования источниковедческого характера, основанные на анализе архивного и документального материала по истории горнозаводского хозяйства Урала (пример – работы Е.С. Тулисова, В.А. Перевалова [8, с. 316–335]).

2 Общетеоретические исследования по истории промышленного развития Урала (Е.В. Алексеева, Н.С. Корепанов, Д.В. Гаврилов, И.В. Побережников, С.А. Нефедов [1, с. 108–118; 7, с. 93–107; 9, с. 93–107]).

3 Исследования, изучающие проблемы развития промышленного Урала с позиции социокультурного подхода (Н.А. Миненко, Н.С. Корепанов [4, с. 27–39]).

4 Исследования по проблемам заводского хозяйства конкретных заводчиков (Е.Г. Неклюдов, И.Н. Юркин, С.В. Голикова [6, с. 103–120]).

5 Исследования по вопросам промышленной политики и проблемам взаимодействия различных групп заводского населения и управленческого аппарата заводов (наиболее многочисленная часть исследований – сюда можно отнести работы Е.Г. Неклюдова, В.А. Шкерина, Д.А. Редина, Л.В. Сапоговской, В.А. Манина и других историков [5, с. 45–55; 11, с. 174–187]).

При всем многообразии исследований все они затрагивают проблемы по большей части лишь Среднего Урала как наиболее типичного

в характеристике проблем промышленного развития России в целом. Южный Урал рассматривается лишь вскользь, его особенности если и выделяются, то детально не анализируются, и уж тем более, нет комплексных трудов по истории управления отдельными горнозаводскими центрами или заводами на Южном Урале периода генезиса капитализма. Как справедливо отмечают сами южноуральские историки, Н.М. Меньшенин и Г.Х. Самигулов, «по тем или иным причинам историки как дореволюционного и советского, так и постсоветского времени, обходили и обходят эту проблему» [12, с. 7].

Исходя из сказанного, целью нашего исследования является комплексный и всесторонний анализ тех форм и методов взаимодействия заводчиков и инородцев, которые оказывали воздействие на весь производственный процесс на заводах Южного Урала (в нашем случае, Касли и Кыштым) в середине – третьей четверти XVIII века, причем не просто анализ, а анализ с позиции их эффективности как для самого производства, так и для обеспечения социального мира и благополучия в столь беспокойном и с социальной, и с этнической позиции регионе.

Основу данного исследования составляют материалы фонда И-172 Объединенного Государственного архива Челябинской области (далее – ОГАЧО) «Главное управление Кыштымскими горными заводами Департамента горных и соляных дел г. Кыштым Екатеринбургского уезда пермской губернии 1746 – 1917 гг.».

Насколько сама территория, отведенная под Каслинский и Кыштымские заводы, была пригодная для заводской деятельности? И о какой эффективности управления заводским хозяйством мы можем говорить?

Думается, ответ на этот вопрос следует искать в тех купчих крепостях, которые Демидовы заключали с местным населением (в основном, башкирами), покупая у них земли – какие угодья они покупали, на каких условиях, и какова была их стоимость?

Данные по купчим крепостям за 1747–1765 годы приведены в таблице 1.

Таблица 1 – Купчие крепости о продаже башкирами земель под Каслинский и Кыштымские заводы Н.Н. Демидова за период с 1747 по 1765 год [14, д. 7, л. 1 – 210]¹

Дата заключения купчей	Продавец земли	Покупатель земли	Цена, руб.	Условия договора	Сохранившиеся за башкирами льготы
14.05.1756	Б. Чирминской волости О.г. И.п. С.д.	Н.Н. Демидов	70	«Объявили во вечное владение впредь безповоротное и безъ выкупу со всякою отъ вступщиковъ очисткою вотчинную свою землю во оной Чирминской волости со всеми лесами, съ рудными местами и санными покосы и съ прочими угоды къ Кыштымскому его господина Демидова вновь строящемуся заводу» [14, д. 7, л. 4]	«Имеющимися нашими старыми дельными бортными деревьями владеть, зверей гонять, хмель щипать и рыбу ловить намъ, башкирцамъ, по-прежнему... сысканные всякия руды отдавать намъ, башкирцамъ, имъ, Демидовымъ, безъ всякой утайки, а другимъ заводчикамъ сысканныхъ рудъ не отводить и ни кому, кроме имъ, Демидовымъ, не добывать» [14, д. 7, л. 4 – 4 об.]
03.03.1759	Б. Шуранской волости О.г. И.п. С.д.	Н.Н. Демидов	100	«Дали сию купчую господину статскому советнику Никите Никитину сыну Демидову, въ томъ, что мы... по нашему общему согласию продали... ему, господину Демидву, жене, детям и наследникамъ его вотчинную свою стариннаго владения землю» [14, д. 7, л. 30-31]	«Имеющимися нашими старыми дельными бортными деревьями владеть намъ, зверей гонять, хмель щипать и рыбу ловить, а до прочаго ни до чего намъ дела нетъ и не вступаться, и руду крыть его, Демидова, въ той проданной земле не добывать, и на сторону ни кому безъ позволения его, Демидова, нам не отдавать» [14, д. 7, л. 31 – 31 об.]
30.09.1765	Б. Шуранской волости О.г. И.п. С.д.	Приказчики Н.Н. Демидова Селезнев и Денисов от имени своего заводчика (и на его имя)	50	«Башкирцы со общаго согласия ему, господину дворянину Демидову, жене его и детямъ въ потомственное и безповоротное ихъ вечное владение... приказикамъ Селезневу и Денисову [по] договорному письму не забраваную оставшую за продажею на прежде сего... безповоротное и безъ выкупу со всякою отъ выкупщиковъ очисткою, вотчинную собственную свою стариннаго владения... землю по реке Уфе внизъ по обе стороны» [14, д. 7, л. 35]	«Имеющимися нашими старыми дельными бортными деревьями владеть, зверей гонять, хмель щипать, рыбу ловить, а до прочаго намъ ни до чего дела нетъ. И руду на сторону безъ повеления ихъ, Демидовыхъ, не добывать» [14, д. 7, л. 35 об.]

¹ Используемые в данной таблице сокращения:

Б. – башкиры;

И.п. – Исетская провинция;

К.д. – Казанская дорога;

О.г. – Оренбургская губерния;

С.д. – Сибирская дорога;

У.п. – Уфимская провинция.

В скобках указаны номера листов дела, откуда взяты цитаты (прим. авт.).

Продолжение таблицы 1

02.12.1759	Б. Сызгинской волости О.г. И.п. С.д.	Н.Н. Демидов	80	«Ему, дворянину Никите Демидову, жене, детям и по немъ наследникамъ на означенной проданной нами водчинной земли сена касить и на строение потребное число лесъ рубить, и прочими угоды довольствоваться, руду сыскивать и копать...» [14, д. 7, л. 63 об. – 64]	«Намъ, башкирцамъ, Акмурзе и Янгилде с товарищи, въ выше писанной проданной земле и градехъ имеющимися нашими старыми дельными бортными деревьями владеть, зверей гонять, хмель щипать и рыбу ловить по-прежнему» [14, д. 7, л. 64]
03.02.1747	Б. Мякотинской волости О.г. И.п. С.д.	Я.Р. Коробков	150	«Владеть ему, Коробкову, и жене ево, и детямъ, и наследникамъ, вечно, и ни кому намъ, той волости башкирцамъ и прочимъ жителямъ в тое проданную нами землю не ступатся» [14, д. 7, л. 92]	«Рыбные озера, хмелевые угоды, зверные ловли, бобровые угоды, имевшие наши на той земле борти ему, Коробкову, старые не рубить, а намъ вновь оныхъ не делать» [14, д. 7, л. 92]
05.11.1753	Б. Шуранской волости О.г. И.п. С.д.	Н.Н. Демидов	100	«Проданную въ выше писанныхъ урочищахъ землею со всякими при томъ угоды владеть ему, Демидову, жене и детямъ ево, и всему ихъ потомственному наследству вечно безповоротно» [14, д. 7, л. 98]	«Имеющимися нашими старыми дельными бортными деревьями владеть, зверей гонять и хмель щипать по прежнему намъ, а ему, Демидову, намъ в томъ не воспрещать» [14, д. 7, л. 97 об. – 98]
05.11.1753	Б. Мякотинской волости О.г. И.п. С.д.	Н.Н. Демидов	100	«Дали сию купчую крепость статскому советнику Никите Никитину сыну Демидову въ томъ, что продали мы... Демидову, жене и детямъ его, и всему его потомственному наследству въ вечное владение безповоротное, добровольно и не из принуждения какого, стариннаго нашего башкирскаго владения къ Каслинскому... заводу» [14, д. 7, л. 110]	«Имеющимися озерами, старыми дельными бортными деревьями, звериною и рыбною ловлею, хмелевымъ щипаньемъ владеть намъ по-прежнему, а имъ, Демидовымъ, во оные наши ловли, и хмелевое щипанье, и въ бортные угоды не вступать, такъ же при учрежденияхъ въ Мякотинской волости ямахъ, стоящимъ для гоньбы подводъ башкирцамъ травами и санными покосами и на дрова довольствоваться въ прилежащихъ по близости ко онымъ ямамъ местахъ [14, д. 7, л. 110 об.]
23.06.1759	Б. Сыгранской волости О.г. У.п. К.д.	Н.Н. Демидов	80	«Продали мы, Алтынвай с товарищи со общаго той Сыгранской волости мирскихъ людей согласия ему, Демидову, жене, детямъ и по жене наследникамъ в вечное владение впредь безповоротное старинную вотчинную свою землю с санными покосы, с лесными угоды, с рудными местами и со всякими угоды» [14, д. 7, л. 132 – 132 об.]	«Старыми дельными бортными деревьями владеть, и всякаго зверя жевущаго набивать, камню пахать, сено косить, хмель щипать, рыбу ловить по-прежнему, какъ и прежде владели» [14, д. 7, л. 133 об.]

29.03.1762	Б. Салзутской волости О.г. И.п. С.д.	Р.Л. Воронцов, от его имени его приказчик Михаил Колосов	200	«Землею с угоди волно ему, господину Воронцову, жене его, детямъ и всему их потомственному наследству по сей купчей крепости, и о всех включенных выше сего межах владеть впред со всякими внутрь ее угодями, вечно, непременно и безъ малейшаго от насъ и наследников нашихъ спору» [14, д. 7, л. 150 об.]	«Токмо нам, продавцам, теми имеющимися на ней угодьями, то есть звероловствомъ, хмелевым щипанием и старых бортовых деревьях доволствоваться, и на ту землю въезжать ему, господину Воронцову, не запрещать» [14, д. 7, л. 150]
------------	--------------------------------------	--	-----	---	---

Мы намеренно сделали акцент на цене. В этом же деле мы имеем купчую, по которой уже Р.Л. Воронцов продает купленную у башкир землю Н.Н. Демидову через 20 лет после указанной в таблице сделки (1782 год) и стоимость этой же земли составляет уже 1000 руб. (больше в 5 раз!) [14, д. 7, л. 158-159]. Даже если мы представим, что за 20 лет цены и могли вырасти (хотя Россия XVIII века не знала инфляции в современном понимании этого слова), уж точно не в 5 раз. То обстоятельство, что заводчики скупали земли у башкир фактически за бесценок (обратим внимание – 200 руб. – это максимальная цена, в основном же она колеблется в пределах от 50 до 150 руб.), давало основание и самим башкирским историкам утверждать, что осуществлялась планомерная колонизация башкирских земель русскими заводчиками во главе с царским режимом со сгоном коренного населения с исконно башкирских территорий. Так, С.У. Таймасов в диссертации «Участие башкирского народа в Крестьянской войне 1773–1775 годы» заявил, что «Указ 11 февраля 1736 года являлся официальным нарушением вотчинного права башкир, договора об условиях добровольного вхождения Башкортостана в состав Русского государства.... В 1760-х годах в распоряжении заводладельцев оказались 3079837 десятин земли, что составляло 18,1% башкирских волостных земель» [13, с. 18]. Однако насколько в действительности нарушались вотчинные права башкир, и действительно ли имел место сгон башкир с коренных территорий? Обратим внимание на нашу таблицу – практически в любой купчей крепости указывалось, что башкиры совершенно добровольно и без всякого принуждения продают свою исконную вотчинную землю, но и за самими башкирами сохраняются довольно обширные права. По сути, хотя де-юре земля и продавалась, де-факто мы имеем дело не с продажей, а со сдачей земли в вечную аренду. Ведь башкиры могли пользоваться всеми теми промыслами, которыми пользовались и прежде, заводчики не могли им этого запретить. Да и сами заводчики пользовались не всей землей, а лишь теми угодьями, которые требовались для заводского производства – часть леса исполь-

зовалась, а остальные площади по-прежнему оставались во владении башкир. Традиционная схема – вырубался лес, дрова и уголь вывозились, и работы переводились на новые участки, а старые участки забрасывались, и сюда вновь могли возвращаться башкиры. Отдать земли в пользование, сохранив все былые привилегии, да еще и получить за это разовую, пусть и небольшую, компенсацию – разве это нельзя расценить, как взаимовыгодную сделку?

Однако мы видим, что Демидовы получают во владение довольно обширную территорию, богатую и лесами, и водными ресурсами – только по приведенным выше купчим это земли, по меньшей мере, шесть башкирских волостей, компактно расположенных в Исетской провинции Оренбургской губернии Сибирской дороги, и говорить о том, что эти территории были непригодны для заводского производства, не приходится.

Настало время подвести итоги...

Южный Урал как особая географическая и социально-политическая единица и в производственных возможностях, и в человеческом ресурсе, а отсюда и в количестве заводов, разумеется, всегда уступал Среднему. Формы труда – а это в основном крепостнический и приписной труд – определяются теми социальными возможностями, которыми обладал регион. Однако в целом и система производства, и система управления, и даже этно-социальная сфера (особенно с четвертой четверти века, после пугачевского восстания) оставались довольно стабильными и эффективными при имеющихся социально-производственных возможностях. Таковыми их делали и те отношения, которые выстраивались с местным башкирским населением – на взаимовыгодных по сути условиях. Что, однако, не исключало и тех социальных трений, которые в итоге вылились в Крестьянскую войну 1773–1775 годов, одной из составляющих которой было участие башкирского народа. Но это – предмет особых исследований...

Список литературы

1 Алексеева Е. В. Объяснение российской истории с помощью теории модернизации: Pro et contra // Уральский исторический Вестник: № 7: Историческая наука на ру-

беже II и III тысячелетий: Итоги и перспективы / гл. ред. В. В. Алексеев. Екатеринбург : Академкнига, 2001.

2 Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Всероссийский аграрный рынок XVIII – начала XX вв.: Опыт количественного анализа. Москва : Наука, 1972.

3 Курмачева М. Д., Назаров В. Д. Исследования по истории СССР периода феодализма // Развитие советской исторической науки: 1970 – 1974 гг. / отв. ред. Е. М. Жуков. Москва : Наука, 1975.

4 Миненко Н. А. Традиционная русская культура в условиях Горнозаводского Урала XVIII – XIX вв. // Уральский исторический Вестник: № 2: Культура провинциальной России / гл. ред. В. В. Алексеев. Екатеринбург : Изд-во УрО РАН, 1995.

5 Неклюдов Е. Г. Государство, заводчики и горнозаводское население Урала в XIII – первой половине XIX вв. // Власть и общество (Проблемы всеобщей и отечественной истории): Сб. науч. статей преподавателей кафедр всеобщей и отечественной истории исторического факультета НТГПИ / отв. ред. В. М. Кириллов. Нижний Тагил : Изд-во НТГПИ, 1996.

6 Неклюдов Е. Г. Сысертские заводы наследников А. Ф. Турчанинова в конце XVIII – середине XIX вв.: Модель «конфликтного владения» // Уральский исторический Вестник: № 9: Проблемы экономической истории России: Региональное измерение / гл. ред. В. В. Алексеев. Екатеринбург : Академкнига, 2003.

7 Нефедов С. А. Метод демографических циклов // Уральский исторический Вестник: № 7: Историческая наука на рубеже II и III тысячелетий: Итоги и перспективы / гл. ред. В. В. Алексеев. Екатеринбург : Академкнига, 2001.

8 Перевалов В. А. Новые документы о горнозаводском деле на Урале и в Сибири в первой половине XVIII в. (по материалам ГАСО) // Уральский исторический Вестник: № 9: Проблемы экономической истории России: Региональное измерение / гл. ред. В. В. Алексеев. Екатеринбург : Академкнига, 2003.

9 Побережников И. В. Социальное изменение в теоретических проекциях // Уральский исторический Вестник: № 7: Историческая наука на рубеже II и III тысячелетий: Итоги и перспективы / гл. ред. В. В. Алексеев. Екатеринбург : Академкнига, 2001.

10 Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII вв. Москва : Наука, 1972.

11 Редин Д. А. Экономическая политика Российской империи глазами уральских заводчиков («Изъяснения» 1763 г.) // Проблемы истории России: Сб. науч. тр.: Вып. 4: Евразийское пограничье / отв. ред. А. Т. Шашков. Екатеринбург : ВОЛОТ, 2001.

12 Свистунов В. М., Меньшенин Н. М., Самигулов Г. Х. Первые Демидовские заводы на Южном Урале. Челябинск : Рифей, 2007.

13 Таймасов С. У. Участие башкирского народа в Крестьянской войне 1773 – 1775 годов: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2000.

14 Объединенный Государственный архив Челябинской области – ОГАЧО. Ф. И-172: Главное управление Кыштымскими горными заводами Департамента горных и соляных дел г. Кыштым Екатеринбургского уезда пермской губернии 1746 – 1917 гг. Оп. 1. Д. 7.

УДК 930.253

А.В. Спичак,
г. Нижневартовск

НАГРАЖДЕНИЕ БРОНЗОВЫМИ КРЕСТАМИ ДУХОВНЫХ ЛИЦ В ТОБОЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ

Аннотация. В работе раскрываются особенности наградной системы Русской Православной церкви на примере поощрения священников и иеромонахов бронзовыми крестами. Рассматриваются документы, сопровождавшие процесс награждения духовных лиц в Тобольской духовной консистории, хранящиеся в Государственном архиве Тюменской области в г. Тобольске. Архивные материалы дают возможность проследить процедуру награждения от получения иницирующего документа до отправки знака отличия. Установлены поводы к выдаче бронзового креста, условия и порядок его получения.

Ключевые слова: русская православная церковь, Тобольская духовная консистория, духовенство, награждение, бронзовые кресты.

Документы, фиксирующие трудовые отношения, являются ценными источниками для выполнения историко-биографических и историко-социологических исследований и поэтому находятся в сфере пристального внимания архивистов и источниковедов [1, с. 132]. Несмотря на это, тема кадрового делопроизводства Тобольской духовной консистории в XVIII – начале XX века, в том числе награждение лиц духовного ведомства бронзовыми крестами, еще не нашла своего исследователя.

В Тобольской епархии в числе средств поощрения в XIX – начале XX века, судя по данным архивных дел, для духовенства применялись набедренники, скуфьи, камилавки, бронзовые и наперстные кресты, серебряные медали, ордена. Знаками отличия поощряли в порядке постепенности. Но одной из наград могли наградить вне зависимости от наличия других знаков отличия – это бронзовые кресты, которые выдавались в память о войне.

Первоначально наперстный крест был утвержден для патриарха и митрополитов. Затем императрица Елизавета Петровна утвердила наперстные кресты для своего духовника и всех архимандритов. Екатерина II расширила круг духовенства, которому жаловались наперстные кресты, распространив право их ношения на некоторых известных протоиереев. Павел I распорядился сделать наперстные кресты иерейской наградой. За непосредственное участие в боевых действиях представители военного и военно-морского духовенства с конца XVIII века стали награждаться наперстными креста-

ми на Георгиевской ленте. Доктора богословия, облеченные духовным саном, могли получать докторский крест. Наперсными крестами могли награждаться игумении и казначеи женских монастырей. Имеются сведения, что в 1814 году священники – участники Отечественной войны 1812 года – были награждены бронзовыми наперсными крестами на Владимирской ленте [2, с. 198].

В 1814 году издан Высочайший манифест о награждении всех священников, совершавших служение в период Отечественной войны, особыми бронзовыми наперсными крестами, которые предписывалось носить на красно-черной Владимирской орденской ленте. Такие награды получили около сорока тысяч священнослужителей [3, с. 104-105].

До 1896 года рядовые священники Русской Православной Церкви наперсных крестов не носили. Исключение составляли бронзовые наперсные кресты, учрежденные в память Отечественной войны 1812 года и Крымской войны 1853–1856 годов, которые носили все священнослужители от рядового священника до митрополита [4].

В ГБУТО ГАТ нами было обнаружено 5 дел о награждении духовных лиц бронзовыми медалями; одно из них коллективное (за 1820 год), остальные 4 – индивидуальные (за 1822 год):

1) «Дело по указу Тобольской духовной консистории о награждении отличившихся священно и церковнослужителей бронзовым крестом»¹;

2) «Представление Тюменского архимандрита Амвросия о награждении священника Тюменской городской Вознесенской церкви Г. Тихонова бронзовым крестом»²;

3) «Прошение священника Ильинской церкви села Крутинского Омского ведомства В. Меньшенина о награждении его бронзовым крестом»³;

4) «Прошение иеромонаха Михаила Ивановского Межугорского монастыря о награждении его бронзовым крестом»⁴;

5) «Указ Тобольской духовной консистории о награждении священника Богородицерождественской церкви Бердюжской слободы Ишимского ведомства В. Пудовикова бронзовым крестом»⁵.

Рассмотрим индивидуальные дела о награждении.

Благочинный священник Ильинской церкви села Крутинского Омского ведомства Василий Меньшенин подал 31 июля 1822 года в ТДК «покорнейшее прошение»: «В знаменование эпохи 1812-го года многие священники удостоились

получить по силе Высочайшего манифеста 1814-го года августа в 30-й день бронзовые кресты на Владимирской ленте. Я, низжайший, так как и прочие священно- и церковно служители будучи священниками, с 1800-го года умолял благодать небесного Царя Царей о ниспослании успеха нашему оружию; и хотя я никогда не был под судом, штрафован и прохожу должность свою соответственно званию моему, но доселе не могу получить помянутого монаршего отличия. Почему всепокорнейшее прошу Тобольскую Духовную Консисторию наградить и меня низжайшего показанным бронзовым крестом, на что и ожидаю милостивой резолюции». ТДК подготовила доклад архиепископу, в котором изложила суть просьбы, результат проверки благочинного по ее делам и свое согласие на выдачу награды. 16 сентября преосвященный приказал ТДК подготовить акт о награждении. Такой вид документа (доклад) был встречен в делах ТДК впервые. Вероятно, Консистория всегда представляла полученные ею прошения в этой форме. Обычно же прошения подавались на имя преосвященного, очень редко в ТДК⁶.

Иеромонах Межугорского монастыря Михаил Ивановский подал архиепископу Тобольской епархии Амвросию «покорнейшее прошение» 27 сентября 1822 года: «Я, низжайший, священнодействуя с 1796 года, продолжав служение при разных приходских церквях, наконец, во время нахождения моего в Иоанновском монастыре сего года 8-го сентября пострижен в монашество. Но как не удостоен крестом, в ознаменование эпохи 1812 года учрежденным; то осмеливаюсь просить Ваше Высокопреосвященство о награждении оным крестом учинить милостивейшую архипастырскую резолюцию». Документ был получен 18 октября, преосвященный приказал ТДК рассмотреть эту просьбу. 23 октября ТДК приказала: «Когда прислан будет бронзовый крест, тогда доложить сие прошение»⁷.

В деле о награждении священника Богородицерождественской церкви Бердюжской слободы Ишимского ведомства Василия Пудовикова бронзовым крестом не сохранилось прошение, а имеются только указ Его Императорского Величества из ТДК о награждении данного духовного лица и рапорт в ТДК о получении знака отличия от 11 октября 1822 года: «Его Императорского Величества Указ из оной духовной консистории от 23-го сентября за № 1638-м с приложением акта за подписанием от Его Высокопреосвященства Амвросия архиепископа Тобольского и Сибирского и кавалера бронзового креста на Владимирской ленте мною получен октября 7-го числа, о чем оной Тобольской консистории сим почтеннейшее рапорту». Такие рапорты были обычной практикой в делопроизводстве по на-

¹ ГБУТО ГАТ, ф. 156, оп. 8, д. 1925.

² ГБУТО ГАТ, ф. 156, оп. 9, д. 961.

³ ГБУТО ГАТ, ф. 156, оп. 9, д. 1020.

⁴ ГБУТО ГАТ, ф. 156, оп. 9, д. 1021.

⁵ ГБУТО ГАТ, ф. 156, оп. 9, д. 1117.

⁶ ГБУТО ГАТ, ф. 156, оп. 9, д. 1020, л. 1–2 об.

⁷ ГБУТО ГАТ, ф. 156, оп. 9, д. 1021, л. 1–1 об.

граждениям духовенства¹.

Данное дело отличается от аналогичных ему дел составом документов. Иницирующим среди них является не прошение духовного лица, а «нижайшее представление» тюменского архимандрита Амвросия архиепископу Тобольской епархии Амвросию о награждении священника Тюменской городской Вознесенской церкви Григорию Тихонову бронзовым крестом от 22 апреля 1822 года: «Тюменской Вознесенской церкви священник, и духовенства Тюменского духовник, иерей Тихонов, определенный от Вашего Высокопреосвященства, в сходство представления моего, в сем 1822-м году Тюменского монастыря экономом, который должность сию проходит с отличным усердием, и деятельностью по монастырю, бывши в 1812-м году в действительном служении священства, доселе не имеет установленного за 1812-й год бронзового креста, на Владимирской ленте. Представляя при сем таковой крест, осмеливаюсь просить, и всенижайшее прошу Ваше Высокопреосвященство повелеть выдать священнику Тихонову на ношение оного креста на установленной ленте подлежащий акт». 30 апреля владыка приказал ТДК «представить акт в подписание». 18 июня 1822 года Тюменское духовное правление получило указ ТДК от 10 июня (№ 960) о выдаче Г. Тихонову указанного знака отличия и акта «в ознаменование бывшей в 1812 году эпохи», о чем отправило в ТДК рапорт 20 июня².

Как свидетельствуют архивные документы, священников и иеромонахов награждали в память войны. Условием для награждения было отсутствие судимости и прилежное исполнение своих должностных обязанностей. Однако некоторые духовные лица, не удостоившись такого знака отличия, хотя и были его достойны. В таком случае они подавали «покорнейшее прошение» епархиальному начальству – епископу или ТДК. ТДК, получив просьбу, составляла доклад преосвященному, в который излагала суть прошения, сведения о данном духовном лице согласно ее делам и решение о награждении. Владыка велел составить акт о награждении. Обнаруженные 5 дел о награждении бронзовым крестом содержат указанные прошения. Можно сделать вывод, что дело о награждении бронзовым крестом заводилось только при наличии иницирующего документа – прошения. Если же решение о награждении принималось самостоятельно ТДК, заводило дело, видимо, не требовалось. Рассмотренные дела среди дел о награждении, да и в принципе дел, посвященных другим кадровым вопросам ТДК, можно считать самыми быстрыми по производству – всего месяц (обычно кадровое делопроизводство велось несколько месяцев, а то и лет), по причине от-

сутствия необходимости в дополнительной переписке между учреждениями и должностными лицами и принятия решения ТДК самостоятельно, без Святейшего Правительствующего Синода, а только с разрешения владыки.

Сведения о награждении бронзовыми крестами содержатся также в делах о награждении другими знаками отличия, в послужных (наградных) списках. Например, священник Михайло-Архангельской церкви Полуденной крепости Ишимского ведомства Павел Петров Сотников в 1812 году был награжден бронзовым крестом³. В послужном списке священника села Юганского Иоанна Тверитинова за апрель 1858 года сказано, что в память войны 1853–1856 годов он был награжден бронзовым крестом на Владимирской ленте⁴.

Церковные документы хранят память о судьбах отдельных людей, семей, приходо-в, епархий и народе, стране в целом. Дела о награждении духовных лиц имеют большое значение для изучения истории Русской Православной церкви, свидетельствуя о процедуре представления к награде, профессиональных успехах священно-и церковнослужителей, об их судьбах.

Исследование осуществлено в рамках исполнения гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук (Конкурс – МК-2018) МК-3701.2018.6.

Список сокращений

ГБУТО ГАТ – Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске».

ТДК – Тобольская духовная консистория.

Список литературы

1 Елпатьевский А. В. *Краткий очерк истории документирования трудовых отношений в дореволюционной России и в СССР* // Труды ВНИИДАД. Актуальные проблемы архивоведения и документоведения. Естественнонаучные и технические вопросы архивного дела. 1978. Т. VII. Ч. I. С. 94–132.

2 Леонтьева Г. А. *Вспомогательные исторические дисциплины: учеб. для студентов вузов* / Г. А. Леонтьева, П. А. Шорин, В. Б. Кобрин / под ред. Г. А. Леонтьевой. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Гуманитар. изд. центр «ВЛАДОС», 2003. 381 с.

3 Мельникова Л. В. *Русская Православная Церковь в Отечественной войне 1812 года*. Москва : Издательство Сретенского монастыря, 2002. 240 с.

4 О церковных наградах // Информационно-аналитический портал Саратовской и Вольской Епархии «Православие и современность». URL: <https://eparhia-saratov.ru/Articles/o-cerkovnykh-nagradakh> (дата обращения: 07.02.2018).

¹ ГБУТО ГАТ, ф. 156, оп. 9, д. 1117, л. 1–2.

² ГБУТО ГАТ, ф. 156, оп. 9, д. 961, л. 1–2 об.

³ ГБУТО ГАТ, ф. 156, оп. 9, д. 2266, л. 1–2.

⁴ ГБУТО ГАТ, ф. 156, оп. 11, д. 583, л. 21–24.

*И.Р. Атнагулов,
г. Челябинск*

ЮЖНОЕ ЗАУРАЛЬЕ – ЭТНИЧЕСКАЯ ТЕРРИТОРИЯ НАГАЙБАКОВ (К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ НОВЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В ПРОЦЕССЕ РУССКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ УРАЛА И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ)

Аннотация. Сюжет статьи посвящён истории возникновения в Южном Зауралье новой этнической идентичности, появившейся в результате русской колонизации региона. Объектом исследования являются казаки-нагайбаки – группа, возникшая в 1736 году в Восточном Закамье по царскому Указу как сословие в составе крещёных татар Уфимской провинции. В результате дальнейших действий государства по социальному устройству Оренбургской губ., нагайбаки вместе с русскими казаками в 1843 году были переселены в степное Зауралье, где в новых социальных и природно-климатических условиях они выработали собственное этническое самосознание.

Ключевые слова: Южное Зауралье, нагайбаки, казаки, тюрки, колонизация.

История России в период её развития, связанный с расширением территории, вовлечением новых народов и массовыми миграциями, неизбежно сопровождалась межэтническими контактами, протекающими как естественным путём, так и под влиянием административных мер, направленных на социальное обустройство и формирование политически лояльного населения. Примером является формирование казачьих подразделений в Юж. Зауралье и Зап. Сибири, в состав которых входили не только славянские, но и тюркские (татары, башкиры) или монгольские (калмыки) этнические элементы. Обычно процесс перехода из ясачных в казаки наблюдался без какой-либо существенной трансформации этнического самосознания (татары и калмыки в ОКВ, а также башкиры, татары и тепляри в Башкиро-мещеряцком войске). Сохранению этнокультурных черт способствовало то, что часть их при относительно большой численности оставалась жить на прежней этнической территории (башкиры) или сохранять религиозную принадлежность (башкиры, татары и тепляри). Даже казаки-калмыки, обращённые в православие, фактически тайно исповедовали буддизм. На этом фоне представляет интерес история возникновения и развития в Юж. Зауралье новой идентичности – казаков-нагайбаков, этническое самосознание которых претерпело

существенную трансформацию под влиянием трёх масштабных политических акций: обращение в православие части волго-уральских татар в XVI-XVIII веках, создание из их числа казачьих подразделений в XVIII веке и переселение вместе с русскими казаками в XIX веке за пределы этнической территории – в Юж. Зауралье.

История возникновения нагайбакской идентичности начинается с 1736 года, когда часть крещёных татар Уфимской пров. была переведена в казаки. Тогда же была заложена крепость, названная Нагайбацкой [6, с. 193], в которой и ряде ближайших были расселены эти казаки. По поводу происхождения наименования населённого пункта предлагались две основные версии: этнонимическая и антропонимическая [10, с. 205].

Этнической территорией нагайбаков с 1736 по 1843 год являлось Вост. Закамье, а с 1843 года по настоящее – Юж. Зауралье. С 1736 по 1843 год предки нагайбаков проживали на территории Уфимской пров. (с 1782 года – Белебеевский у.), а с 1843 года и по настоящее на территории Нагайбакского, Чебаркульского и Уйского р-нов Челябинской обл. До 1920-х годов эти земли входили в Верхнеуральский и Троицкий у. Оренбургской губ. Нагайбаки Троицкого у. ныне расселены в Чебаркульском и Уйском, Верхнеуральского – Нагайбакском районе [2, с. 5-6].

Нагайбаки оказались вовлечёнными в дальнейшие государственные проекты по обустройству Оренбургской губ. и ОКВ. С 1843 года в их истории возникли перемены, повлиявшие на всё дальнейшее развитие. В 1840-х годах была создана буферная зона между башкирами и казаками, путём переноса границ вглубь казахских земель. Эта акция сопровождалась переселением казаков внутренних кантонов на внешние линии [9, с. 17]. Нагайбаки оказались переселёнными в зауральские степи [4, с. 41-42]. Смена территории и этносоциального окружения отразились на их культуре и самосознании. К нач. XX века изменения стали настолько очевидными, что отмечались целым рядом исследователей [3, с. 28–32]. Географическая изоляция от соплеменников и новые этнические контакты повлияли на формирование идентификационных признаков, очерчивающих их новый этносоциальный статус.

До русской колонизации казахи кочевали до левого берега р. Урал, [10, с. 136], по правую сторону – башкиры [7, с. 62]. Обычно те и другие устраивали зимовки подальше от реки, совершая друг на друга набеги¹. В 1830-х годах в правительстве обсуждался вопрос о строительстве новой линии от г. Орска до ст. Берёзовской [2, с. 97-98]. Вновь основанные посёлки заселялись казаками со старых линий и солдатами, обращёнными в казаки [9, с. 17-18]. Посёлки, за-

¹ ГАОО. Ф. 6, оп. 3, д. 2442/4, л. 1.

ложенные между старыми (Верхнеуральской и Уйской) и новыми линиями вошли в так называемый Новолинейный р-н. Этнический состав его был разнообразным. Сначала основным населением здесь были казахи¹, затем – русские. Вместе с ними сюда переселялись казаки-нагайбаки. Последние, обретая новое место, сохранили этническое своеобразие и внутригрупповое единство. Нагайбаки были расселены в ст. Кассель, Остроленка, Фершампенуаз, Париж и Требия (таблица 1). Остальная, меньшая по численности, часть устроилась в Оренбургском, Орском и Троицком у. Ещё одним этническим компонентом были калмыки Ставропольского калмыцкого войска. Их расселяли вместе с русскими и нагайбаками.

Образование Новолинейного р-на изменило этнический состав степного Зауралья. Казаки (русские, нагайбаки и калмыки) стали основным населением (таблица 1). Из не казачьего населения заметными были казахи. Русские, нагайбаки и калмыки, являясь в одинаковой степени колонизаторами края, сохраняли вместе с тем этническую обособленность [5, с. 179-180].

Калмыки и нагайбаки находились в географической обособленности от основной массы соплеменников. Такая ситуация, как правило, приводит к возникновению у изолята культурных своеобразий. Они возникают, в основном, под воздействием двух причин – консервации архаичных черт культуры и новых этнокультур. В случае с калмыками существенных изменений не произошло. Войсковое начальство безуспешно пыталось укрепить их в православии и привить земледелие. В нач. XX века они открыто исповедовали буддизм и переселились к соплеменникам на Ниж. Волгу [9, с. 23–34].

Иная ситуация складывалась у нагайбаков. В Новолинейный р-н они прибыли опытными земледельцами, а укрепление в православии осуществлялось крещёными татарами – выпускниками Казанской духовной академии. Это, несмотря на межгрупповое дистанцирование [5, с. 179-180], усиливало русско-нагайбакские связи. В Белебеевском у. они находились в окружении кряшен. Контакты с русскими стали причиной появления ряда особенностей, отличающих нагайбаков от крещёных татар [2, с. 169-170]. Если раньше нагайбаки жили среди кряшен не казачьего сословия, то в степном Зауралье они оказались в окружении русских, состоящих с ними в одном социальном статусе. В Белебеевском у. противопоставление нагайбаков остальным было по сословному признаку. Являясь носителями общего языка и культуры, эти две группы имели разный социальный статус, что и повлияло на формирование у нагайбаков сословного самосознания. На новом месте

противопоставление окружающим по сословному признаку потеряло смысл. Главными признаками нагайбаков становятся этнокультурные – язык и материальная культура, сыгравшие решающую роль в дальнейшем процессе формирования самосознания.

Развитие нагайбаков во втор. пол. XIX – нач. XX века происходило под влиянием изменившихся социальных, географических и хозяйственно-культурных факторов. Переселение в новые этносоциальные условия привело к дальнейшему развитию их этнографических особенностей. Развитие культуры небольшой группы в окружении иноэтничного большинства неизбежно сопровождается изменениями, связанными с этнокультурными контактами и необходимостью социальной адаптации в среде окружающего населения.

Хозяйство нагайбаков складывалось в Вост. Закамье с более высоким, чем в Юж. Зауралье, увлажнением. Несмотря на это, оно сохраняло земледельческую специализацию, но с местными особенностями. Климат, ландшафт и соседство с казахами увеличили скотоводческий сегмент, но, в отличие от казахов, он был пастбищно-стойловым, а в отличие от русского пастбищно-стойлового скотоводства, у нагайбаков была больше численность поголовья, с большей долей мелкого рогатого скота. Хозяйство нагайбаков сложилось в оригинальный комплекс, основанный на взаимовлиянии двух хозяйственно-культурных систем – оседлоземледельческой, с развитым пашенным земледелием и степной скотоводческой, с пастбищно-стойловым содержанием скота и лишь некоторыми элементами кочевого скотоводства [1, с. 318–323]. Подобные перемены в жизни этноса нередко приводят к смене идентичностей [13, с. 88–90]. В кон. XX – нач. XXI века происходит дифференциация населения по профессиональной принадлежности и занятости [2, с. 187–203]. Это связано с повышением общего уровня образования [2, с. 187–203] и профессиональной подготовки, увеличения населения, работающего на госслужбе, в области образования, культуры, сферы обслуживания, торговли и т. п.

Поселения и жилища нагайбаков Верхнеуральского и Троицкого у. во втор. пол. XIX – нач. XX века сложились как комплекс с двухкомпонентной основой, где видны связь и отличия с культурой татар. Географический фактор повлиял на некоторые особенности конструкций и использование строительных материалов (каркасно-столбовые, монолитные и саманные), характерных для степного Зауралья. Религиозная принадлежность обусловила появление в интерьере икон, репродукций портретов и фотографий. Принадлежность к казачеству оказала влияние на планировку поселений и внешнее убранство жилища. В перв. дес. XX века стро-

¹ ПМА. Челябинская обл., Нагайбакский р-н, с. Фершампенуаз, 2013.

ительная культура нагайбаков подверглась русским влияниям. Строительная культура в XX – нач. XXI века прошла определённую эволюцию. Изменения в застройке сёл в 1970–1980-х годах с появлением многоквартирных домов, на традиционное домостроительство не повлияли. Инновации в частном секторе возникали в виде новых отделочных материалов, электро- и водоснабжения, и не затрагивали базовых параметров – строительных материалов, конструктивных особенностей и планировки.

За последние два десятилетия многие срубные дома обшиваются сайдингом, кирпичом, устанавливаются пластиковые стеклопакеты и т. п. Появились дома, полностью выполненные из нетрадиционных в прошлом материалов – кирпич, шлакоблок и т. п. Они отличаются по ряду конструктивных особенностей и планировке. Среди подобных много горизонтально развитых с комнатами, изолированными друг от друга¹. В соответствии с материальным достатком изменяется и внутреннее убранство. Строительная культура в нач. XXI века по масштабам инноваций, а в некоторых случаях, даже изменений революционного характера, переживает метаморфозы, сопоставимые, пожалуй, с ситуацией смены традиций комплексов одежды в перв. дес. XX века. Стремление улучшить бытовые условия неизбежно приводит к освоению новых строительных технологий [2, с. 181-182]. В настоящее время нагайбакское жилище постепенно утрачивает черты оригинальной архитектуры и не может являться маркирующим при определении идентификационных параметров группы.

Традиционная одежда, как и другие элементы материальной культуры, является удобным материалом для изучения этнотрансформационных процессов. Рубеж XIX–XX веков был временем почти массового перехода от аутентичных комплексов, называемых теперь «национальными костюмами», к более унифицированной одежде промышленного производства. Процесс этот происходил почти повсеместно и нагайбаки не были исключением. Стремительные изменения в одежде у нагайбаков в сторону сближения её с русской на рубеже веков были замечены очевидцами нач. XX века – Ф.М. Стариковым [12, с. 141–143] и Е.А. Бектеевой [5, с. 168].

Ещё одним важным элементом материальной культуры является система питания – наиболее медленно изменяющаяся часть этнической культуры. Консерватизм её обусловлен жёсткой привязанностью народа к собственной экологической нише, хозяйственно-культурному типу, что обеспечивает комфортное существование в привычной среде. Какие-либо принципиальные изменения в системе питания могут возникать лишь в редких случаях, связанных, например, с

переменой места жительства, адаптацией в новых климатических или социальных условиях. В случае с нагайбаками перемещение в пространстве было не столь масштабным, но достаточным, для возникновения у народа ощущения смены природно-климатических условий и социально-этнического окружения. К нач. XX века изменения в системе питания возникли в связи с заимствованием ряда снедей и блюд из русской и казахской кухонь, но не коснулись её исторически сложившихся основ. Нагайбакская система питания на рубеже XIX–XX веков, отличаясь принципиально от русской и казахской, представляла оригинальный комплекс, сложившийся на основе крещёно-татарской кухни с русскими и казахскими влияниями и являлась этномаркирующим компонентом нагайбакской идентичности. По полевым данным в каждой современной нагайбакской семье с традиционной кухней не только знакомы, но и готовят традиционные блюда и снеди регулярно. Известны семьи нагайбаков, покинувшие родные места давно, но, тем не менее, готовящие традиционные блюда, если не регулярно, то периодически. Из числа опрошенных нагайбакских семей подавляющее большинство готовят традиционные блюда регулярно.

В Нагайбакском р-не, как и прежде, проживают в основном – русские, нагайбаки и казахи. Блюда кухонь этих народов присутствуют на повседневном и празднично-ритуальном столе практически в каждой семье. Многие из них стали обыденными, привычными. Некоторые традиционные кулинарные изделия, заимствованные одним народом от другого, теперь уже не рассматриваются реципиентом как инновация, а наоборот – считаются обычными. Этнические различия в современной системе питания жителей Нагайбакского р-на следует усматривать не столько в номенклатуре блюд и снедей, сколько в соотношении удельного веса пищи растительного и животного происхождения, некоторых предпочтений в выборе сырья для приготовления одних и тех же блюд. Система питания нагайбаков, на протяжении XX века, пройдя собственный эволюционный путь развития, обнаруживает как инновационные, так и консервативные черты. Инновации отразились, в основном на некотором расширении ассортимента употребляемых продуктов, в основном за счёт товаров, приобретаемых в магазинах и некоторых способов термической обработки пищи в повседневной и праздничной кухне. Ритуальный стол в основном продолжает сохранять исторически сложившийся регламент [2, с. 186].

С момента формирования нагайбаков религиозная принадлежность была одним из главных определяющих их групповое самосознание [11, с. 651]. Становление народа проходило в условиях конкуренции двух крупнейших конфессий, имевших влияние в волго-уральском регионе –

¹ ГМА. Челябинская обл., Нагайбакский р-н, с. Фершампелле, 2014.

мусульманства и христианства. Обе системы в той или иной степени сталкивались с устойчивым сохранением среди неофитов пантеистических традиций. К моменту переселения в Юж. Зауралье религиозное сознание нагайбаков было таким, что, несмотря на принадлежность к христианству, в нём сохранялись элементы мусульманства и пантеизма [5, с. 176-177]. Это не могло не беспокоить иерархов православной церкви. Главной целью миссионерской деятельности становится уже не столько распространение христианства, сколько удержание инородцев от перехода в мусульманство [2, с. 162]. Нагайбаки Верхнеуральского у. на первых порах держалась изолированно от русских, но вместе с тем, по сравнению с другими группами, не испытывали сильного влияния со стороны мусульманского духовенства. Поэтому христианская миссионерская деятельность здесь проходила с большим успехом.

Конфессиональная принадлежность часто является важнейшей маркирующей идентичности, особенно если группа дислоцируется рядом с близкими по языку, но исповедующим другие религии народами. У предков нагайбаков конфессиональная принадлежность явилась главным признаком, отличающим их от татар и башкир. После переселения в Юж. Зауралье, где их этническим окружением стали в основном русские, религиозный признак, как основной маркирующий, начал ослабляться. Однако здесь возник новый фактор этнокультурного взаимодействия – казахи и отчасти башкиры. Присутствие близких по языку, но совершенно противоположных по религии народов способствовало тому, что конфессиональная идентичность у нагайбаков ещё продолжала быть маркирующей.

Таким образом, переселение нагайбаков в 1843 году из Вост. Закамья в Юж. Зауралье принципиально повлияло на дальнейшее развитие их идентичностей. Из сословной группы в составе крещёных татар они эволюционировали в группу, обладающую вполне выраженным этническим самосознанием. Причиной тому послужили новая социальная среда и природно-географические условия.

Таблица 1 – Численность и этнический состав нагайбакских и ближайших к ним русских станиц Верхнеуральского уезда в 1843 году [8, с. 34–37]

Название посёлка	Калмыки	Русские	Нагайбаки	Всего
Кассель	29	–	200	229
Остроленка	19	–	200	219
Фершампенуаз	–	–	350	350
Париж	32	–	300	332
Требия	–	–	200	200
Арси	95	205	–	300
Куликовка	41	167	–	208
Всего	216	372	1250	1838

Сокращения:

Вост. – восточный
Г. – город
ГАОО – Государственный архив Оренбургской области
Губ. – губерния
Д. – деревня
Зап. – западный
Обл. – область
ОКВ – Оренбургское казачье войско
П. – посёлок
ПМА – полевые материалы автора
Пров. – провинция
Р-н – район
С. – село
СКВ – Ставропольское калмыцкое войско
Ст. – станица
У. – уезд
Юж. – южный

Список литературы

- 1 Атнагулов И. Р. Животноводческое хозяйство нагайбаков во второй половине XIX – начале XX века // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2014. № 2. С. 318–323.
- 2 Атнагулов И. Р. Этническая история нагайбаков в XVIII – начале XXI вв.: становление и трансформация идентичностей : дис. ... д-ра ист. наук. Магнитогорск, 2017. 468 с.
- 3 Атнагулов И. Р. Этническая специфика материальной культуры нагайбаков // *Сибирь в панораме тысячелетий : материалы международного симпозиума / отв. ред. И.Н. Гемуев. Новосибирск : Изд-во ИАЭ СО РАН, 1998. Т. 2. С. 28–32.*
- 4 Атнагулов И. Р. Этнодемографическая характеристика нагайбаков // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2014. № 2. С. 40–44.
- 5 Бектеева Е. А. Нагайбаки. (Крещёные татары Оренбургской губернии) // *Живая старина. Периодическое издание Отделения этнографии Русского географического общества / под ред. председательствующего в отделе этнографии В.И. Ламанского. Вып. II. 1902. С. 165–181.*
- 6 Материалы по истории России. Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края. 1735 и 1736 годы. Том II. По архивным документам тургайского областного правления составил А. И. Добросмыслов. Оренбург : Типо-литография Ф.Б. Сачкова, 1900. 279 с.
- 7 Мурзабулатов М. В. Скотоводческое хозяйство Зауральских башкир в XIX – начале XX в. // *Хозяйство и культура башкир в XIX – начале XX в. Москва : Наука, 1979. С. 62–78.*
- 8 Правила о переселении на земли Оренбургского казачьего войска казаков, упразднённого Ставропольского калмыцкого войска, белопахотных солдат и солдатских малолетков. Санкт-Петербург : Типография Департамента Военных Поселений, 1843. 47 с.
- 9 Рыбалко А. А. Традиционная архитектура оренбургских казаков (вторая половина XIX – начало XX века) : дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2007. 130 с.
- 10 Рычков П. И. Топография Оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочинённое коллежским советником и Императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым. Часть II. Санкт-Петербург : Императорская Академия наук, 1762. 262 с.
- 11 С. А. Из быта нагайбак // *Оренбургские епархиальные ведомости*. 1912. № 32-33. Часть неофициальная. С. 649–653.
- 12 Стариков Ф. М. Краткий исторический очерк Оренбургского казачьего войска, с приложением статьи о со-

временном быте оренбургских казаков и карты. Оренбург: Типография К. Бреслина, 1890. 180 с.

13 Холанд Г. *Экономические факторы в этнических процессах // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. Сборник статей / под ред. Ф. Барта; пер. с англ. И. Пильщикова. Москва: Новое издательство, 2006. С. 72–90.*

УДК 930

О.В. Тетюева,
г. Курган

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА КУРГАНА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу социокультурного пространства города Кургана. Особое внимание уделено взаимоотношениям ссыльных «курганских» декабристов с местным населением, представителями интеллигенции и администрации в социокультурном пространстве города Кургана. Автор дает обобщенную характеристику основным направлениям деятельности декабристов в городе Кургане (сельскохозяйственная, медицинская, культурная, хозяйственная, а также развитие просвещения). В статье дается обобщенная характеристика влияния декабристов на жизнь уездного города Кургана.

Ключевые слова: декабрист, ссылка, поселение, просвещение, культура, жизнь и основные направления деятельности декабристов.

В первой половине XIX века провинциальный город Курган являлся местом поселения ссыльных декабристов. В период с 1830 года по 1857 год в Курган было сослано тринадцать декабристов: И.Ф. Фохт, А.Е. Розен, В.Н. Лихарев, В.К. Кюхельбекер, Н.И. Лорер, А.Ф. Бригген, П.Н. Свистунов, И.С. Повало-Швейковский, М.М. Нарышкин, Д.А. Щепин-Ростовский, М.А. Назимов, Н.В. Басаргин, Ф.М. Башмаков [1, с. 273–286]. Прибывшие на поселение декабристы были встречены местным населением с осторожностью, так как согласно Манифеста Николая I они были объявлены «государственными преступниками». Провинциальных жителей настораживали в декабристах их дворянское происхождение, их общественно-политические взгляды. Будучи людьми прекрасно образованными, с собственными взглядами на сложившуюся действительность, стремящимися к изменениям, они активно высказывали свою точку зрения. Между тем постоянный гласный и негласный контроль со стороны местной администрации, генерал-губернатора Западной Сибири, III Отделения позволял императорской власти отслеживать жизнь и деятельность дека-

бристов на поселении [2].

Первоначальное мнение о декабристах как о «государственных преступниках» постепенно меняется на сострадание к их нелегкой судьбе и даже соучастию к их жизни. У всех тринадцати декабристов, отбывавших наказание на поселении в Кургане, сложились хорошие отношения с местными жителями. Каждый из ссыльных по-разному помогал жителям города. Например, М.М. Нарышкин с женой Е.П. Нарышкиной оказывали медицинскую помощь, помогали бедным; А.Е. Розен занимался садоводством, благодаря своим стараниям у него появился прекрасный сад [1, с. 273–286]. Своими методами по его разведению и семенами он охотно делился с местными жителями. И.Ф. Фохт серьезно занимался медицинской практикой [3, с. 367–398]. Другие декабристы также не оставались в стороне от жизни жителей уездного города и всячески старались им помочь. Эта помощь, несомненно, способствовала сближению декабристов и местного населения. Кроме того, горожане почувствовали поддержку со стороны декабристов в написании жалоб и прошений.

На поселении ссыльные декабристы старались узнавать последние новости из Центральной России. В этом им помогали их родственники, друзья, которые сообщали последние новости в письмах, высылали книги, журналы (в том числе иностранные), специальную литературу. Однако все книги подвергались проверке. Свои знания, идеи, убеждения они старались передать другим.

П.Н. Свистунов отмечал, что в Кургане концерты приезжавших артистов были нечастыми. Декабристы разнообразили культурную жизнь города, устраивая творческие вечера, праздники [4, с. 374]. В Кургане находилось уездное училище с библиотекой. Подаренные декабристами книги, журналы были существенным вкладом в развитие просвещения Кургана.

Таким образом, деятельность курганских декабристов охватывала почти все сферы провинциальной жизни – это и хозяйственная, медицинская, сельскохозяйственная, просвещение, культурная.

Сами декабристы, находясь на поселении, описывали жизнь города в своих воспоминаниях, записках. Письма декабристов и их жён также являются ценным историческим источником [5; 6; 7]. Например, в своих письмах жена декабриста Н.Н. Нарышкина Елизавета Петровна пишет о ярмарках, проходивших в Кургане [5], о представителях «светского общества города» [7] и др.

Таким образом, социокультурное пространство уездного города Кургана представляло собой общий комплекс взаимодействия местного населения Кургана, администрации и прибывшими на поселение ссыльных декабристов в первой половине XIX века.

Список источников и литературы

1 Свободин А. Первая колония декабристов в Кургане // На земле курганской: Литературно-художественный сборник. 1956. № 4. С. 273–286.

2 Восстание декабристов: документы. Дела Верховного уголовного суда и Следственной комиссии / под ред. М. В. Нечкина. Москва : Наука, 1976. Т. 14. С. 399–422.

3 Рощевский П. И. Декабристы в тобольском изгнании. Свердловск : Средне-Уральское книжное изд-во, 1975. 167 с.

4 История Курганской области (города Южного Зауралья в досоветский период). Курган : ГИПП «Зауралье», 1998. Т. 3. С. 367–398.

5 ГАКО. - Ф. Р-2380 оп. 4 Д. 145 Е.П. Нарышкина. Письма матери А.И. Коновницыной. Машинописные копии. 1833. на 107 л.

6 ГАКО. - Ф. Р-2380 оп. 4 Д. 146 Е.П. Нарышкина. Письма матери А.И. Коновницыной. Машинописные копии. 1834. на 13 л.

7 ГАКО. - Ф. Р-2380 оп. 4 Д. 149 Е.П. Нарышкина. Письма матери А.И. Коновницыной. Фотокопии. Перевод с фр. А. Булыгина. 1837. на 24 л.

УДК 93(930.85)

Т.Г. Павлуцких,
г. Курган

ПРИЧИНЫ НАРОДНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ В ЗАУРАЛЬЕ В 1841–1843 ГОДАХ

Аннотация. Данная статья посвящена выявлению и анализу причин так называемых картофельных бунтов, прокатившихся по русской государственной деревне в 1842-1843 годах. Особый акцент сделан на рассмотрении этих волнений в зауральских уездах, где они проходили в наиболее острой форме. Исследование исторических источников и литературы позволило прийти к заключению, что картофельные бунты нельзя объяснить только при помощи теории классовой борьбы. Большую роль в возникновении бунтов играли особенности мировоззрения и социальной психологии русских государственных крестьян. Используя свидетельства источников, автор рассматривает побудительные мотивы, отраженные в требованиях крестьян. Установлено, что основным источником информации для них были слухи, а не официальная информация.

Ключевые слова: картофельные бунты, крестьянские реформы, государственные крестьяне.

Николай I, «царь-солдат», период правления которого в истории называют «апогей абсолютизма». Его вступление на трон ознаменовалось восстанием на Сенатской площади, поэтому царь всю свою жизнь старался никому не доверять, кроме самых близких людей. Особое место в системе управления заняла Собственная Его Величества канцелярия, функции которой,

были чрезвычайно широки. В том числе, появилось пятое отделение канцелярии, в первостепенную задачу которого входило преодоление кризиса феодально-крепостнической системы, которая себя изжила. Это отделение канцелярии возглавлял граф П.Д. Киселев. Боевой генерал, солдат, который любит порядок также как и его непосредственный руководитель. Николай I называл генерала Киселева «начальник штаба по крестьянским вопросам», соответственно подумывая себя – командиром.

Способ наведения порядка в деревне был простой – увеличение количества строгих руководителей и чиновников на местах. За почти тридцатилетнее правление Николая, число чиновников увеличилось в 5 раз, в то время как население страны всего в 2 раза [3, с. 203]. Вместе с тем, исторически можно оправдать увеличение штатной численности чиновников. После восстания декабристов Николай понял, что основной опоре самодержавия – высшему дворянству, доверять нельзя, поэтому начал создавать огромный аппарат служивых людей, которые зарабатывали на жизнь непосредственно службой своему отечеству, своему царю, чтобы именно они и стали опорой царя в трудную минуту [3, с. 147].

Увеличение числа бюрократов и контролеров повлияло на состояние государственной деревни, на основе которой и проводились первые крестьянские реформы. Недовольство мужиков на селе, в первую очередь вызывали писари, как первые и ближайшие чиновники.

Крестьянский вопрос стоял очень остро. Откладывали его решение много раз, много раз пытались решить (было создано 9 секретных приказов по крестьянским вопросам, которые выпустили около 300 приказов, которые, правда, по большей части носили рекомендательный характер, а поскольку помещики расставаться со своими крестьянами не торопились, то и особого действия не произвели).

Последствия проводимых графом П.Д. Киселевым в государственных деревнях крестьянских реформ, вылились в целый ряд антиправительственных выступлений в Вятской, Пермской, Оренбургской и Тобольской губерниях. Попробуем разобраться, что послужило причинами недовольства зауральских крестьян, и положило начало проведения «картофельных бунтов».

Как ни странно, но меньше всего в бунтах оказался виноват сам картофель – как овощная культура, настоящие причины же были, в первую очередь, в непомерной эксплуатации крестьян новым чиновничьим аппаратом, учрежденным Николаем I в 1837-1838 годах, и недовольство феодально-крепостническим государственным строем в целом.

Реформа П.Д. Киселева существенно ограничивала функции крестьянских органов самоуправления (волостного и сельских сходов),

лишала крестьян права свободных сельских сходов и решения на них насущных экономических и фискальных вопросов, ограничивала состав избираемых на сходы представителей крестьянских общин (возрастом не моложе 25 лет), имущественным положением («состоянием»), поведением («хорошим»), не допускала к выборным должностям лиц, подвергшихся телесному наказанию, сектантов (старобрядцев) и язычников, увеличивала число должностей в сельском управлении (содержание которых, естественно, ложилось на крестьянские плечи). Судебная власть не отделялась от административной; сельские и волостные начальники утверждались губернскими палатами, а волостной голова – губернатором; волостной писарь не избирался крестьянами, а назначался губернской палатой государственных имуществ. Как правило это были угодные для государственной бюрократии лица [4, с. 255].

Шадринский Земской исправник Черносвитов, впоследствии потерявший должность и представший перед судом, в своем донесении Пермскому Гражданскому Губернатору о возмущении крестьян Батуриной волости писал, что крестьяне, причинами самовольного сборщика, называли «отыскание бумаг, на основании которых государственные крестьяне не принадлежат уже государю и приписаны помимо высочайшей воли к какому-то помещику или в удел, что их понятию суть синонима: бумаги эти должны находиться у волостных и сельских начальников и у священников, которым за приписку крестьян к помещику обещаны двойное жалование и награждение медалями и крестами» [5, с. 43-44].

Родившийся в середине 19 века крестьянин В.Г. Черемисин, старался осмыслить историческое событие и дать ему оценку, по рассказам родителей о бунте в селе Батурино: «Никакого бунта бы не было, если бы не начальство. Оно, говорят, стало требовать, чтобы мужики шли работать на фабрики, будто как наемные рабочие. Мужики думали, что это так, для отводу глаз, наемными-то: как на фабрику придут, тут их и отдадут под барина!» [2, с. 397].

Из рапорта священника Кочнева и дьякона Мутина Казанского села Ватуриной области благочинному священнику Гедеонову от 2 августа 1843 года: «8 числа апреля месяца сего года по отслужении утрени приступила к церкви толпа крестьян сторонних сот до пяти человек пеших и верховых с требованием от нас дел. Когда же мы возражали: «Какие вам нужны дела? – Дайте нам говорили они, - дела о нынешних делах». И услышали от нас ответ, что мы никаких новостей не знаем и дел об оном у нас нет, приставили к церкви человек 30 для караула, чтобы нас не выпускали из оной до тех пор, пока установлены будут сведения из Батуриной слободы о том, что в оной происходит... 9 апреля я к со-

бравшемся у церкви многочисленному народу, священник Кочнев, выходил в ризе со снятым крестом для увещевания, чтобы оный пришел в спокойствие и убеждал разойтись по домам каждому к своему делу. Но взбунтовавшийся народ, не взяв убеждений настоятельно требовал указ государя императора за собственной его подписью о том, что крестьяне отданы господину и, приставив к церкви караул разошлись в разные стороны... В продолжении пяти дней, бунтующие крестьяне приходили и давали разные вопросы: то о кафтанах, которые носят волостные и сельские начальники, то о жаловании им выдаваемом. После удовлетворения на сие ответов... опять обращались... с новыми вопросами о земледельческой газете, которую они почитают присылаемого от министра. Министр, по их мнению есть собственное имя владеющего им господина, коему, по разнесшемуся слуху, проданы они. Не слушая и ответа, требовали указ государя императора с золотым орлом и с золотой строчкою о подписке крестьян под министра... Часто доказывали нашу неправоту тем, что Батуриное духовенство с чиновниками и солдатами, башкирцами заперлись в церкви»¹.

Согласно списка участников крестьянских волнений, составленным курганским исправным 18 мая 1843 года: в Чернавской волости «Михайло Евдокимов Власов, 19 лет ... требовал от головы и писаря секретные бумаги». В Тебеняжской Волости «Иван Вятчинин развращал крестьян к неповиновению установленным властям». В Салтасарайской волости «Налимов и его брат Иван ... бунтовали сильно и подавали голос вязать писаря к столбу и лить воду»².

Священник предтеченской церкви Дмитрий Попов в шадринском военном суде 5 сентября 1842 года давал следующие показания как свидетель: «24 апреля сего года после литургии во время проезда моего мимо Широковской сельской расправы ... увидел в довольно количестве крестьян громко толкующих о каких-то амбарах и уделе... почему я зашел в ту расправу, где крестьяне требовали от старшины Евсея Дектярева и писаря Терехова приговор о неприкосновенном запасе хлеба на посев и, между тем, толковали, будто они поступают в удельные крестьяне к какому-то господину с большим от него налогом податей и прочего». Сам же сельский старшина Дегтярев и писарь Павел Терехов донесли шадринскому окружному начальнику, «что 24 числа апреля сего года с деревни Тропининой и Нижнеярской крестьяне Марк Переных с прочими (всего около двухсот человек), собравшись в ту расправу где был волостной голова Игнатий Иванчиков и заседатель по части полицейской

¹ Государственный архив города Шадринска (ГАГШ), Ф.212, Оп. 1. Д.87, Л.5-6.

² Государственный архив Курганской области (ГАКО), Ф.3. Оп.3, Д.20. Л. 104-167.

Василий Коуров, требовали мирской приговор об амбарах, избранных от двадцати домохозяев для составления неприкосновенного запаса хлеба и когда им был отдан приговор, тогда они все кричали, что поэтому точно уже признают себя приписанными в удел крестьянами и верить ничему не хотят»¹.

Обобщая перечисленные крестьянские требования, можно сделать вывод, что все-таки основными причинами неповиновения крестьян были: недовольство произволом чиновников на местах, раздутостью бюрократической машины; крестьянский консерватизм и боязнь чего-то нового; слухи и сплетни, передающиеся устно, воспринимающиеся доверчивыми крестьянами за истину; низкий уровень грамотности населения.

Список литературы

- 1 Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. Реализация и последствия реформы. Москва : Изд-во АН СССР. 1958. Т. 2. 619 с.
- 2 История Курганской области. Курган : Курганский государственный университет, 1996. Т. 2. 488 с.
- 3 Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII - начало XX в.). Санкт-Петербург : Изд-во «Дмитрий Буланин». 2003. Т. 2. 583 с.
- 4 Пундани В. В. Государственная деревня Урала и Западной Сибири во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. Курган : Курганский государственный университет, 1999. 272 с.
- 5 Черносивтов Р. А. Показания Р. А. Черносивтова о «картофельных бунтах» в Шадринском крае // Шадринская старина. Краеведческий альманах. Шадринск, 1998. С. 42–48.

УДК 394.993(476)

А.И. Ганчар,
г. Гродно

ОКОНЧАНИЕ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ САМОГО АКТИВНОГО ДЕЯТЕЛЯ ПО «РАСПОЛЯЧЕНИЮ» КАТОЛИЦИЗМА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ Ф.Е. СЕНЧИКОВСКОГО (1837–1907 ГОДЫ)

Аннотация. В статье прослеживается жизненный путь самого активного деятеля по введению русского языка в римско-католическое богослужение в Минской губернии Ф.Е. Сенчиковского. После отстранения его от управления, самовольного выезда в г. Санкт-Петербург, отлучения от Римско-католической церкви, Ф.Е. Сенчиковский не оставлял попыток возвратиться обратно, постоянно выпрашивая у светской власти денег и других материальных ценностей.

Ключевые слова: Римско-католическая церковь, Российская империя, Сенчиковский, Омск, биография.

29 июля 1883 года по всеподданнейшему докладу военного министра император высочайше повелеть соизволил для исполнения духовных треб проживающим в Туркестанском крае католикам командировать в этот край, на время не свыше 2-х лет, римско-католического (далее р.-к.) священника Ф. Сенчиковского, взамен настоятеля Омской р.-к. церкви. 11 августа 1883 года из специального источника р.-к. духовенства на жалованье, прогоны и подъемные Ф. Сенчиковскому было отпущено 2 034 руб.²

В январе 1885 года командующий войсками Туркестанского военного округа, в письме к начальнику Главного штаба, обратился с просьбой об отозвании из округа р.-к. священника Ф. Сенчиковского, командированного в распоряжение военного начальника округа в июле 1882 года, согласно высочайшему повелению, для удовлетворения духовных треб чинов р.-к. исповедания, служивших в войсках округа. Свою просьбу генерал-адъютант Розенбах мотивировал тем обстоятельством, что уже истек его срок миссии и помимо этого отсутствие Ф. Сенчиковского не могло вредно отозваться на интересах р.-к. населения края, очень не многочисленном.

Оставаясь и теперь при убеждении, высказанном лично в письме к министру внутренних дел от 25 июня 1883 года о неудобстве учреждения постоянного р.-к. прихода в Туркестане, тем более, что с течением времени количество католиков в том крае понижалось от уменьшения назначаемых туда новобранцев р.-к. исповедания, военный министр 22 января 1885 года признавал просьбу генерал-адъютанта Розенбаха заслуживающей уважение, находя необходимым отозвать Ф. Сенчиковского из Туркестанского края. Но принимая во внимание его прежние заслуги, военный министр полагал не лишать его в текущем 1885 году назначенного ему высочайшим повелением 27 декабря 1883 года содержания, занесенного уже в смету военного министерства. С будущего же 1886 года военный министр просил принять Ф. Сенчиковского вновь в ведение Департамента духовных дел иностранных исповеданий (далее ДДДИИ), причем военный министр не возражал против назначения его на одну из вакансий р.-к. капелланов.

14 мая 1885 года министр внутренних дел И.Н. Дурново обратился к р.-к. могилевскому архиепископу митрополиту Российской империи А. Гинтовту с отзывом относительно назначения Ф. Сенчиковского капелланом в Варшавский военный округ. 19 июля 1885 года могилевский р.-к. архиепископ дал отрицательный ответ, поскольку Ф. Сенчиковский, будучи отлученным от Церкви, вовсе не являлся никаким духовным

² Дело о командировании ксендза Ф. Сенчиковского в Туркестанский край, об отказе предоставить ему какую-либо духовную должность (8 июня 1882 г. – 15 ноября 1907 г.) // РГИА, ф. 821, оп. 3, д. 315, л. 41–42 об., 71–74.

¹ ГАГШ, ф. 329. Оп. 1. Д. 36. Л. 1–2.

лицом, и потому исполнять духовные требы не имел права, до получения от Папы снятия с него «irregularitatem et excommunicationem». При этом А. Гинтовт посчитал нужным отметить, что на Ф. Сенчиковском тяготеют еще разные светские преступления, как это было видно из официальных бумаг, присланных ВРКДК.

5 октября 1885 года Ф. Сенчиковский был исключен из списков лиц, состоящих в распоряжении командующего войсками Туркестанского военного округа, с прекращением производства содержания. Военным министром было сделано распоряжение об откомандировании Ф. Сенчиковского обратно в ведение ДДДИИ и отпуске ему прогонных денег из г. Ташкента в г. Санкт-Петербург¹.

По причине того, что командующий войсками Туркестанского военного округа объявил Ф. Сенчиковскому, что с 4 сентября 1885 года производство ему жалованья прекращено, поскольку приехал он 4 сентября 1883 года, 7 октября 1885 года Ф. Сенчиковский обратился к министру внутренних дел о продлении ему положенного жалованья по 1 января 1886 года, поскольку он приехал в г. Ташкент на счет МВД, а не военного министерства. Просил также Ф. Сенчиковский, чтобы было сделано распоряжение Римско-католической духовной коллегии (далее РКДК) о своевременной высылке положенного ему пожизненного пособия. В этом же письме Ф. Сенчиковский пишет донос на кс. Глаза, приехавшего из г. Вильно, полагая что по его отъезде именно он будет исполнять требы местным католикам. Стремясь разжалобить чиновников, Ф. Сенчиковский много пишет о своем тяжелом материальном и физическом положении: «на левое ухо он уже ничего не слышал, левую руку подкочило, вся спина, и особенно в груди, невыносимо болела»².

Из официальной прессы также известно, что в г. Ташкенте на Ф. Сенчиковского было совершено неудачное покушение: денщик нарочно обварил его кипятком. По этому поводу «Литовские епархиальные ведомости» написали: «Видно, что поляку, верующему в Россию и преданному России, не совсем и в России безопасно»³.

На самом деле всё было иначе. Какой-то солдат влез под вечер в ограду дома Ф. Сенчиковского, добивался в кухню, которую он ему отворил. В тот вечер никого у него не было, кроме племянника, постоянно проживавшего с ним, но к тому времени болевшего дизентерией. Солдат

потребовал у Ф. Сенчиковского накормить его, но он ничего не смог ему предложить. Солдат же ошпарил кипятком «заднюю часть» Ф. Сенчиковского, что, по утверждению Ф. Сенчиковского, доказывало, что он сам не мог ошпариваться: «Я лежу как Лазарь в ранах и пузырях, а солдат совершенно здоровый и с розысков видно, что стараются солдата совершенно оправдать, а меня обвинить за беспокойство»⁴.

После нескольких месяцев страданий, Ф.Е. Сенчиковский бежит к своему брату, аптекарю в г. Верный, с пенсией в 1000 руб. в год, согласно решению императора от 21 ноября 1885 года Ф. Сенчиковский просил министра внутренних дел оставить его проживать с братом в этом городе, где на «скудную» пенсию он собирался коротать свой век, на что МВД было изъявлено согласие⁵.

По желанию генерал-губернатора Акмолинской области Г.А. Колпаковского Ф.Е. Сенчиковский 29 января 1887 года был переведен в г. Омск из Семиреченской области г. Верного. Данный перевод основывался на просьбе синдика Омского костела надворного советника Жиромского, представившего копию приговора жителей г. Омска р.-к. вероисповедания о назначении в город постоянного приходского священника, который, исполняя духовные требы, в тоже время мог принять на себя и попечение над учащейся молодежью. Министерство внутренних дел (далее МВД) вновь сделало попытку к признанию Римско-католической Церковью (далее РКЦ) назначения Ф. Сенчиковского. Но 19 марта 1887 года митрополит А. Гинтовт повторил свой отрицательный ответ министру внутренних дел от 19 июля 1885 года Прихожане же Омской р.-к. церкви, как видно из рапорта начальника Омского жандармского управления, игнорировали Ф. Сенчиковского⁶.

Живя в г. Омске, Ф. Сенчиковский нередко в праздничные дни посещал православный храм, где и оставался молиться во все время богослужения, в особенности любил архиерейское богослужение. К православным архипастырям относился с должным почтением и принимал благословение от них, по словам Омского протоиерея Н. Никольского, с великим благоговением. Поминал на проскомидии известных ему православных архипастырей, архимандритов, священников и пр., как живых, так и умер-

¹ Дело о командировании ксендза Ф. Сенчиковского в Туркестанский край, об отказе предоставить ему какую-либо духовную должность (8 июня 1882 г. – 15 ноября 1907 г.) // РГИА, ф. 821, оп. 3, д. 315, л. 91–92 об., 97–104, 107.

² Дело о командировании ксендза Ф. Сенчиковского в Туркестанский край, об отказе предоставить ему какую-либо духовную должность (8 июня 1882 г. – 15 ноября 1907 г.) // РГИА, ф. 821, оп. 3, д. 315, л. 74–75.

³ Литовские епархиальные ведомости. 1886. № 21. С. 8.

⁴ Дело о командировании ксендза Ф. Сенчиковского в Туркестанский край, об отказе предоставить ему какую-либо духовную должность (8 июня 1882 г. – 15 ноября 1907 г.) // РГИА, ф. 821, оп. 3, д. 315, л. 76.

⁵ Дело о командировании ксендза Ф. Сенчиковского в Туркестанский край, об отказе предоставить ему какую-либо духовную должность (8 июня 1882 г. – 15 ноября 1907 г.) // РГИА, ф. 821, оп. 3, д. 315, л. 77 об. – 78, 106.

⁶ Дело о командировании ксендза Ф. Сенчиковского в Туркестанский край, об отказе предоставить ему какую-либо духовную должность (8 июня 1882 г. – 15 ноября 1907 г.) // РГИА, ф. 821, оп. 3, д. 315, л. 175.

ших. Любил принимать в праздники знакомых православных священников, а также служил молебны в воскресные и праздничные дни. «Когда бывало зайдешь к нему, – вспоминал Н. Никольский, – то всегда увидишь теплящуюся лампадку перед святыми иконами... Я так привык считать отца Сенчиковского почти православным, что всегда, по русскому обычаю, при входе в комнату его, перекрестившись, приветствовал отца Фердинанда миром и давал христианское лобзание»¹.

Ф.Е. Сенчиковский в г. Омске состоял членом многих человеколюбивых обществ. Состоял он членом и православного миссионерского общества киргизской миссии. Когда было в 1907 году освящение места для новостроящегося храма в Покровском мужском православном монастыре, отстоящем от г. Омска в 15 верстах и куда Н. Никольский был командирован в июле преосвященным Омским и Семипалатинским Гавриилом, Ф.Е. Сенчиковский прибыл 20 июля утром на пороходе на закладку храма и, по окончании служения, пожертвовал 25 руб. на монастырь. Сам же Ф.Е. Сенчиковский был учредителем в г. Омске общества покровительства животных и всегда был избираем председателем этого общества. Много заботился он о пернатых: всегда приказывал своей прислуге сыпать пшеницы или овса на своем дворе для голубей не только живших при его доме, но и прилетавших из соседних улиц. И если он видел, выходя во двор, что пернатые гуляют по двору, а зерна нет на земле, то он сам посыпал им. Особенно любил Ф.Е. Сенчиковский канареек. В одно время было у него их более 50 штук.

Высочайше дарованная Ф.Е. Сенчиковскому пожизненная пенсия не была переведена по месту его жительства, а каждый раз высылалась РКДК в Омское городовое полицейское управление, откуда она препровождалась в местное казначейство, а затем талон на получение пенсии вручался Ф.Е. Сенчиковскому через тоже полицейское управление. Из-за такой сложной процедуры, проситель нередко не получал пенсию в течении шести месяцев. Вследствие этого Ф.Е. Сенчиковский ходатайствовал о переводе пенсии в Омское казначейство и о выдаче её не по третям года, а ежемесячно².

19 января 1896 года в письме к министру внутренних дел просил его исходатайствовать перед императором право на предоставление в его пользование на льготных условиях пустопорожного участка земли, расположенного вдоль линии Западно-Сибирской железной дороги Омск-Петропавловск, прилегавший к стан-

ции «Исиль-Куль» около озера называемого «Коровым», обозначенным на карте под № 2 в 120 верстах от г. Омска. 14 октября 1903 года Ф.Е. Сенчиковский снова ходатайствовал об увеличении ему пенсии, так как получаемых им 83 руб. 33 коп. в месяц, при постоянном лечении и дороговизне жизни, он являлся «посмешищем для поляков и ксендзов»³. 15 ноября 1903 года по докладу министра внутренних дел, император всемилостивейше соизволил на назначение бывшему визитатору р.-к. церковей в Минской губернии, священнику Ф. Сенчиковскому, во внимание к прежним заслугам по введению русского языка в дополнительное р.-к. богослужение, независимо от получаемых им 1 000 руб. в год из процентов от вспомогательного капитала р.-к. духовенства, ежегодно производства в размере 500 руб. из остатков от содержания р.-к. духовенства в империи⁴.

6 февраля 1898 года из г. Омска Ф. Сенчиковский пишет недавно назначенному Виленскому генерал-губернатору В.Н. Троцкому письмо, «как белорус и потомок униатов» с просьбой о назначении, но безуспешно. 26 октября 1907 года после непродолжительной болезни (воспаления легких), тихо и при полной памяти в г. Омске умер Ф.Е. Сенчиковский. Рассылкой уведомлений о смерти занимался его племянник Г.П. Глинский, проживший вместе с дядей ровно 37 лет.

Для погребения усопшего единственный местный наследник Ф.Е. Сенчиковского Г.П. Глинский (в силу обстоятельств он будет вынужден отказаться от наследства, а имущество перейдет на некоторое время кату покойного, но вскоре, по желанию брата покойного, распорядителем его снова станет Г.П. Глинский) обратился к местным ксендзам, но они ему в погребении отказали, мотивируя свой отказ тем, что покойный боролся против РКЦ. Г.П. Глинский ответил на это тем, что он действительно боролся, но не против церкви, а против политического полонизма. Не разговаривая с ними больше, он обратился к местному православному епископу Гавриилу, который разрешил похоронить со внесением в кафедральный собор усопшего, тем самым, по словам племянника, исполнилось желание покойного быть похороненным по православному обряду. На прямой вопрос А.В. Жиркевича принял ли покойный православие, Г.П. Глинский ответил, что нет, хотя желание у него было, но он этого ему не доверил, так как его взгляды на это были другие, с чем даже и он соглашался, но если бы он этого пожелал исполнить, то Г.П. Глинский принял бы меры к испол-

¹ Никольский Николай, протоиерей Омского кафедрального собора. Воспоминания о Ф.Е. Сенчиковском [Омск]. На л. 1 пометы еп. Гаврилина (15 января 1908 г.) // Отдел рукописей РНБ, ф. 284, ед. хр. № 92, л. 1-2.

² РГИА, ф. 821, оп. 3, д. 125, л. 227–227 об.

³ Жиркевич А.В. Сенчиковский Фердинанд Евстафьевич. Письма (10) А.В. Жиркевичу. Омск (17 февраля – 26 ноября 1903 г.) // Отдел рукописей РНБ, ф. 284, ед. хр. № 50, л. 24.

⁴ РГИА, ф. 821, оп. 3, д. 125, л. 227–227 об., 255–269, 288.

нению его желания¹. В письме к А.В. Жиркевичу от 28 февраля 1908 года протоирей Омского кафедрального собора Н. Никольский отмечает, что нежелание Ф.Е. Сенчиковского принять православие объясняется потерей пенсии, которую получал покойный от капиталов РКДК. В случае же принятия православия он лишился таковой, как, впрочем, и особого отношения к себе со стороны администрации и врачей, почему он и оттягивал с переходом в православие².

Как уже отмечалось, по распоряжению преосвященнейшего Гавриила, тело Ф.Е. Сенчиковского было внесено в православный кафедральный собор. Во время литургии и пения Великой панихиды над усопшим в кафедральном соборе присутствовали начальник края Надаров, губернатор Окмолинской области Лосевский, жандармский начальник и др. официальные лица. В их присутствии протоиереем Омского кафедрального собора Н. Никольским была провозглашена речь, в которой была проведена мысль, что если успоший, развлекаемый земными соображениями, не успел вполне воссоединиться с Православной Церковью, то будут молиться за него, чтобы Господь покрыл все его недостатки своей низреченною милостью: «Ибо в дому Отца Небесного обители много суть»³.

Могила Ф.Е. Сенчиковского на православном кладбище в г. Омске. На первом плане Г.П. Глинский, а дальше мастер из г. Екатеринбург

Ни один представитель римско-католического духовенства не пришел на похороны ксендза, из объяснений Г.П. Глинского, потому что Ф.Е. Сенчиковский католического ксендза не

приглашал. Похоронен был Ф.Е. Сенчиковский православным духовенством на православном кладбище. При погребении Ф.Е. Сенчиковского никакой манифестации со стороны поляков не было. Все прошло благообразно. От общества покровительства животных был возложен на гроб Ф.Е. Сенчиковского металлический украшенный венок⁴.

Знакомство епископа Омского и Семипалатинского Гавриила с Ф.Е. Сенчиковским началось 30 января 1906 года, когда он, по приезду для управления епархией среди представлявшихся лиц встретил и его. Ф.Е. Сенчиковский в это время был не удел и жил в своем доме. Епископ Гавриил вспоминал, что Ф.Е. Сенчиковский, кроме общения с людьми среднего класса, любил беседовать и с высоко поставленными, например, с губернатором Акмолинской области В. Лосевским, с ним самим, а также с другими генералами, был уважаем генерал-губернатором И.П. Надаровым, протоиереями и другим православным духовенством Омской епархии. При совершении православной литургии Ф.Е. Сенчиковский в важные моменты коленапреклонённо молился, иногда с проявлением слез, особенно, когда пелась песнь «Тебе поем, Тебе благословим» и пр. В частной беседе с епископом Гавриилом, после литургии, за чаем он высказывал православные убеждения, приблизительно до времени разделения церквей, и с уверенностью говорил, что только ради пенсии, получаемой им, он с формальной стороны не может принять присоединения к православной церкви и только перед смертью это сделает. Искренне убеждённый в православии, как об этом мог судить епископ Гавриил по его словам, он хотя не успел совершить акт присоединения за недосмотром о его близкой кончины, но за свои убеждения, по смерти удостоен был погребения в кафедральном соборе ради православных его знакомых лиц⁵.

Как справедливо отметил 28 марта 1914 года православный епископ Владимир в письме к автору одиозной биографии Ф.Е. Сенчиковского генералу А.В. Жиркевичу из г. Арзамаса, в словах и деяниях Ф.Е. Сенчиковского масса противоречий самому себе. Собственно ему симпатизировали лишь Чагин (минский губернатор – А. Ганчар) и Юган (начальник полиции – А. Ганчар), прочие же из гражданских и военных властей, при умении пускать пыль в глаза, сначала были на стороне Ф.Е. Сенчиковского, а потом – оступались. Православные архиереи, архимандриты и протоиереи и другие современники Ф.Е. Сенчиковского, в надежде на обращение его

¹ Глинский Георгий Петрович. Письма (10) к А.В. Жиркевичу. Омск. Прил. к письму 10; уведомление А.В. Жиркевича о высылке ему вещей Ф.Е. Сенчиковского (1 ноября 1907 г. – 20 октября 1911 г.) // Отдел рукописей РНБ, ф. 284, ед. хр. № 15, л. 1–4, 7.

² Никольский Николай. Письмо А.В. Жиркевичу. Омск. 1 конв. (9 февраля 1908 г.) // Отдел рукописей РНБ, ф. 284, ед. хр. № 40, л. 2–3.

³ Никольский Николай, протоирей Омского кафедрального собора. Воспоминания о Ф.Е. Сенчиковском [Омск]. На л. 1 пометы еп. Гавриила (15 января 1908 г.) // Отдел рукописей РНБ, ф. 284, ед. хр. № 92, л. 4.

⁴ Никольский Николай. Письмо А.В. Жиркевичу. Омск. 1 конв. (9 февраля 1908 г.) // Отдел рукописей РНБ, ф. 284, ед. хр. № 40, л. 1–2.

⁵ Гавриил еп. Омский и Семипалатинский. Воспоминания о Ф.Е. Сенчиковском, Омск (9 января 1908 г.) // Отдел рукописей РНБ, ф. 284, ед. хр. № 90, л. 2–4.

в православие, относились к нему сочувственно, но он ловко всех обманул. Из всех недоброжелателей Ф.Е. Сенчиковского – католиков и поляков, ксендзов и мирян – единственным, по мнению епископа Владимира, был благоразумный ксендз Заусцинский, но недобросовестнее всех ксендзов того времени был Ф.Е. Сенчиковский. Кары митрополита Гинтовта с канонической точки зрения были правильны; а гражданские и военные русские чины остались в дураках, потому что не знали церковных законов¹.

Список сокращений

ДДДИИ – Департамент дуовных дел иностранных исповеданий.

МВД – Министерство внутренних дел.

РКДК – Римско-католическая духовная коллегия.

РКЦ – Римско-католическая церковь.

р.-к. – римско-католический.

УДК 930.2; 908

*М.Ф. Ершов,
г. Ханты-Мансийск*

ЗАУРАЛЬСКИЙ УЧИТЕЛЬ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ДРАМА ЧУЖОГО

Аннотация. На материалах Зауралья рассмотрено восприятие учительства в провинции. В обществе того времени считалось, что труд педагогов отличался внеобыденностью и был близок к служебному поприщу. Это провоцировало формализм в преподавании, обедняло учебный процесс, делало ритуалы и торжества значимыми событиями в жизни школы.

Ключевые слова: Зауралье, мероприятие, провинция, служба, учитель.

Как известно, кроме внутрикультурной коммуникации имеется межкультурная коммуникация. Под ней понимаются связи и общение между представителями различных культур. Никакое общество без межкультурной коммуникации не существует. И самодостаточной патриархальной культуре также были необходимы посредники. Их содействие внешним контактам помогало социуму определяться со своим существованием в мире. По меткому замечанию классика, в каждом обществе «есть социальные группы, главная задача которых заключается в том, чтобы создавать для данного общества интерпретацию

мира. Мы называем эти группы «интеллектуальной» [9, с. 14].

Именно эти функции в российской глубинке играли учителя. Они были носителями культуры и осуществляли её коммуникацию с Большой Россией. В настоящей публикации предпринят анализ места и роли отечественного учителя в провинциальной среде. Данная проблема достаточно актуальна. Ведь именно благодаря модернизационным усилиям энтузиастов в провинции постепенно исчезало прежнее недоверие к грамотности.

Уйдя от обыденности, педагоги, по патриархальным представлениям, должны были частично отдалиться от своего окружения. Обладание абстрактными знаниями делало их в лучшем случае посредниками, в худшем – изгоями, полезными или вредными чужаками. В условиях генезиса и последующего становления образовательной сферы учитель в провинции пребывал в роли культурного маргинала. Будучи субъектом образовательного процесса, он оказывался «заброшен» в ту патриархальную среду, которую ему, учителю, и предстояло переделать. В культурном плане такие одиночки были вынуждены противостоять сплоченным коллективам и доказывать им свою нужность и полезность.

Первоначально учителя, выходцы из бывших чиновников, семинаристов и выпускников гимназий, были в провинции пришлыми людьми. Частенько эту профессию избирали откровенные неудачники, не сумевшие закрепиться в сфере управления, где существовали широкие возможности для получения взяток и улучшения материального положения. Их отличало от горожан то, что почти все они не принадлежали к податным сословиям. Схоластическое образование, во многом оторванное от повседневных нужд, которое получали учителя, не отменяло того обстоятельства, что их служба осуществлялась на профессиональной основе. Ранее носители информации появлялись и исчезали в провинции ситуативно, от случая к случаю. Теперь учительство обосновалось здесь на постоянной основе и его культурное воздействие оказалось весьма значительным.

Полное усвоение тех знаний, которые учителя несли своим ученикам, грозило подрывом городского социума. Ведь старательное, но неизбежно поверхностное восприятие далёкой столичной культуры могло порождать у незрелой социализирующейся личности чувство неудовлетворения, жажду знаний, потребность уехать, иногда – превосходство над окружающими и их практической деятельностью. На уровне обыденного сознания такое поведение индивида осуждалось. По мнению А.С. Ахиезера, донучная культура «пыталась не допустить проникновения человека в бесконечные пласты реальности, скрывать уже полученное знание в узкой

¹ Жиркевич А. В. Владимир (Филантропов Василий Иванович) епископ. Письма (10) А.В. Жиркевичу. Арзамас, Спасский монастырь. 10 конв (20 октября 1911 г. – 28 марта 1912 г.) // Отдел рукописей РНБ, ф. 284, ед. хр. № 13, л. 22–31.

субкультуре жрецов. Знание, превышающее некоторый допустимый в соответствующей культуре предел, несло дискомфорт. Относительная слабость воспроизводственных возможностей не позволяла адекватно ответить на новое знание, построить эффективную программу воспроизводства» [2].

Данное положение отчасти применимо к провинциальной культуре. «Серьёзных книг не любили и на людей, любивших читать, смотрели враждебно, называли их «умниками» и «вольнодумцами», и они были на плохом счету у начальства и общества – так описывает В. Верхоланцев быт дореформенной Перми. – Впрочем дозволялось читать глупейшие романы, вроде «Тайн Мадридского двора», которые в изобилии доставлялись молодёжи услужливыми коробейниками из Ярославской и Владимирской губерний. У них бойко расходились молитвенники, поминальники, песенники, оракулы, сонники и т.д. По городу распространялась и переписывалась нелепая молитва с надписью: «Кто переписет эту молитву, будет ежедневно читать и даст другим списать, получит отпущение грехов». Тех, кто увлекался серьёзным чтением, предостерегали, чтобы «не зачитался» [3, с.148].

Рациональное знание было близко не столько труду простолюдинов, сколько, первоначально, монашескому подвигу, а затем – благородной военной службе. Поиски истины и научные открытия воспринимались как нечто похожее на путешествия или подвиги. Близки к ним были мероприятия по открытию школ или к началу учебного года. Они означали закрепление успеха и расширение просвещённой – от невежества или суеверий – территории, порождали аналогии с религиозными празднествами и торжествами после успешной военной компании. Образование, по аналогии с религиозным действием и военной службой, требовало соответствующего оформления. Молебны, церемонии, экзамены, мундиры были атрибутами просвещения и маркировали его границы. Ритуалы, приличествующие случаю, отчуждали образование от населения, еще не облагороженного «правильными» знаниями.

Таким образом, религиозное служение, военная служба и образование равно тяготели к возвышенным идеалам. Учитель не просто проводил учебные занятия, он служил. Его служба преследовала цель распространения рациональных знаний. Он облагораживал местные нравы, и, по мере сил, приближал их к столичным стандартам. Такая цель предполагала, в конечном основании, наличие особых свойств у «правильного» официального учителя: достоинства, дисциплины, способности принимать решения. Другой вопрос, что образ учителя и его реальный носитель не всегда совпадали...

Российское образование отличалось фор-

мальной передачей знаний, не всегда востребованных на практике. Учащие и учащиеся должны были улучшать нравы местных жителей и демонстрировать навыки внеобыденного поведения, языка и отвлеченных познаний. Приведем один из образцов такой демонстрации. Польской ссыльной Э. Фелиньской описывается переплетение традиционных и рациональных черт у горожан Березова в 1840 году. Достаточно ярко это проявлялось на экзамене в городском училище: «Собравшиеся в один коллектив все чиновники и вся местная аристократия слушают сквозь дрему вопросы учителя и ответы учеников, которые им абсолютно непонятны, после чего, как пройдет их очередь ставить свою подпись, они смачно съедают приготовленный завтрак, запивая его вином и наливками. Это торжество заканчивается обычно к удовольствию обеих сторон, и особенно учеников, освобождаемых на пару месяцев от всех обязанностей».

Всеобщее замешательство вызвал вопрос присутствующего здесь же поляка Вакулински (недавно прибывшего в г. Березов врача) о дробях. Видимо новенький нарушил неписаные правила поведения. Для присутствующих было непонятно, замечает Э. Фелиньская, «как этот профан посмел проникнуть в тайну, доступную только самым посвященным». Когда инициатор вопроса «возвращался в свою квартиру, дорогу ему перебежал один купец, спрашивая, правда ли то, что говорят, – что Вакулински знает дробь. На утвердительный ответ купец бросил ему вопрос, сколько дробин в «четверти»? Другие, окружившие его на улице, забрасывали подобными же вопросами» [10, с. 97-98].

Положение дел в Березовском училище не было чем-то исключительным. Историк П.А. Словцов на должности визитатора Казанского учебного округа, нередко критиковал подопечных учителей за их ориентацию на механическое заучивание детьми учебных материалов. Например, в 1822 году, после осмотра (визитации) учебных заведений Тобольской губернии, он с горечью резюмировал: «я ныне старался внушить учителям гимназии и уездных училищ, что сия метода весьма покойная для учителей и столь же обманчивая для учеников, не может надолго составлять познание в памяти учащихся, если познание многократными повторениями учительского голоса не будет вперено в разверзающуюся голову мальчика. Я доказывал то учителям много раз, когда ученик, резко прочитав большой параграф из какой-нибудь науки и будучи спрошен о том же не знал, что и ответить»¹.

Негативное состояние дел мало изменилось и к 1827 году, когда П.А. Словцов обозревал учебное дело в Пермской губернии. «Оно по всем почти учебным предметам кроме Российской грамматики и географии Российской находится в

¹ НАРТ, ф. 92, оп. 1, д. 1507, л. 23-24.

ничтожном состоянии – отмечал визитатор. – Выучка наизусть есть один способ, который только известен учителям и законоучителю и один признак, что дети учились чему-нибудь». В частности, при осмотре Ирбитского уездного училища выяснилось, что дети не способны ответить ни на один вопрос проверяющего. «Трудно представить себе, до какой жалкой тупости доведены ученики принятой методою» – жаловался П.А. Словцов¹. Если прогрессивные педагоги стремились внести оживление в процесс обучения, то консервативные учителя, напротив, задавали детям схоластические и малопонятные для них вопросы. Это подчеркивало существование у них запредельных, почти сакральных знаний, недоступных для непосвященных.

Обществу требовалось время для преодоления данной мифологемы. Ее изживание наблюдается лишь к концу XIX века. Именно тогда просветитель И.Я. Словцов, не понаслышке знакомый с учительской средой, язвительно воспроизвел сцену урока и формальные вопросы молодой недалекой учительницы в своих «Письмах из Тюмени» [11, с. 100–103]. Он же в 1880 году произносит речь при открытии Александровского реального училища в Тюмени, заострив внимание на его архитектурных достоинствах: «Красивое трехэтажное здание училища составляет по своему наружному виду лучшее украшение города. Расположено оно главным фасадом на Царскую улицу, а боковым на Александровскую площадь; в длину занимает 28 сажен. Вся площадь, занимаемая строениями училища, имеет 2880 кв. саж., из которых 1200 отведены для сада и оранжерей. План здания составлен архитектором при Петербургском университете художником Воротиловым; наблюдение же за работами и выполнением плана принадлежит г. Цинке. Стиль – готическо-романский, renaissance. Особенно красиво выполнены по лицевому фасаду выступы парапета и пилястр» [5, с. 168].

Длинная речь Словцова (здесь приведен минимальный отрывок) имела незначительную познавательную ценность, а для многих присутствующих была и вовсе малопонятной. Ее основные цели были иными: презентационными, дисциплинирующими. Речь стала частью торжественного акта. Он свидетельствовал о преданности институту монархии, об интеллектуальной зрелости Тюмени, где лучшая часть населения развивается в правильном направлении. Построив училище, верхи города символически продолжили сближение с Петербургом и монархом, о чьем существовании им и ранее напоминали Царская улица и Александровская площадь. Реализация данных сценариев требовала немалого времени на их подготовку.

«Приготовление к торжественному акту начинались обыкновенно за неделю до назначен-

ного для того дня – замечал в своих воспоминаниях о работе в Ялуторовском училище К. Голодников, – ученики учили приветственные и благодарственные речи, учителя писали рассуждения, для украшения же актовой камеры привозились с поля свежие цветы, и все принимало вид особенного торжества. После акта смотритель приглашал посетителей на скромный завтрак, и, хотя средства ученого сословия того времени были очень скудны, однако добряк не жалел и собственных крох, чтобы как-нибудь помочь своему излюбленному заведению. С этою целию после завтрака посетителям обыкновенно предлагаем был подписной лист для посильных приношений; подписывали кто рубль, кто два, а кто и три» [4, с. 279].

Пожертвования собирались ежегодно и в других училищах. «Изъятие» денег на образовательные нужды проходило в торжественно-официальной обстановке, что отчасти компенсировало материальные потери со стороны провинциалов. Нажим «сверху» и материальные траты отчуждали население от официального образования. В Кургане в 1842 году, после торжеств, за завтраком, смотритель А.Г. Худяков предложил подписку на расширение библиотеки и собрал около 300 руб. Ссылный декабрист Н.В. Басаргин, описывая это событие, отмечал: «Смотрителя здесь не любят» [7, с. 190].

В 1857 году губернатор В.А. Арцимович по случаю тезоименитства императора пригласил к себе на квартиру в Кургане, где он останавливался, «местных граждан, угостил их завтраком и предложил подписку на приобретение прекрасного, но недостроенного купцом Пелишёвым каменного дома для помещения в нем уездного и приходского училищ и будущей женской школы» [1, с. 80]. Его усилия были не напрасны. Женская школа была открыта в мае 1858 года.

Каковы были типичные сценарии данных мероприятий? 7 октября 1817 года произошло «торжественное открытие уездного училища в городе Кургане. В 8 часов утра юные питомцы муз, собравшись в училищный зал, слушали изъяснение воскресного Св. Евангелия, в 9 проходили в сопровождении исполняющего обязанности Директора, местного Смотрителя и учителей в Соборную церковь для слушания Божественной Литургии, по окончании коей почтеннейший протоиерей г. Никитин говорил с духовной кафедры поучение относительно обязанностей воспитателя детей, имеющего влияние на частное и общее благо, потом все любители просвещения, при военном параде, в крестном ходе со св. иконами следовали в училище, где по прочтении предписания императорского Казанского университета на счет открытия училищ в Тобольской губернии, было воссылаемо Господу Богу моление о здравии и благоденствии Его Императорского Величества

¹ НАРТ, ф.92, оп. 1, д. 2506, л. 33-34.

и Августейшей Фамилии, по возгласе многолетия говорил приличные торжеству ученик 2-го класса Василий Ланин, а зритель Сосунов произнес речь, имеющую предметом побуждение юношества к образованию, за сим открыт был разговор 3-х учеников 1-го класса Лапина, Антонова и Шохина, потом читаны некоторые статьи Устава учебных заведений (...).

При продолжении церемонии семилетняя дочь Ольшевского, читала стихи на «малороссийском языке», а «ученик 2-го класса Евгений Попов благодарил почтенных граждан приветствием за содействие их в устройении училища» (было собрано пожертвований 302 руб. и пособий на 100 руб.). Кроме того, зритель училища угощал посетителей завтраком, а местный исправник Серебренников – «вечерним столом». К вечеру училище и дома чиновников были иллюминированы¹. Похожие празднества по случаю открытия училищ прошли и в других городах Тобольской губернии: Таре, Ишиме, Ялуторовске, Тюмени, Туринске.

В конце июля 1820 года состоялось открытие уездного училища в Ирбите. Накануне в городском соборе проходило всенощное бдение «при собрании всех учеников и учителей». В 8 часов утра ученики из стен училища, по два в ряд, в сопровождении учителей, священника и чиновников, под колокольный звон направились в городской собор. «Один из передних нес образ Спасителя, пристойно убранный цветами, другой на шелковой подушке, украшенной серебряной бахромою, Высочайше конфирмованный Устав учебных заведений». Далее следовали литургия, проповедь, крестный ход к училищному дому. В торжественной обстановке директор народных училищ Пермской губернии Н.С. Попов объявил о нормативно-правовых документах на открытие училища, а его зритель Дьяконов прочитал «приличные статьи, относящиеся до уездных училищ, из Высочайше конфирмованного Устава учебных заведений».

Затем прошло «молебствие с водоосвящением», прозвучали духовно-нравственное наставление протоиерея, речи учителей и чиновников, зачитано постановление о наградах для благотворителей училищ и совершены первые пожертвования. От «Военного начальства был приставлен почетный караул», вероятно из местной инвалидной команды. В конце мероприятия зритель «угощал чиновников обеденным столом; ввечеру был бал, и дом его с училищною квартирою был освещен, причем выставлена прозрачная картина, на которой в сиянии изображено было вензелевое имя Государя Императора Александра I и кругом оно надпись: Свет Его просвещает всех» [8, № 27].

Со временем в торжествах уменьшалась доля религиозной составляющей. Её всё более

замещали познавательные и даже развлекательные компоненты. Так, 26 июня 1862 года в стенах Екатеринбургской мужской гимназии состоялся «торжественный акт». Он был посвящен годовому существованию гимназии. Присутствовали местная городская верхушка, горные, военные и гражданские чины. Праздник открылся речью старшего преподавателя Н.И. Виноградского «Следы языческих верований в русских сказках», затем директор гимназии Крупенин выступил «с приличной случаю речью, прося возможного содействия к преуспеянию гимназии возможными пожертвованиями». Под занавес пением гимна «Боже, царя храни!» мероприятие было окончено. На торжестве играл оркестр Екатеринбургского благородного собрания [6, с. 27-28].

Востребованность образования не устранила амбивалентного положения педагогов. С одной стороны, они были проводниками «исправлений», просвещения и модернизации. С другой же – их благие намерения предполагали сохранение культурного отчуждения педагогов от местного населения. Учитель вынуждено «служил» не только прогрессу, но и уже устаревшим идеалам и противопоставлял себя провинциальной обыденности.

Завышенные требования (большой объем информации с механическим запоминанием, материальные и иные трудности) подчеркивали избирательность образования и его высокое предназначение. Чтобы преодолеть препятствия, и учащему, и учащемуся необходимо было обладать трудолюбием, и неординарными способностями. Ориентация на «сухое» преподавание не была следствием только ошибок некавалифицированных учителей, обделенных положительным опытом преподавания и лишенных действенных форм контроля. Напротив, это был закономерный этап становления массовой школы. Хотим мы того или нет, но отечественная школа, особенно в провинции, во многом вырастала из толщи нашей патриархальной культуры.

Учителя царской России не смогли полностью преодолеть культурную изоляцию. Их драма заключалась в том, что они остались, в большинстве своём, чужаками в провинции, не сумев превратиться в органичную часть локальных социумов. Учительство, действительно, привносило грамотность и «взламывало» инертность отечественной глубинки. Однако его положительные усилия не предотвратили грядущих катастрофических потрясений.

Список литературы

- 1 Арцимович В. А. Воспоминания. Характеристики. Санкт-Петербург : Тип. М.М. Стасюлевича, 1904. 824 с.
- 2 Ахиезер А. Как «открыть» закрытое общество. Москва : Магистр, 1997. 40 с.
- 3 Верхоланцев В. Город Пермь, его прошлое и настоящее: Крат. ист.-стат. очерк. Пермь : Тип. губ. земства, 1913. 204 с.
- 4 Голодников К. М. Воспоминания о Тобольской гим-

¹ ИсаОО, ф. 2, оп. 1. д. 325, л. 2.

назии // *Тобольские губернские ведомости: Редакторский корпус: Антология тобольской журналистики XIX – начала XX в.* Тюмень : Мандр и К, 2004. С. 250–283.

5 Голодников К. М. [С открытия Александровского реального училища] // *Тобольские губернские ведомости. Редакторский корпус. Антология Тобольской журналистики конца XIX – начала XX в.* Тюмень : Мандрик и К, 2004. С. 168–169.

6 Диомидов Н. *Историческая записка о Екатеринбургской мужской гимназии (1861–1886).* Оренбурга : Типолитография И. И. Ефимовского-Мировицкого, б.г. С. 79.

7 Житомирская С. В., Мироненко С. В. Из архива И. И. Плущина. Письма Н. В. Басаргина // *Сибирь и декабристы.* Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во. 1983. Вып. 3. С. 159–220.

8 *Казанские известия.* 1820. № 27.

9 Манхейм К. *Диагноз нашего времени.* Москва : Юрист, 1994. 704 с.

10 Отрывки из дневника Эвы Фелинской, которой она писала в Березове // *Подорожник: краеведческий альманах.* Тюмень, 2005. Вып. 6. С. 7–115.

11 Словцов И. Я. *Письма из Тюмени // Литературные фантомы : Избр. произведения.* Тюмень, 1997. С. 3–113.

УДК 93(930.85)

И.В. Неупокоев,
г. Курган

НАЧАЛЬНЫЕ ВОЛОСТНЫЕ УЧИЛИЩА КУРГАНСКОГО ОКРУГА ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1852–1917 ГОДЫ

Аннотация. В статье рассматривается процесс возникновения и развития волостных начальных училищ, в котором выделены три периода в зависимости от ведомственной принадлежности. В основу положена имперская и губернская нормативная база, а также архивная делопроизводственная документация. Внимание уделяется органам управления, субъектам образовательной деятельности и размеру их жалования, источникам содержания училищ, роли волостных правлений и т. п.

Ключевые слова: волостные училища, священник, Тобольская казенная палата, губернатор, попечитель, училищный совет.

В истории волостных училищ, на наш взгляд, следует выделить три периода. Первый: 1852–1888 годы, время нахождения училищ под управлением Министерства государственных имуществ (далее – МГИ) и Тобольской казенной палаты (далее – ТКП); второй: 1888–1904 годы, в ведении Министерства внутренних дел (далее – МВД) и Тобольского губернского управления (далее – ТГУ); третий: 1904–1917 годы, под управлением Тобольского губернского училищного совета (далее – ТГУС) и его уездных отделений (далее – УУС). Рассмотрим деятельность училищ на основе приведенной периодизации.

Нормативной основой начальных сельских

училищ (далее – СУ) МГИ стали: указ императора Николая I «Об устройстве сельских приходских училищ в селениях казенных крестьян» 1842 года и «Наставление для управления сельскими приходскими училищами в селениях государственных крестьян» 1843 года. Целью училищ провозглашалось: «распространение и утверждение между государственными крестьянами религиозно-нравственного образования и первоначальных, более или менее для каждого сословия нужных, сведений»; «образование крестьян вообще, так и в особенности приготовления из них писарей и межевщиков»¹. Первое волостное училище в Курганском округе открылось в 1852 году в селе Чернавском [16, с. 306].

Училища должны были состоять под непосредственным наблюдением местного органа МГИ – Палаты Государственных Имуществ. В Оренбургской и Пермской губ. такие Палаты были открыты в начале 50-х годов [9, с. 13]. Однако в Тобольской губ. такой орган не создавался, а его функции передавались ТКП, которая была обязана осуществлять «личный надзор за ходом учения» не менее 1-го раза в год. Например, в начале 1860 годов председатель ТКП статский советник Марковский осуществил обзор «окружных казначейств, винокуренных заводов, волостных правлений, винных подвалов, соляных магазинов и сельских училищ» [3, с. 1].

ТКП, с одной стороны, являлась губернским учреждением Министерства финансов. Но, с другой стороны, находилась в подчинении МГИ, которое, по словам директора народных училищ Тобольской губ. Ф.В. Рудакова, «приплачивало управляющему и чиновникам хозяйственного отделения Тобольской Казенной Палаты дополнительные оклады за заведывание государственным имуществом. Эти чиновники мало радели об училищах...» [5, с. 58]. Поскольку ТКП не имела «в округах (уездах) подчиненных им чиновников, на которых можно бы возложить дело надзора за школами, то это дело возложено было на уездных исправников – чиновников Министерства внутренних дел» [11, с. 17]. Во время своих посещений все чиновники должны «обращать внимание на способ преподавания, благонадежность наставников и помощников, нравственность и успехи учеников, на учебные пособия и хозяйство»².

ТКП выбирала селения для открытия училищ, согласовывала учебные часы и сроки обучения. Свои предписания ТКП давала напрямую волостным правлениям и окружному исправнику [6, с. 56]. Например, ТКП в августовском 1886 года письме в Чинеевское волостное правление Курганского округа приказала «открыть в селе Чинеевском сельское приходское училище», окружному исправнику было предписано

¹ ГАКО. ф. и-235, оп.1, д.285, л.3.

² ГАКО. ф. и-235, оп.1, д.287, л.102-об.

«принять меры о приготовлении Чинеевским обществом в с. Чинеевском помещений для училища и квартиры для учителя или учительницы». После готовности помещения для училища, мебели, пособий «донести Палате для рассмотрения о назначении в училище учителя или учительницы, по прибытии же на место назначенных лиц открыть училище в присутствии местного приходского священника, земского заседателя, волостных начальников и родителей поступивших в училище детей¹. В 1875 году, на основании предписания ТКП, Тобольская духовная консистория обязала причты и церковных старост «производить через сторожей церковных отбой часов... во все то время, в которое производится учение в училищах, начиная с 7 часов утра и до 5 вечера»².

ТКП назначала избранных епархиальным архиереем наставников. Учительские функции были возложены на представителей духовенства. Их «нерадивое отношение» к новой функции и жалобы крестьян вынудили генерал-губернатора Западной Сибири с 1869 года допустить в училища лиц женского пола. Девушки-учительницы получали подготовку в Тобольской Марининской женской школе, женских прогимназиях, Тобольском епархиальном женском училище. С 1870 года получить профессию начального учителя стало возможным и через экзамен [13, с. 52–57].

Расходы на содержание училищ (постройка или наем здания, отопление, освещение, наем прислуги) ложились «на счет общественного сбора» [19, с. 701], т. е. крестьян всей волости. С 1877 года сумма частных волостных повинностей на каждую школу составила 310 руб. (из них: на жалованье учителю – 200 руб., законоучителю – 60 руб., на учебные пособия – 50 руб. [22, с. 7], с 1882 года – прогонные деньги, которые выдавались лицам, назначенным на учительские должности) [4, с. 1]. При этом крестьяне нередко предпринимали попытки отказаться от таких взносов. Например, в ноябре 1872 года штатный смотритель Курганского уездного училища осматривал Боровлянского СУ и выяснил, что сельское общество «отказывается от содержания училища, хотя в приговоре своем и обязались принять на себя все по училищу расходы. Так училище не имеет ни классной мебели, ни учебных пособий. Жалованье учителю также не выдается»³.

Крестьянское самоуправление играло значительную роль в деятельности волостных училищ. Учителя часто обращались в волостные правления по разным вопросам. Так, учительница Чинеевского СУ П. Кочешева просила «купить

для училища часы»⁴; перевести в другое место, находящееся напротив училища питейное заведение (кабак купца Смолина)⁵; «произвести поправки» училища (печь угарна, стекла промазать, исправить ворота, т. к. в ограду училища «часто проходит скот») ⁶. В сентябре 1877 года волостное правление приобрело для Дубровского СУ: «стопу пищевой бумаги, ½ дюжины аспидных досок, дюжину грифелей и полдюжины чернильниц, флакон чернил, коробку стальных перьев, дюжину карандашей и полдюжины ручек для перьев на сумму пять рублей восемьдесят копеек...»⁷.

Элементом содержания волостных училищ являлись пожертвования частных лиц и попечителей училищ. Институт школьных попечителей был учрежден в 1864 году: «Обществам городским и сельским, учреждающим начальные народные училища, предоставляется, для ближайшего заведывания оными, избирать особых Попечителей, а в женских училищах Попечительниц» [20, с. 615]. На попечителей возлагались обязанности: «Частное посещение школы, право присутствовать на уроках, вникать во все ее нужды, оказывать ей возможно всестороннее, не только материальное, но и нравственное содействие». Попечителя избирало крестьянское общество «преимущественно из таких лиц, который по нравственным своим качествам и имущественному положению пользуется значением» и утверждал орган управления.

На октябрьском 1887 года волостном сходе попечителем Кривинского СУ на 3 года был избран 47-летний крестьянин О. Носков. В приговоре были отмечены аргументы в пользу его избрания: «поведения хорошего под судом не был и не состоит и возлагаемую на него службу может выполнить исправно и добросовестно». Носков написал для волостного правления подписку, где указал, что он «ни к каким раскольничьим сектам, вредно влияющим на народонаселение, никогда не принадлежал». Курганский окружной исправник отправил в ТКП решение Кривинского волостного схода⁸.

Письменные источники позволяют привести примеры как добросовестного, так и безразличного отношения попечителей сельских училищ к своим обязанностям. Так, в 1873 году начальник Тобольской губ. объявил свою благодарность попечителю Мендерского СУ крестьянину С. Тушину «за помещение этого училища в собственном доме, без всякого вознаграждения, с обязательством содержания его на свой счет, и пожертвование, затем, этого дома, стоящего по оценке 300 руб. в распоряжение казны, заведение всей

⁴ ГАКО. ф. и-187, оп.1, д.1, л.20а.

⁵ ГАКО. ф. и-187, оп.1, д.1, л.16.

⁶ ГАКО. ф. и-187, оп.1, д.20, л.11.

⁷ ГАКО. ф. и-216, оп.1, д.3, л.29.

⁸ ГАТ. ф. и-154, оп.20, д.89, л.109, 112, 114.

¹ ГАКО. ф. и-187, оп.1, д.1, л.2, 3-об, 4.

² ГАКО. ф. и-78, оп.1, д.41, л.755.

³ ГАКО. ф. и-91, оп.1, д.1, л.5-об.

училищной мебели и доставление училищу всех учебных принадлежностей» [1, с. 1]; Курганским купцам 1-й гильдии Осипу и Алексею Папуловым, которые «заявили свое согласие добровольно жертвовать на содержание приходского училища, в селе верхне-алабужском курганского округа в течение 12 лет, ежегодно, по 200 руб.» [20, с. 1]. Из анкеты Санкт-Петербургского комитета грамотности следовало, что в 1894 году в Белозерском женском су попечителем является неграмотный крестьянин, который «постоянных обязанностей по заведыванию училищем не несет»¹.

Уже в 60-х годах начался постепенный процесс отстранения ТКП от руководства училищами МГИ. В 1866 году состоялось Высочайше утвержденное мнение Гос. совета об административном устройстве государственных крестьян, «с прекращением попечительства над ними министерства государственных имуществ, и о передаче крестьян с 1 ноября того же года, в ведение общих губернских и местных по крестьянским делам учреждений» [8, с. 105]. Далее в 1867 году было упразднено Хозяйственное отделение при ТКП. В 1884 году был поднят вопрос о передаче сельских школ ведомства МГИ в ведение крестьянских учреждений, образованных по закону 1 марта 1883 года [14, с. 14]. И наконец, положением Тобольского губернского совета 23 августа 1887 года училища МГИ были причислены ко 2-му отделению общего губернского управления [10, с. 4].

Архивные материалы указывают на то, что губернское управление «приняло начальные училища без особого законодательного акта, только в силу необходимости, так как Казенная Палата, за преобразованием ее из бывшего учреждения Министерства Государственных Имуществ, утратив хозяйственный отдел, решительно отказалась от заведования народными училищами, и последние оказались в исключительном положении «ничьих» училищ»². Однако, несмотря на передачу училищ в ведение МВД, официальная статистика отражала прежнюю ведомственную принадлежность. Так, в отчете Попечителя Западно-Сибирского учебного округа за 1889 год говорилось, что в Тобольской губ. «Сельских училищ Министерства государственных имуществ, подчиненных в административном отношении г. Тобольскому губернатору – 237» [7, с. 152]. В отчете начальника Тобольской губ. за 1895 год также говорится о функционировании «256 сельских училищ Министерства Государственных Имуществ» [18, с. 16]. В статистическом обзоре Тобольской губ. за 1897 год опять же сказано, что училища «номинально состоят в ведении министерства земледелия и государственных имуществ» [23,

с. 72]. Это означает, что процесс переподчинения растянулся до середины 90-х годов.

После смены ведомственной принадлежности учительские документы из ТКП были переданы в ТГУ. У сельских училищ появились бланки с названием и печатью МВД. Открытие новых школ, назначение, увольнение и перевод учителей стали зависеть от губернатора. Например, осенью 1898 года Тобольский губернатор назначил учительницей Мендерского СУ М. Калугину вместо уволенной по болезни прежней учительницы Е. Бархатовой³; или, в сентябре 1902 года волостное правление уведомило законоучителя Шмаковского СУ о том, что «согласно резолюции г. Начальника губернии, учительница Шмаковского СУ Мария Трутнева уволена от этой должности по домашним обстоятельствам»⁴.

В 1904 году управление училищ было передано межведомственному органу – Тобольскому губернскому училищному совету (далее – ТГУС) и 8 уездным училищным советам (далее – УУС) (Тобольский, Туринский, Ишимский, Курганский, Тарский, Тюкалинский, Тюменский и Ялуторовский). Членами Курганского УУС были назначены: от духовного ведомства – проживающий в г. Кургане священник Тобольского кафедрального собора Н. Богословский, от МНП – учитель-инспектор Курганского четырехклассного городского училища Е. Григорьев, от МВД – крестьянские начальники Нилов и Иванов⁵. Из ТГУ в ТГУС были переданы все суммы на содержание СУ, которые распределялись среди УУС по полугодиям. УУС, в свою очередь, управляли эти средства в волостные правления⁶.

В обязанность УУС входило: поиск способов открытия новых училищ и их снабжение учебными пособиями, упразднение «признанных вредными» училищ, утверждение в должности допущенных инспектором учителей и учительниц, увольнение признанных неблагонадежными учителей и учительниц, ходатайство перед губернским советом о поощрении учителей и об утверждении попечителей. В обязанности ТГУС входило: высшее попечение об училищах, рассмотрение заключений директора народных училищ Тобольской губ. по отчетам УУС, распределение пособий от МНП училищам и учителям и др. [21, с. 838]. Поскольку перечисленные функции советов были сформулированы в «Положении о начальных народных училищах» 1874 года, поэтому в статистической отчетности школы стали называть «Училища по Положению 1874 г.»⁷, но при этом сохраняли принадлежность к МВД.

На содержание училищ стали поступать средства от казны, а размер волостного сбора

¹ ГАКО. ф. и-91, оп. 1, д. 4, л. 12.

² ГАТ. ф. и-152, оп. 35, д. 639, л. 41-об.

³ ГАТ. ф. и-152, оп. 48, д. 151, л. 5.

⁴ ГАКО. ф. и-33, оп. 1, д. 18, л. 64.

⁵ ГАТ. ф. и-152, оп. 35, д. 639, л. 9-10, 19.

⁶ ГАТ. ф. и-152, оп. 35, д. 639, л. 43.

⁷ ГАТ. ф. и-5, оп. 1, д. 89, л. 15-об.

был разбит на градации: 205, 385 и 465 руб. [17, с. 428]. Институт попечительства по-прежнему выполнял функцию материального обеспечения училищ. Так, в своем отчете за 1915 год инспектор народных училищ 7-го района отмечал, что попечитель Мартинского СУ крестьянин П. Дубровин «доставляет все необходимое по требованию учительниц»; попечитель Моршинского СУ крестьянин В. Речкин «заботиться о содержании училища в надлежащем виде»; благодаря стараниям попечителя Налимовского СУ крестьянина Т. Сеницына «школа приведена в опрятный вид». С другой стороны, у попечителя Крысьевского СУ крестьянина Д. Замиралова «интерес к училищу ни в чем не выражается. Школа холодная, приходится заниматься в шубах»; попечитель Пегановского СУ крестьянин А. Никонов «для школы бесполезен»¹. Или, в отчете инспектора народных училищ 2-го района также за 1915 год указано, что «Попечители и почетные блюстители имеются почти во всех начальных училищах 2-го инспекторского района и никакой пользы для училищ не приносят»².

Размер жалования учителям из членов духовного ведомства определялся в «Наставлении» 1843 года и зависел от количества учеников: 85 руб. (до 25 учеников), 100 руб. (до 40 учеников), 115 руб. («за высшее число»)³. С 1877 года сумма на жалование была увеличена до 200 руб. Оценку этому размеру учительского жалования в конце XIX века сформулировал делопроизводитель ТГУ Е.Ф. Соколов: «Трудно себе представить, чтобы можно было безбедно существовать на такое скромное вознаграждение... Учитель-одиночка еще может кое-как существовать на такое небольшое жалование, но семейному человеку совсем трудно: живут, как говорится, «с грехом пополам», - живут, расходуя весь свой грошевый заработок и не имея возможности сделать сбережения для обеспечения семьи и себя под старость, - живут только настоящим, не предвидя ничего особо утешительного в будущем» [22, с. 21]. Подобная негативная оценка была дана на совещании при Тобольском губернаторе по народному образованию в августе 1901 года: «За такое вознаграждение трудно подыскать специально подготовленного и деятельного учителя»⁴. После 1914 года учителя стали получать 10-ти рублевую прибавку от казны к жалованию «по случаю военного времени»⁵.

Выдача жалования осуществлялась в волостном правлении, что ставило сельских учителей «в зависимые отношения к местной власти, заставляя их угождать ей» [11, с. 24]. Учителям

нужно было наладить хороший контакт с волостным старшиной и волостным писарем, «ладить и с волостным начальством, ибо в противном случае им грозит сидеть несколько месяцев без жалования». При малейшем недовольстве учителем или учительницей волостной старшина и волостной писарь «всегда могут так устроить, что в местное казначейство не будут своевременно поступать сборы на частные волостные повинности, а потому и не будет своевременно выдаваться жалование учителю» [12, с. 142]. Для преодоления этой зависимости Тобольский губернатор в октябре 1902 года уведомил волостные правления, что знаком с «самовольным и незаконным вмешательством волостных правлений и в частности волостных писарей в дела по сельским школам», в частности – с фактами выдачи жалования учителям и законоучителям «с теми или другими ограничениями». Губернатор потребовал от волостных правлений «не стеснять учащихся в удовлетворении присвоенным им содержанием», а к виновным обещал применить «должное взыскание»⁶. Курганский УУС также обратил внимание на «повторяющиеся случаи самовольного удержания жалования учащимся» и просил волостные правления Курганского уезда «никаких самовольных вычетов, а также задержек выдачи жалования учащим» не производить⁷.

В училища принимались мальчики и девочки с 8 лет на 3-х летний срок, без экзамена и на бесплатной основе. Позднее в училищах появились и 7-летние дети. Так, в 1895 году в Белозерском женском СУ из 29 учениц: 2 девочки обучались в возрасте 7 лет, 8 девочек – 8 лет, 5 – 9 лет, 4 – 10 лет, 3 – 11 лет, 4 – 12 лет и 2 – 13 лет. Пользоваться школой могли в основном ближайšie к волостному центру деревни: «посылать ежедневно ребенка даже за 5 – 10 верст, при отсутствии теплой одежды, представляется решительно невозможным; поселить же его в том селе, где находится училище, стоит сравнительно больших денег и часть крестьян затратит их не может, а другая часть жалеет, находя это непроизводительным расходом» [12, с. 143]. Так, в Белозерском женском СУ в январе 1895 года обучалось 22 девочки из того же с. Белозерского, 3 – из селения на расстоянии от 1 до 2 верст, и 2 – от 2 до 3 верст. В Марайском СУ в 1901 году из 27 учеников: 8 проживали за 2 версты от училища, 4 – за 3 версты и 4 – за 10 верст⁸.

Класс, как правило, делился на 3 отделения (младшее, среднее и старшее). В Белозерском женском СУ в 1893-94 уч. году в младшем отделении обучалось 25 учениц, в среднем – 12 и старшем – 5⁹. Занятия велись одновременно со

¹ ГАКО. ф. и-172, оп.1, д.3, л.247, 271, 287, 297, 312, 333, 354.

² ГАКО. ф. и-173, оп.1, д.10, л.5-об.

³ ГАКО. ф. и-235, оп.1, д.287, л.3-об.

⁴ ГАТ. ф. и-152, оп.44, д.268, л.4.

⁵ ГАКО. ф. и-173, оп.1, д.11, л.1.

⁶ ГАКО. ф. и-129, оп.1, д.144, л.20.

⁷ ГАКО. ф. и-129, оп.1, д.174, л.6.

⁸ ГАКО. ф. и-91, оп.1, д.5, л.171.

⁹ ГАКО. ф. и-91, оп.1, д.4, л.11-об, 13.

всеми 3-мя группами. Максимальная наполняемость класса устанавливалась в 50 учеников. При превышении этой нормы открывался еще один класс с другим учителем. Так, учительница Чернавского СУ в январе 1907 года просила инспектора народных училищ 2-го района прислать помощницу учительницы, т. к. «ибо с 80 учениками и на два класса одна я не в состоянии справиться да и виден упадок успехов учеников и классной дисциплины»¹.

Ученики в течение «не менее 6-ти часов ежедневно» изучали Закон Божий, русскую грамоту (чтение книг гражданской и церковной печати, чистописание и скоропись), первые четыре арифметические действия. В 1869 году для школ МГИ была утверждена программа Министерства народного просвещения [15, с. 27]. Итоги обучения подводил экзамен. С 1874 года удовлетворительно сдавшие экзамен мальчики получали льготу на сокращение воинской службы с 6 до 4 лет. Кроме учебной, ученики выполняли религиозные обязанности: молитва перед началом и окончанием занятий, посещение церкви, говение и др.

Волостные училища, которых в Курганском уезде к 1917 году насчитывалось более 80-ти, явились первыми светскими учебными заведениями, и наравне с другими типами училищ от МНП и Св. Синода, заложили системную основу начального образования в сельской местности Тобольской губ.

Список литературы

- 1 Благодарность // Тобольские губернские ведомости. Часть официальная. 1873. №19.
- 2 Благодарность // Тобольские губернские ведомости. Часть официальная. 1873. №34.
- 3 Вступление в отправление должности // Тобольские губернские ведомости. Отдел I. 1860. №6.
- 4 Высочайшее повеление // Тобольские губернские ведомости. Часть официальная. 1882. №15.
- 5 Гашинский С. И. Филолог Васильевич Рудаков, педагог-деятель в Восточной и Западной Сибири. Тобольск, 1890. 178 с.
- 6 Записка о Тобольской казенной палате. Новосибирск, 2005. 100 с.
- 7 Извлечение из отчетов Попечителя Западно-Сибирского Учебного Округа о состоянии учебных заведений за 1889 год. Томск, 1891. 198 с.
- 8 Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ. Часть II. Санкт-Петербург, 1888. 564 с.
- 9 Крестьянские волнения в Курганском и Ялуторовском округах в 1843 г. // Тобольские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1888. №12.
- 10 Лысов А. П. Народное образование в Тюменском округе в 1897 году. Тюмень, 1898. 25 с.
- 11 Маляревский Г. Я. Очерк истории и современного состояния народного образования в Сибири. Санкт-Петербург, 1896. 85 с.
- 12 Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Выпуск IV. Санкт-Петербург, 1889. 231 с.
- 13 Неупокоев И. В. Проблема гендерной ассиметрии в учительской профессии (на примере Тобольской губернии XIX – начала XX в.) // Материалы Всероссийской научно-

¹ ГАКО. ф. и-173, оп.1, д.1, л.7.

практической конференции «XI Зырянские чтения». Курган, 2013.

14 Обзор Тобольской губернии за 1895 год. Тобольск, 1897. 66 с.

15 Палопеженцев Н. И. Народное образование в г. Ялуторовске и Ялуторовском округе Тобольской губернии Часть II. Тобольск, 1895. 59 с.

16 Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1909 год. Томск, 1909. 409 с.

17 Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1916 г. Томск, 1916. 411 с.

18 Приложение ко Всеподданнейшему отчету начальника Тобольской губернии за 1884 год. Тобольск, 1885. 159 с.

19 ПСЗРИ. Собрание второе. Отделение первое. Санкт-Петербург, 1843. Т.XVII.

20 ПСЗРИ. Собрание второе. Отделение первое. Санкт-Петербург, 1867. Т.XXXIX.

21 ПСЗРИ. Собрание второе. Отделение первое. Санкт-Петербург, 1876. Т. XLIX.

22 Соколов Е. Ф. Положение начального народного образования в Тобольской губернии за 1896/7 учебный год. Тобольск, 1898. 35 с.

23 Статистический обзор Тобольской губернии за 1897 г. Тобольск, 1898. 156 с.

УДК 008 (470.57)

Г.С. Кунафин,
г. Уфа

БАШКИРСКИЙ КРАЙ В РУССКОЙ НАУКЕ И ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Аннотация. В статье указывается на то, что в условиях феодального строя и развития капиталистических отношений в Башкортостане под влиянием передовой русской культуры и литературы активно развивалась и культура башкирского народа. Делается вывод о том, что многогранная деятельность русских ученых и писателей, краеведов, развитие печати и открытие различных учебных заведений в крае оказали большое влияние на рост национального самосознания башкир.

Ключевые слова: Башкортостан, русская литература, Урал, Оренбургский край.

В связи с развитием капиталистических отношений в первой половине XIX века возрос интерес к изучению башкирского края [1, с. 233–238; 2, с. 13–16; 3, с. 32–41; 5, с. 13–18; 6, с. 3–30; 7, 1982, с. 3–51]. Ученые и писатели интересовались, с одной стороны, его природными богатствами и экономическими условиями, с другой – историей и духовной жизнью местного населения. В 20–50-е годы проводили в крае геологические и орографические исследования и барометрические измерения Г. Карелин, Г. Гельмерсен, А. Гумбольдт, З. Гофман и Г. Шуровский – автор труда «Уральский хребет в физико-географическом, геогностическом и минералогическом отношениях» (1841), занимались изучением

ее почвенно-растительного покров Х. Лессинг, А. Леман, доктор Базинер и К. Менейгаузен, геологического строения – А. Антипин и Н. Меглицкий, обобщившие результаты своих исследований в книге «Геогностическое описание южной части Уральского хребта, исследованной в течение 1854 – 1855 гг.» (1855).

Многое сделал для познания природы Башкортостана Э. Эверсман, опубликовавший в 1840 году первую, в 1850 году вторую, а в 1866 году третью части своего обширного труда «Естественная история Оренбургского края», где дал подробную географическую характеристику Оренбургской губернии, впервые произвел ее естественно-историческое районирование [1, с. 233].

Большой вклад в изучение Башкортостана внесли и местные ученые-краеведы И. Жуковский, автор «Краткого географического и статистического описания Оренбургской губернии» (1832), Я. Ханыков, составитель «Обозрения рудного производства частных оренбургских заводов в 1838 году», и В. Юматов, опубликовавший ряд таких трудов, как «Краткий исторический взгляд на первобытных жителей Оренбургского края», «Несколько известий о службе башкирцев», «Мысли об истории Оренбургской губернии» и др. В них автор приводит ценные сведения об участии башкир в военных походах русской армии, о башкирских восстаниях XVII-XVIII веков. Много интересных сведений по истории, географии, этнографии, экономике, просвещению и здравоохранению края содержит также труд «Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношении» (1859) В. Черемшанского, удостоенный малой золотой медали ученого комитета министерства государственных имуществ [1, с. 234].

Немаловажное влияние на общественную жизнь края оказали и такие исторические события, как Отечественная война 1812 года и восстание декабристов. «Они являлись могучим толчком для развития национального самосознания народов обширной России, способствовали росту среди них передовой общественной мысли, науки и культуры, активизации их борьбы против средневековых патриархально-феодальных пережитков, социального и колониального гнета» [2, с. 13-14].

Отечественная война 1812 года была поистине всенародным движением. Башкирский народ, находившийся в течение нескольких веков в тесных братских отношениях с русским народом, внес большой вклад в дело разгрома наполеоновских полчищ. Он выставил в действующую армию 28 полков, которые отважно сражались с врагами под Данцигом, Веймаром, Лейпцигом и Парижем. Французы за храбрость и удаль прозвали башкир «северными амурами». Славные

дела башкирского народа не остались незамеченными передовой общественностью России. Так, один из видных организаторов партизанского движения поэт Д. Давыдов, активные участники войны, писатели и ученые С. Глинка, А. Раевский, краевед В. Зефирова «многие страницы своих мемуаров и рассказов посвятили показу подъема национальных чувств башкир, прославлению их подвигов в годы борьбы против французских захватчиков» [5, с. 15].

О ратных подвигах башкирских воинов с большим интересом писали и западноевропейские деятели культуры – немецкие и французские поэты, писатели и художники. Так, в театре города Веймара их приветствовал великий немецкий поэт Гете [2, с. 14].

Башкирские воины принимали участие и в декабрьском восстании. «Эти события являлись могучим толчком для развития национального самосознания башкир, способствовали росту среди них передовой общественной мысли, культуры, активизации их борьбы против средневековых пережитков, социального и колониального гнета» [5, с. 15].

На рост башкирской культуры и литературы большое влияние оказала самоотверженная культурно-просветительская деятельность представителей передовой части русского общества, которые в противовес колонизаторской политике царизма протягивали руку дружбы башкирскому народу. Во главе этого движения стоял великий А.С. Пушкин, чье творчество определило духовную высоту русского общества XIX века. Он одним из первых русских писателей утверждал в своих произведениях идеи равенства и братства народов России, с большим сочувствием относился к башкирам и другим представителям ее национальных окраин. В своих произведениях «Братья-разбойники», «История Пугачева» и «Капитанская дочка» он создал запоминающийся «обобщенный образ башкирского народа, лишенного политических прав, не имеющего «языка», но продолжающего борьбу за свободу и счастье» [6, с. 20].

Последователями А. Пушкина, непосредственными проводниками его идей в Башкирии были декабристы Н. Кожевников, Е. Мусин-Пушкин, А. Веденяпин, Ф. Вишневецкий, П. Бестужев, А. Фок, Е. Франк, А. Жемчужников, Н. Смирнов, Д. Искрицкий, А. Салтанов, Д. Вольховский и другие, сосланные после подавления восстания в Оренбургский край. Здесь многие из них на протяжении ряда лет вели разнообразную просветительскую деятельность: изучали историческое прошлое, материальную и духовную культуру башкир и других нерусских народов, на страницах периодической печати выступали с публицистическими статьями, разоблачающими колониаторскую политику царизма, произвол и деспотизм правящей верхушки и воспеваю-

щие наряду с этим равенство и дружбу между народами, содействовали развитию печати, просвещения и различных наук в крае, оказывали юридическую и медицинскую помощь местному населению. Так, декабрист Н. Смирнов организовал противозидемические мероприятия в Башкортостане, готовил медицинских работников из башкир. Историей, бытом и культурой коренного населения края интересовались Д. Искрицкий, Д. Вольховский и его друг В. Кюхельбекер.

Башкортостан, его народ, художественная культура и природа нашли отражение в произведениях замечательных писателей и ученых С. Аксакова («Записки ружейного охотника Оренбургской губернии», «Семейная хроника», «Детские годы Багрова-внука», «Воспоминания»), В. Даля («Башкирская русалка», «Обмиранье», «Охота на волков»), М. Михайлова («Очерки Башкирии»), А. Толстого («Князь Серебряный», «Два дня в киргизской степи»), а также краеведов В. Зефинова, В. Юматова, В. Лоссиевского, И. Казанцева и др. Стремясь к правдивому показу культуры и быта башкир, к распространению о них реальных, достоверных сведений, они изучали их историческое прошлое, собирали и публиковали фольклорные произведения и рукописные историко-литературные памятники, на их основе создавали ценные научные труды и оригинальные художественные произведения, разоблачающие произвол и деспотизм, несли в край идеи прогрессивной культуры и литературы [7, с. 3–51, 138–193].

Особенно большой вклад в изучение жизни, истории и духовного богатства башкирского народа, в укрепление русско-башкирских культурных и литературных отношений внес писатель и поэт-декабрист, руководитель Оренбургского тайного общества П. Кудряшев (1797–1827). Он с особым прилежанием и любовью собирал и переводил на русский язык или же творчески обрабатывал сказки и военно-патриотические песни башкир. Большое внимание уделял П. Кудряшев этнографии, важнейшим моментам истории башкирского народа. Он высоко оценивал добровольное присоединение Башкортостана к Русскому государству, с вдохновением писал о великой дружбе русского и башкирского народов, в то же время критиковал колониальную политику царизма, направленную на разжигание вражды между народами (повесть «Абдряш»). В своих повестях «Абдрахман», «Исхак», в монографии «История Башкирии», статьях лингвистического и этнографического характера «Простонародные слова, в Оренбургской губернии употребляемые», «О предрассудках и суевериях башкирцев», написанных на местном материале, он ярко осветил жизнь и быт башкир, подробно рассказал об их историческом прошлом, языке и обычаях. А в повести «Сокрушитель Пугачева, илецкий казак Иван» и стихотворениях П. Кудряшев одним из первых русских писателей открыто

писал об активном участии башкирского народа в Отечественной войне 1812 года, воспевал славу башкирским воинам-патриотам, восхищался их подвигами и писал: «Друзья! Гордитесь: целый мир Узнает, сколь могуч башкир». «П. Кудряшев не мог согласиться с тем, что такой мужественный народ находится под двойным гнетом, живет в нищете. Он выражал надежду, что народ когда-нибудь найдет в себе силу выйти из этого тяжелого, беспросветного положения, и своими произведениями вселял в сердцах людей уверенность в завтрашнем дне» [4, с. 35].

Таким образом, по мере разложения феодального строя и развития капиталистических отношений в Башкортостане, несмотря на тяжелые социально-экономические условия, в первой половине XIX века под влиянием передовой русской культуры и литературы активно развивалась и культура башкирского народа. Многогранная деятельность русских ученых и писателей, краеведов, развитие печати и открытие различных учебных заведений в крае оказали большое влияние на рост национального самосознания башкир.

Список литературы

- 1 История башкирского народа : в 7 т. Санкт-Петербург : Наука, 2011. Т. 4. 468 с.
- 2 Кунафин Г. С. Культура Башкортостана и башкирская литература XIX – начала XX века. Уфа : Китап, 2006. 280 с.
- 3 Кунафин Г. С. Башкирская литература XIX века : учебник для студентов вузов и ссузов Республики Башкортостан. Уфа : Китап, 2010. 408 с. (на башк. яз.).
- 4 Кунафин Г. С. Особенности развития башкирской литературы XIX – начала XX века. Уфа : Полиграфкомбинат РБ, 2014. 740 с. (на башк. яз.).
- 5 Кунафин Г. С. История культуры Башкортостана XIX – начала XX века. Учебник для гуманитарных факультетов вузов Республики Башкортостан. Уфа : РИЦ БашГУ, 2016. 208 с.
- 6 Рахимкулов М. Г. Страницы дружбы. Русско-башкирские литературно-фольклорные связи. Уфа : Башк. кн. изд-во, 1972. 272 с.
- 7 Рахимкулов М. Г. Встречи с Башкирией. Уфа : Башк. кн. изд-во, 1982. 368 с.

УДК: 94+392.81

А.А. Сулейманов,
г. Якутск

ХОЛОД В КУЛИНАРНЫХ ПРАКТИКАХ АБОРИГЕННЫХ ЭТНОСОВ ЯКУТИИ: ИСТОРИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Работа подготовлена при поддержке РФФ.
Проект № 17-78-10097.

Аннотация. Рассматривается эволюция практик применения естественного замораживания в национальных кухнях аборигенного насе-

ления Якутии. В связи этим показано значение продолжительного периода устойчивых низких температур в приготовлении и хранении продуктов питания, начиная с конца XIX века и заканчивая современностью.

Ключевые слова: Якутия, коренные народы, традиционное хозяйство, система питания, холодный климат.

Крупнейший регион Российской Федерации, Якутия, является «домом» для целого ряда коренных народов: долган, эвенков, эвенов, юкагиров, чукчей, якутов, а также самобытного этнического сообщества русских арктических старожилов. Представители всех из них уже несколько веков живут на территории республики, естественно, в полной мере адаптировавшись к местным климатическим условиям. Одной из наиболее существенных и известных особенностей этих условий, безусловно, являются экстремально холодные и продолжительные зимы, в целом ряде районов продолжающиеся почти 8 месяцев. Именно в Якутии расположены два населенных пункта; уже достаточно длительное время борющиеся за звание «Полюса холода» северного полушария нашей планеты – Оймякон и Верхоянск.

Традиционное хозяйство и быт названных аборигенных этносов, конечно же, были максимально приспособлены к тому, чтобы выжить в этих суровых условиях. Данный факт отмечался практически всеми классиками отечественного североведения. Вместе с тем, несколько в стороне от фокуса внимания исследователей оставалось то обстоятельство, что длительные зимы несли и несут в себе для якутян и ряд предпочтений, недоступных или малодоступных жителям других регионов нашей страны. В задачи данной работы, которая выполнена в рамках проекта ««Ресурсы холода»: значение низких температур в хозяйственных и социокультурных практиках сельских сообществ Якутии», поддержанного Российским научным фондом, входит попытка восполнить этот историографический пробел применительно к одному из базовых элементов любой культуры – системе питания.

Так, замораживание в традиционной кухне всех аборигенных этносов Якутии занимает значительную роль в приготовлении рыбы. В этом отношении якуты и русские арктические старожилы, видимо, многое переняли у коренных малочисленных народов Севера¹ [8, с. 48]. Пожалуй, самым известным из таких рыбных блюд является строганина. Употребление представителями аборигенных этносов в пищу сырой рыбы в виде строганины достаточно подробно охарактеризовал в своей монографии 1896 года В.Л. Серошевский: «одним из любимых и дей-

ствительно очень вкусных и здоровых блюд считается ... «строганина» – мерзлая, изрезанная в ломтики рыба. Строганину подают обыкновенно к чаю. Строганина бывает хороша только из жирной рыбы... Нужно, чтобы рыба промерзла до очень низкой температуры, не меньше 40 гр., иначе она окажется дряблой и водянистой» [5, с. 321].

Примечательно, что необходимым условием приготовления строганины является моментальное промерзание выловленной рыбы. Для достижения этой цели рыбу, как правило, оглушают ударом по голове сразу же после ее вытаскивания из воды. После достаточного промерзания, для сохранения вкусовых качеств рыбы ее консервируют «броней», намораживая несколько слоев льда. В результате сохраненная подобным образом рыба бывает практически идентична по своим вкусовым качествам свежесловленной [3, с. 93]. Рецептура приготовления строганины была рассмотрена столь подробно, чтобы наглядно проиллюстрировать оптимальность для этого процесса климатических условий зимнего времени в Якутии.

В настоящее время строганина, разновидностями которой, являются замороженные «пупки» (брюшины, срезанная в виде ленты от головы до хвоста) жирной рыбы и печень налима [3, с. 94], в отличие от ряда других блюд, о которых пойдет речь ниже, сохраняет свою популярность как у жителей, так и у гостей республики.

Например, у Н.П. Попова, проводившего исследования в Якутии в первой четверти XX века можно встретить упоминание о блюде «бухарбан» – замороженной мундушки, которая употреблялась, по словам жителей Намского улуса, северными якутами². Однако более современных сведений об этом встретить уже не удалось.

Достаточно показательным в плане обозначенной проблематики статьи является якутское блюдо «тар», состоящее из скисшего и сильно перебродившего молока. Раньше для его приготовления летом и осенью суорат (теплое кипяченое молоко с закваской) прокисал в деревянных бочках в специальных погребах, так что с течением времени на нем образовывался большой слой плесени. Плесень собиралась черпалками, а более густая скиснувшая масса замораживалась [6, с. 14-15]. Замороженный тар хранился около жилища в виде громадных молочных глыб от 5 до 8 пудов весом на открытом воздухе без всякого прикрытия. Как отмечал по этому поводу Н.П. Попов, воровства в Якутии в тех районах, где не было уголовных ссыльных, почти не существовало, а собаки, «напуганные страшной кислотой тара», к нему не притрагивались. При этом тар служил не только самостоятельным

¹ Научный архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН. Ф. К-1. Оп. 1. Д. 1080. Л. 19.

² Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (ПФА РАН), ф. 47, оп. 2, д. 156, л. 193.

блюдом, но и был составной частью различных каш и напитков¹.

Значение тара в зимний период, когда выбор возможных блюд оказывался резко ограничен, а сделанные летом запасы продовольствия подходили к концу, позволило Н.П. Попову назвать его «хлебом насущным» для якутов. Одновременно исследователь отметил, что были нередки случаи, когда якутское семейство целую зиму «сидело на одном таре»².

Тем не менее, уменьшение роли тара в жизни якутов отмечал уже в начале XX века А.И. Попов, который связывал данный факт с усилением русского влияния на кулинарные пристрастия местных жителей, а также появившимся предубеждением о предосудительности его употребления [6, с. 15]. Причиной последнего специалист по истории пищи якутов А.А. Саввин видел деятельность высшего православного духовенства, представители которого считали этот продукт «грязным» из-за сопровождавшей процесс его приготовления обильной плесени [4, с. 100-101].

В последующем достаточно быстро, вероятно, прежде всего, в результате проводившейся политики поселкования и сосредоточения основной массы якутов в относительно крупных населенных пунктах, приведших к интенсификации их снабжения привозной продукцией, а также продолжавшейся активизации контактов с русскими, роль тара свелась к минимуму.

Помимо тара, используя преимущества зимнего времени, якуты приготавливали и другие молочные блюда. В частности, традиционное якутское лакомство «тон куорчэх» получается путем замораживания взбитых охлажденных сливок, в который перед этим часто добавляют ягоды [3, с. 142].

Молочные блюда являлись и являются «коньком» якутской кухни. Для коренных же малочисленных народов Севера Якутии это сфера кулинарии была фактически чуждой. Объяснение данному факту кроится в характере хозяйственной деятельности: если эти народы традиционно занимались рыболовством, оленеводством и охотой, то якуты – скотоводством и коневодством.

Это же обстоятельство обусловило и то, что замораживание традиционно играло важнейшую роль при приготовлении продуктов из говядины, конины и жеребятины именно в якутской кухне, тогда как у малочисленных народов – из оленины.

Так, юагиры и чукчи продолжают употреблять мелконарезанное замороженное сырое мясо оленя [1, с. 589]. Кроме того, у чукчей можно встретить блюдо «пререм» – нарезанная и отваренная задняя часть оленя, которую затем

отбивают на каменной плите молотком, снова варят, вливают костный жир и пряности, а затем замораживают и употребляют в мороженом виде [2, с. 540].

У якутов наиболее сохранил свою популярность мясной «аналог» строганины – «кыспа» (этот термин употребляется также в отношении рыбного продукта) – нарезанная жеребятина или, в крайнем случае, конина [3, с. 77].

Достаточно активно употребляется и замороженная сырая рубленая печень лошади. Однако если сейчас такое блюдо по-прежнему относится к разряду деликатесов, то раньше оно считалось еще и лечебным. Так, замороженную печень и сырую теплую кровь дичи, старались дать потерявшим много крови роженицам, раненым или просто истощенным и ослабленным [3, с. 75].

Еще одно мясное блюдо, «сыһык», напоминавшее по вкусу, по словам С.И. Николаева-Сомоготто, вкус голландского сыра, напротив, перестало употребляться. Это блюдо представляло собой упакованные в рубец тщательно промытые внутренности скотины, которые хранили в помещении до начала процесса закисания. Затем его подвергали заморозке, чтобы прекратить этот процесс, а после подавали на стол.

Серьезное место в якутской кухне занимали мерзлые конское сало и головной мозг, а также смесь мерзлых сала, хряща и мяса – «сынныы туос». Для приготовления этого блюда жеребья грудинка разрезалась на очень мелкие куски, либо дробилась ударами обуха топора. После проморозки полученный продукт подавался на стол [3, с. 79].

Существенное значение климатические особенности зимнего времени имеют и в обеспечении населения сельских районов Якутии питьевой водой. В силу целого ряда причин вода в некоторых реках и в особенности озерах республики крайне загрязнена. При этом подобную экологическую ситуацию отмечал еще в начале XX века врач А.И. Попов, связывавший широкое распространение среди жителей Якутии глистной инвазии именно с качеством употребляемой ими для питья воды [6, с. 18-19]. Одним из выходов стала заготовка льда и последующее употребление талой воды. Любопытно, что, несмотря на оптимальность местных климатических условий для подобной процедуры, по наблюдениям находившегося в ссылке в Якутии в 80–90-е годы XIX века народника В.Е. Горинича, инициатива исходила от русского населения: «русские, а за ними кое-где и якуты стали запасать куски льда, которые приходится таять каждый раз перед употреблением»³.

Традиция употребления талой воды в селах Якутии сохраняется и поныне. В частности, подобная практика наблюдалась во время поле-

¹ ПФА РАН, ф. 47, оп. 2, д. 156, л. 180–182.

² ПФА РАН, ф. 47, оп. 2, д. 156, л. 181.

³ ПФА РАН, ф. 47, оп. 2, д. 156, л. 231.

вых работ, проведенных автором данной статьи в с. Исит Хангаласского района Якутии в конце августа минувшего года. Заготовленный в конце октября – начале ноября лед спускался в специальный ледник, где на момент исследований находился в полной сохранности [ПМА]¹.

Конечно же, именно возможность длительного хранения различных продуктов питания является, пожалуй, важнейшей в историческом плане «зимней преференцией» в Якутии. Практически все из этих продуктов, естественно, в зависимости от благосостояния того или иного хозяйства, замораживались.

Например, забивать нагулявшийся за лето скот у якутов было принято с наступлением заморозков – в октябре или начале ноября [4, с. 137]. Туши убитых зверей могли длительное время храниться в специальных подвалах. Благодаря близости «вечной мерзлоты», такие подвалы не приходилось делать глубокими. Аналогичным образом хранились и другие продукты. В частности, уже упоминавшийся В.Е. Горинович свидетельствовал, что ему приходилось видеть карасей, вытасненных летом из подвала и покрытых коркой льда. В замороженном виде хранились также ягоды, дичь, масло, иные молочные продукты².

Подобные практики использования холодных зим достаточно успешно освоили и русские. Так, проводивший в 1920-е годы исследования среди русских старожилов арктического побережья Якутии Д.Д. Травин отмечал, что при каждом хозяйстве есть погреба для хранения рыбы и мяса, вырытые в местах с ископаемым льдом. При этом над погребом делалась постройка, близкая по типу к «холомо» – коническому жилищу северных якутов³.

В настоящее время дома и амбары, например, в с. Исит уже строятся без тех двух- или трехъярусных погребов, что раньше. Их место фактически заняли морозильные камеры. Однако жители соседнего села Кытыл-Дюра продолжают успешно эксплуатировать в хозяйственных целях природный феномен – выдуваемые из полостей северного склона близлежащей сопки потоки холодного воздуха. В этих целях здесь было построено не менее 20 специальных амбаров, представляющих из себя небольшие (площадью 1,5–2 м²) сооружения с тремя стенами. Четвертая сторона примыкает к склону. Температура выдуваемых в эти амбары потоков такова, что в конце августа их двери снаружи были покрыты льдом⁴.

Подводя некоторые итоги изложенному

выше материалу, следует отметить, что естественное замораживание, горизонты применения которого именно в климатических условиях Якутии чрезвычайно широки, занимало значительное место в традиционной кухне аборигенных этносов. Можно выделить два основных направления практики использования этих своеобразных «зимних преференций»: приготовление и хранение продуктов питания. Оба эти направления не просто позволяли разнообразить рацион питания, но зачастую элементарно выжить. С течением времени, улучшением снабжения, развитием техники и распространением европейской кулинарной моды их значение стало нивелироваться. Однако по-прежнему возможности естественной заморозки играют существенную роль в жизни якутян, в особенности проживающих сельских районах, более зависимых от природной среды.

Список литературы

- 1 Иохельсон В. И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы. Новосибирск : Наука, 2005. 675 с.
- 2 Народы Северо-Востока Сибири / отв. ред. Е. П. Батянова, В. А. Тураев. Москва : Наука, 2010. 773 с.
- 3 Николаев-Сомоготто С. И. Пища якутов (в свете соседних культур). Якутск : Якутский край, 2009. 168 с.
- 4 Саввин А. А. Пища якутов до развития земледелия (опыт историко-этнографической монографии). Якутск : ИГИ АН РС(Я), 2005. 376 с.
- 5 Серошевский В. Л. Якуты: опыт этнографического исследования. Санкт-Петербург : ИРГО, 1896. Т. I. 720 с.
- 6 Сокольников П. Н., Попов А. И., Говоров И. С. Жилище, одежда и пища якутов. Якутск : Типография Якутского Областного управления, 1913. 21 с.
- 7 Федорова В. Н. Блюда народов Якутии. Якутск : Якутское книжное издательство, 1990. 208 с.
- 8 Чикачев А. Г. Русские в Арктике: полярный вариант культуры: историко-этнографические очерки. Новосибирск : Наука, 2007. 303 с.

УДК 93

Т.В. Козельчук,
г. Курган

РОДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ СРЕДИ ЧИНОВНИКОВ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ XIX ВЕКА: РЕКОНСТРУКЦИЯ ПО ФОРМУЛЯРНЫМ СПИСКАМ

Аннотация. В настоящей статье на основе такой разновидности учётной документации как формулярные или послужные списки чиновников осуществляется реконструкция родственных связей среди представителей бюрократии Тобольской губернии XIX века. Сопоставляя биографические данные источника, а также сведения о карьере чиновника, автор выстраивает генеалогические линии «отец – сын», «брат – брат», «тесть – зять». Такой подход, расширяя

¹ Полевые материалы автора (ПМА), собранные в Хангаласском улусе (районе) Республики Саха (Якутия), август 2017 г.

² ПФА РАН, ф. 47, оп. 2, д. 156, л. 104–106.

³ ПФА РАН, ф. 47, оп. 2, д. 171, л. 374–375.

⁴ ПМА, 2017.

информационные возможности формулярных списков как источника, позволяет проводить генеалогические и социодемографические исследования провинциального чиновничества.

Ключевые слова: чиновничество, формулярные списки, Тобольская губерния, генеалогия.

Послужные или формулярные списки, введенные в систему документирования Указом Сената в январе 1764 года, вплоть до отмены чинов и званий в ноябре 1917 года фиксировали базовые сведения карьерного и биографического характера о российских чиновниках [1]. Такие данные, такие как фамилия, имя, отчество, семейное и материальное положение, социальное происхождение и прочие были необходимы в рамках учёта и контроля чиновничьего аппарата. Сегодня они позволяют историкам проводить широкие социально-демографические и генеалогические исследования [4].

Выявление родственных связей в направлениях «отец – сын», «брат – брат», «тесть – зять» позволяет решить сразу несколько исследовательских вопросов, а именно, определить степень «замкнутости» или «открытости» чиновничества для проникновения выходцев из разных слоёв населения; реконструировать чиновничьи династии; охарактеризовать матримониальные связи чиновников и, следовательно, шире – показать их связи с другими социальными слоями.

Связи типа «отец – сын», «брат – брат» реконструируются путем сопоставления различных формуляров по следующим признакам: одинаковые фамилии у предполагаемых родственников; одно и то же отчество у родных братьев; имя отца должно соответствовать отчеству сына; наконец, возрастной параметр (предполагаемый отец, естественно, должен быть старше своего сына, возраст братьев должен быть примерно одинаковым) [7]. Данная процедура, тем самым, соединяет в себе два вида генеалогического доказательства. Первый – это доказательство фактом (когда данные послужного списка чиновников – предполагаемых родственников – подтверждают и/или дополняют друг друга); второй – доказательство по предположению (когда родство чиновников устанавливается по идентичности имен и т. п.) [8].

Так, по названной методике были сопоставлены данные послужных списков тобольских чиновников Василия Николаевича Никитина и Николая Васильевича Никитина, имена которых предполагали возможное родство. Разница в возрасте (Николай родился в 1820 году, а Василий в 1853(4)году) указывает, что отцом являлся Николай Васильевич Никитин. К тому же, Василий Никитин по данным трех формуляров¹ был сыном коллежского секретаря, хотя и

родился, когда его отец состоял в должности писаря 1-го разряда. А послужной список старшего Никитина, как раз сообщает, что в начале своей карьеры Николай был писарем, а в момент составления послужного списка находился в чине коллежского секретаря².

В качестве другого примера можно привести семью Филипповых. На тот факт, что Александр Петрович и Афанасий Петрович Филипповы были родными братьями, указывает не только сходство их довольно распространенных отчеств и фамилий, но и сходство в происхождении, возрасте и даже учебном учреждении: оба были сыновьями священника и учились в Омском уездном училище³.

Работа с формулярными списками по заявленной методике не исключает использования других источников, например, Адрес-Календарей и Памятных книжек Тобольской губернии. Служебные документы сообщают, что у чиновника Михаила Егоровича Алексинского было два сына – Михаил и Герман⁴. Данные Памятной книжки Тобольской губернии за 1895 год содержат информацию, что в этом году журналистом Тюкалинского полицейского управления служил Михаил Михайлович Алексинский⁵. Поскольку он не имел чина и, значит, был сравнительно молод, постольку вполне мог соответствовать возрасту предполагаемого сына Михаила Егоровича (22 года). Возрастной параметр в данном случае выступает дополнительным аргументом в пользу родства указанных чиновников. Следовательно, процедура изучения формулярных списков требует включения в поле зрения исследователя максимум сведений, содержащихся в данном источнике: социальное происхождение, возраст, место получения образования чиновником и другое. Более того, она позволяет восстановить данные на тех служащих, формуляры которых были утрачены.

Результаты применения описанной выше методики представлены в таблице №1.

Следует пояснить, что не у всех чиновников к настоящему моменту выявлен год рождения и/или годы службы; прочерки в последнем столбце таблицы №1 не указывают однозначно на прекращение династии, они лишь показывают, что привлечённых к исследованию формулярных списков (это выборка второй половины XIX – начала XX века) недостаточно для полной реконструкции.

² ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп.30. Д.180.

³ ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп.30. Д.187.

⁴ ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп.30. ДД.171, 178.

⁵ Памятная книжка Тобольской губернии за 1895 год. Тобольск, 1895.

¹ ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп.30. ДД.179, 181, 187.

Таблица 1 – Примеры чиновничьих династий Тобольской губернии XIX века, реконструированные по формулярным спискам¹

Фамилия	1 поколение (отец)	2 поколение (сын/сыновья)	3 поколение (внук/внуки)
Дробышевские	НИКОЛАЙ Валерьянович г.р.1813	ВАЛЕРИАН г.р.1850	НИКОЛАЙ г.р.1875
			КОНСТАНТИН
Росляковы	АЛЕКСАНДР	ПОРФИРИЙ г.р.1865	-
		КОНСТАНТИН	-
Резановы	ВЛАДИМИР Владимирович г.р.1832		-
	СЕРГЕЙ Владимирович г.р.1836	СЕРГЕЙ	-
Сененко	КОНСТАНТИН Семёнович г.р.1828	АНДРЕЙ г.р.1846	-
		СЕМЁН г.р.1849	
		ИВАН г.р.1854	
Моревы	ФЁДОР	ФЛЕГОНТ	ВЛАДИМИР г.р.1849
			СЕРГЕЙ г.р.1853
			ЛЕОНИД г.р.1860
Тимофеевы	ВАСИЛИЙ	МИХАИЛ	-
		ИВАН	-
		МИТРОФАН	АНАТОЛИЙ г.р.1887
Усковы	ВАСИЛИЙ	АНДРЕЙ	-
		ИВАН г.р.1834	ПЁТР

Итак, выявленные описанным выше способом имена чиновников Тобольской губернии, которые также как и их отцы поступили на государственную службу, наглядно демонстрируют механизм наследования социопрофессионального [4] статуса чиновника. Если добавить к этим данным социальное происхождение основателей чиновничьих династий, то мы сможем определить социальные группы, являвшиеся «поставщиками» бюрократов (таблица 2).

Таблица 2 – Примеры социального происхождения чиновничьих династий Тобольской губернии в XIX веке, выявленные по формулярным спискам²

Фамилия и социальный статус отца будущего чиновника	1 поколение чиновников	2 поколение (сын/сыновья)
Дворянин Викентий Шишков	чиновник АРКАДИЙ г.р.1825	чиновник ПЁТР
Священник Трофим Беляев	чиновник НИКОЛАЙ г.р.1843	чиновник АНДРЕЙ г.р.1867
Казак Николай Меркушев	чиновник АЛЕКСЕЙ г.р.1824	чиновник ВЛАДИМИР г.р.1849
		чиновник НИКОЛАЙ г.р.1853
Солдат Василий Никитин	чиновник НИКОЛАЙ г.р.1822	чиновник ВАСИЛИЙ г.р.1853

¹ ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп.30. ДД. 171, 178, 181, 186, 187, 223; Адрес-Календарь Тобольской губернии на 1864 (1889, 1901) год. – Тобольск, 1864 (1889, 1901).

² ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп.30. ДД. 167, 172, 180, 181, 187, 209-210.

В таблицах 1 и 2 указаны только примеры, но если привлечь все выявленные родственные связи, то можно сказать, что почти половина государственных служащих второй половины XIX – начала XX века являлись профессиональными бюрократами, то есть унаследовали свою профессию от отцов, дедов или даже прадедов [6]. Чинопроизводство практически во все время своего существования являлось для большинства российских подданных фактически единственным способом изменения (точнее повышения) своего социального статуса, к концу XIX века в этом качестве оно приобретает наибольшее значение. Люди, покинувшие свое сословие, сословие своих отцов и дедов, в определенной ситуации могли использовать условия чинопроизводства как инструмент социальных преобразований [3].

Далее выявление родственных связей может идти по линии «муж-жена», значит, по пути реконструкции родственных связей между разными чиновничьими семьями. И снова с помощью данных формулярных списков. Именно из формуляра губернского секретаря В.Э. Багриновского исследователь узнаёт следующее: «Женат на дочери коллежского асессора Голодникова девице Лидии. Жена вероисповедания православного, и находится при нем. У них сын Иван, родился 26 января 1873 г., находится при нем»¹.

При этом анализ матримониальных связей чиновников по их формулярам менее перспективен, так как указание социального происхождения или даже имени жены чиновника было не обязательно. Например, в послужном документе титулярного советника В.О. Козлова было отмечено коротко: «женат»². К тому же из общего числа служащих исключаются те, кто был на момент составления формулярного списка холост. В итоге, при исследовании демографического поведения чиновников из 533 формуляров остались 84 документа [2]. Только в этих источниках было зафиксировано социальное происхождение избранниц чиновников. Тем не менее, формуляры могут быть включены в источниковую базу генеалогических исследований (таблица 3).

Установление и анализ связей «муж – жена» с учетом их социального происхождения по формулярным спискам демонстрирует социально однородную направленность их браков: почти половина анкетированных государственных служащих Тобольской губернии в рассматриваемое время, точнее 45%, выбирали себе жен из чиновничьих семей. Например, чиновники, вышедшие из духовного сословия, оформляли союзы преимущественно с чиновничьими дочерьми (55,5%) [2].

Вместе с тем табличная форма представления генеалогической информации не позволяет показать все родственные связи перечисленных семей, что восполняется в генеалогических схемах (схемы 1, 2). Схемы более наглядны, они позволяют учесть одновременно кровное родство и брачные союзы.

Таблица 3 – Примеры браков между представителями чиновничьих семей в XIX веке, выявленные по формулярным спискам³

Муж (имя, фамилия, статус)	Жена (имя, фамилия, статус)
Сын дворянина, чиновник Николай Александрович Орлов (г.р.1841)	Дочь чиновника Михаила Фёдорова – Екатерина
Сын дворянина, чиновник Владимир Владимирович Резанов	Дочь чиновника Дювернца
Потомственный чиновник Семён Константинович Сененко	Дочь чиновника Скуратова
Потомственный чиновник Валериан Николаевич Дробышевский	Дочь чиновника Александра Рослякова – Елена
Потомственный чиновник Фёдор Николаевич Шмурыгин	Дочь чиновника Ильи Суворцева – Варвара
Сын канцеляриста, чиновник Александр Иванович Слобцов	Дочь чиновника Ильина

Схема 1 – Родственные связи Шмурыгиных и Суворцевых⁴

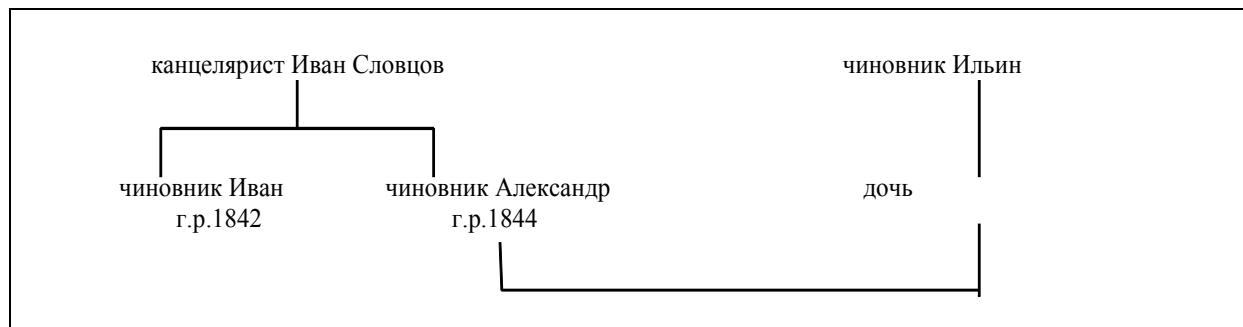
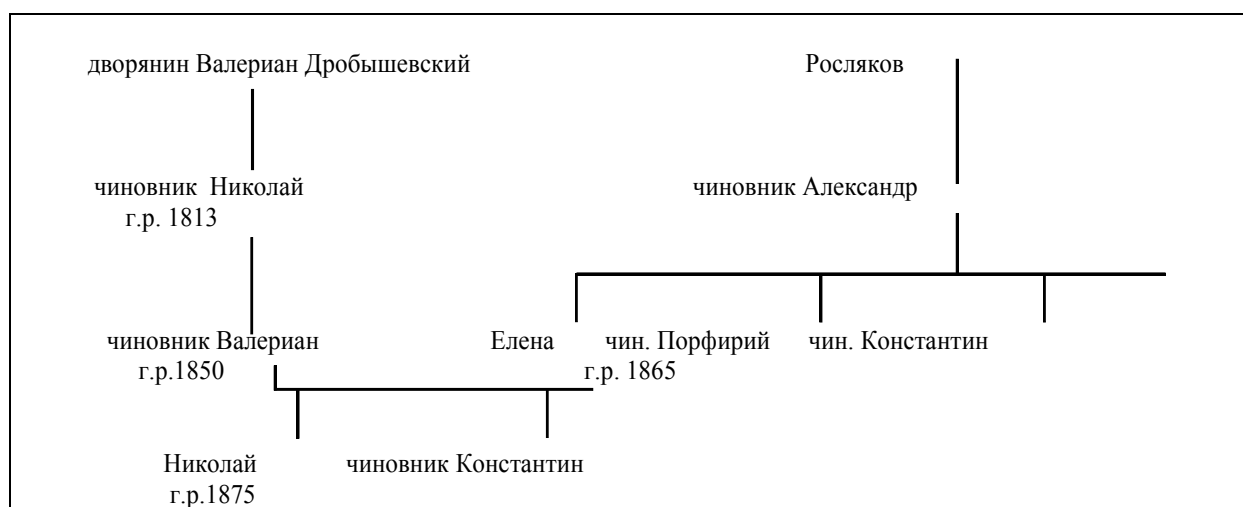

¹ ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп.30. Д.179. Л.84.

² РГИА. Ф.1349. Оп.6. Д.1771. ЛЛ.65-66.

³ ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп.30. ДД. 167, 172, 181, 185, 186, 187.

⁴ ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп.30. Д.172.

Схема 2 – Родственные связи Слоццовых и Ильиных¹Схема 3 – Родословная семей Дробышевских и Росляковых²

Остановимся подробнее на судьбе династии чиновников Дробышевских (схема 3). Начало династии было положено потомственным дворянином Валерианом Дробышевским, в честь которого был назван его внук. Причем практика называть родившегося мальчика именем его деда являлась, по-видимому, традицией большинства чиновничьих семей (см. таблицы и схемы). Служил ли Валериан на гражданской службе, пока сказать не представляется возможным (для этого необходимо привлечь источники за более ранний период), поэтому условно будем считать первым чиновником в этом роду его сына Николая Валериановича Дробышевского.

Формулярный список Николая сообщает, что к началу 1860-х годов он уже прошел большой бюрократический путь и служил неперменным заседателем Тюменского земского суда в чине коллежского асессора³. Его сын Валериан, родившийся, когда отец был еще титулярным советником, образование получил в Омской военной прогимназии и служил с 1870 года писарем унтер-офицерского звания в Управлении Тобольского губернского воинского начальника. Вскоре по прошению он был переведен в Тобольское губернское правление и в 21 год, будучи канцелярским служителем, как тогда говорилось, «исправлял должность» помощника столоначальника одного из отделений этого учреждения⁴. Его карьера знаменательна не только тем, что он являлся потомственным государственным служащим, чиновником во втором поколении. Для характеристики чиновничества как социального слоя весьма важен и другой факт биографии Валериана Николаевича, а именно – его брак с дочерью губернского секретаря Еленой Александровной Росляковой (схема 3).

Предположим, что матримониальные связи между людьми одного происхождения выступали своеобразным способом закрепления социального статуса. Так, брак Дробышевских и Росляковых породнил два «бюрократических» семейства, так как два брата Елены – Порфирий и Константин выбрали гражданскую службу, следовательно, стали потомственными чиновниками. Один из сыновей Валериана и Елены – Константин⁵ – становится наследником двух бюрократических родов, чиновником в третьем поколении.

¹ ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп.30. ДД. 167, 185, 186, 187.

² ГА в г. Тобольске. Ф.И-152. Оп.30. Д.167, 176.

³ ГА в г. Тобольске. Ф.И-152. Оп.30. Д.167.

⁴ ГА в г. Тобольске. Ф.И-152. Оп.30. Д.176.

⁵ ГА в г. Тобольске. Ф.И-152. Оп.30. Д.167.

Укрепление, как приобретенного статуса чиновника, так и полученного по наследству, посредством родственных связей с людьми «своего круга» доказывает также, что представители бюрократии Тобольской губернии мыслили себя единой группой, с судьбой которой они связывали не только свое будущее, но и будущее своих детей.

Таким образом, появление такой практики как передача чиновничьей профессии и статуса по наследству и, как следствие, появление потомственных государственных служащих и даже целых семейных кланов служит ярким показателем наличия одного из основных характеризующих данную социальную группу признаков – «замкнутости» и превращении её в подобие «сословия». Последнее обстоятельство, в свою очередь, напрямую влияет на степень открытости чиновничьей социoproфессиональной группы для представителей других общественных слоев, сужая круг источников пополнения бюрократии.

Подчеркнём, что выявление родства среди чиновников на основе данных их формулярных списков позволяет исследователю перейти от собственно реконструкции генеалогических связей к изучению феномена семьи на примере представителей бюрократии. Также перейти от реконструкции процедуры наследования статуса чиновника к изучению образа жизни представителей российской бюрократии, а затем, к выявлению особенностей мировоззрения и психологии управляющего слоя в целом. Анализ формулярных списков с применением описанного метода, даёт возможность удачно совместить историю одного «служилого» рода и историю российской бюрократии в целом.

Список литературы

- 1 Елпатьевский А. В. Документирование прохождения государственной службы в России XVIII - начала XX веков // Труды Всесоюзного научно-исследовательского института документирования и архивного дела. Т. V. Ч. I. Москва: Наука, 1974; Румянцева М. Ф. Генеалогия российского чиновничества второй половины XVIII века: постановка проблемы и источники изучения // Генеалогические исследования. Сб. ст. Москва, 1993; Козельчук Т. В. Некоторые методические проблемы использования формулярных списков при анализе российской бюрократии (на примере чиновничества Тобольской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.) // Документ. Архивный документ. Исторический источник. Материалы региональной научно-практической конференции. Тюмень, 2002. С. 20–29.
- 2 Козельчук Т. В. Формулярные списки как источник для изучения демографического поведения чиновников (по материалам Тобольской губернии второй половины XIX – начала XX веков) // Проблемы исторической демографии Сибири. Сборник научных трудов. Выпуск I. Новосибирск, 2010. С. 95–105.
- 3 Козельчук Т. В. Формулярные списки и изучение социальной мобильности населения Сибири (на материалах Тобольской губернии второй половины XIX – начала XX вв.) // Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории: Коллективная монография / под общ. ред. Я. Г. Солодкина. Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2011. Ч. 6. 206 с. С. 56–75.
- 4 Копосов Н. Е. Высшая бюрократия во Франции XVII века. Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1990.

5 Козельчук Т. В. Социальное происхождение чиновников окружных судов и полицейских управлений Тобольской губернии второй половины XIX – начала XX века // Вестник Курганского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. №1 (44). С. 13–17; Козельчук Т. В. Материальное положение провинциальных чиновников (на примере Тобольской губернии второй половины XIX – начала XX века) // Вестник Курганского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. №5 (39). С. 19–25; Козельчук Т. В. Уровень и качество образования чиновничества Тобольской губернии во второй половине XIX – начале XX века // Наука и образование Зауралья. 2004. №1. С. 84–86; Козельчук Т. В. Состав городской семьи второй половины XIX – начала XX вв. (на примере чиновничества Тобольской губернии) // Проблемы культуры городов России. Материалы Пятого всероссийского научно-практического семинара. Сибирский филиал Российского института культурологии. 2004. С. 67–70.

6 Козельчук Т. В. Чиновничество Тобольской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. как социальный слой: дис. ... канд. ист. наук. Курган, 2002.

7 Румянцева М. Ф. Генеалогия российского чиновничества вт. пол. XVIII в.: постановка проблемы и источники изучения // Генеалогические исследования. Сб. ст. Москва : Наука, 1993.

8 Свищев П. А. Документальные генеалогические источники как доказательная база родословного исследования // Документ. Архивный документ. Исторический источник. Материалы региональной научно-практической конференции. Тюмень, 2002. С. 91–105.

УДК 930.85

В.А. Мелёхин, А.В. Кротов,
г. Барнаул

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА КОНСОЛИДАЦИИ АЛТАЙСКИХ СТАРОЖИЛОВ И ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ЕВРОПЕЙСКИХ ГУБЕРНИЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Аннотация. С XVII века началось заселение Сибири пришлым населением. Продвижение русского влияния на восток и юг региона было обусловлено рядом политических, религиозных, экономических и других причин. Отмена крепостного права усилила проходивший процесс переселения. В результате переселенческой политики, проводимой Российским государством, в сибирском регионе происходила интеграция европейских и азиатских традиций землепользования. В ходе интеграции между старожилами и переселенцами происходили конфликты, но благодаря общим взглядам произошло их органическое соединение и социальная консолидация.

Ключевые слова: консолидация, Сибирь, нососелы-переселенцы, старожилы, конфронтация.

Под консолидацией авторы понимают процесс слияния относительно самостоятельных этносов и этнических групп, обычно родственных по языку и культуре в единую этносоциальную

общность. Такая трактовка вполне приемлема в отношении переселенческой политики, которую стало осуществлять царское правительство на фоне реформ, связанных с отменой крепостного права в связи с наметившимся развитием капитализма в России в 60-70 годы XIV века в отношении своих подданных.

Русские являются государствообразующим титульным этносом России. Отождествляя в данном фрагменте анализа понятие «этнос» и «нация», отметим, что П.А. Сорокин под нацией, как социальной системой понимал, что «нация является многосвязной (многофункциональной), солидарной, организованной, полузакрытой социокультурной группой, по крайней мере отчасти осознающей факт своего существования и единства. Эта группа состоит из индивидов, которые: 1) являются гражданами одного государства; 2) имеют общий или похожий язык и общую совокупность культурных ценностей, происходящих из общей прошлой истории этих индивидов и их предшественников; 3) занимают общую территорию, на которой живут они и жили их предки. В то же время нация является социальной системой, отличающейся от государства, а также «этнических (языковых) и чисто территориальных групп» [11, с. 84].

В социально-технократическом понимании «консолидация», в нашем случае, будет выглядеть как процесс воссоединения двух близкородственных элементов системы с последующими адаптацией и аккомодацией, представляющими собой взаимное сосуществование и взаимодействие в экономической и социальной сферах.

Исследователи Л.И. Шерстова, В.А. Липинская, А.Н. Ветров, Н.А. Аристов, Е.В. Захаров, М.А. Жигунова, рассматривая историко-культурные ареалы формирования русских, отмечали, что, начиная с XVIII века, происходило стихийное заселение Сибири пришлым населением. Продвижение русского влияния на восток и юг региона было обусловлено рядом политических, религиозных, экономических и других причин. В разные исторические периоды, указанные причины с различной интенсивностью влияли на динамику миграции русских в Сибирь и, соответственно, на Алтай [6, с. 269; 5, с. 148; 2, с.123-124; 14, с.11-14].

В территориальном перемещении русских выделяется несколько миграционных потоков. Первый этап связан с появлением землепроходцев, развитием горно-металлургического производства в Рудном Алтае и Колывани, проникновением крестьян, бежавших от крепостничества, а также старообрядцев или кержаков, составивших специфическую этнографическую группу староверов (кержаков), проживающих преимущественно на территории Усть-Коксинского района, которые появились в Горном Алтае в XVIII веке. Эта категория вновь прибывшего

населения в последующем была определена в качестве «старожильцев». Историческая литература, соответственно, старожилами называет потомков первых золотоискателей, казаков, людей, промышленяющих зверем, крестьян, ищущих удачу на чужой стороне, включая вышеназванных кержаков. По свидетельству Н.М. Ядринцева, это те, кто проживал в Сибири до «казенной колонизации» в 1861 году [15, с.134].

После отмены крепостного права, которого в Сибири по сути не было, переселенческое движение в Сибирь активизировалось, но доминирующее положение вновь прибывающих переселенцев в среднем составляло 61,9% именно на территории Алтайского округа [12, с. 81].

Таблица 1 – Доля вновь прибывших переселенцев в Алтайском округе и в целом по Сибири во второй половине XVI века

Места вселения	1860–1880 гг.		1881–1899 гг.		1860–1899 гг.	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Сибирь	182373	100	1406137	100	1588511	100
Алтайский округ	66913	36,9	916658	65,1	983571	61,9

По округам ситуация представлена следующим образом [7, с. 247].

Таблица 2 – Доля переселенцев на Алтае по округам в 1888–1892 годах

Округ	1888 г.	1889 г.	1890 г.	1891 г.	1892 г.
Барнаульский	61,2%	57,2%	62,6%	66,7%	71,7%
Бийский	34,0%	36,1%	35,2%	30,3%	24,9%
Кузнецкий	3,2%	4,9%	1,1%	1,1%	1,6%

Барнаульский округ привлекал большое количество переселенцев из-за наличия значительных площадей удобной земли (42,9%).

За представленный период (с 1861 по 1900 годы) на территории Алтайского округа были реализованы два переселенческих закона:

1 Положение Комитета министров «О водворении в Алтайском округе государственных крестьян» от 30 июля 1865 года.

2 Высочайше утвержденное положение Комитета Сибирской железной дороги «Об устройстве переселенцев Алтайского Округа, ведомства Комитета Его Величества» [9, с. 87].

Наметившееся падение горнорудного производства на Алтае, произошедшее во второй половине 19-го века привело к тому, что правительство стало искать альтернативные способы увеличения дохода, сделав ставку на развитие сельского хозяйства, которое должны были поднять именно переселенцы. Для создания эффективного социального слоя крестьянства Комитетом был разработан долгосрочный проект, целью которого являлось поднять ценности государственной пустующей земли путём её массового заселения и последующего освоения.

Консолидация вновь прибывающих переселенцев осуществлялась двумя путями:

- в результате образования новых сообществ;
- на основе причисления переселенцев к старожильным селениям, чаще всего к кержакам.

При образовании новых сообществ, предполагалось, что переселенцы самостоятельно искали пустолежащие земли для их последующего освоения, а впоследствии ходатайствовали об их причислении к государству в качестве соответствующего статуса. Консолидация в форме приселения переселенцев к старожилам несла более сложный и временами конфликтный характер, поскольку изначально кержацкое население, имевшее в структуре своего сознания и быта старообрядческие корни воспринимали вновь прибывших «колонистов» почти как врагов.

П.А. Милюков свидетельствует, что «отвод участков для раздачи переселенцам наталкивался не на недостаток межевых средств, но и на то обстоятельства, что лучшие места уже были заняты или захвачены старожилами и приходилось или переселять к ним новожилов в промежутках занятых земель, или выходить за пределы основной полосы поселений на юг, в степь, вырезая удобные участки из территории кочевников, или подаваться на лесной север, где границу для земледелия составлял пояс вечной мерзлоты, более или менее глубокой» [8, с. 510].

Помимо названных обстоятельств, старожилы вводили явно невыгодные условия для переселенцев за получение приемного приговора, что несло в себе конфликтный потенциал во взаимоотношениях для последующей социальной консолидации, что выражалось в следующем:

- требование к новоселам поить мужское население вином;
- предлагали им купить у них по завышенным ценам старые постройки, мотивируя такое предложение обеспечением скорейшего причисления;
- дополнительно требовали за сам приемный приговор значительные средства.

В 1883 году Алтайское Горное Правление было вынуждено доложить Кабинету о притеснении старожилами переселенцев. В ходе разбирательств выяснилось, что старожилы требовали за приемный приговор от 10 до 50 руб. и ввели непонятные дополнительные денежные взносы в пользу общества [9, с. 87].

Поводом для конфликта являлось завышение цен на приговор, объясняемое рачительностью старожилов. До размежевания земель крестьяне Алтайского Горного Округа 8 марта 1861 года получили в пользование все земли, которые у них были за шестирублевый оброк с души.

В последующем к ним из-за упадка горнорудного производства Алтая были причислены

несколько тысяч бывших мастеровых с обложением, четко соблюденным в сумме шестирублевого оброка. Прибывающим переселенцам дополнительной прирезки земли не последовало, что не отменяло обложение оброком. Круговая крестьянская порука, как принцип управления, вынуждало старожилов требовать с переселенцев значительные средства за приемный приговор, требуя компенсацию за то, что им придется возмещать при сборе оброка. Получалось, что чем большее количество переселенцев прибывало, тем все более усложнялись условия получения приемного приговора.

В сфере трудовой деятельности в возникавших отношениях между переселенцами и старожилами консолидация протекала не однозначно. Старожилы были заинтересованы в использовании новопривывших в качестве батраков, готовых работать за хлеб и кров, особенно в связи с тем, что переселенцы хорошо владели новейшим сельхозинвентарем и внедряли на сибирских землях неизвестные культуры. При этом они применяли новые земледельческие орудия, широко внедряли органические удобрения, чему с успехом обучили старожилов, и происходившие данные процессы были залогом социально-экономической консолидации двух общностей.

Характерно, что именно переселенцы научили сибиряков внедрению органических удобрений, до того, как своим опытом новоселы поделились с сибиряками, навоз скапливался на улицах сел и вызывал дискомфорт.

Переселенцы широко распространили стойловое содержание скота в утепленных помещениях, и в отличие от старожилов больше заботились о его молочности и мясности. Они привозили в Кулунду породистый украинский скот, дававший до шести процентов жирности молока. Уход и кормление у них были поставлены лучше, чем у старожилов [13, с.133].

Однако процессу консолидации предшествовало конфронтационное начало. Алтайские старожилы изощрались в своих стремлениях нанести максимальный ущерб переселенцам и в то же время получить максимальную выгоду от их приезда. Многие переселенцы, построившие свои дома, оказывались в ситуации, когда старожилы разламывали их постройки. Часто старожильческие общества в виде борьбы с переселенцами не допускали последних к весеннему севу. Реальная постановка дела была сложной, и она открывала негативные стороны взаимоотношений двух категорий населения – алтайских старожилов и европейских новоселов. В напряженных отношениях были виноваты обе стороны: старожилы не стремились идти на близкий контакт, они использовали переселенцев ради получения выгоды, а переселенцы слишком торопили события и, нарушая правила, пытались быстрее ассимилироваться, чем вызывали не-

довольство местного населения [9, с. 88].

В результате переселенческой политики, проводимой Российским государством наряду со стихийным движением из западных областей России на Восток, в частности на Алтай в сибирском регионе происходила интеграция европейских и азиатских традиций землепользования.

Имевшая место консолидация переселенцев и старожилов происходила не бесконфликтно, но не несла в себе потенциала, который мог бы перерасти в кровавые столкновения. Споры решались вполне цивилизованно, в судебном порядке или урегулировались на основе бытовых мирных переговоров.

Консолидации переселенцев и старожилов были присущи процессы аккомодации, адаптации, подразумевающие приспособление людей к новой этнической среде, весьма близкой для вновь прибывающих. Шел процесс взаимного сосуществования и взаимодействия в экономической и социальной сферах. Присутствовал и процесс аккультурации в форме взаимопроникновения культуры сельского хозяйства, что отмечено выше.

Старожилы также привнесли много нового в жизнь переселенцев, научив их особенностям сибирского земледелия, значительно отличающегося от европейских подходов. Сибиряки были избалованы наличием богатых лесов, поэтому они могли относиться к лесным массивам как данности. Европейцы были лишены такой роскоши на родине и в Сибири впервые получили возможность использовать лесные массивы практически без ограничений [4, с. 200; 10, с. 346].

Произошло соприкосновение двух образцов российской культуры, когда «Сибирь оказалась тем географически удаленным от центра страны регионом, куда стекались от давления властей представители самых разнообразных религиозных толков и направлений. Большую их часть составляли сторонники «старой веры», упорно державшиеся церковных обрядов, отмененных официальной русской Церковью во время реформ патриарха Никона» [3, с.12], если речь идет о периоде предшествовавшем реформам 60-70 годов XIV века. Аналогично Л.М. Горюшкин описывал процессы становления сибирского крестьянства [1, с. 412].

Прибывшие в Сибирь новоселы-переселенцы, будучи преимущественно людьми православными, достаточно быстро консолидировались со старожилами, поскольку почвой для их взаимодействия были православно-христианские корни с единым отношением к труду, человеку и природе. Произошло их органическое соединение и социальная консолидация, выразившаяся в форме интегративного начала, положившему становление алтайской культуры.

Список литературы

1 Горюшкин Л. М. Сибирское крестьянство на рубеже

двух веков (конец 19 – начало 20 веков). Новосибирск : Изд-во Наука, 1967. 412 с.

2 Жигунова М. А. Материалы по этнографии Сибирского казачества. Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы научно-практической конференции / под ред. М. А. Демина, Т. К. Щегловой. Барнаул : Изд-во Барнаульского педуниверситета, 2001. Вып. 4. С. 123-124.

3 Инговатов В. Ю. Становление философии в Сибири: некоторые методологические аспекты. Очерки зарождения философской мысли в Сибири и на Алтае : сборник научных статей. Алт. гос. техн. ун-т. им. И.И. Ползунова. Барнаул : Изд-во АлтГТУ, 2013. С.12.

4 Карих Е. В. Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения 19- нач. 20 в. Томск, 2004. 200 с.

5 Кряклина Т. Ф. Диалог культур народов Сибири (этносоциологический аспект) : монография. Барнаул : Изд-во Алтайской академии экономики и права, 2000. 148 с.

6 Липинская В. А. Старожилы и переселенцы. Русские на Алтае XVIII-XX века. Москва : Изд-во «Наука», 1996. 269 с.

7 Материалы по переселению в Алтайском округе в 1888 – 1892 гг. Алтайский сборник. Томск, 1894. Вып. 1. С. 247.

8 Милюков П. Н. Очерки по истории культуры : в 3-х т. Москва : Прогресс, 1993. Т.1. С. 510.

9 Мязина Ю. Ч. Особенности взаимоотношений Алтайских старожилов и переселенцев европейских губерний во второй половине 19 в. Культура Алтайского края как опыт толерантного взаимодействия сопредельных территорий : сборник статей. Барнаул : Изд-во АГАУ, 2007. С. 87-88.

10 Освоение и развитие Западной Сибири в 16-20 вв. Материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 300-летию Чаусского острога. Новосибирск: Агентство «СИБПРИНТ», 2013. 346 с.

11 Сорокин П. А. Основные черты русской нации в двадцатом столетии. Главные тенденции нашего времени. Москва : Институт социологии РАН, 1993. С. 84.

12 Томилов Н. К. Переселение крестьян в Алтайском округе (1865-1869 гг.) Вопросы истории Сибири. Томск, 1967. Вып. 3. С. 81.

13 Тютюкин В. И. Культурная и экономическая роль крестьян-переселенцев на Алтае во второй половине XIV – нач. XX вв. (1860-1914гг.) // Культура Алтайского края как опыт толерантного взаимодействия сопредельных территорий : сборник статей. Барнаул : Изд-во АГАУ, 2007, С. 133.

14 Шерстова Л. И. Тюркский этнический компонент в этногенезе уймонских старообрядцев. Этнография Алтая и сопредельных территорий : материалы научно-практической конференции / под ред. М. А. Демина, Т. Г. Щегловой. Барнаул : Изд-во Барнаульского педуниверситета, 2001. Вып. 4. С. 11–14.

15 Ядринцев Н. М. Сочинения: Т.1. Сибирь как колония: современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее / под ред. С. Г. Пархимовича. Тюмень : Изд-во «Мандрики», 2000. 480 с.

УДК 908; 614.2

Е.П. Ермачкова,
г. Заводоуковск

МЕДИЦИНСКИЙ ПЕРСОНАЛ СЕЛЬСКИХ ЛЕЧЕБНИЦ ПРИИШИМЬЯ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВЕКОВ

Аннотация. Продолжающиеся преобразования во всех сферах жизнедеятельности россиян требуют внесения изменений в суще-

ствующую систему здравоохранения. Поэтому значительный интерес представляет собой изучение становления и развития этого общественного явления как на государственном, так и локальном уровнях. Будучи одним из ведущих направлений социальной политики, здравоохранение обеспечивает медицинскую помощь всем категориям населения, что улучшает демографическую ситуацию, способствует созданию эффективно работающей системы профилактики и охраны здоровья россиян. Аналогичные процессы модернизации здравоохранения происходили в начале XX столетия, поэтому при построении перспектив будущего развития этой сферы социальной жизни общества, необходимо учитывать прошлое и тщательно сопоставлять его с настоящим.

Ключевые слова: медицинское обслуживание, Приишимье, сельские лечебницы, Сибирь.

Общественное здоровье жителей сибирской деревни и сегодня является темой для пристального изучения органов государственной власти, ученых, медицинских работников, социологов, экономистов. Если горожане Зауралья имеют возможность получить своевременную квалифицированную медицинскую помощь, то селянам, как и сто лет назад, зачастую для этого приходится преодолевать значительные расстояния и трудности. Следует отметить, что так и остаются нерешенными проблемы недостаточного финансирования здравоохранения в целом и на душу населения в частности: низкая заработная плата медицинских работников и сотрудников лечебных учреждений; недоступность дорогостоящего и высокотехнологичного лечения жителям сельских территорий; устаревшая материально-техническая база районных и сельских больниц и пунктов; качество получаемых услуг.

По распоряжению Екатерины II вопросами народного здравоохранения с 1775 года ведал Приказ общественного призрения. В Сибири его действие было направлено, в первую очередь, на жителей крупных городов, и только 6 декабря 1856 года император Александр II утвердил новые штаты, по которым дополнительно в Тобольской губернии ввели должности 8 окружных и 7 городских врачей, 17 лекарских помощников и 9 повивальных бабок. Но и после этого долгие годы в регионе «пустовали» места штатного врачебного персонала. Например, только в 1878–1881 годы по губернии не хватало 8–13 дипломированных врачей, в то время как постоянно увеличивалось количество лиц со средним и начальным профессиональным медицинским образованием. В «Приложении к Обзору Тобольской губернии за 1881 год» указано, что по штату Врачебного управления медицинскую помощь населению должны были оказывать 30 врачей и ветеринаров, а также 66 других специалистов:

ученик ветеринара, 19 лекарских старших и 23 младших учеников, 9 сельских фельдшеров, 2 городских старших и 12 младших повивальных бабок. На самом деле вместо 96 на службе состояло 112 человек: 22 врача и ветеринара, ученик ветеринара, 39 лекарских учеников, 9 сельских фельдшеров, 13 городских и 28 сельских повивальных бабок.

Таблица 1 – Состав медицинской части Тобольской губернии в 1870-80-х годах [5, с. 13; 6, с. 13; 7, с. 14-15; 8, с. 10]

Медицинское звание	1878 г.	1879 г.	1881 г.	1883 г.
Врач и ветеринар	20	22	22	38
Лекарский ученик	-	-	39	85
Фельдшер сельский	-	-	9	
Повивальная бабка	12	12	41	50
Вакансия врача	13	8	8	0

Недостаток врачебного персонала, отсутствие специальных органов для заведования санитарной частью особенно остро ощущался в сельской местности. Как отмечали губернские власти, там «надзор за соблюдением обывателями гигиенических требований всецело принадлежал волостным и сельским начальникам, кругозор которых не выше уровня прочих однодеревенцев» [7, с. 15]. И только с 1883 года ситуация изменилась. Скорее всего, это произошло из-за того, что в ежегодных губернских отчетах стали учитывать не только медицинский персонал гражданского ведомства, но и вообще всех медицинских чинов Министерства внутренних дел данной территории.

С 1888 года по 1896 год в регионе вводится сельская медицина, в дополнение к уже существующим появляются ставки 8 сельских врачей, одного врача для командировок и 40 фельдшеров. В самом конце 1888 года по всей губернии приступили к открытию сельских лечебниц и приемных покоев, в волостных центрах началось оборудование специальных помещений для работы фельдшеров и повивальных бабок. Так, в 1889 году квалифицированную медицинскую помощь в Ишимском округе оказывали в Бердюжской и волостной Абатской лечебницах, а также трех приемных покоях: Абатском, Голышмановском и Ильинском. При этом Абатскую волостную лечебницу построили исключительно на общественные средства. В дальнейшем местные крестьяне обязались полностью содержать ее на отчисления из волостных сборов. Под руководством окружного врача М.И. Тихомирова, а с конца 1888 года – И.Д. Короткевича, участкового сельского врача К.А. Беляева принимать больных стали медицинские фельдшера в Абатском, Бердюжском, Голышмановском, Ильинском, Локтинском, Петуховском а также сельские повивальные бабки (акушерки) в Абатском, Аромашевском, Бер-

Таблица 2 – Медицинский персонал Тобольской губернии

Медицинское звание	1855 г.	1868 г.	1888 г.	1896 г.	1910 г.	1911 г.
Врач	19	32	35	51	71	76
Лекарский ученик	32	34	39	37	-	-
Фельдшер	-	-	40	81	149	173
Фельдшерница	-	-	-	14	47	51
Акушерка, повивальная бабка	13	15	63	77	61	41
Зубной врач	-	-	-	-	12	14
Дантист	-	-	-	-	2	2
Фармацевт	-	-	8	-	34	34
Всего	64	81	185	260	376	391

дюжском, Ильинском, Локтинском, Петуховском. При этом из-за недостатка врачей Константин Аполлонович Беляев заведовал объединенным Ишимско-Курганским сельским врачебным участком, постоянно разъезжая между селами и деревнями двух самых густонаселенных округов [3, с. 31; 4, с. 224].

Постоянный приток переселенцев и ссыльных, ввозимые ими заболевания и начавшиеся затем эпидемии привели к тому, что Переселенческое управление совместно с Тобольским губернатором стали слать заявки в крупнейшие университеты Российской империи на выпускников медицинских факультетов и специальных курсов. Вскоре после этого, 30 марта 1895 года на имя начальника Тобольской губернии поступило прошение от студента медика Императорского Юрьевского университета Б. Буцевича. «Узнав, что Вашим Превосходительством вызываются ежегодно студенты медики во вверенную Вам губернию для усиления медицинского персонала, честь имею покорнейше просить Ваше Превосходительство в случае надобности принять для этой цели мои услуги»¹.

После тщательной проверки благонадежности в 1895 году в Тобольскую губернию прибыли из Московского и Томского университетов 17 молодых людей, только что получивших дипломы врачей. Среди них – известный в дальнейшем главный врач Ишимской уездной больницы К.Д. Даниель (1869–1924). 26-летнего выпускника 5 курса Московского университета сначала направили на практику в Тобольск, а уже с 1898 года он стал первым врачом Абатской сельской лечебницы [1]. Проработав там два года и зарекомендовав себя как опытный специалист, был переведен в уездный центр. До самой своей смерти (в 1924 году) лечил больных, в довоенное время возглавлял медицинскую часть Ишимского уезда, а затем и 1-ю Советскую городскую больницу.

Почти одновременно с молодыми врачами в первой половине 1895 года Тобольск принял 17 фельдшерниц, выпускниц хорошо известных медицинских курсов крупнейших городов стра-

ны. В Тобольском архиве сохранилось прошение губернатору Н.М. Богдановичу от А.И. Альтовской, окончившей курсы Санкт-Петербургского Надеждинского родовспомогательного заведения и Красного Креста. 3 февраля 1895 года она писала, что желает поступить сестрой милосердия в медицинский отряд, сопровождающий переселенцев². В дальнейшем такие энтузиастки надолго оставались работать в лечебных учреждениях Зауралья.

После того, как в 1896 году правительство ввело новый штат сельско-врачебной части губернии, значительно расширилась сеть лечебных учреждений, обслуживающих крестьян. Теперь здесь работали уже 32 сельских врача, 1 врач для командировок, 52 фельдшера и 20 фельдшерниц.

Таблица 3 – Штат сельско-врачебной части Тобольской губернии

Медицинское звание	1888 г.	1896 г.	1910 г.
Сельский врач	8	32	43
Врач для командировок	1	1	1
Фельдшер	40	72	115

Одним из источников финансирования медицинских учреждений Приишимья начала XX века являлось Переселенческое управление. Оно выделяло средства на открытие новых больниц и медицинских пунктов в первую очередь там, где компактно водворялись на постоянное место жительства прибывшие из-за Урала новоселы. Чаще всего – в только что открытых поселках или отдаленных крупных селах. Во время эпидемий оперативно обустроивались временные врачебно-производственные пункты, командировались врачи и фельдшера. В случае расположения переселенческих поселков недалеко от уже имеющихся сельских больниц, медицинскому персоналу выплачивалось дополнительное вознаграждение, средства на наем помещения, содержание стационарных больных и приобретение необходимых медикаментов. И, наоборот, в больницы, устроенные полностью на средства Переселенческого управления, охотно обращались старожилы. При

¹ ГБУ ГАТО в г. Тобольске, ф.479, оп. 2, д.47, л. 57.² ГБУ ГАТО в г. Тобольске, ф.479, оп. 2, д. 47, л. 1–9.

этом лечение проводилось бесплатно для всех.

С началом реализации Столыпинской аграрной реформы, с наплывом колонистов в Зауралье, Переселенческое управление Tobольской губернии увеличило средства для организации врачебно-продовольственной помощи новоселам. В том числе и на открытие новых лечебных учреждений (больницы в селе Больше-Сорокинском, приемного покоя в с. Кротовском и фельдшерского пункта в Карасульском) [9, ч.1, с. 111–113]. Например, только на строительство Больше-Сорокинского пункта (больницы) в 1910 году выделяется 15 000 руб. Кроме этого, на содержание и жалование одному врачу и фельдшеру нового лечебного учреждения выделили соответственно по 705 и 750 руб. В то же самое время врачу Ишимского пункта платили 705 руб., а медицинскому персоналу – 1 020 руб., в новом Аромашевском пункте – 270 и 180 руб. соответственно [2, с. 4–6].

На должность уездного врача, который заведовал сельской врачебной частью, могли принять кандидата, имеющего учено-практическую медицинскую степень, знающего русский язык и прошедшего специальные испытания. Например, вскрытие трупа и составление судебно-медицинского свидетельства, оказание помощи при внезапных случаях в области медицинской полиции, теорию по борьбе с эпизоотическими болезнями и др. Сельскими врачами становились выпускники медицинских вузов обоих полов, успешно сдавшие экзамены по установленным программам. При этом женщины получали диплом «женщины-врача», который кроме свободной практики позволял им выдавать рецепты на сильнодействующие лекарства, занимать должности специалистов по детским и женским болезням в воспитательных учреждениях и больницах, заведовать земскими лечебными участками и сельскими лечебными заведениями и приемными покоями. Правда, им запретили заведовать городскими общими больницами и мужскими отделениями, проводить самостоятельно судебно-медицинскую экспертизу по требованию судебных властей. В Ишимский уезд, в отличие от других, до 1917 года женщин-врачей не назначали. Исключением стал 1912 год, когда в рамках борьбы с голодом, охватившим Tobольскую губернию, в марте в Сладковскую волость прибыла врач Мирзоева. Руководя четырьмя сестрами милосердия, она наладила работу четырех амбулаторий, призванных остановить эпидемии тифа и цинги, а также накормить жителей нескольких волостей, пострадавших от неурожая и природных катаклизмов 1911 года. После того, как долечились последние пациенты, доктор Мирзоева покинула Приишимье.

Среди узких специалистов Приишимья следует отметить зубного врача, начавшего принимать пациентов в уездном Ишиме в довоенный

период. Звание на оказание высококвалифицированных стоматологических услуг мог получить любой выпускник шестого класса среднего общеобразовательного учреждения (гимназии, реального училища), успешно сдавший экзамены зубо-врачебной школы и проверочные испытания при университете или Военно-медицинской академии.

Помогали появиться ребенку на свет повивальные бабки, которые по уровню подготовки подразделялись на два разряда. Первый получали после прохождения соответствующего испытания при родовспомогательном учебном заведении, второй – при повивальных школах. Проходить сам курс обучения в них не требовалось. Имея на руках соответствующее свидетельство, разрешалось брать на обучение учениц старше 18 лет и обязательно грамотных. А потом слать ежемесячные отчеты во врачебное управление об их успехах и поведении. С введением закона 27 марта 1900 года и изданных на его основе правил и программ отменялось звание «сельской повивальной бабки» или «повитухи», введенное в употребление циркуляром Министерства внутренних дел от 7 марта 1847 года.

Таблица 4 – Медицинский персонал в 1914 году¹

	врачей		средний мед. персонал		повивальных бабок	зубных врачей	фармацевтов
	муж.	жен.	муж.	жен.			
г. Ишим	5	0	9	4	2	1	2
Ишимский уезд	8	0	21	8	0	0	1
Всего	13	0	30	12	2	1	3

Перемещение с одного места на другое по собственной инициативе или приказу свыше было обычным явлением в сельских больницах Приишимья. Например, в 1907–1909 годах целый год не было доктора в Викуловской лечебнице, 11 месяцев в Абатской и четыре месяца не возвращался из отпуска глава Голышмановского стационара. Всего по губернии за указанный период сельские врачи отсутствовали 299 месяцев. Сами они объясняли такое «печальное явление» суровыми климатическими условиями, отдаленностью от культурных центров и постоянными разъездами по «необъятным» участкам в любое время года и при любой погоде. В отличие от служащих других ведомств, медицинские работники не знали выходных и праздничных дней. Работа по амбулатории, больнице, распоряжения по хозяйству и канцелярская работа требовали постоянного внимания и присутствия. Ежедневно на прием приходило по 30–50 человек, которых врач должен был не только выслушать, но и назначить соответствующее лечение,

¹ ГУГАТО в г. Tobольске, ф.417, оп. 1, д. 384, л. 33.

провести несложные операции. Когда требовался срочный выезд на дом к больному, путешествие в несколько десятков верст затягивалось до ночи или утра. Часто не хватало времени для того, чтобы просто посмотреть газету, почитать специальные журналы. Законный отпуск в 28 календарных дней использовали не все и не всегда, да и с введением «льготного» дня (не приемного, а только операционного), врач освобождался гораздо позднее, чем обычно.

Среди обязанностей медицинского персонала Приишимья не последнее место занимала и организация врачебно-санитарного надзора в школах. К сожалению, под наблюдением врачей и фельдшеров долгие годы оставались только учащиеся городских учебных заведений. Инспектора народных училищ Тобольской губернии, посетив в 1905-1906 учебном году несколько уездов, отмечали, что «особенно печально положение в сельских одноклассных Министерства народного просвещения училищах. Оказывается, что за все время существования этих школ ни разу не посетил их ни земской врач, ни его фельдшер. Помочь этому может только общественное сознание необходимости медицинского надзора за детьми-школьниками; усилия же инспекции в данном случае будут еще долго оставаться тщетными»¹.

И только в 1910-1911 учебном году после принятия нового медицинского закона, началось более менее планомерное обследование здоровья сельских школьников. Из-за постоянной занятости лечением огромного количества взрослых пациентов, врачи осмотрели тогда менее 1% учеников начальных училищ Ишимского уезда².

Основную работу при этом выполняли учителя, составляя самые трудоемкие отчеты по внешнему виду подопечных. Например, из 4 247 школьников начальных училищ по Положению 1874 года они выделили 286 детей «хорошего питания», 3 692 – среднего и 269 – плохого. Таким образом, можно сделать вывод, что сельские школы в основном посещали дети из семей среднего достатка (87%) и примерно по 6,5% из зажиточных и бедняков.

В настоящее время медицинские работники отмечают постоянное ухудшение здоровья школьников. Но при сопоставлении результатов осмотра учащихся сельских начальных школ Ишимского уезда начала XX века напрашивается вывод, что и тогда относительно здоровых детей почти не было. Среди 58 сельских школьников в 1910-1911 учебном году выявили 31 близорукого, 7 с искривлением позвоночника, 22 с носовым кровотечением, 9 с нервными расстройствами, 52 с головными болями. При этом 148 из 210 городских и сельских детей перебо-

лели инфекционными болезнями. Своевременное и правильное лечение помогло выздороветь всем городским ребятишкам, а вот восемь деревенских спасти не удалось³.

Кроме лечения пациентов и профилактики заболеваний, проверки санитарного состояния в населенных пунктах, медицинские работники проводили и освидетельствование призывников. Эта работа усилилась после того, как Россия летом 1914 года вступила в войну с Германией. Известно, что только за первый военный год в Ишимском уезде медкомиссию прошли 3 318 человек, из них 313 получили отсрочку по болезни или «невозможности», 29 отправили в лечебные заведения на «испытания», 156 зачислили в ополчение 2-го разряда из-за физических недостатков и болезней, 771 признаны совершенно негодными к воинской службе. Таким образом, из 3318 мужчин признано годными и призвано было только 2049.⁴ Двоих из них, отличающихся отличным зрением и специальными навыками, сразу отправили военными охотниками (п.1 ст.174 и 219 Уст. по прод.1912 г.).

Таким образом, можно сделать вывод, что в результате активной колонизации Сибири на рубеже XIX-XX столетий здесь зародилась и начала успешно развиваться система сельской медицины. К 1917 году в большинстве крупных волостных центров сельскохозяйственных уездов Тобольской губернии имелись свои больницы, лечебницы, приемные покои, фельдшерские пункты, которые не только помогали справиться с эпидемиями, но и вели профилактическую работу среди крестьян, оказывали всестороннюю медицинскую помощь. Первых сельских врачей, фельдшеров, акушеров по праву можно считать просветителями и патриотами, посвятившими свою жизнь служению Родине, русскому народу. Основы сельской медицины, заложенные в этот период, помогли создать советское здравоохранение после окончания Гражданской войны.

Список литературы

- 1 Везель А. Листая страницы истории // Сельская новь. 2011. № 88 от 2 ноября.
- 2 Доклад о плане работ по организации в 1910 году врачебно-продовольственной помощи переселенцам в Тобольскую губернию. Тобольск, 1910. 8 с.
- 3 Календарь Тобольской губернии на 1888 год (високосный). Тобольск : Тобольская губернская типография, 1888. 134 с.
- 4 Календарь Тобольской губернии на 1890 год. Тобольск : Тобольская губернская типография, 1889. 354 с.
- 5 Обзор Тобольской губернии за 1878 год. Приложение к всеподданнейшему отчету начальника Тобольской губернии. Тобольск : Типография губернского правления, 1879. 84 с.
- 6 Обзор Тобольской губернии за 1879 год. Приложение к всеподданнейшему отчету начальника Тобольской губернии. Тобольск : Типография губернского правления, 1880. 76 с.
- 7 Обзор Тобольской губернии за 1881 год. Приложение к всеподданнейшему отчету начальника Тобольской губернии. Тобольск : Типография губернского правления, 1882. 76 с.

¹ ГУ ГАТО в г. Тобольске, ф.5, оп.1, д. 11, л. 20 об.

² ГУ ГАТО в г. Тобольске, ф.5, оп.1, д. 48, л. 52–79.

³ ГУ ГАТО в г. Тобольске, ф.5, оп.1, д. 48, л. 79.

⁴ ГУ ГАТО в г. Тобольске, ф.417, оп.1, д. 384, л. 76.

8 Обзор Тобольской губернии за 1883 год. Приложение к всеподданнейшему отчету начальника Тобольской губернии. Тобольск : Типография губернского правления, 1884. 76 с.

9 Памятная книжка Тобольской губернии на 1915 год. Тобольск : Губернская типография, 1915. 289 с.

УДК 271.2

**И.К. Копыркин,
г. Екатеринбург**

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ПРИХОДА ЕКАТЕРИНБУРГСКОГО БОГОЯВЛЕННОГО КАФЕДРАЛЬНОГО СОБОРА (ПО МАТЕРИАЛАМ МЕТРИЧЕСКИХ КНИГ)

Аннотация. В статье на основе данных метрических книг Екатеринбургского Богоявленского Кафедрального собора проанализирована конфессиональная жизнь православного прихода. Прослежена динамика развития прихода: в том числе, определено число ритуалов крещения, венчания, погребения, совершенных в период с 1901–1919 годы. На основе соотношений среднегодового числа заключенных браков и погребений выявлены благоприятные и неблагоприятные периоды в жизни прихода. Выявлена демографическая специфика поведения членов прихода, в особенности реакция на Первую мировую войну 1914–1918 годов.

Ключевые слова: православный приход, конфессиональная жизнь, метрические книги, крещения, венчания, погребения, смертность, историческая демография Урала.

История Богоявленского собора, второго по величине и важности в городе Екатеринбурге после Екатеринбургского горного собора, не получила комплексного освещения в церковной и научной литературе. Наиболее полным и ярким сюжетом, касающимся истории собора и прихода, является параграф в монографии, посвященной всей епархии [1, с. 4–6]. Особенностью же данной работы является то, что в ней проанализирована конфессиональная жизнь прихода по материалам метрических книг за 1901–1919 годы. Метрические книги всех храмов Екатеринбурга, в которых регистрировались события жизненного цикла прихожан, были изъяты и переданы в районные отделы ЗАГСа еще в 1919 году [5, с. 340]. В данной работе были использованы метрические книги, сохранившиеся в 6-м фонде ГАСО – фонд «Екатеринбургской епархиальной консистории» (за исключение метрики за 1909 год, которая из фонда архива выбыла)¹. Для

этого таблицы были переведены в электронный цифровой формат и проанализированы с помощью программы MS Excel.

Возникновение Богоявленского прихода относится к концу первой половины XVIII столетия (1745–1747 годы) [1, с. 4]. Первая Богоявленская церковь была деревянная. Причина постройки заключалась в том, что, во-первых, для удовлетворения религиозных потребностей растущего населения города, численность которого в середине XVIII века составляла более 5000 человек, стала необходима постройка новой церкви, во-вторых, построенная при основании (1723 год) города мазанковая Екатеринбургская церковь стала ветхой. Было решено, что пока будет идти строительство каменной Екатеринбургской церкви, необходимо построить временную Богоявленскую деревянную церковь. *Заложение деревянной Богоявленской церкви* было совершено 1 августа 1745 года, освящение ее последовало в сентябре 1747 года [1, с. 4]. Ввиду маловместительности этого храма в 1755 году при нем устроен придел в честь Святых апостолов Петра и Павла. Деревянная церковь в 1774 году была разобрана. *Каменная церковь* была заложена 17 июля 1771 года престол на нижнем этаже в честь Богоявления господня был освящен 30 марта 1774 года, а престол на верхнем – в честь св. апостолов Петра и Павла в 1795 году, 28 июня [1, с. 5–6]. За годы своего существования собор не раз перестраивался, расширяясь и становясь все более вместительным. Однако, за собором оставался прежний приход.

Роль в истории города. Собор стоял на Торговой (позже Кафедральной площади / ныне площади 1905-го года) – отсюда выходили самые грандиозные крестные ходы, здесь встречали почетных гостей, проводились парады, провожали солдат на войну. Нередко в Богоявленском соборе проходили богослужения, приуроченные к посещению Екатеринбургa членами царской семьи. Главным праздником собора был *день Богоявления Господня* (6 января по старому стилю). 25 декабря 1833 года Богоявленская церковь *при учреждении в Екатеринбургe викариальной епископской кафедры* была переименована в *кафедральный собор* с оставлением при ней прежнего прихода. До этого года церковь была приходской.

Разрушение Собора [3]. В 1919 году собор потерял статус кафедрального, уступив эту роль собору Святой Екатерины. Тем не менее, службы в Богоявленском соборе посещало до 1500 человек. В 1922 году большевики изъяли в Богоявленском соборе около 300 кг серебра, в том числе, серебряный престол весом около 70 кг «для помощи голодающим Поволжья». Последний крестный ход собора состоялся 19.01.1930 года. Службы в нем продолжались вплоть до

¹ ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 19, 27, 33, 43, 51, 61, 77, 100, 122,

16.04.1930 года, после чего храм закрыли навсегда. Председатель Горисполкома А.Н. Бычкова включила его в список «на слом» для получения строительных материалов, а также, чтобы освободить пространство для проведения демонстраций и митингов. Рабочие треста «Взрывсельпром» летом 1930 года уничтожили храм.

Численность прихожан составляла на 1909 год [4, с. 19]: 863 мужского пола, 964 женского пола. Раскольников и сектантов при приходе не числилось. Дальнейший расчёт численности прихода, за другие годы и периоды, зависит от расширения корпуса используемых источников.

Состав наличного причта: кафедральный протоиерей, ключарь протоиерей, священник, протодьякон, дьякон, 2 дьяка, иподьяк, псаломщик.

К приходу приписаны православные, проживающие на следующих улицах (суммарно 266 дворов): Тимофеевская набережная р. Исети; Богоявленская; Столовая; Фетисовская; Ломаевская; Коробковская; Студеная; Усольцевская; Коквинская; Ново-Московская; Большая Съезжая; Щипановский переулочок; Главный проспект; Успенская; Симановская; Уктусская.

Данные метрических книг свидетельствуют о следующем. Всего за исследуемый период в приходе было совершено 3838 обрядов жизненного цикла: 1913 крещений, 1522 погребений и 403 бракосочетания. Неблагоприятные периоды, отмеченные ростом смертности и одновременно снижением брачной активности, однозначно выделить не удаётся. Так, рост смертности в 1909 году (100 случаев против 68 случаев в 1908 году) не сопровождался падением бракосочетаний (19 случаев), количество которых приблизительно

но соответствовало среднему значению этого показателя за весь период (22,3 случаев в год).

На графике отчетливо виден рост смертности в 1918 году (116 случаев, против 78 случаев в 1917 году). Однако не представляется возможным сопоставить этот рост с показателем бракосочетаний, так как в метрике за 1918 год раздела о браках нет. Более того, учитывая бурный всплеск рождаемости в 1918 году (164 случая, против 110 случаев в 1917 году) не позволяет говорить об этом периоде, как неблагоприятном. Рост рождаемости, вероятно, связан не с внутренними, а с внешними причинами: расширение территории прихода, приписка к нему новых горожан. Однако эту гипотезу на материале использованного корпуса источников нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть.

Предвоенные годы характеризуются, во-первых, понижением уровня смертности. Если в 1909 году зарегистрировано 100 случаев, то в 1913 и 1914 годах по 71 случаю. Во-вторых, отмечается рост брачной активности. Если в 1909 году зафиксировано 19 случаев, то в 1913 году – 30 случаев, а в год начала войны (1914 год) – 33 случая. Показатель рождаемости привычно колеблется от года к году. Так, если в 1909 году зафиксировано 97 случаев, то в 1911 году уже 108. В 1912 году – 94 случая, в 1913 году – 103. В 1914 году происходит понижение рождаемости до 85 случаев – это самый низкий показатель за весь период.

Отвечая на вопрос о реакции прихода на Первую мировую войну (1914–1918 годы) стоит отметить, что ожидавшегося исследователем падения рождаемости и брачной активности не произошло. Так, в 1915 году было зарегистриро-

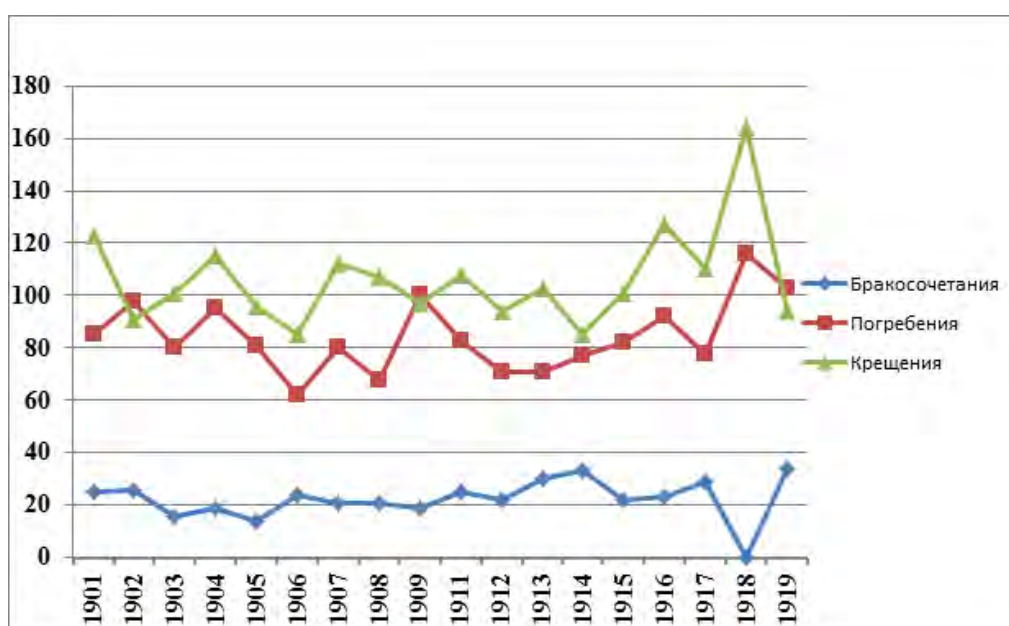

Рисунок 1 – Число крещений, бракосочетаний и погребений, зарегистрированных в приходе Богоявленского собора по годам

вано 22 случая (против 33 случаев в 1914 году), однако этот показатель равен среднему по приходу за весь период. Более того, в 1916 и 1917 годах число браков превысило средний показатель и составляло 23 и 29 случаев соответственно. На протяжении 1914–1916 годов включительно, происходил умеренный рост смертности (77 и 92 случаев соответственно). В 1917 году зафиксировано 78 случаев смерти. Чем объясняется этот феномен во время заключительной фазы войны и развития революционных событий, ответить затруднительно.

Также стоит отметить и то, что выделение конкретных временных благоприятных и неблагоприятных периодов крайне затруднительно. Дело в том, что за весь довоенный период (1901–1913 годы) в рождаемости наблюдается 4 фазы роста и 4 фазы падения. Такая же ситуация и со смертностью – 4 фазы роста и 4 фазы падения. Более того, эти фазы, часто совпадают друг с другом. Иными словами, в фазе роста смертности, растет и рождаемость. А в фазе сокращения смертности, сокращается и рождаемость. Таким образом, картина представляется довольно сложной, т. к. прямая корреляция этих 2-х показателей наблюдается лишь в половине обозначенных выше фаз. Что касается показателя брачной активности, то дело обстоит куда проще. Данный показатель имеет лишь три ярко выраженные фазы в довоенный период: падение в 1903 году – 16 случаев брака (против 26 в 1902 году), рост в 1906 году – 24 случая (против 14 случаев в 1905 году) и рост в 1913 году – 33 случая (против 22 в 1912 году). В остальных слу-

чаях уровень брачной активности колеблется в районе среднего показателя – 22,5 брака в год.

Таблица 1 – Среднегодовое число ритуалов жизненного цикла, совершенных в приходе Богоявленского Кафедрального собора г. Екатеринбурга с 1901 по 1919 годы

Тип ритуала	Период					
	1901-1906 гг.		1907-1913 гг.		1914-1919 гг.	
	№	%	№	%	№	%
Крещение	611	49.4	621	50.4	681	49.7
Бракосочетание	124	10	138	11.2	141*	10.3
Погребение	501	40.5	473	38.3	548	40
Всего	1236	100	1232	100	1370	100

*Исключая 1918 год (раздела о браках в метрике нет).

В перспективе дальнейшего исследования темы, необходимо привлечь ещё ряд источников проливающих свет на вопросы численности прихода, наличного причта, территориально-административного деления. Имеет смысл транскрибировать номинативную информацию, которая позволит провести более детальный анализ жизни прихода и ответить на вопросы межсословных и межрелигиозных браков, на вопрос так называемых «присоединенных» и иные.

Список литературы

1 Вишневецкая А. В., Главацкая Е. М. Конфессиональная жизнь православного прихода г. Екатеринбурга в начале XX в. (по материалам метрических книг церкви во имя святой великомученицы Екатерины) / Церковь. Богословие.

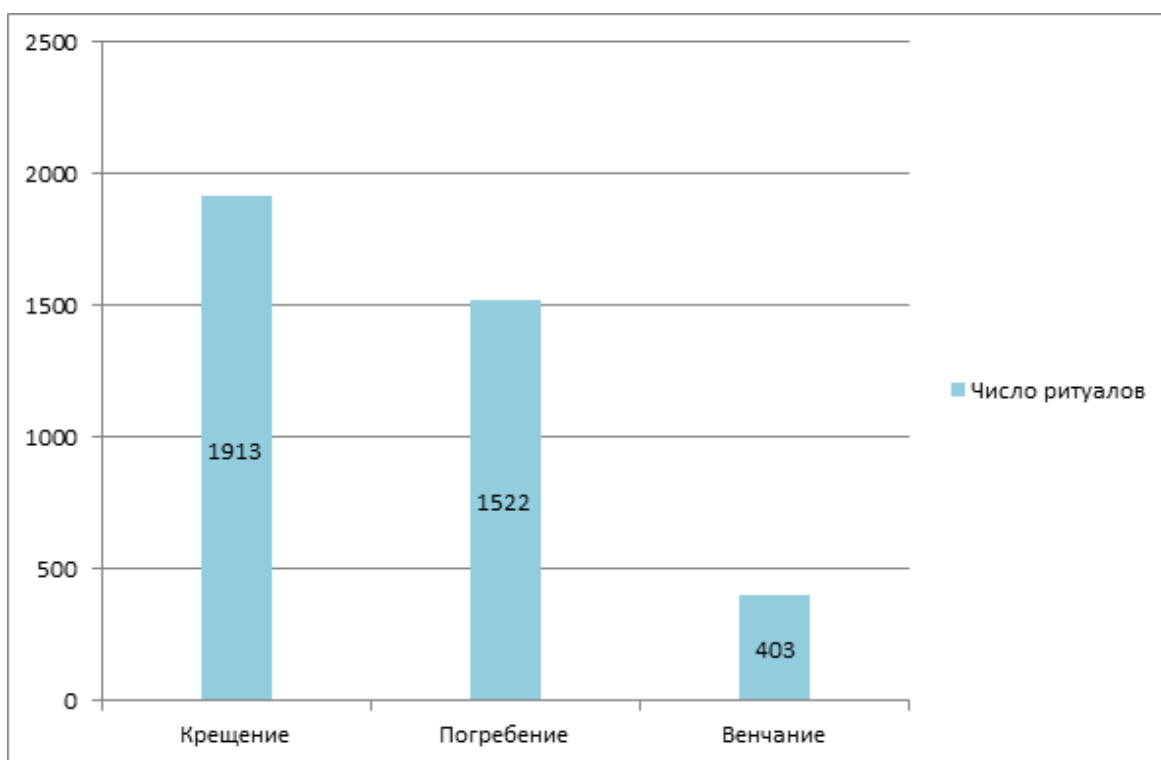

Рисунок 2 – Число ритуалов за период 1901–1919 гг.

История. Материалы V Международной научно-богословской конференции (Екатеринбург, 2–4 февраля 2017 г.). Екатеринбург : Екатеринбургская духовная семинария, 2017. С. 339–344. URL: http://epds.ru/files/Materials_conference/Materials_2017.pdf (дата обращения: 09. 02. 2018 г.).

2 Ворошилин С. И. Кафедральный Богоявленский собор. Прошлое и настоящее // Екатеринбург + Свердловск, 1723. URL: <http://www.1723.ru/read/dai/dai-54.htm> (дата обращения: 08. 02. 2018 г.).

3 Екатеринбургские епархиальные ведомости. URL: <http://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/library/material/554/> (дата обращения: 01. 02. 2018 г.).

4 Приходы и церкви Екатеринбургской епархии. Екатеринбург : Братство св. прав. Симеона, Верхотурского чудотворца, 1902. 612 с. // Электронные тексты и коллекции. Свердловская областная библиотека им. В.Г. Белинского. URL: <http://book.uraic.ru/elib/kraeved-hran/d1917/134946/ogl.htm> (дата обращения: 09. 02. 2018 г.).

5 Протоиерей Валерий Лавринов. Екатеринбургская епархия. События. Люди. Храмы. Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2001. 336 с.

6 Справочная книжка Екатеринбургской епархии за 1909 год. Екатеринбург, 1909. 299 с. // Электронные тексты и коллекции. Свердловская областная библиотека им. В.Г. Белинского. URL: <http://book.uraic.ru/elib/kraeved-hran/sprav/1300881/19.htm> (дата обращения: 09. 02. 2018 г.).

УДК 908

**М.В. Митрохин, С.Г. Федоров,
г. Курган**

ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РОЛИ ЖЕНЩИН В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ КУРГАНСКОГО И ШАДРИНСКОГО УЕЗДОВ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье рассматривается отражение социально-экономической роли женщины-крестьянки в тяжелые годы Первой мировой войны (1914–1918 годы) в периодической печати Курганского и Шадринского уездов, анализируется изменение положения женщины в военный период в различных сферах общественной и хозяйственной жизни.

Ключевые слова: история России, Первая мировая война, женщины, Курганский и Шадринский уезды, периодика.

Еще в первой половине XIX века семейные отношения и положение женщины в крестьянской и торгово-ремесленной среде мало отличались от норм, изложенных в Домострое и Уложении 1649 года. В соответствии с этими документами «и жена, и дети должны были находиться в неограниченном послушании по отношению к «хозяину» семьи, власть мужа над женой и родителей над детьми ограничивалась только моральным долгом» [18, с. 19].

Положение начинает заметно меняться лишь к 50–60 годам XIX века в связи с обще-

ственным подъемом и критикой семейного права. Однако новый либеральный кодекс так и не был принят. Вплоть до 1917 года в России преобладали патриархальные семейные отношения, которые поддерживались церковью и государством [19, с. 301–303].

Стоит отметить, что уже в этот период женщины Сибирских городов отличались от женщин Центральной части России, они были более энергичными, активными, предприимчивыми, самостоятельными, что выражалось зачастую в самостоятельном ведении предпринимательской деятельности [18, с. 20–21; 21, с. 167–169]. Существенных различий во внутрисемейных отношениях между крестьянством и торгово-ремесленным населением, как отмечает Ю.М. Гончаров, не наблюдалось, т. к. культура и быт городских поселений носила деревенский характер. В крестьянской семье женщина всё же занимала принижённое положение, что вызывало такие проявления девиации как снохачество, когда свекор жил со снохой, прелюбодеяние. Однако, что весьма важно, эти примеры были исключением, более или менее редким. Не менее важно и то, что община могла контролировать эти проявления девиации, наказывать нарушителей нормы и поддерживать правила нормы поведения в рамках традиционной культуры [22, с. 185–188; 23, с. 183–186].

Вплоть до начала XX века, когда вследствие общего социально-экономического развития России вообще и проведения Транссибирской железной дороги в частности, русская патриархальная семья и русская община поддерживали порядок в зауральской деревне и выступали стражем основ традиционной культуры и традиционных норм поведения [20, с. 65–70].

Первая мировая война оказалась катализатором процессов, которые были заложены еще в середине XIX века. Из домохозяйки и хранительницы домашнего очага, женщина превращается в кормилицу семьи, изменяется ее социально-правовой статус, принижённое положение в семье и обществе сменяется самостоятельностью, возможностью участвовать не только в делах семейных, но общественных, единичные проявления активности становятся обычным делом.

Такие изменения хорошо прослеживаются по периодической печати, так как периодика, во-первых, выходила регулярно: ежедневно, еженедельно или ежемесячно; во-вторых, там публиковались различные виды исторических источников, например, такие как законодательные документы, делопроизводственные документы, статистика, публицистика и многое другое; в-третьих, ориентировалась на интересы многих социальных групп [17, с. 424–425]. И наконец, периодика в тот суровый период являлась фактически единственным средством массовой информации.

Стоит отметить, что русской женщине не впервые работать наравне с мужчинами на полях и покосах, свидетельством тому стихи Некрасова: «Зной нестерпимый: равнина безлесная, / Нивы, покосы да ширь поднебесная — / Солнце нещадно палит./Бедная баба из сил выбивается, / Столб насекомых над ней колыхается, / Жалит, щекочет, жужжит!» [15, с. 154].

С началом войны ситуация осложняется уходом значительного числа мужского населения в армию и повышением цены на рабочие руки. Так постепенно на хрупкие плечи женщин падает не только забота об урожае, но и ответственность за судьбу семейства. Поэтому женщина сама «и косит хлеб, и вяжет в снопы, и кладет их в копны» [2, с. 4]. Однако автор статьи отмечает, что «эта картина не удивит населения подмосковной земли, где большинство мужчин в мирное время на отхожих промыслах, а хозяйство ведет баба» [2, с. 4]. Но одно дело мирное время, и другое – военное.

Это не могло остаться вне внимания общественности. В Курганской печати, начиная с 1916 года, стали появляться призывы о помощи женщинам, чьи мужья были мобилизованы. Вот что писали в шадринскую газету «Исеть» 27 марта 1916 года женщины-крестьянки из села Ключевского: «Необходимо деревне прийти на помощь. Хорошо было бы, если бы в деревню были отпущены на время часть мобилизованных. Кроме того, хорошо было бы приспособить для работы в деревне опытных австрийцев (военнопленных), вместо того, чтобы они жили кучерами и слугами в богатых домах. Возлагать больших надежд на женщин не приходится, так как для пахоты и других работ требуется физическая сила и специальность» [7, с. 3].

В Народной газете, издаваемой в Кургане, отмечалось: «Но вот, взгляните на поля тех осиротевших женщин-солдаток, чьи мужья взяты на военную службу другой или третьей год. Скоро ли у них, на ихних полях вырастают кучи хлеба, если одна солдатка или хотя с подростком-мальчугом 12-14 лет работает на своем трудовом поле, и то с горем и слезами пополам, потому что орудия жатвенные – т.е. косу, серп, не кому наладить как следует: подостричь, подточить, чтобы шло хорошо? <...> Снова бедная женщина обливается потом, а по большей части теплыми-горючими, едкими слезами, и жгучая боль и горечь глубоко закипают на сердце, и сказываются на ее лице какой-то отупелой грустью и безнадежной тоской.<...> Друзья-крестьяне, мои братья! Как нам не помочь бедным солдаткам – без мужей, когда последние грудью и головой своей защищают нас от дерзкого поганника – немца, жертвуя за нашу целостность своими драгоценными жизнями. Кому мы обязаны за спасение родины, т.е. всего нашего, как не им, этим великим серым героям солдатам. Так как же мы

останемся равнодушны к солдаткам их, и в свою очередь, не поможем им в их горе и нужде!» [12, с. 666]. Эти призывы исходят не только от солдаток, но и от мужского населения, прежде всего стариков. Что в свою очередь лишь подтверждает то ужасное положение, в котором оказалась страна.

Недостаток рабочих рук заставил изменить гендерное отношение к труду. Женщина стала занимать те должности, которые исконно считались мужскими. Так, утвержденная 23 декабря 1915 года программа для экзамена на звание старшего помощника землемера и правила для производства при землемерных училищах испытания не несли регламент по полу и возрасту. Следовательно, женщины могли занимать должности агрономов и землемеров [10, с. 296].

В газете «Исеть» за 1915 год размещена статья М. Пономарева «О роли женщины в кооперации в данный момент», где автор утверждает, что «необходимо приложить все силы для сохранения кооперативов для обеспечения им более благоприятных условий развития и процветания. Эта задача выпадает на долю женщины» [4, с. 2]. М. Пономарев видел в кооперации противовес кулачеству, средство, с помощью которого можно решить многие проблемы деревни. Следовательно, можно предположить, что автор подразумевает в женщине спасительницу, он возлагает на нее большие надежды. Для реализации задуманного М. Пономарев предлагает, чтобы женщины не боялись быть участницами кооперации, а их в свою очередь выбирали в члены кооперативов, тем более что подобные случаи уже происходили, автор с ними знаком.

Аналогичная ситуация описана в «Народной газете». В. Геттлер, автор статьи «Женщины и кооперация», приводит аргументы в пользу того, что женщине есть место на производстве, что она не нуждается более в опеке отца или мужа, стране нужна ее помощь. «Сами артельщики ответили на этот вопрос, когда в первый еще год войны догадались ставить на места мастеров-маслоделов женщин, устраивая с этой целью при Союзе краткосрочные курсы. Вначале было довольно много противников мастеров-женщин, полагавших, что «баба – так она баба и есть» и с маслодельным заводом ей не справиться. Скоро, однако, опыт показал, что мастер-женщина ничуть не хуже, а подчас и лучше мастера-мужчины. Дальнейшим шагом было устройство и курсов счетоводства, для подготовки приказчиков артельной лавки» [13, с. 862–864].

В газете «Курганское свободное слово» за 1917 год в колонке с объявлениями мы видим, что женщины становятся самостоятельными врачами и рекламируют свои услуги, например, врач Т.С. Длугина и врач С. А. Мамонтова [14, с. 4].

В периодической печати Курганского и Шадринского уездов интересовались положением

женщины во время войны, их постепенной эмансипацией в новых сферах деятельности не только в Зауралье, но и в других губерниях Российской империи.

Так, в «Исети» от 1915 года отмечалось: «Киевская городская управа постановила изменить положение об извозном промысле. В качестве извозчиков по новому положению будут допускаться женщины, а также мальчики не моложе 12 лет» [3, с. 4].

Во время Первой мировой войны происходят изменения в системе образования. Женщинам было позволено получать высшее образование, т. е. учиться в университетах, при этом не только в частных женских, но и в государственных, за одним исключением, если будут свободные места от поступления студентов мужского пола [6, с. 3]. В этот же период Харьковский женский медицинский институт возбудил перед министерством народного просвещения принципиальный вопрос о том, имеют ли высшие женские курсы предоставлять звание профессора. Министр народного просвещения П.Н. Игнатьев, принимая во внимание закон 3 июля 1914 года о частных учебных заведениях, разрешил этот вопрос в утвердительном смысле, с тем, чтобы лица, удостоенные звания профессора, предоставлялись на утверждение министра народного просвещения [6, с. 3].

«Казалось бы, что война, унесшая громадное количество рабочей силы, повлияет на число учащихся в народных школах и отразится на посещаемости занятий.<...> Но что особенно знаменательно, так это сдвиг в пользу обучения девочек, которые поступают в школы в гораздо большем против прежних лет числе. Женщины рассказывают, как трудно приходится им теперь: пусть хоть дочери воспользуются возможностью поучиться» [5, с. 4]. На сколько данный процесс характерен для Курганского и Шадринского уездов сказать сложно, т. к. автор статьи говорит о Киевском Земстве.

Государство рассматривало женщину, как полноценного работника. Для обеспечения рабочей силой, прежде всего сельского хозяйства, Наумов А.Н., министр земледелия, предлагал привлекать на сельскохозяйственный труд беженцев. Данная мера, по его словам, могла предоставить около 500 тыс. рабочих. А в случае привлечения женщин и подростков – около миллиона [9, с. 277–279]. Военное министерство позволяло использовать труд военнопленных, но крестьяне не всегда относились к труду военнопленных одобрительно, т. к. военнопленные чаще всего неохотно трудились в хозяйстве, ссылаясь на плохие погодные условия – «зимно» и на католические праздники [10, с. 233].

Неоценимую помощь воинам, раненым, пленным, семьям солдат оказали благотворительные организации Кургана и Шадринска, ос-

нованные женщинами. Сама императрица подавала пример своим поданным «принимая близко к сердцу нужды наших воинов, сраженных на поле брани и взятых в плен, по большей части больными и ранеными, и зная их острую нужду во всем самом необходимом, повелеть соизволила образовать под своим покровительством Особый Комитет Помощи Русским Военнопленным...» [1, с. 1].

В 1891 году был открыт Курганский Дамский комитет или Дамское попечительное о бедных общество. В годы Первой Мировой войны Дамский комитет занимался кружечными сборами. Так, в газете «Новая Исеть» № 306 за 7 мая 1915 года сообщается, что Дамский комитет с разрешения губернатора планирует провести «кружечный сбор» с продажей цветка 8 и 10 мая. Пожертвования часто направлялись на оказание помощи пострадавшим от военных действий и для приобретения средств на противогазные повязки [16, с. 41, 43].

Кроме того, в годы войны Дамский комитет направлял сестер милосердия в лазареты, заготавливал перевязочный материал, медикаменты, оплачивал проезд по железной дороге для выздоровевших воинов [16, с. 126–127].

По инициативе Шадринского дамского комитета на средства, полученные от кружечного сбора, который намеревались провести в феврале 1915 года, на пасхальные праздники должны были закупить подарки и сапоги для армии.

Средства с благотворительных акций так же шли на устройство здравниц для раненных воинов и их детей на южном берегу Крыма, например, в Шадринске 30 августа было собрано 480 рублей 43 копейки [6, с. 3]. Цена рабочей лошади на тот момент была 50–80 рублей в Курганском уезде и 150–200 рублей в Ялуторовском [11, с. 233].

Помимо материальной помощи, женщины старались оказать и моральную поддержку особенно раненым воинам. Так, «заведующая внешкольным образованием по Шадринскому уезду Е.С. Сергеева устраивала ряд чтений для раненных, помещавшихся в земском лазарете (в вино складе)» [7, с. 4].

Таким образом, в периодической печати Курганского и Шадринского уездов отразились процессы раскрепощения женщин, выход их из-под опеки отца и мужа. Это было связано, с одной стороны, с общим социально-экономическим ростом России в конце XIX – начале XX века, с другой стороны, с массовой мобилизацией мужского населения в годы Первой мировой войны, что вызвало нехватку рабочих рук во всех сферах деятельности. Немаловажным является то, что в годы войны увеличивается женская активность, вызванная патриотическим подъемом. Все тяготы военного времени легли на женские плечи, всё хозяйство огромной страны стало

зависеть от помощи женщин. Женщины заняли практически все сферы деятельности от пахаря и косца до землемера и агронома, от участника кооперации до члена правления, от медсестры и санитарки до врача, от учителя до профессора, от домохозяйки до кормильца семьи. Отныне женщина постепенно становится полноправным членом общества.

И такие изменения в социальном и гендерном статусе женщины происходят не только в Петрограде, Москве, европейских губерниях России, но и на ее окраинах, в том числе и в Южном Зауралье начала XX века и особенно в период Первой Мировой войны.

Список литературы

- 1 *Исеть*. 1915. 18 июля. № 17.
- 2 *Исеть*. 1915. 19 июля. № 18.
- 3 *Исеть*. 1915. 30 июля. № 27.
- 4 *Исеть*. 1915. 12 сентября. № 61.
- 5 *Исеть*. 1915. 21 сентября. № 68.
- 6 *Исеть*. 1916. 28 февраля. № 21.
- 7 *Исеть*. 1916. 27 марта. № 56.
- 8 *Народная газета*. 1916. 5 марта. № 10.
- 9 *Народная газета*. 1916. 16 апреля. № 11-12.
- 10 *Народная газета*. 1916. 30 апреля. № 13-14.
- 11 *Народная газета*. 1916. 25 июня. № 22.
- 12 *Народная газета*. 1916. 27 августа. № 30-31.
- 13 *Народная газета*. 1916. 5 ноября. № 39-40.
- 14 *Курганское свободное слово*. 1917. 10 ноября. № 141.
- 15 Некрасов Н. А. «В полном разгаре страда деревенская...»: собрание сочинений в 4 томах. Москва, 1979. Т. 2. С. 154.
- 16 *Шадринская летопись: XX век*. Шадринск, 1998. 284 с.
- 17 Голиков А. Г., Круглова Т. А. *Источниковедение Отечественной истории*. Москва : Академия, 2007. 459 с.
- 18 Гончаров Ю. М. *Внутрисемейные отношения провинциальных горожан второй половины XIX – начала XX в.* // *Известия Алтайского Государственного Университета*. 2001. № 4. С. 19–22.
- 19 Лещенко В. Ю. *Семья и русское православие (IX- XIX вв.)*. Санкт-Петербург : Изд-во Фроловой Т.В., 1999. 393 с.
- 20 Менщиков И. С., Федоров С. Г. *Девиантное и деликвентное поведение русских крестьян Южного Зауралья во второй половине XIX - начале XX в.* Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2013. 260 с.
- 21 Федоров С. Г. *Правовое положение женщины в зауральской семье и общине в конце XIX – начале XX вв. (По материалам волостных судов)* // *Емельяновские чтения : Материалы I межрегиональной научно-практической конференции (Курган, 19-20 апреля 2006 г.)*. Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2006. С. 167–169.
- 22 Федоров С. Г. *Снохачество и самосуд в обычном праве российской и сибирской деревень во второй половине XIX – начале XX в.* // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология, искусствоведение. Вопросы теории и практики*. Тамбов : Грамота, 2015. № 11 (61) Ч. I. С. 185–188.
- 23 Федоров С. Г. *Прелюбодеяние, самосуд и обычное право в российской и сибирской деревнях во второй половине XIX – начале XX в.* // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология, искусствоведение. Вопросы теории и практики*. Тамбов : Грамота, 2015. № 12 (62). Ч. II. С. 183–186.

РАЗДЕЛ II. ЗАУРАЛЬЕ И РОССИЙСКАЯ ПРОВИНЦИЯ В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ, ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И СОВЕТСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

УДК 94 (47)

С.Г. Сизов,
г. Омск

ПРОЖИТОЧНЫЙ МИНИМУМ В БЕЛОМ ОМСКЕ В 1918-1919 ГОДАХ

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ). Проект № 17-81-01006 «Белая столица России»: повседневная жизнь Омска (июнь 1918 – ноябрь 1919 гг.)».

Аннотация. Исследуется прожиточный минимум в Белом Омске в 1918-1919 годах. Дороговизна жизни серьезно обесценила заработную плату чиновников и всех других служащих (врачей, учителей), получавших свои оклады из бюджета. Официальный прожиточный минимум хотя и вырос с июля 1918 по август 1919 года более чем в два раза, заметно отставал от необходимого уровня. Это было связано с острым дефицитом денежных средств у правительственных и муниципальных учреждений.

Ключевые слова: Белый Омск, гражданская война, повседневность, прожиточный минимум, уровень жизни, правительство А.В. Колчака.

Столетие Великой российской революции вызвало интерес ко многим научным проблемам, которые находились ранее на периферии исторических исследований. Особый интерес в последнее время вызывает история повседневной жизни в период революции и Гражданской войны [1]. Среди проблем, касающихся повседневной жизни Белого Омска в 1918-1919 годах, важное место занимает вопрос о величине прожиточного минимума. Ответ на него даёт возможность оценить социально-экономическое положение жителей Белой столицы России. Стоит напомнить, что в этот период омичи сталкивались с огромными проблемами: приезд огромного количества беженцев, нехватка топлива, жилья, огромный рост преступности [11], распространение эпидемий [10]. Среди других проблем города была и дороговизна жизни. Вопрос о материальном положении различных категорий жителей Белой Сибири уже поднимался в ряде работ В.М. Рыноква [8], В.Г. Кокоулина [3] и др.

Что же такое прожиточный минимум? Если говорить кратко, то это уровень дохода, необходимый для удовлетворения основных жизненных потребностей человека. В разных странах

и в разные исторические периоды «основные жизненные потребности человека» понимались по-разному. Немалое значение имеют и другие факторы (например, климатические условия).

Статьи в газетах «Заря» [5] и «Русь» [7] дают возможность представить динамику прожиточного минимума в Белом Омске. Если в июле 1918 года прожиточный минимум в Омске определялся в 249,85 руб., то в сентябре составил 259,76, а в декабре – 336,18 руб. В 1919 году рост продолжился: январь – 400 руб., февраль – 409,76, март – 492,10, август – 478,86 руб. Нетрудно заметить, что даже по официальным данным прожиточный минимум вырос в Омске более чем в 2 раза. Подобный рост наблюдался повсюду.

Что же входило в этот прожиточный уровень? Какие именно потребности считались в тот период правительством основными? Есть расчёты этого минимума на первую половину ноября 1918 года. Правда, сделано это применительно к Красноярску, но и к Омску эти цифры могут быть отнесены в качестве приблизительных. Вот эти данные. «*Норма потребления в месяц на одного работника: муки ржаной 20 ф. – 9 р. 45 к. (по расчёту 10 ф. по цене продовольственных лавок – 3 р. 45 к. и 10 ф. по базарной цене 6 руб.), муки пшеничной – 20 ф. – 9 р. 1 к. (то же 15 ф. в потребиловке 6 р. 68 к. и 5 ф. сеянки – 2 р. 33 к.), мясо 7 с 1/2 ф. – 16 р. 25 к., крупа разная 4 ф. – 3 р. 95 к., мясо 4 ф. – 3 р. 95 к., картофель 20 ф. – 14 р., овощи 15 ф. – 6 р. 50 к. яиц 15 шт. – 6 р. 75 к., молоко 2 четверти – 12 р. 50 к., сахар 1/2 ф. – 3 р., чай и вообще вкусовые вещества: перец, лук, лавровой лист и пр. 5 р. Итого на одного человека питания 101 р. 31 к. Принимая семью за 4 человека и считая работника за 1, жену 75 проц., старшего ребенка 50 проц. и младшего 25 проц., всю семью 2,5 – прожиточный минимум определится в 253 р. 28 к. Жилище: квартира, дрова, освещение и вода – 103 р. 80 к.; гигиена – 17 р. 50 к.; одежда (по октябрьским ценам) – 110 р. 42 к.; культурные потребности – 23 р. Весь прожиточный минимум на семью в 4 человека даёт цифру в 508 р.» [1].*

Теперь посмотрим, как изменилось представление о прожиточном минимуме осенью 1919 года, когда экономическое положение Белой Сибири значительно ухудшилось. Для ответа на это вопрос обратимся к материалу «Правительственного вестника». Главную часть прожиточного минимума составляли пищевые продукты. Количество их рассчитывалось исхо-

для из научных данных «о потребном для жизни количестве белков, жиров и углеводов и проч.». Согласно расчётам оказалось необходимым на одного человека: *мясо, рыба, колбасы* – 18½ ф.; *жиров* – 4 ф.; *овощей* – 20½ ф.; *круп* – 8½ ф.; *муки* – 1 п. 05 ф.; *соли* – 2½ ф.; *чаю* – ¼ ф. Поскольку определение месячной потребности в топливе, воде, обуви, одежде встречало большие затруднения, стоимость всего этого была взята из расчёта 45% прожиточного минимума. Тогда как стоимость пищевых продуктов равнялась 55%. Поскольку наблюдалась высокая инфляция, было решено для определения цен на продукты назначить местные комиссии с представителями профсоюзов рабочих и служащих. Эти комиссии должны были ежемесячно сообщать данные комиссии при министерстве труда, которая и устанавливала прожиточный минимум для каждой местности [6].

Насколько же этот прожиточный минимум соответствовал ценам и зарплатам в Белой Сибири? Цены на продукты, промтовары и услуги в 1918-1919 годах росли постоянно и, прежде всего, на жильё и топливо. Новосибирский историк В.Г. Кокоулин обращает внимание, что с осени 1918 года начался неконтролируемый рост цен, который продолжался весь 1919 год. Пуд муки, стоивший в сентябре 1918 года 10 руб., в середине октября продавался по 15-16 руб., в январе 1919 года – уже по 26–32 руб., в начале февраля – по 40–42 руб., а в начале апреля – 60 руб. Хлеб в булочных также подорожал за несколько дней января с 80 коп. до 1 руб. за фунт, сайки – с 75 до 90 коп. Цены продолжали расти летом и осенью 1919 года. Так, сливочное масло за сентябрь подорожало с 8 руб. 50 коп. до 20 руб. за фунт. Повысились цены и на промышленные товары: простые ботинки, стоившие в середине февраля 100–150 руб., летом продавались по 300–400 руб. [2].

Эти данные свидетельствуют о колоссальном росте цен, который никакие надбавки покрыть не могли. Если же сравнить январь 1919 года с июнем 1918, то нетрудно заметить, что цены выросли по целому ряду товаров в два-три раза и более. И в дальнейшем это рост ускорился ещё больше. И этот рост цен обгонял признаваемый официально рост прожиточного минимума.

Что же касается зарплат, то они росли крайне медленно. Должностные оклады, определённые правительством в ноябре 1918 года не претерпели значительных изменений и к лету 1919. Чиновники IV класса получали 1400 рублей в месяц, V класса – 1100–1400 руб., VI класса – 850 рублей, VII класса – 500–600 руб., VIII класса – 450 руб., IX класса – 400 руб., X класса – 250–300 руб. Большинство чиновников (VIII – X классы) имели низкую зарплату. Впрочем, существовали и «прибавки» к окладу.

Для сравнения посмотрим зарплаты и омских преподавателей в Омской учительской семинарии в июле 1919 года [11]. Ежемесячный оклад директора составлял 900 руб., учителя естествознания и физики – 450 руб., а с наставничеством прибавка составила бы ещё 75 руб., учителя ручного труда – 350 руб., учителя начального училища – 400 руб., врача 160 руб., но это с очень маленькой нагрузкой. Не менее интересна и информация о надбавке в 60 процентов «за дороговизну».

Таким образом, дороговизна жизни серьёзно обесценила заработную плату чиновников и всех других служащих (врачей, учителей), получавших свои оклады из бюджета. И если в ноябре 1918 года чиновники среднего уровня (VI класса и VII класса) ещё могли сводить концы с концами, то к осени 1919 года даже они существовали уже на уровне бедности, поэтому во многом должны были себе отказывать. Правительство пыталось компенсировать дороговизну надбавками к жалованию, но, как часто это бывает и сегодня, они не могли поспеть за ростом цен. Официальный прожиточный минимум заметно отставал от необходимого уровня, что было связано с острым дефицитом денежных средств у правительственных и муниципальных учреждений.

Список литературы

- 1 Из мира труда. Ноябрьский прожиточный минимум // *Правительственный вестник (Омск)*. 1918. № 9. 28 ноября. С. 4.
- 2 Кокоулин В. Г. *Повседневная жизнь Белого Омска // Гражданская война в Сибири. Материалы Всерос. заочн. науч.-практ. конф. Омск, 2013. С. 57.*
- 3 Кокоулин В. Г. *Повседневная жизнь горожан Сибири в военно-революционные годы (июль 1914 – март 1921 гг.)*. Новосибирск : Офсет, 2013. 385 с.
- 4 Педагогический Совет Омской учительской семинарии // *Русь (Омск)*. 1919. № 14. 24 июля. С. 3.
- 5 Прожиточный минимум // *Заря (Омск)*. 1919. № 101. 15 мая. Приложение. С. 1.
- 6 Прожиточный минимум (По данным Министерства труда) // *Наша газета (Омск)*. 1919. № 42. 1 октября. С. 3.
- 7 Прожиточный минимум // *Русь (Омск)*. 1919. № 50. 6 сентября. С. 2.
- 8 Рынков В. М. *Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России (вторая половина 1918 – 1919 гг.)*. Новосибирск, 2008. 440 с.
- 9 Сизов С. Г. *Основные социально-экономические особенности повседневной жизни Белого Омска (июнь 1918 – ноябрь 1919 г.)* // *Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки»*. 2017. № 4 (16). С. 84–91. URL: <http://elibr.omstu.ru/page.php?id=1514261546207075>.
- 10 Сизов С. Г. *Повседневная жизнь горожан и эпидемия тифа в Белом Омске в 1918 – 1919 годах // Четвёртые Ядринцевские чтения : материалы IV Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 100-летию Революции и Гражданской войны в России (Омск, 30-31 октября 2017 г.) / отв. ред. П. П. Вибе. Омск : ОГИК музей, 2017. С. 43–48. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30695912>.*
- 11 Сизов С. Г. *Уголовная преступность в Белом Омске в 1918–1919 гг. (на материалах периодической печати)* // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2017. № 3. С. 79–85. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30462299>.

*А.М. Васильева,
г. Курган*

АРГЕНТОВСКИЕ

Аннотация. В статье рассматривается проблема существования в Кургане семьи Аргентовских, которые оставили заметный след в истории революционных событий и событий гражданской войны в г. Кургане. В советское время было рождено много легенд о судьбе этой семьи. Однако, как это отмечается в настоящем исследовании, они появились в Зауралье еще в начале XIX века.

Ключевые слова: Аргентовские, революция, гражданская война, Курган.

К 40-летию Октябрьской революции на заседании Курганского городского Совета депутатов трудящихся 28 октября 1957 года принимается решение переименовать улицу Быструшкинскую в улицу имени Лавра Васильевича Аргентовского – первого комиссара рабоче-крестьянской милиции. В 1961 году в сквере декабристов установлен бронзовый памятник сестре Лавра – Наташе Аргентовской скульптора А.И. Козырева. Поскольку сведений об этой семье в те годы было очень мало, то многое было придумано журналистами и участниками революционных лет, которые за давностью излагали события приблизительно к действительности. Все сходились во мнении, что рабочая семья Аргентовских прибыла в Курган с Ленских приисков после известных событий.

Но семья священника Аргентовского появилась в Курганском округе уже в начале XIX века. Первый Аргентовский известный нам – Федор Иванович, служил в Петропавловской церкви села Черемуховского с 1820 по 1841 год. В 1837 году ему было 48 лет, жене Анне Афанасьевне – 40, сыновьям: Алексею – 17, Петру – 12 (через год он умрет), Василию – 8, дочерям: Евдокии – 10, Екатерине – 2.

В 1841 году Алексей обучался в Тобольской семинарии, Василий – в Тобольском уездном училище. Федор Иванович в 1842 году решением епархии перемещен в село Чесноковской Покровской церкви, в которой будет служить до конца своих дней.

Старший его сын Алексей Федорович после семинарии не был рукоположен, потому что еще не женился и служил дьячком при той же Покровской церкви, рядом с отцом. Будучи 28 лет он 12 февраля 1850 года обвенчался с 16-летней Сусанной Васильевной Тороповой, дочерью умершего дьячка из села Чернавского Прокопьевской церкви Василия Стефановича Торопова. По церковной службе Алексей Федорович продвинулся только до псаломщика,

псаломщиком же и вышел за штат. У супругов родилось двое сыновей – Василий и Григорий. Оба сына не стали церковнослужителями. Григорий был призван на военную службу, потом женился и уехал в Курган. Работал на железной дороге, в 1917 году входил в Стаечный комитет, ездил с членами комитета по линии для ознакомления служащих с текущими событиями. Сын его Николай закончил курганское городское 4-классное училище, служил телеграфистом тоже на железной дороге, в 1915 году призван на военную службу, возможно, принимал участие в боевых действиях 1-й мировой войны.

Старший сын Василий Федорович в 20 лет был причислен к личному почетному гражданству, зачислен в ратное ополчение и на действительной службе не был. 31 августа 1888 года он обвенчался с крестьянской девушкой, Анной Ефимовной Родионовой, которая тоже жила в селе Чесноковском. Жениху было 27 лет, невесте – 20 лет. В брачном обыске жених был записан как сын псаломщика¹. В семье рождалось много детей, из них несколько умерло в младенчестве. Среди выросших старшим оказался Лавр, будущий комиссар. Он родился 16 августа 1892 года и был крещен в родной Покровской церкви. Восприемниками были местный псаломщик Стефан Иванович Яковлев и родная бабушка Сусанна Васильевна². Наталья родилась 20 августа 1895 года, Харитина – 2 октября 1897 года, Константин – 21 мая 1899 года, Николай – 27 июля 1903 года, Таисья – 19 сентября 1904 года, Иван – 6 сентября 1906 года. Все дети родились в селе Чесноковском и были крещены в Покровской церкви. Старшие дети учились в местной церковно-приходской школе, которая существовала в селе с 1875 года.

В 1903 году Лавр поступает учиться в курганское духовное училище, после окончания которого в 1907 году он принимает послушание в Абалакском Свято-Знаменском монастыре³. Послушничество является испытанием лиц, которые готовятся к монашеству. Послушники входят в состав братии монастыря и получают право носить подрясник. В Абалакском Свято-Знаменском монастыре послушание несли по рыбацкой части, ведь монастырь стоял на берегу Иртыша, в сапожной, столярной, позолотной мастерских, в канцелярии, было клиросное послушание – петь на клиросе. Послушник добровольно или по решению игумена мог отказаться от послушания. Каким образом Лавр отказался от послушания – неизвестно, но через год уже вернулся в Чесноки. В 1913 году Лавр по возрасту должен был быть призван на действительную службу, в

¹ Государственный архив Курганской области (ГАКО), ф. 95, оп. 1, д. 35, л. 52.

² ГАКО, ф. 235, оп. 3, д. 417, л. 28.

³ ГАКО, ф. 95, оп. 1, д. 51, л. 4.

какие войска – неизвестно, но, вероятно, принимал участие в первой мировой войне.

В том же 1913 году семья Василия Аргентовского уезжает из села, возможно, в Сычево Введенской волости, которое указано как место приписки у Василия Алексеевича при его нахождении в тюрьме в 1919 году. В Кургане, где брат Григорий Алексеевич жил уже несколько лет, дата появления семьи Василия Алексеевича неизвестна, но в сентябре 1917 года Николай был принят в 1-й класс Высшего мужского начального училища, и было указано, что его родители живут в Кургане.

Об участии членов семьи Василия Аргентовского в жизни города в 1917 году никаких указаний не сохранилось. В начале 1918 года возвращается со службы Лавр. Курганские журналисты когда-то писали, что был он матросом, брал Зимний, сделался на службе большевиком, но до сих пор не найдено ни одного документа, который бы это подтверждал. В это время семья жила в городе, на Александровской улице (бывшей Запольной и будущей Урицкого), в небольшом флигеле, купленном Ахметом Фатыховым у Осипа Яковлевича Кузьминых 10 января 1918 года.

Первое упоминание Лавра Васильевича как комиссара порядка и охраны города в документах курганских архивов относится к 1918 году. До него эту должность с конца 1917 года занимал Глаздовский, который еще 9 апреля 1918 года в этом качестве подписывал документы. Милицию с 28 декабря 1917 года возглавил прапорщик 34-го запасного полка Федор Демин, которого 1 марта 1918 года сменил Михаил Львович Толчинский. 8 марта им было подписано постановление об аресте и препровождении в тюрьму Константина Аргентовского и Мунамеджана Нигматуллина, совершивших кражу мануфактурного товара из Продовольственной управы¹. Был еще третий участник кражи – Василий Маевский. 3 апреля следственная комиссия при ревтрибунале освобождает Аргентовского «в виду поручительства его брата», через день освобождают Нигматуллина, Маевский остается в тюрьме. Ручательство Лавра Васильевича уже было учтено следственной комиссией².

Лавр Васильевич вступил в должность либо в конце марта, либо в начале апреля 1918 года, он принимал дела у Михаила Толчинского. При Аргентовском не было начальника милиции, вся власть сосредоточилась в руках комиссара и его помощника Алексея Никаноровича Григорьева. Дом милиции был переименован в Комиссариат по охране порядка и даже заказана вывеска «Комиссариат», которую изготовил Кондратий Кузьмич Худяков.

Накануне чешского переворота в Кургане

29 мая состоялось заседание исполкома Совета рабочих депутатов, Совета железнодорожных депутатов, крестьянской секции, продовольственного комитета, на котором обсуждалось создавшееся положение. 31 мая было собрание с участием чехов, более похожее на диспут. Почему-то ни комиссар милиции, ни председатель ревтрибунала не принимали участия в этих собраниях.

На следующий день 1 июня Лавр Васильевич был арестован по распоряжению чехословацкой контрразведки³. В ночь на 2 июня произошел переворот. Аргентовский уже был в тюрьме и в боевых действиях участия не принимал.

Существует акт следующего содержания, составленный Николаем Александровичем Тарасовым: «1918 г. 1 июня. Распоряжением Курганской городской управы от 1 сего июня мне предложено вступить в роль начальника милиции по городу Кургану и уезду, в виду упразднения Комиссариата, образованного при Доме Милиции, почему сего числа я прибыл в Дом Милиции, где приступил к принятию делопроизводства и разного инвентаря, бывшего в распоряжении Комиссариата, ныне перешедшего в распоряжение города, при чем оказалось: комиссаром курганской городской милиции Аргентовским было принято от начальника городской милиции Толчинского следующее имущество...»⁴.

Далее следует перечень инвентаря, в который вошли 5 икон, 2 зеркала, 11 кресел, 14 стульев, 10 шкафов, 11 столов, 2 конторки, 2 пишущих машинки – Ундервуд и Идеал, настенные часы, 3 чернильных прибора, 5 скамеек, 2 шапирографа, 2 стола для хранения регистрационных карточек, вешалка для одежды, никелированный умывальник, канцелярские принадлежности. В акте Тарасов отметил, что у комиссара в денежном сундуке должно быть 2347 руб. 97 коп., в наличии оказалось денег и оправдательных документов на 1771 руб. 34 коп., также не оказалось вещественных доказательств, в том числе золотых предметов – часов, браслета, трех колец, кредитных билетов и менее ценных вещей.

В тюрьме к Лавру Васильевичу было предъявлено несколько исков. Жена петроградского пристава Капиталина Григорьевна Панкова, урожденная Кропанина, приехавшая в Курган к своим родственникам, обратилась 11 июня к коменданту города с просьбой: «Согласно распоряжения Вашего, объявленного для сведения граждан города, заявляю и покорнейше прошу действия в розыске и возвращении принадлежащих лично мне вещей, отобранных 20 мая с.г. ... прибывшим лично бывшим Комиссаром курганской милиции Аргентовским...». Далее идет перечень серебряных и бронзовых предметов⁵.

³ ГАКО, ф. р-852, оп. 1, д. 109, л. 3.

⁴ ГАКО, ф. р-580, оп. 1, д. 9, л. 1.

⁵ ГАКО, ф. р-852, оп. 1, д. 149-а, л. 86.

¹ ГАКО, ф. 253, оп. 1, д. 50, л. 3.

² ГАКО, ф. 253, оп. 1, д. 250, л. 26.

1 июля 1918 года Аргентовский дает свой письменный отзыв начальнику тюрьмы: «...Мною была получена бумага от Исполнительного комитета о производстве обыска в квартире Панковой. При обыске мною было взято: четыре серебряных ложки, письменный прибор в количестве двенадцати частей и стопа бумаги. Все поименованные вещи, т.е. письменный прибор - часть его - сдан в Земельный комитет, а другая часть в Комиссию по борьбе с контрреволюцией, помещавшуюся в доме священника, фамилии не знаю, четыре серебряных ложки были препровождены в штаб Красной Армии, а стопа бумаги осталась в милиции. О дальнейшей судьбе этих вещей мне ничего неизвестно...»¹. Кстати, в связи с этим изъятием мы находим пока первый документ, подписанный Аргентовским: «В Земельный комитет. При сем препровождаем конфискованные письменные принадлежности у петроградского пристава Панкова в количестве 6 предметов, о получении просим представить расписку. Другие принадлежности остаются в пользовании комиссии по борьбе с контрреволюцией. 21 мая 1918 г. Комиссар порядка и охраны города Аргентовский»².

Есть еще два документа от 25 и 28 мая, где подпись Лавра Васильевича заверена в первом случае штемпелем «Комиссар курганской городской, уездной и уголовной милиции», во втором случае – штемпелем «Комиссар порядка и охраны г. Кургана». Аргентовский также входил в Комиссию по борьбе с контрреволюцией. Все вещи Панковой были найдены, кроме ложек. 12 июня 1918 года уездному комиссару Алексееву поступило заявление заведующего курганским продовольственным пунктом: «28 мая с.г. комиссаром охраны и порядка г. Кургана Аргентовским были взяты суммы курганского продовольственного пункта 11400 руб. согласно приказа Исполкома бывшего Совдепа рабочих, крестьянских и военных депутатов, в чем им были выданы две расписки за своей подписью и приложением печати. Прошу о принятии мер к розыску денег и о возврате их продовольственному пункту»³. Была приложена справка, что по книге милиции деньги в сумме 11400 р. на приход не записаны. 17 июня Лавр Васильевич дает письменное объяснение: «Я, нижеподписавшийся, даю настоящий отзыв ...в нижеследующем: упомянутая сумма 11400 р. сдана мною председателю курганского Совдепа Зайцеву под расписку, каковая на руках у меня не имеется, наверное, утеряна. В чем и подписуюсь. Лавр Аргентовский.»⁴. Евгений Зайцев, который сидел в той же тюрьме, подтвердил получение денег и пояснил, что всю сумму сдал в кассу Совета 29 или 30 мая. В эти

дни Совдеп спешно пополнял свою кассу, которую собирался вывести из Кургана в случае поражения от чехов.

24 июня 1918 года был арестован Костя Аргентовский, с пометкой «при советской власти должности не занимал». Виделся ли он с братом в тюрьме – неизвестно. В своем донесении в штаб чехословацкого корпуса уездный комиссар Матвей Васильевич Алексеев сообщал, что «в Кургане появилась вновь активная группа большевиков-коммунистов, которая от имени этой группы производила: 1. тайные собрания большевиков; 2. сборы денег в пользу заключенных в тюрьму большевиков и их семейств; 3. выпускала и распространяла ...прокламации; 4. угрожала убийством видных чешских военных деятелей...5. всемерно стремилась к освобождению из тюрьмы заключенных видных большевиков путем подкупа тюремной стражи и организации побега»⁵. Вероятно, Костя принимал участие в этих действиях. В том же донесении Алексеев писал, что главари советской власти вели себя в тюрьме грубо и вызывающе, заявляли, что советская власть восторжествует. После покушения в ночь на 15 сентября на поручика Грабчика, бывшего командира 1 Курганского Добровольческого отряда, комендант города Губ наутро, т. е. 15 сентября, распорядился немедленно расстрелять 10 большевистских главарей, среди которых был и Лавр Аргентовский.

Расстрел комиссаров чехи рассматривали как акт устрашения для подпольщиков. Контрразведка особенно следила за членами семей расстрелянных. 30 октября 1918 года начальником чехословацкой контрразведки прапорщиком Рихтером были арестованы Наталья Аргентовская и Эмилия Грунт и отправлены в тюрьму для заключения в отдельную камеру. Обе они 3 января 1919 года были освобождены, но 10 марта Наталья была опять арестована уже вместе с отцом Василием Алексеевичем. Возможно, арест в марте был связан с Костей. В ночь на 21 сентября 1918 года партия заключенных была отправлена из Кургана в Тобольск, но в силу обстоятельств оказалась в омском концлагере. В этой партии был и Костя. В феврале он и Кузьма Авдеев бежали, добрались до Кургана, где Костя установил связь с милиционером Алексеем Митрохиным, который был его соседом и товарищем по уличным играм в селе Чесноковском. Митрохин успел предупредить Аргентовского, что на их след напали, и Костя с Авдеевым успели уйти из города. Были арестованы Василий Алексеевич и Наташа 10 марта, Митрохин был арестован 12 марта контрразведкой при штабе Курганского военного округа «за сокрытие бежавших из омской тюрьмы большевистских деятелей Аргентовского и Авдеева»⁶.

15 марта от начальника контрразведки

¹ ГАКО, ф. р-852, оп. 1, д. 149-а, л. 86.

² ГАКО, ф. р-852, оп. 1, д. 149-а, л. 81.

³ ГАКО, ф. р-852, оп. 1, д. 58, л. 55.

⁴ ГАКО, ф. р-852, оп. 1, д. 58, л. 56.

⁵ ГАКО. Ф. р-852, оп. 1, д. 156, л. 13.

⁶ ГАКО, ф. р-852, оп. 1, д. 159, л. 200.

начальнику тюрьмы поступает бумага: «Прошу освободить из-под стражи заключенного В.А. Аргентовского, если он не содержится по какому-нибудь другому делу»¹. Василия Алексеевича освобождают, он уезжает в село Сычево, возможно, с целью скрыться, где его снова арестовывает военная контрразведка 21 июля 1919 года. Наталья была оставлена в тюрьме, и 31 марта ее дело было переквалифицировано из политического в уголовное. Через какое-то время ее освободили, но она опять была арестована 11 июля и заключена в тюрьму. Женское отделение помещалось в столярной мастерской тюрьмы, имело три камеры на 20 мест. При эвакуации заключенных в августе 1919 года Наталья была оставлена в тюрьме как больная.

Тем временем Костя и Кузьма добрались до Чесноковского, где и остановились у Митрохиных. Там и были настигнуты. Начальник курганской милиции Адам Адамович Кибо 2 апреля 1919 года доносит уездному комиссару Алексеву: «20 марта 1919 г. в с. Чесноковском, той же волости, задержаны бежавшие из Омской тюрьмы активные деятели в поддержке большевистской власти Константин Аргентовский и Кузьма Авдеев. При задержанных найдены подлинные документы: годовой паспорт, выданный Утятским волостным правлением и временный вид сроком на 6 месяцев, удостоверения на имя солдата авиационного парка Кононова, кроме того, найдена записка следующего содержания: начальник милиции Кибо, секретарь Воробьев, делопроизводителя не нужно, т.к. у нас подписывают только секретарь и начальник. Задержанные сознались, что документы они подделали сами, печатями и бланками запаслись еще при большевистской власти. Дальнейшую работу по этому делу производить нельзя вследствие того, что контрразведка забрала арестованных и материалы о них к себе»².

После этого ареста по документам курганского архива проследить дальнейшую судьбу Кости Аргентовского невозможно. Вероятно, в августе 1919 года он вместе с отцом и Авдеевым и с партией заключенных был отправлен либо в Александровский централ, либо в Никольск-Уссурийск. Авдеев вспоминает, что это был Никольск-Уссурийск, откуда он вернулся. Отец и сын Аргентовские не вернулись.

После установления советской власти при Анне Ефимовне Аргентовской остались Николай, переведенный в третий класс Высшего начального мужского училища, Иван, принятый в 1919 году в первый класс того же училища, и дочь Таисия. Сведениями о Харитине не располагаем.

В марте 1923 года Анна Ефимовна Аргентовская, Анна Федоровна Губанова и Дарья Матвеевна Зырянова каждая в отдельности обраща-

ются с заявлением в окружной комитет партии, у всех текст заявления одинаковый и написан рукой Николая Аргентовского и им же подписан «за неграмотную Аргентовский». Текст следующий: «Настоящим прошу не отказать мне в оказании помощи как матери погибшего сына во время черной реакции чехословаков. В настоящее время утратив трудоспособность я не имею средств к существованию, а посему прошу не отказать в моей просьбе»³.

Каждой из просительниц выделили единовременное пособие в размере 20 рублей. В сентябре 1923 года эти три женщины обращаются уже в Центральный комитет партии. Анна Ефимовна пишет (почерк Николая): «В 1918 г. мой сын Аргентовский служил комиссаром милиции и во время службы появились чехи и после горячего боя за рекой Тоболом моего сына Лавра Аргентовского и Константина Аргентовского забрали и засадили в тюрьму. И просидя таким путем мои сыновья три месяца, то Лавра Аргентовского вывели из тюрьмы совместно с девяти товарищей и зверски убили, а Константина Аргентовского отправили в Омск. После всех этих событий арестовывают моего мужа Василия Аргентовского и мою дочь Наталью Аргентовскую. И вскоре моего мужа отправляют в Сибирь, где он дорогой от истязания злодеев умирает, а моя дочь Наталья Аргентовская осталась в курганской тюрьме. Когда стали подходить Красные войска, то мою дочь Наталью в тюремных стенах зверски замучили и она не дождавшись товарищей умерла. А я как старая, осталась с малолетними детьми в количестве трех человек и до сих пор мы как осиротевшее семейство влачим жизнь в страшной нужде и не имеем даже иногда куска хлеба и никто из товарищей не входит в наше положение и даже иногда терпим притеснение. А за что, за то, что мои два сына и дочь и муж погибли как честные борцы за свободу, добиваясь жизни трудовому пролетариату и теперь как видно, что ихняя идея осуществилась и над ихним прахом загорелась звезда правды и свободы. Но я только с семейством осталась забытая, несмотря на то, что на памятнике красуется имя моего сына и дочери. То поэтому я еще осмеливаюсь обратиться с искренним призывом к вам, товарищи, я прошу не оставьте мое осиротевшее семейство без внимания, дайте какую-либо помощь во имя моего погибшего сына и дочери Аргентовских и при том прошу вас, товарищ председатель, не оставьте нашей просьбы, помогите нам в материальном положении»⁴.

К заявлению была приложена справка квартального старосты о том, что Аргентовская бедного состояния, не имеет ни дома, ни коровы,

¹ ГАКО, ф. 253, оп. 1, д. 52, л. 42.

² ГАКО, ф. p-852, оп. 1, д. 274-а, л. 57.

³ Государственный архив общественно-политической документации Курганской области (ГАОПДКО), ф. 1, оп. 1, д. 201, л. 82.

⁴ ГАОПДКО, ф. 1, оп. 1, д. 201, л. 151.

ничего совершенно и спекуляцией не занимается¹. После этого Аргентовским дали квартиру на углу улиц К. Маркса и Пролетарской. Квартира требовала ремонта, Анна Ефимовна обращается за помощью в горсовет, откуда в горкомхоз поступает распоряжение «для принятия соответствующих мер к удовлетворению гражданки Аргентовской, приняв во внимание, что она находится под опекой партии»².

27 сентября просьба женщин была отослана курганским женотделом в ЦК, оттуда потребовали дополнительные материалы и справки. Аргентовская снова пишет: «Прошу Вас, товарищи, не найдете ли возможным выдать мне пособие за моего сына и за дочь. Так мой сын Лаврентий Васильевич при первой советской власти в 1917 г. был начальником курганской гормилиции до пришествия чехословаков, т.е. до 1918 г. По пришествии чехословаков в 1918 г. 22 мая был арестован и посажен в курганскую тюрьму, а 1918 г. 15 сентября расстрелян чехословаками. Дочь моя Наталья Васильевна служила при первой советской власти, т.е. с 1917 и до 1918 г., а в 1919 г. при отступлении Колчака она была замучена колчаковскими офицерами при курганской тюрьме. Прошу не отказать в моей просьбе, т.к. в настоящее время нахожусь в крайне критическом положении, поддержки никакой нет и сама работать не могу в виду преклонности моих лет. Сейчас получаю только по старости 1 рубль золотой (160р.), что конечно не хватает»³.

Подобные заявления написали Анна Федоровна Губанова и Дарья Матвеевна Зырянова, окружной комитет дважды отправлял их в ЦК РКП(б). Наконец, Управление делами ЦК РКП(б) присылает ответ от 12 ноября 1923 года: «В Курганский уездный РКП(б). Возвращая при сем обратно материалы по делу граждан Губановой, Аргентовской и Зыряновой ЦК РКП(б) сообщает, что последним не может быть назначена персональная пенсия за отсутствием особых заслуг перед революцией, согласно существующих положений, утвержденных СНК»⁴.

В ноябре 1923 года проходили выборы в курганский Горсовет, в результате которых 28-летний телеграфист с железной дороги Николай Григорьевич Аргентовский вошел в коммунальную секцию горсовета, а 18-летний комсомолец, ученик токаря Николай Васильевич Аргентовский от союза металлистов зачислен кандидатом в секцию по народному образованию. Анна Ефимовна продолжает обращаться в горсовет с просьбами. Так, Президиум горсовета 31 марта 1925 года по ее заявлению выносит решение: «Принимая во внимание, что гражданка Арген-

товская, как пострадавшая от контрреволюции, предложить комхозу за занимаемую квартиру гражданкой Аргентовской по существующей квартирной норме платы не взимать»⁵. Дальнейшую судьбу семейства Аргентовских по материалам курганских архивов проследить пока не удалось. Возможно, Николай уехал учиться или был призван в армию. Известно, что Анна Ефимовна, по словам дочери Таисии, скончалась в 1932 году. Таисия после этого уехала в Челябинск.

УДК 94(47).084.3

*А.А. Бушueva,
г. Курган*

ТАНАТОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ЦЕРКОВНОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ЛЕТ (НА МАТЕРИАЛАХ «ТОБОЛЬСКИХ ЕПАРХИАЛЬНЫХ ВЕДОМОСТЕЙ» 1917–1919 ГОДОВ)

Аннотация. В статье исследованы танатологические мотивы церковной публицистики 1917–1919 годов: смерть солдатская, смерть мученическая (ее религиозное обоснование и мифологизация), смерть-наказание, влияние политических и социальных контекстов на отношение к смерти (убийству), персонификация смерти, связь физической смерти и бессмертия души, смерть «высокая» и «низкая» и др.

Ключевые слова: танатология, смерть, церковная публицистика, «Тобольские епархиальные ведомости», русская православная церковь, революция, мученичество.

До сих пор в отечественной историографии проблема восприятия смерти крайне редко становилась отдельным предметом исследования. Данная работа призвана частично заполнить эту лауну, осветив танатологические образы и мотивы, отраженные в церковной публицистике журнала «Тобольские епархиальные ведомости» (далее – ТЕВ) 1917–1919 годов.

В 1917 году проблематика смерти появлялась на страницах журнала значительно реже, чем в 1918–1919 годах, и была связана главным образом с призывами к солдатам проявить больше воинского энтузиазма и жертвенности на полях Первой мировой. Уже в образе погибающих солдат отчетливо заметен мотив мученичества, ставший в последующие годы центральным. В ряде статей война преподносилась как столкновение религиозных идей (российского православия и германского баптизма [18, с. 459]), и

¹ ГАОПДКО, ф. 1, оп. 1, д. 201, л. 95.

² ГАКО, ф. р-712, оп. 1, д. 99, л. 75.

³ ГАОПДКО, ф. 1, оп. 1, д. 201, л. 1.

⁴ ГАОПДКО, ф. 1, оп. 1, д. 201, л. 91.

⁵ ГАКО, ф. р-465, оп. 1, д. 5, л. 31.

в контексте религиозной битвы солдаты уподоблялись христианским мученикам, а переживаемое Россией – ее «кресту» [23, с. 527-528]. Н.Н. Бессонова отметила, что «темы войны и христианства объединялись и создавали репрезентацию воина, готового на самопожертвование ради выполнения Божьего промысла» [2, с. 6]. Публицисты убеждали солдат умирать ради победы, противопоставляя страху перед смертью крепкую веру (и отсутствие внутренних колебаний перед лицом своей и чужой смерти): «А с кем Христос, тому ничто не страшно» [11, с. 423], «христоролюбивое воинство» «бесстрашно» в битве за «веру православную и за святую Русь!» [28, с. 490]. Православный Всероссийский Собор прямо приказывал: «молодые, здоровые и сильные, жертвуйте вашей жизнью» [17, с. 499], вдохновляйтесь образом Христа и безропотно умирайте на поле боя [23, с. 526].

В сентябрьском номере 1918 года опубликована статья, где автор в патриотическо-романтическом ключе интерпретировал опыт погибших российских солдат и выразил собственное видение идеального солдата, которому «не жаль... жизни» ради «мощи, свободы и чести» [12, с. 384] России. Невозможно однозначно определить содержание этих понятий, но, вероятно, подразумевались власть и военная сила («мощь»), неподчинение любому внешнеполитическому давлению («свобода») и позитивный имидж («честь») государства, умирать за которые публицист считал необходимым и достойным. Для усиления эмоционального воздействия он использовал символику отношений матери и сына: Россия – мать, солдат – сын, обязанный защищать родину. Таким образом автор побуждал современников «жить для православной России, а если надо, то и умереть за нее» [12, с. 385].

Несмотря на то, что ТЕВ не вела активную пропаганду положительного образа «белых», отправка из Тобольска отряда для «ликвидации» красногвардейцев стала поводом для очередного обоснования солдатской смерти. С точки зрения тобольского семинариста И. Силина, убийство «красных», желающих «вторично распять Христа» [26, с. 315], не является грехом: «убивая одного, вы спасаете многих, и умирая за многих, «полагаете душу свою за други своя», чем выполняете завет Христа» [26, с. 316]. Заметим, что слово «ликвидация» в значении «гибель людей» явственно показывает отношение Силина к «красным». В зависимости от принадлежности к той или иной враждующей стороне трансформируется и образ орудия убийства: «белые» в Сибири гордо несут «меч российского богатыря», в то время как красноармейцы вооружены «предательски заточенным ножом изменника-разбойника» [16, с. 199]. Соответственно, и сам акт отнятия чужой жизни в контексте гражданской войны получает оценку в зависимости от того, на

чьей стороне убийца-солдат: если «белые» – защитники «всего прекрасного, святого и доброго» [26, с. 315], то «красные» – «звери», «изверги» и т. п.

Описанию «зверских» поступков большевиков (прежде всего в отношении духовенства) посвящено немало статей 1918-1919 годов: например, протоиерея М. Громова, вместе с другими семнадцатью жертвами, заставили рыть себе могилу, на краю которой и зарубили шашкой [10, с. 325]; протоиерею В. Победоносцеву «отсекли голову» [13, с. 249], священника А. Сидорова «злодеи подняли на штыки, а затем набили в рот ему глины и земли» [13, с. 250]. В Перми в 1918 году, по сведениям авторов, красный комиссар изнасиловал четырнадцать девочек и сбросил их в колодезь [8, с. 38], а местных священнослужителей большевики живыми закапывали в землю, сдирали кожу, «надрубали руки», топили в реках, примораживали ко льду, «наслаждаясь муками» [30, с. 155]. Полнота и достоверность такого рода сведений в некоторых случаях выглядит сомнительной: редакция ТЕВ часто ссылалась на свидетельства «очевидцев» и «слухи» с территорий, какое-то время находившихся под контролем «красных»: вероятно, определенные «слухи» могли быть преувеличены или даже выдуманы с целью создания эмоционально окрашенного «звероподобного» образа врага. Однако в целом эпизоды расправы со священнослужителями следует считать подлинным явлением того времени.

Таким образом, большевики в ТЕВ были описаны как носители идеи разрушения и смерти: они убивали духовенство, мирян и народную религиозность, уничтожали интеллигенцию, в том числе ее детей [20, с. 99] (в этом видели символ уничтожения культуры и будущего России). Они представляли в виде кровожадных мучителей, требующих «крови, крови!» [15, с. 204].

Гибель священнослужителей и антицерковная идеология большевиков возродили в умах церковных мыслителей идею мученичества за веру. Уже весной 1918 года Священный собор Православной Российской Церкви призывал «лучше кровь свою пролить и удостоиться венца мученического, чем допустить веру православную врагам на поругание» [4, с. 129], а Тобольское Свято-Иоанно-Дмитриевское Братство (издатель ТЕВ) требовало уподобиться первым христианам в их готовности страдать за Христа [5, с. 138].

«Идеальным образцом» мученической кончины публицисты считали смерть епископа Тобольского и Сибирского Гермогена, арестованного и убитого советскими властями в апреле 1918 года. Его гибель часто трактовали как предначертанную свыше искупительную жертву за грехи народа, сравнимую с жертвой Христа. Так, Е. И. считал, что эта смерть predetermined

Богом «ради вразумления и покаяния живущих» [7, с. 255]. По мнению С. И. Ф., Гермоген сознательно пожертвовал собой ради любви к церкви и русскому народу, защищая «истину», «канонический церковный строй» и «независимость церкви от угнетения ее воинствовавшим большевизмом» [21, с. 257]. Трагический финал жизненного пути епископа выглядит в публикациях закономерным: задолго до революции Гермоген уже «забыл свою личную жизнь» [21, с. 259] и пренебрегал земными богатствами и радостями, отдавая себя служению пастве и церкви. Этот опыт возвышения над земным воспринимался как необходимая подготовка к мученическому концу.

Элементом процесса мифологизации смерти епископа можно считать описание его трупа, пальцы правой руки которого сложены «для Святительского благословения» [27, с. 356]: эта картина была призвана подчеркнуть отрешенность мученика от физических страданий, полное спокойствие в момент гибели.

Мученическая кончина приобретала ореол сакральности, становилась предметом организованного поклонения: в Тобольске был учрежден денежный фонд для устройства «епархиального дома имени еп. Гермогена», организован сбор вещей умершего для централизованного хранения этих «священных реликвий» [6, с. 252].

Еще одним примером мученичества за веру стал Феодор Распопов, священник Слободо-Туринской церкви Туринского уезда. В одной из посвященных ему публикаций отмечено, что он был расстрелян большевиками «за неподчинение по долгу совести и службы их требованиям» [32, с. 143] – иначе говоря, поставил верность религиозным принципам выше страха смерти. Как уточнил Г. Тутолмин, Распопова арестовали за отказ обвенчать крестьянина, разведенного по «большевистскому декрету», с новой женой [33, с. 337]. Акт смерти священника мифологизировался, обрастал слухами и преданиями: по словам неких очевидцев, Распопова смогли убить лишь седьмой пулей и только сорвав крест (в данном случае крест – символ чудесной божественной защиты, призванный воодушевить других представителей духовного сословия). Перед роковым выстрелом Распопову предложили выкупить свою жизнь, однако он гордо отказался: «Телом я не торгую, а над душой моей вы не имеете власти» [15, с. 204]. Неизвестно, насколько достоверна эта информация; вероятно, мы читаем не столько отчет очевидцев, сколько «предание» о смерти мученика, вписанное в каноны жанра.

Следует отметить повторяемость мотива искушения большевиками своих жертв возможностью сохранить жизнь в обмен на отречение от веры. В частности, неким Верхотурским монахам большевики предложили «отречься от

Христа и получить жизнь, или же быть со Христом, и получить смерть» – и, конечно, монахи «не задумываясь» выбрали последнее [31, с. 209]. Скорее всего, за этим стояло желание провести параллель с гонениями на первых христиан в Римской империи, когда римские власти тоже давали выбор между следованием вере и жизнью. В то же время таким образом служители церкви от пассивных жертв возвышались до уровня духовных героев: создавалась иллюзия добровольной смерти.

Х. Соболеву принадлежит статья-апология мученичества. По его словам, идея «священной крови» [29, с. 265] изначально заложена в фундаменте христианской религии. В судьбах первых христиан любовь к Богу шла рука об руку со смертью, и чем сильнее была любовь, тем незначительнее и даже «радостнее» казалась смерть. Подобным же образом смерть священника в 1918-1919 годах понималась как акт любви – к Богу, церкви и народу.

Другой публицист нашел истоки концепции мученичества в ветхозаветных текстах, где Бог требовал «за грехи человеческие» жертвовать ему животных [14, с. 273]: здесь смерть жертвы преподносилась как способ умиловать Бога и отвести его гнев от остальной части народа; подобной жертвой стал и сам Христос. По мнению этого автора, Бог целенаправленно «избрал себе агнцами» [14, с. 274] священнослужителей, павших от рук большевиков: их кровь умилирует Бога и спасет Россию. В этом же духе рассуждал В. Хлынев: если бы не умер Гермоген, «потребовались бы другие, может быть, более многочисленные жертвы» [27, с. 354]; Гермоген явился необходимой «предуготовляемой жертвой» [27, с. 359].

Речь шла и о награде за подобную участь: как предполагалось, Гермоген за свои муки удостоился «вечного блаженства и великой награды на небесах», из «раба» Бога возвысился до его «друга» [27, с. 351, 362].

Отметим еще один распространенный танатологический мотив: смерть как наказание за оскорбление Бога и за публичные атеистические выступления. Подобные малодостоверные истории можно считать разновидностью жанра «рассказ о чудесах»: их функция – внушить страх перед Богом и веру в его власть над жизнью, проявляющуюся в смерти-наказании. Например, когда некий большевик, стоя на церковной паперти, объявил Бога корыстной выдумкой «попов», его убила упавшая сверху икона [9, с. 463-464]. В другом случае некий солдат «богоульствовал» в поезде, после чего его словно «воздухом подкинуло» из вагона и оторвало обе ноги и руку [19, с. 281].

В комплексе политических взглядов священнослужителей танатологические мотивы также играли значимую роль: революция ассоциирова-

лась с «трупным запахом разложения и ароматом смерти» [1, с. 381] и сравнивалась с могилкой, «снаружи выкрашенной, но внутри которой царит смерть» [1, с. 382]. В иных случаях понятие «Россия» («родина») наделялось антропоморфными чертами, и публицисты писали о ее гибели «в позоре, голоде и цепях» [27, с. 359], об убийстве «Святой Руси» толпой, «пожравшей собственную родину» [22, с. 225].

В целом смерть не приравнивалась к концу бытия человека: тело конечно, но душа – бессмертна. С точки зрения И. Силина, физическая смерть в образе «трупов, плавающих в чанах клиник» [25, с. 53], – это отвратительное свидетельство ничтожности плоти, ничто по сравнению с «живой, бессмертной, святой душой» [там же]. В мировоззрении протоиерея В. Флоренсова телесная смерть – лишь «перемена ветшающих форм» на «новые и совершеннейшие» [34, с. 271]; «из гробовой скорлупы» однажды родится «вечная жизнь» [34, с. 272]. Как и большинству авторов, Флоренсову присуще пренебрежительное отношение к телесному существованию, земному отрезку бытия души: он назвал смерть благом и «светом истины» [34, с. 273], поскольку без ощущения ее близости и внезапности человек обрастает «плесенью мещанства» [там же], начинает ценить «нажитое добро» и «комфорт», превращая мир в «духовное кладбище» [там же]. В его концепции даже война как процесс замены мещанской плесени «рыцарской доблестью» [там же] превратилась в позитивное событие.

Смерть в сознании И. Силина персонифицирована: «страшная, холодная идет она с острой косой, и скашивает, безжалостно скашивает былинки восторжествовавшей при Воскресении Богочеловека жизни» [24, с. 113]. Тем не менее, невзирая на могущество смерти, в рамках христианской эсхатологии предполагалось, что ее власть однажды уступит воле Бога. Персонификация смерти, наделение ее антропоморфными признаками, в том числе собственной волей и чувствами, – характерная черта представлений о ней православного духовенства конца XIX – начала XX века: смерть «похищает» жизни, «выхватывает» добычу, испытывает «страсть» и ощущает вечную «несытость» [3, с. 241].

В статьях Силина мы встречаем и образец «низкой» смерти (не соответствующей идеалу умирания христианина): это смерть самоубийц, начавших с «юношеского разврата» и атеизма и закончивших «цианистым калием» [24, с. 118]. Это осознанная и добровольная смерть, подобная в данном аспекте смерти мучеников, однако – важное отличие – она не несет в себе религиозного смысла, не предполагает покаяния за грехи; это акт вызова Богу, а не смирения перед его волей.

Немаловажным аспектом проблемы явля-

ется то, что «смерть смерти рознь»: смерть в церковной публицистике получала различные оценки, в зависимости от личности умершего, обстоятельств гибели, наличия или отсутствия в религиозной традиции сопоставимых примеров. Смерть-наказание и смерть-самоубийство в религиозном контексте представляли собой примеры «смерти, которая унижает», в то время как смерть-мученичество, наоборот, «возвышала» умершего. Смерть праведника расценивалась как религиозная драма, приближающая его к Богу, а смерть грешника-богоборца (большевика, самоубийцы) – как закономерный неприглядный итог его нераскаянной жизни.

Столь же неоднозначное отношение проявлялось к акту убийства: русский солдат, убивающий из чувства «солдатского долга» на полях Первой мировой, и участник «белого» движения, «ликвидирующий» красногвардейцев, полностью освобождались от бремени вины, получали своего рода лицензию на убийство во имя высшей цели – торжества православной России. Убийство из страшного греха могло трансформироваться в духовный подвиг, в путь коллективного спасения [26, с. 316]. Интересно, что в рассказах о смерти-наказании богохульников акт убийства осуществляется, по сути, самим Богом; такое наглядное свидетельство божественной власти укрепляло веру (почтительный страх?) людей (в частности, икона, проломившая большевику череп, стала объектом особого почитания и паломничества прихожан [9, с. 463-464]).

Смерть чужая ощущалась менее близкой и значимой, чем своя: об этом свидетельствует сосредоточенность авторов на эпизодах гибели священнослужителей и редкость упоминаний о гибели прочего населения; также на страницах ТЕВ намного чаще отражалась смерть мужчин, чем женщин (и все примеры «героической» смерти на фоне революции касались только мужчин). Следовательно, на отношение к смерти напрямую влияла социальная (соотнесенность с группой служителей церкви) и гендерная идентичность.

Чужая смерть (вражеская) могла быть ожидаемой и одобряемой, однако своя собственная кончина тоже нередко представляла в виде желанного исхода: она открывала перспективу религиозного подвига, сулила лучшую загробную участь в качестве награды. Близость смерти могла пробудить духовную «доблесть» и подтолкнуть на путь к «истине» [34, с. 273].

Церковная публицистика 1917-1919 годов богата танатологическими образами и мотивами: причины их распространенности следует искать в социально-политическом контексте того времени. Основными танатологическими мотивами оказались следующие: солдатская смерть; мученическая смерть; связь греха, божественного гнева, кровавой жертвы и искупления;

смерть как наказание за богохульство; влияние гендерной и социальной идентичности на танатологические представления; телесная смерть и смерть духовная; персонификация смерти; смерть «высокая» и «низкая» и др. Эта проблематика требует дальнейшего изучения, выработки особых методологических подходов.

Сокращения: ТЕВ – Тобольские епархиальные ведомости

Список литературы

- 1 Банкротство и его причины // ТЕВ. 1918. № 21-22. Отдел неофиц. С. 380–383.
- 2 Бессонова Н. Н. Русский солдат и его противник в «Тобольских епархиальных ведомостях» (1914 – 1918 гг.) // Коммуникативная культура современности : сб. мат. VI международ. научно-практ. конф. Новосибирск : ИГЦ НГУ, 2016. С. 5–7.
- 3 Бушуева А. А. Некролог как источник для воссоздания образа смерти в православном миропонимании (на материалах «Тобольских епархиальных ведомостей» конца XIX – начала XX в.) // Документ. Архив. История. Современность : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 241–244.
- 4 Воззвание Священного Собора Православной Российской Церкви // ТЕВ. 1918. № 9-10. Отдел офиц. С. 127–129.
- 5 Воззвание Тобольского Свято-Иоанно-Дмитриевского Братства к верным чадам Святой Православной Церкви Тобольской епархии // ТЕВ. 1918. № 9-10. Отдел офиц. С. 136–139.
- 6 Гермогеновский фонд // ТЕВ. 1918. № 26-27-28. Отдел неофиц. С. 252.
- 7 Е. И. Свершилось!.. Оправдалось!.. // ТЕВ. 1918. № 18-19-20. Отдел неофиц. С. 255-256.
- 8 Из Перми // ТЕВ. 1919. № 1-2. Отдел неофиц. С. 38.
- 9 Ильигорский И. Наказание смертью за богохульство // ТЕВ. 1917. № 32. Отдел неофиц. С. 463-464.
- 10 Казнь священника // ТЕВ. 1918. № 18-19-20. Отдел неофиц. С. 325.
- 11 Кондратьев Е. «Господи, спаси нас: погибаем» // ТЕВ. 1917. № 30. Отдел неофиц. С. 422-423.
- 12 Кровавые заветы братских могил // ТЕВ. 1918. № 21-22. Отдел неофиц. С. 383–385.
- 13 Молитва епископа на могилах мучеников за веру и церковь // ТЕВ. 1918. № 26-27-28. Отдел неофиц. С. 249-250.
- 14 Молитва за мучеников // ТЕВ. 1918. № 18-19-20. Отдел неофиц. С. 271–274.
- 15 Молчанов П. Жертва безумной злобы // ТЕВ. 1918. № 23-24-25. Отдел неофиц. С. 204-205.
- 16 Наши цели // ТЕВ. 1919. № 12-13. Отдел неофиц. С. 199.
- 17 Послание св. Православного Всероссийского Собора // ТЕВ. 1917. № 37. Отдел офиц. С. 497–499.
- 18 Православный Пастырско-приходский союз в г. Саратове // ТЕВ. 1917. № 31. Отдел неофиц. С. 457–459.
- 19 Просто ли совпадения? // ТЕВ. 1918. № 29-30-31. Отдел неофиц. С. 281.
- 20 Протест против уничтожения русской культуры // ТЕВ. 1919. № 6. Отдел неофиц. С. 99-100.
- 21 С. И. Ф. Священномученик Гермоген, епископ Тобольский и Сибирский // ТЕВ. 1918. № 18-19-20. Отдел неофиц. С. 256–265.
- 22 Святая Русь // ТЕВ. 1918. № 16-17. Отдел неофиц. С. 224-225.
- 23 Священный Собор Православной Российской Церкви всероссийским христоролюбивым воинству и флоту // ТЕВ. 1917. № 40. Отдел офиц. С. 525–529.
- 24 Силин И. Воскресение Иисуса Христа и значение этого события в деле искупления // ТЕВ. 1918. № 9-10. Отдел неофиц. С. 109–118.
- 25 Силин Иван. Памяти священномученика Гермогена, Епископа Тобольского и Сибирского // ТЕВ. 1919. № 3-4. Отдел неофиц. С. 52-53.
- 26 Силин И. С Богом! // ТЕВ. 1918. № 32-33. Отдел неофиц. С. 315-316.
- 27 Смирнов Д., Хлынев В., Степанов М., Пономаренко К., Фокин И., Иринарх. Речи при гробе Архипастыря-мученика, Преосвященнейшего Гермогена, епископа Тобольского и Сибирского // ТЕВ. 1918. № 21-22. Отдел неофиц. С. 350–370.
- 28 Соболев В. Сл. Покровская, Тюменского уезда // ТЕВ. 1917. № 33. Отдел неофиц. С. 488–490.
- 29 Соболев Х. Крестный путь // ТЕВ. 1918. № 18-19-20. Отдел неофиц. С. 265–271.
- 30 Страдания Пермской церкви // ТЕВ. 1919. № 10. Отдел неофиц. С. 155.
- 31 Страдания церкви // ТЕВ. 1919. № 14. Отдел неофиц. С. 209-210.
- 32 ТЕВ. 1918. № 18-19-20. Отдел офиц. С. 143.
- 33 Тутолмин Г. О. Распопов Ф. // ТЕВ. 1918. № 18-19-20. Отдел неофиц. С. 337–339.
- 34 Флоренсов В. Премудрость Божия в прославлении Святителя Софрония, 3-го Епископа Иркутского и Чудотворца // ТЕВ. 1918. № 29-30-31. Отдел неофиц. С. 271–273.

УДК 9.93

П.В. Белоус,
г. Нефтеюганск

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И ПЕРВЫЕ ДЕКРЕТЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (НА МАТЕРИАЛАХ ТОБОЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ)

Аннотация. Выход на политическую арену большевиков в конце 1917 года ознаменовал принципиально новый этап во взаимоотношениях Церкви и государства. Государственная система была ориентирована на подавление активных форм церковной жизни и стремление к достижению постоянного влияния на высших иерархов с целью принуждения их к выгодному для себя образу действий. Достижению целей новой власти служили декреты, а также «подзаконные инструкции». В статье исследуются первые декреты Советской власти и отношение к ним высшего и рядового духовенства Русской Православной Церкви.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, большевики, декреты, Поместный Собор, революция, Октябрьский переворот.

В имперский период Русская Церковь, как известно, находилась под плотной опекой царской власти и ее уполномоченного – обер-прокурора. При Временном правительстве российское духовенство имело гораздо больше возможностей, нежели ранее, спешно пользовалась полученными свободами и, проведя ряд реформ, начало активную подготовку к Поместному Со-

бору. Но приход к власти большевиков в ходе Октябрьских событий положил начало периоду, принципиально отличному от всего, что знала ранее история Русской Православной Церкви.

В первые послереволюционные годы складывались основные принципы и методы взаимоотношений Церкви и советской власти. Со стороны первой постепенно выработывалась система *modus vivendi*, направленная на сохранение Церкви в условиях ужесточающихся репрессий [13, с. 121]. Например, если Тобольский епископ Гермоген (Долганов) вступал в активную конфронтацию с властями (1917-1918 годы), то последующие архиереи – епископ Иринарх (Синеоков-Андреевский, 1919–1922 годы) и архиепископ Николай (Покровский, 1923 год) проводили существенно более компромиссную политику, впрочем, в значительной степени обусловленную необходимостью сохранения Русской Церкви в условиях нарастающего террора.

Причины враждебного отношения к религии со стороны левой партии, по мнению одного из исследователей, заключались в общем враждебном к религии духовном и интеллектуальном климате в Европе; поверхностном, антирелигиозном марксизме; и почти полуторавековом опыте борьбы европейской буржуазии с религией, воспринимавшейся как препятствие на пути прогресса [21, с. 53–57]. Согласно другому варианту, политика СНК базировалась на двух предпосылках: мировоззренческой несовместимости марксистской идеологии с христианской верой и представлении о Церкви как союзнике царизма (после Февраля – капиталистического эксплуататорского строя) [23, с. 72]. Указанное отношение коммунистов к Русской Церкви осталось во многом неизменным до сегодняшнего дня [9]. Если говорить о принципах церковно-государственных взаимоотношений в рассматриваемый период (1917-1918 годы) то таковые характеризовались историческим динамизмом и способностью к тактическим видоизменениям в зависимости от определенного этапа церковной политики государства.

29 октября (11 ноября н.ст.) декрет Совета народных комиссаров провозглашал конфискацию у Церкви всех учебных заведений. 3 ноября 1917 года была опубликована «Декларация прав народов России». Согласно этому документу, для религиозных организаций отменялись все привилегии. В общем для Русского Православия «Декларация» новой революционной власти не несло ничего принципиально нового в сравнении с постановлениями Временного правительства «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений» (20 марта 1917 года) и «О свободе совести» (14 июля). Но данный документ, выпущенный одновременно с получением известий о расстреле кремлевских храмов [6, с. 281], был воспринят как дискриминация свобод Право-

славной Церкви [15, с. 86]. Тобольский епархиальный комитет съездов духовенства и мирян назвал большевиков «кучкой злонамеренных людей» [20, с. 100].

4 (17) декабря по декрету СНК в собственность государства передавались все сельскохозяйственные земли, в т.ч. земли церковей и монастырей. Национализация частных банков повлекла утрату хранившихся там вкладов духовенства [23, с. 72]. 11 (24) декабря дело воспитания и образования было передано из Духовного ведомства в ведение Народного комиссариата по просвещению. При этом передавалось все движимое и недвижимое имущество, а также не только низшие, но и высшие церковные учебные заведения, включая духовные академии [3, с. 210-211]. 18 (31) декабря Декретом ВЦИК и СНК церковный брак признавался недействительным, все акты рождения, брака и смерти приводилось в ведение исключительно государственных организаций. Последний декрет был назван Церковью «полным пренебрежением к требованиям христианской веры и попиранием святости брака» [14, с. 17]. В январе 1918 года ряд наркоматов принял решение об увольнении всего штата военного духовенства, а также о прекращении всех выплат на содержание церковей, священников, преподавателей Закона Божия и т. п. [23, с. 72]. Относительно декрета о передаче помещичьих и монастырских земель в распоряжение Советов крестьянских депутатов Поместный Собор мог лишь поручить Святейшему Синоду составить полные описи всего захваченного и передаваемого имущества, а при самой «передаче» составлять особые акты [20, с. 53-54].

Конфискация земель, сосудов, драгоценностей и прочего приводила к бесправию духовенства и Церкви. «Быть может, что большевики объявят храмы и монастыри народной собственностью и будут обращать некоторые из них в благотворительные и даже увеселительные учреждения» [20, с. 60] – с прогнозированием будущего писал автор в феврале 1918 года. Церковь из положения «господствующей» очень быстро переходила в положение Церкви гонимой... Хотя следует отметить, что процесс этот начали не большевики и он достаточно давно зрел в российском обществе и в целом в общественно-государственном укладе.

Все реформы – размышляет о происшедшем один из современников – вводились крайне нервозно и поспешно, дабы исключить возможность возврата к «старому миру», принимались без согласия народа и даже вопреки его воле. «Властное хозяйничанье» новой власти во внутрицерковных делах, грубым образом нарушающее провозглашенные принципы свободы совести, было тем более унижительно для Церкви, поскольку происходило при действующем По-

местном Соборе – высшем органе церковной власти [2, с. 293, 307].

Декреты, по выражению современника, сыпались, «как из рога изобилия» [20, с. 31]. Одним декретом уничтожались все судебные учреждения и заменялись народными трибунами, другим упразднялось право собственности на недвижимость, третьим вводился институт гражданских браков, и, наконец, провозглашалось отделение векового русского православия от столь же древнего и нераздельно бывшего с ним российского государства. По мнению современных исследований, последнее рано или поздно не могло не состояться, ибо все предыдущее течение истории подводило к этому, и публикуемые и претворяемые в жизнь декреты быстро приводили к решительному размежеванию государственных и церковных структур.

31 декабря (13 января 1918 года) был опубликован проект декрета об отделении Церкви от государства. Петроградский митрополит Вениамин назвал его декретом «об отобрании церковного достояния» и указал на недопустимость подобных мер. Современникам виделось осуществление пророчеств о последних временах: «наступили брани, восстал брат на брата» (Мф. 24:6; 10:21). Поначалу Декреты игнорировались Церковью и 2 декабря 1917 года. Собор выпускает «Определение о правовом положении Православной Российской Церкви». В нем за Церковью признавалось первенствующее положение и перечислялись многие прежние права и привилегии [18, с. 225–227]. Стоит ли говорить о восприятии властями этого документа и возможностях осуществления изложенных в нем положений. Эффект был обратным: на открытое письмо митрополита Вениамина В.И. Ленин наложил резолюцию, предписывающую поспешить с разработкой соответствующего декрета.

20 января (2 февраля) декрет СНК «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» был принят. В нем первым пунктом провозглашалось отделение Церкви от государства. Как минимум, это означало полное прекращение финансирования, которое еще проводило Временное правительство. Но при этом Церковь лишалась прав юридического лица и возможности иметь собственность, что являлось явной и намеренной антицерковной кампанией [14, с. 29-30]. Патриарх и Собор расценили документ как «злостное покушение на весь строй Православной Церкви и акт открытого на нее гонения» [19, с. 4-5]. Это был заключительный аккорд в первом акте пьесы советской политической антирелигиозной псевдо-симфонии, прозвучавший для церковной общественности совершенно неожиданно.

Тобольский священник С. Аталыков описывает свои впечатления так: «из-под меня убегают почва, кружится голова и темнеет в глазах. Ду-

маю: Господи, сон это или действительность?» [20, с. 23]. Не верить в осуществление декрета – в то время как разрушаются храмы и монастыри, происходят убийства священнослужителей – нет никаких оснований. Множество представителей духовенства боялись говорить о происшедших событиях, опасаясь за свою жизнь. Но Церковь не могла молча наблюдать, оставаясь пассивным участником событий. Весь предыдущий 15-летний период не только духовенство, но и церковная общественность училась заявлять и все громче говорила о своих интересах. Современники призывали духовенство возвысить свой голос: «бьет последний страшный час» [20, с. 23].

Сложившаяся ситуация в церковно-государственных отношениях требовала от властей понимания специфики отношений и последовательности в проведении реформ (в случае желанья их хотя бы относительно демократического проведения – ведь к власти большевики пришли более под демократическими лозунгами, нежели под социалистическими), от Церкви – осознание реалий времени и того, что представляет собой коммунистическая партия. Вместо этого возникает острый конфликт между Церковью и государством, углубляющийся бесконтрольными действиями анархически настроенных грабителей и провокаторов [14, с. 11]. Начало же явного террора против Церкви ставило крест на всякой возможности принятия Церковью коммунистической идеологии и большевистской власти.

Следует сказать, что отделение Церкви от государства в России не было похожим на такое, например, во Франции или других государствах Европы. Разумеется, Церковь исторгалась из структуры государственного аппарата. Но лишение христианской Церкви прав юридического лица в Европе было невозможным. Формально правовые нормы отделения были прописаны согласно таковым принятым в западном мире. Но реально «секрет превращения правовых европейских норм в неправовые советские заключался в издании подзаконных инструкций (часто секретных) по их применению» [21, с. 111].

Русская Церковь вполне могла перестроиться и юридически стать общественной организацией. De jure и de facto она во многом является таковой и сегодня. Однако законы советской власти ставили Церковь в положение гораздо худшей несвободы, нежели она была в императорской России. По мысли исследователя В. Петренко, коммунистическая власть обозначила отношения, в которых осуществляла бы *modus operandi* по примеру русского царя [10, с. 186], т. е. отношения весьма жесткого контроля. Однако образ действия большевистской власти уже ввиду жестких формальных законов предполагал существенно большее давление на Церковь, нежели императорский режим. На практике

это давление явилось унижающим и уничтожающим: не только Церковь как организацию, но и позже – как общество верующих, когда стали преследовать православный народ. После недолгого периода власти Временного правительства следующий этап церковно-государственных отношений увидел стремление и осуществление полного контроля над Церковью со стороны коммунистического режима с постепенной и планомерной деятельностью по вытеснению религии на периферию общественной жизни с последующим ее уничтожением ввиду идеологической альтернативности православия – социализму.

Начавшаяся Гражданская война, а также сопротивление населения несколько приостановили претворение декретов в жизнь. Крестьянство Тобольской губернии выражало неприкрытое недовольство. Если большинство населения поддерживало конфискацию церковных и монастырских земель, а также провозглашение равноправия и уничтожение сословной структуры общества, то такие меры, как введение гражданского брака, лишение приходов собственности, устранение из школы Закона Божьего и другие постановления вовсе не были восприняты однозначно и положительно [20, с. 375]. Крестьянство выступало против уничтожения вековых устоявшихся традиций в русской деревне и против искоренения их веры.

Однако новая власть не слишком ориентировалась на несогласное с ее политической мнением народа. Она продолжила свою деятельность, развивая отношения по пути все большего притеснения Русской Церкви. На Пленуме ЦК РКП(б) 19 мая 1918 года под предлогом реакции на антисоветскую агитацию духовенства, в не слишком закауфлированных выражениях было принято решение о начале антирелигиозного террора [5, с. 36]. 8 мая 1918 года был создан особый VIII (ликвидационный) отдел при Наркомате юстиции и целая сеть ликвидационных подотделов и комиссий по стране. В качестве документа к действию была принята инструкция от 24 августа 1918 года, посвященная реализации декрета об отделении Церкви от государства. Формально в документе не провозглашалось становление атеизма как государственной политики и даже разрешалось религиозное образование. Но практически с самого начала действий советской власти главную роль в ее работе играли не официальные постановления, а дополнительные ведомственные инструкции с интерпретациями и методиками их применения. По мнению ряда исследователей, именно инструкции, а не сами законодательные акты, выступали в качестве нормативных и обязательных к исполнению документов [21, с. 114], зачастую существенно видоизменяя смысл последних.

Но даже без учета тайных инструкций вполне однозначное отношение представителей духовенства к власти выразилось в том, что сами

официальные документы были восприняты Церковью – и во многом оправдано – как средство активной и явной борьбы с нею и религией, как средство дезориентации и угнетения православного народа.

Соответствующее отношение к большевикам, сложившееся в 1917-1918 годы остается неизменным по сути до настоящего времени, несмотря на последующее смягчение тона речей патриарха Тихона (Белавина), Декларации 1927 года патриарха Сергия (Страгородского), и даже современное свободное положение Русской Церкви не нивелирует отрицательного отношения к советской власти православного духовенства.

Список литературы

- 1 Акты святейшего патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти. 1917-1943. Москва : ПСТГУ, 1994.
- 2 Алфеев Иларион, архиеп. Православие. 2-е изд., испр. прав. Москва : Изд-во Сретенского монастыря. 2009. Т. 1.
- 2 «В годину гнева Божия...»: Послания, слова и речи св. Патриарха Тихона / сост., автор статьи Н.А. Кривошеина. – Москва : ПСТГУ, 2009.
- 3 Декреты советской власти. Москва : Полиздат, 1957. Т. 1.
- 4 Деникин А. И. Очерки Русской Смуты. Крушение власти и армии. Февраль-Сентябрь 1917. IMP. PARIS; UNION, 1935. Т.1. Вып.1.
- 5 Крапивин М. Ю. Непридуманная церковная история: власть и Церковь в Советской России (октябрь 1917-конец 1930-х годов). Волгоград, 1997.
- 6 Митрополит Евлогий (Георгиевский). Путь моей жизни: Воспоминания. Москва : Моск. рабочий; ВГМД, 1994.
- 7 Митрофанов Г., прот. Русская Православная Церковь на историческом перепутье XX века. Арефа. Лепта. Москва, 2011.
- 8 Митрофанов Г. Трагедия России: «запретные» темы истории XX века в церковной проповеди и публицистике. Санкт-Петербург, 2009.
- 9 «О церкви» // Сайт Владимирского регионального отделения КПРФ. URL: <http://www.kprf33.com/агитатору/библиотека/о-церкви/>
- 10 Петренко В. Власть в Церкви. Развитие концепции власти в Русской Православной Церкви. Коллоквиум. Черкассы, 2012.
- 11 Протоиерей Иоанн Восторгов. Полное собрание сочинений в 5-и томах. Санкт-Петербург, 1995. Том 2.
- 12 Раскольников Ф. Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году. Издание второе. Москва : Изд-во политической литературы, 1990.
- 13 Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / сост. Г. Штриккер. Москва : ПроPILEU, 1995.
- 14 Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917-1941. Документы и фотоматериалы. Библейский богословский институт св. апостола Андрея. Москва, 1996.
- 15 Русская Православная Церковь. XX век. Сретенский монастырь. Москва, 2008.
- 16 Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Книга I. Москва; 1918.
- 17 Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Книга III. Москва, 1918.
- 18 Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Книга V. Москва, 1918.
- 19 Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Книга VI. Москва, 1918.
- 20 Тобольские епархиальные ведомости.

21 Филиппов Б. А. *Очерки по истории России. XX век.* Москва : Изд-во ПСТГУ, 2012.

22 Фирсов С. Л. *Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-1918 гг.).* Москва, 2002.

23 Шкаровский М. В. *Русская Православная Церковь в XX веке.* Москва : Вече, Лепта, 2010.

УДК 93

*К.А. Костин, Т.В. Козельчук,
г. Курган*

МОЛОДЕЖЬ КУРГАНА В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «КРАСНЫЙ КУРГАН» ПЕРИОДА НЭПА)

Аннотация. Проблематика данной статьи определена необходимостью охарактеризовать реализацию основных направлений молодёжной политики в рамках изучения истории г. Кургана и реконструкции повседневной жизни горожан в период нэпа. Для решения поставленной задачи авторы привлекают материалы газеты «Красный Курган». В статье отмечены особенности отражения в газете общественно-политической, культурно-просветительской, спортивной и других видов деятельности курганской молодёжи, показаны трудности и проблемы реализации молодёжной политики в Кургане.

Ключевые слова: молодёжная политика, Курган, нэп, газета «Красный Курган».

Одной из целей новой экономической политики, принятой в марте 1921 года на X съезде РКП(б), стало восстановление народного хозяйства после Гражданской войны и интервенции. И хотя как наиболее важные осознавались вопросы борьбы с голодом, обеспечения населения товарами первой необходимости и пр., советская власть никогда не забывала про создание условий для получения молодыми людьми образования, обеспечение их работой, охрану труда, охрану здоровья, физическое развитие, наконец, про воспитание молодого поколения. Другими словами, «гигантский социальный эксперимент, осуществлявшийся во всех сферах жизни России, охватив период «военного коммунизма» (1918–1921) и эпоху нэпа (1921–1929), подвел к необходимости ответа на вопросы, возникавшие в обществе и ставящиеся, главным образом, среди молодёжи» [6, с. 200].

Молодёжная политика становится неотъемлемой частью социальной политики советского государства: с начала 1920-х годов принимается ряд нормативных документов, регламентирующих перечисленные выше вопросы. Например, Постановление ВЦСПС от 12 апреля 1921 года

«О предоставлении подросткам очередного отпуска», где было отмечено, что для предоставления полной возможности подросткам отдохнуть в здоровых условиях и в целях предоставления им возможности использовать свои отпуска в летних колониях или на спортивных площадках все предприятия и учреждения должны предоставить возможность всем подросткам до 18-ти лет использовать очередной месячный отпуск в летнее время до 1-го октября [5]; Декрет СНК РСФСР от 15 сентября 1921 года «Положение об охране здоровья подростков и детей РСФСР» закрепляло «научную разработку и врачебно-контрольное наблюдение за проведением физической культуры в жизнь» [1]; Декрет СНК от 13 октября 1922 года «О врачебном освидетельствовании рабочих подростков», где говорилось о необходимости «в случае явного несоответствия между состоянием здоровья и тяжестью исполняемой работы, ...переводить подростков на более легкие работы» [2]. Тем самым, «перед советским руководством были поставлены следующие задачи: трудовая и профессиональная ориентация молодёжи, образование и досуг, политическое воспитание, формирование общественной активности» [3, с. 21].

Но сама реализация молодёжной политики осуществлялась в условиях, с одной стороны, предоставления экономической свободы, с другой, контроля власти над общественно-политической и духовной сферами жизни общества. Нэп в сочетании с авторитаризмом и формированием однопартийной системы неизбежно привёл к изменениям социальной структуры и образа жизни людей. Как это сказалось на молодёжи провинциального города? Как именно реализовывались основные направления государственной молодёжной политики на местах? Для ответов на эти и другие вопросы используются материалы газеты «Красный Курган» — официального издания, ставшего с момента образования Курганского округа в 1923 году и до его ликвидации в 1930 году печатным органом окружных партийных и государственных органов управления.

Идейно-политическая направленность газеты, функции, которые выполняла периодика в обозначенных исторических условиях, определили характер публикаций «Красного Кургана». Газета была призвана формировать общественное мнение, пропагандировать партийно-государственные задачи, обличать тех, кто идейно и/или поведенчески не соответствовал формируемым стандартам. Всё это задаёт источниковедческие особенности рассматриваемого периодического издания. И тем не менее более пристальное их изучение позволяет почерпнуть немало ценных сведений из газеты «Красный Курган», в том числе и о повседневной жизни молодого поколения. Информативной газету делает также раз-

нообразии публикуемых жанров – официальная информация, публицистика, хроника, письма читателей, репортажи корреспондентов, реклама, объявления и многое другое. Каждый жанр по-своему отражал различные стороны жизни местного населения, включая молодёжь.

Прежде всего, для понимания целей государственной политики воспитания молодого поколения важное место занимают газетные публикации таких рубрик как, например, «Заветы партийной молодёжи». Редакция регулярно размещала фрагменты речей и выступлений советских лидеров. Вот, например, фрагмент речи председателя ВЦИК Михаила Калинина: «К 25-летию нашей партии, я могу пожелать молодёжи хранить заветы старых бойцов коммунизма и быть такими же твердыми и настойчивыми, как их предшественники.... Каждый из нас был уверен в правоте дела, которому служит, и ни на минуту не сомневался в конечном торжестве пролетариата. На будущее время я желаю молодому поколению не забывать, что в его руках находится дело рабочего класса, служение которому должно поглотить все их силы».¹ Другой видный деятель советского руководства Николай Бухарин призывал молодёжь «стараться перевоспитать и обработать себя так, чтобы ваше партийное поколение было лучше нашего. Будьте лучше, будьте еще лучше, чем наша старая партийная гвардия!».² Слова партийных и государственных лидеров эффективнее всего должны были воздействовать на молодые умы.

Советская молодёжь не мыслилась вне общественно-политической жизни. Вовлечение «передовой части рабочей и крестьянской молодёжи»³ в политику осуществлялось, например, через избирательные кампании, переборы советов: «Молодая армия – будущая смена старых борцов. Только через советы молодёжь может, и будет добиваться возможности учиться».⁴

Многочисленные лозунги и призывы – одна из характерных черт общественно-политической жизни рассматриваемого периода. В них недвусмысленно и чётко переданы основные идеалы и ценности советской молодёжи: «Молодежь – цветы нашего будущего, всегда будет на страже, борясь с кем-то ни было»⁵, «Молодежь! Торопись получить образование и почетное звание красного командира! РККА ждет вас!»⁶, «Молодежь! Используй лето в интересах своего здоровья!»⁷, «В здоровом теле – здоровый дух»⁸, «Комсомо-

лец! Разъясняй крестьянам пользу газеты!».⁹

Другим действенным механизмом была публикация новостной информации о жизни передовой молодёжи в других регионах, крупных городах и особенно в столице. Так, в январе 1923 года курганцы узнали, что «в Москве состоялась 1-я общегородская конференция рабочей молодёжи. Участвовало около 600 делегатов. Постановлено усилить участие рабочей молодёжи в профсоюзах, обратить особое внимание на соблюдение законов охраны труда и здоровья рабочих подростков. Необходимо обратить на это внимание местным органам власти».¹⁰ Тем самым юноши и девушки Кургана чувствовали общность со столичной рабочей молодёжью, ведь их волновали те же проблемы.

Именно «защита труда подростков»¹¹, как это формулировалось в газете «Красный Курган», то есть борьба с безработицей, вовлечение молодёжи в трудовые процессы, создание благоприятных условий труда были актуальными проблемами и для курганской молодёжи. Так, согласно декрету СНК РСФСР от 13 октября 1922 года «О врачебном освидетельствовании рабочих подростков» все подростки, работающие в госпредприятиях, учреждениях и хозяйствах, в возрасте до 18 лет подвергались медицинскому освидетельствованию.¹² Такие мероприятия проводились и в Кургане. Заметка «Охрана здоровья рабочих подростков» от 11 ноября 1922 года сообщила жителям города: «Освидетельствование будет производиться периодически не менее одного раза в год. Охрана Труда и Комсомол! Используйте наши лучшие в мире пролетарские законы!».¹³ В июне 1924 года были опубликованы первые результаты по предприятиям города: «Освидетельствовано 42 человек. Больных оказалось 40 процентов (почти половина). Наибольший процент больных дал союз металлистов (8 человек) и пищевиков (4 человек). В союзе металлистов подвергнуто освидетельствованию 15 человек, в союзе пищевиков – 9. Всего больных подлежащих пребыванию в доме отдыха – 14 человек, подлежащих санаторному лечению – 3 человека».¹⁴ Благодаря таким публикациям мы получаем возможность, хоть и косвенно, сделать определённые выводы о повседневной жизни курганской молодёжи.

Но каковы бы ни были условия труда, сложнее было тем, у кого работы не было вовсе. В первые годы нэпа именно проблемы безработицы составляли особую заботу местных властей. Безработица стала следствием введения хозяйства и самоокупаемости на предприятиях,

¹ *Красный Курган*. 1923. 6 марта. № 39.

² Там же.

³ *Красный Курган*. 1923. 13 октября. № 54.

⁴ Там же.

⁵ *Красный Курган*. 1921. 8 ноября. № 18.

⁶ *Красный Курган*. 1922. 7 июня. № 52.

⁷ *Красный Курган*. 1923. 15 июня. № 51.

⁸ Там же.

⁹ *Красный Курган*. 1925. 22 марта. № 28.

¹⁰ *Красный Курган*. 1923. 1 января. № 1.

¹¹ *Красный Курган*. 1923. 24 февраля. № 29.

¹² *Красный Курган*. 1922. 11 ноября. № 98.

¹³ Там же.

¹⁴ *Красный Курган*. 1924. 17 июня. № 66.

в первую очередь были уволены подростки как малоквалифицированная рабочая сила. Среди причин роста безработицы молодёжи были также сокращение штатов на предприятиях, возвращение в Курган лиц, уехавших отсюда в голодный год. Непрерывно газета «Красный Курган» сообщала о положении дел на бирже труда, о количестве и составе безработных людей, спросе и предложении труда. В заметке «Спрос и предложение труда» по итогам 1923 года сообщалось: «С 1 января по 1 декабря 1923 года наблюдалось превышение предложения труда над спросом. С января по декабрь численность безработных выросла до 1352 человек, требованию было всего 814. Подростков составляет 15 процентов обоего пола».¹

Но ситуация улучшалась очень медленно. Как было отмечено в номере от 3 февраля 1923 года «Среди молодёжи»: «Работа среди молодёжи слаба как в уезде, так и в городе. Боевые кампании прошли слабо. Всего членов в уезде 663 человека. В области охраны труда работа идет удовлетворительно. Главное внимание ... перекинута на ликвидацию политической неграмотности, но результаты крайне ничтожны».²

Важен критический тон заметки. Девиантное поведение молодых людей, слабая общественная активность, неприятие нового образа жизни юношами и девушками, недостаточное внимание к проблемам молодёжи со стороны городских властей совершенно открыто порицались в публикациях «Красного Кургана». Так, в одном из выпусков 1923 года отмечалось: «Работы ... комитета в уезде не видно. В городе политпросветработа ведется без плана и непродуманно. Очередные задачи: а) ликвидация политической неграмотности б) связь партии с массами в) упорядочение организационного строительства г) усиление рабочих ячеек д) усиление крестьянских организации е) перераспределение и подборка работников в профессиональных и советских органах. Ж) борьба с пьянством и некоммунистическими уклонами».³ При этом, задачи, которые планировалось решить на местном уровне, наглядно демонстрируют, проблемные зоны и пробелы в деле реализации молодёжной политики.

В 1926 году на окружной конференции комсомола отмечалось, что «бронь подростков почти по всем профсоюзам повысилась: по союзу металлистов на 60 процентов, печатников 12 процентов, текстильщиков 8,7 процентов. Областной комитет союза намечает полное заполнение брони. Значительно повысился процент ученичества в промышленности. Увеличился и средний заработок подростков. Безработица подростков снизилась с 4119 до 2270 человек.

По области до 80 процентов охвачено трудовыми договорами⁴. В 1927 году сообщалось уже о повышении заработной платы рабочей молодёжи: «По союзу пищиков от 10 до 15 процентов, кожевников – от 11 до 12 процентов».⁵

Государственную политику периода нэпа невозможно представить без вовлечения молодых людей в антирелигиозную пропаганду. «Важное значение лидеры советского государства придавали молодёжи как объекту и субъекту осуществления государственной политики в отношении религии. С одной стороны, молодёжь рассматривалась как авангард борьбы с религией. Юноши и девушки представлялись своеобразными рекрутами борьбы за «новую веру». С другой стороны, в этом противоборстве, подчас напоминающем настоящую войну, наиболее важным считалось формирование «нового человека» именно из молодого человека» [7, с. 7]. Почти в каждом выпуске газеты «Красный Курган» размещались публикации на эту тему, из которых можно узнать о формах и методах антирелигиозной пропаганды. Например, «в последнее время много говорится о комсомольском рождестве, комсомольских святках и т.д. Но что такое комсомольское рождество не каждый скажет: некоторые думают, что комсомол с ведением нэпа додумает праздновать Рождество Христово, но они жестоко ошибаются – комсомол не таков, чтобы чтить религиозные святки. Он готовит свои комсомольские святки. Комсомольские святки это есть целая организованная антирелигиозная кампания, в которую комсомол хочет попытаться раскрыть глаза всей рабоче-крестьянской молодёжи о выдумках Рождества».⁶

Распространёнными формами акций антирелигиозного характера являлись массовые шествия, карнавалы, концерты, лекции, вечера, театральные постановки, буффонады. Чем больше таких мероприятий будет, чем разнообразнее они будут, чем больше людей будут охватывать, тем, безусловно, лучше. Публикации газеты буквально погружают исследователя в атмосферу этих мероприятий: «Канун пасхи с 26-го на 27-е апреля 1924 года был отмечен лекциями о происхождении пасхи, постановками спектаклей. Клубы и театры были переполнены рабочими, красноармейцами и молодыми безбоязниками. Не на редкость среди резвой молодёжи можно было встретить даже старушек лет 40-45. Большинство присутствовавших - это молодёжь. Всего присутствовало около 1600 человек. Настроение всех присутствующих было веселое. Внимательно выслушивались слова лекторов. Инсценировки и спектакли сопровождались громким здоровым смехом»⁷; «В клубе

¹ *Красный Курган*. 1923. 8 декабря. № 77.

² *Красный Курган*. 1923. 3 февраля. № 26.

³ *Красный Курган*. 1923. 2 февраля. № 25.

⁴ *Красный Курган*. 1926. 14 апреля. № 15.

⁵ *Красный Курган*. 1927. 15 октября. № 17.

⁶ *Красный Курган*. 1923. 4 января. № 3.

⁷ *Красный Курган*. 1924. 1 мая. № 42.

им. Карла Маркса железной дороги 27 апреля 1924 года был сделан доклад на тему «Комсомольская и религиозная пасха» и постановлено «Бог отец, бог сын и кампания», инсценировки «Чей сын», после чего состоялся концерт. Дрожите боги всех религий! Конец ваш близок!».¹

В деле перевоспитания молодёжи особые надежды власти были связаны с комсомолом. Комсомольские ячейки были призваны, говоря словами того времени, «оторвать молодёжь от русской горькой, посиделок и хулиганских выходок», «упорядочить быт крестьянской молодёжи». ² Антирелигиозные мероприятия были у комсомольцев в числе приоритетных. Так, в январе 1923 года, городской комсомол деятельно готовился к устройству комсомольского «рождества», предполагалось «в клубе «Спартак» устроить комсомольскую елку, провести политический суд над Иисусом Христом и попом и продемонстрировать второй номер живой газеты «Подзатыльник»». ³

Борьба с религией была лишь частью широкой культурно-просветительской деятельности. Ликвидация неграмотности, включая политическую, подготовка специалистов в торговле, сельском хозяйстве, педагогике и других сферах, создание системы клубов с библиотеками и кружками от спортивных до охотничьих, мероприятия просветительской направленности (карнавалы, массовые шествия, спектакли), так называемые недели (например, «Неделя юношеской печати»⁴). Это лишь краткий перечень форм, используемых для реализации названного направления молодёжной политики, реконструируемой по материалам газеты «Красный Курган». При этом важно подчеркнуть, что «спецификой этой политики и её отличительной особенностью явилось то, что она предполагала активное участие молодежи в жизни общества, создавала условия для предоставления молодежи прав и возможностей в решении ее собственных проблем, возлагала на молодых людей и их объединения реальную ответственность» [4, с. 79].

Трудно выделить главное направление государственной политики в сфере молодёжи, и, тем не менее, особое внимание при знакомстве с газетными публикациями обращает на себя развитие физической культуры и спорта. И снова мы наблюдаем нацеленность на массовый характер мероприятий.⁵

При оценках вовлечённости молодёжи Кургана в занятия физкультурой на помощь исследователю приходят заметки критического содержания. Например, в письме от группы городской молодёжи, опубликованном 22 ноября 1923 года с заголовком «Спорт замер!», отме-

чено: «С передачей спортивной работы от военкомата комитету РКСМ в Кургане она замерла. Бездействует также спорткружок и при рабочем клубе. Задача укрепления тела и духа молодёжи не требует доказательств. Необходимо сейчас же приобретением спортивных инструментов (лыжи, коньки и т.д.) подготовиться к организации катка. В развитии молодёжи особо заинтересованы профорганизации. Курган имеет 10-12 хороших спортсменов...». ⁶ Письмо как минимум демонстрирует заинтересованность молодёжи в развитии спорта. Редколлегия газеты отреагировала на жалобу, но в стилистике, свойственной времени, то есть очередным призывом: «Необходимо обратить внимание на спорт Уездному исполкому, Окружному военкомату и др. государственным учреждениям... Надо помочь молодёжи в её физическом развитии». ⁷ Регулярные публикации о появлении спортивных кружков, проведении соревнований, двухнедельников физкультуры и т. п. может свидетельствовать о том, что увлечение спортом в 1920-е годы становится привычным элементом повседневной жизни курганской молодёжи.

Описанные выше мероприятия в рамках молодёжной политики неизбежно «были связаны с социалистическим преобразованием быта» [6, с. 200], изменением мировоззрения молодёжи. В чём именно это проявлялось? – отчасти тоже может «сказать» рассматриваемый источник, в частности, благодаря публикации частушек и песен, отражающих оценки и переживание молодым поколением происходящих изменений.

«Гарнизуйтесь ребята,
не венчаться у попа,
все равно, ведь, бога нету,
у отцов же – слепота».

«Я иду, иду и стану,
На винтовочку опрусь:
- До свидания, моя милая,-
В вумынию пишушь».

«Бога нет, царя не надо,
без царя мы будем жить,
у нас есть товарищ Ленин,
за ево пойдем служить».⁸

Таким образом, анализ материалов газеты «Красный Курган» подтверждает вывод о главной функции периодики нэпа – это активный призыв и массовое вовлечение молодежи в общественно-политическую жизнь и культурно-просветительскую деятельность. Для власти газета была инструментом формирования у молодого поколения нравственных ценностей и представ-

¹ *Красный Курган*. 1924. 8 мая. № 48.

² *Красный Курган*. 1924, 1926, 1927 гг.

³ *Красный Курган*. 1923. 5 января. № 3.

⁴ *Красный Курган*. 1923. 24 июня. № 42.

⁵ *Красный Курган*. 1926. № 35, 27.

⁶ *Красный Курган*. 1923. 22 ноября. № 70.

⁷ *Красный Курган*. 1923. 29 ноября. № 73.

⁸ *Красный Курган*. 1923. 13 мая. № 73.

лений, соответствующих государственно-партийным идеалам. Отсюда характер публикуемых материалов, что определяет, в свою очередь, её источниковедческое значение. Материалы газеты «Красный Курган» позволяют, прежде всего, реконструировать цели и задачи государственной политики в сфере молодёжи, методы и формы, которые использовались на местах для решения поставленных задач, а также отражают трудности её реализации в регионе.

Список литературы

1 Декрет СНК РСФСР от 15 сентября 1921 года «Положение об охране здоровья подростков и детей РСФСР». URL: <https://www.lawmix.ru/sss1/18099> (дата обращения: 05.02.2018).

2 Декрет СНК РСФСР от 13 октября 1922 года «О врачебном освидетельствовании рабочих подростков». URL: <http://ipravo.info/sss1/laws96/014.htm> (дата обращения: 05.02.2018).

3 Жиромская В. Б. Советский город в 1921-1925 гг. Проблемы социальной структуры. Москва, 1988.

4 Жулева М. С. Молодежная политика Советского государства в 1920-1930 гг. // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Зырянские чтения». Курган, 2009. С. 79-80.

5 Постановление ВЦСПС РСФСР от 12 апреля 1921 «О предоставлении подросткам очередного отпуска». URL: <http://www.kaznachey.com/doc/aZ87QA92BWN/> (дата обращения: 05.02.2018).

6 Пушкарёв А., Пушкарёва Н. Ранняя советская идеология 1918-1928 годов и «половой вопрос» (о попытках регулирования социальной политики в области сексуальности) // Советская социальная политика 1920-1930-х годов: идеология и повседневность / под ред. Павла Романова и Елены Ярославской-Смирновой. Москва : ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2007. 432 с.

7 Слезин А. А. За «новую веру». Государственная политика в отношении религии и политический контроль среди молодёжи РСФСР 1918-1929 гг. Москва, 2009.

УДК 93/94

**Д.Л. Островкин,
г. Екатеринбург**

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ НА УРАЛЕ В 1920-Х ГОДАХ

Аннотация. В статье, на основе данных из федеральных и региональных архивов, проводится анализ становления советской медицинской системы в 1920-е годы на примере Урала. Автором доказано, что на первом этапе (1919–1923 годы) основные усилия органов здравоохранения были направлены на формирование новой нормативно-правовой базы. Были созданы органы Губернского и уездного здравоохранения, которые объединили все медицинское дело в регионе. Систематическая работа по развитию медицинской сети началась только с 1923 года. Начинается строительство новых

больничных зданий, происходит ежегодное увеличение финансирования работы органов здравоохранения. Результатом стал качественный и количественный рост медицины Урала, заложивший основу для дальнейшего развития новой системы здравоохранения.

Ключевые слова: здравоохранение, медицина, Урал, Уральская область.

В настоящее время система здравоохранения в России находится в состоянии затянувшейся реформы, при этом развитие медицины и качество здоровья населения являются основополагающими принципами благоприятного формирования успешного государства и общества. Для осуществления правильной государственной политики в деле проведения реформ изучение накопленного опыта, анализ успехов и ошибок, имевших место в прошлом, трансляция и преемственность в принимаемых государственными органами решениях становятся залогом развития медицинской системы.

Цель данной статьи – охарактеризовать становление и выявить особенности советской системы учреждений здравоохранения на Урале в 1920-е годы, изучить результаты этой деятельности и дать им оценку.

К началу 1920-х годов на Урале заканчивается Гражданская война, перед советскими органами здравоохранения ставятся ключевые задачи по налаживанию работы больниц, расширению сети врачебных участков и фельдшерских пунктов в уездах, которые были разорены в ходе боевых действий. В результате, уже в июне 1919 года органы здравоохранения уральского региона проводят ряд административных мер. К примеру, были национализированы все частные, земские, общественные лечебные учреждения, аптеки¹², а в октябре 1919 года переходят в собственность государства имущество общественных организаций³. В уральских губерниях, как и по всей стране, создавались отделы Губернского и уездного здравоохранения, которые объявлялись «органами объединяющими, направляющими и руководящими всеми медико-санитарными делами в уезде»⁴.

Трансформации подверглось и заведование лечебными учреждениями. Существовавшие до этого врачебные советы были ликвидированы, либо переведены в разряд совещательных органов. Непосредственная ответственность за деятельность больниц была возложена на врача-заведующего и заведующего хозяйством. При этом администрация больницы самостоятельно устанавливала правила внутреннего распорядка в учреждении, получала право найма и уволь-

¹ ГАСО. Ф. Р-737. Оп. 2. Д. 7. Л. 1.

² ОГАЧО. Ф. Р-1542. Оп. 1. Д. 111. Л. 40, 42.

³ ГАСО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 15. Л. 5.

⁴ ГАСО. Ф. Р-737. Оп. 2. Д. 4. Л. 23.

нения медицинских работников, вырабатывала нормы больничного обеспечения как для больных, так и для всех служащих¹. Вместе с этим, губернским руководством вводился ряд мер для контроля и регламентации деятельности лечебных учреждений. К примеру, в Екатеринбургской губернии все медицинские сотрудники обязаны были являться на работу не позже 9.00 часов и отмечаться в специальной книге. Уходить со службы раньше 15.00 часов запрещалось. В случае неисполнения данного распоряжения рабочие лишались пайка на весь день². Отметим, что схожая система была установлена не только в губерниях уральского региона. Так, марочная (заводская) система контроля своевременности прихода и ухода со службы сотрудников была введена в Народном Комиссариате здравоохранения³. Дополнительным средством контроля, в том числе за антисоветскими настроениями, стало учреждение института политических комиссаров в больницах. Так, 20 января 1920 года такая должность была введена в учреждениях здравоохранения Челябинской губернии. Политкомиссар занимался наблюдением за персоналом, трудовой дисциплиной, расследованием краж, случавшихся в больницах⁴.

Вместе с изменением системы управления происходит перемена в оказании медицинской помощи населению. Так, органы здравоохранения были обязаны оказывать бесплатную врачебную помощь, в том числе отпуск лекарств и других аптечных припасов. Однако в условиях дефицита лекарственных средств, которых катастрофически не хватало, первоначально эта мера носила скорее декларативный характер. В связи с этим, советским органам здравоохранения на первых порах приходилось прибегать к нетрадиционной медицине. Например, согласно циркуляру Камышловского уездно-городского отдела здравоохранения, предлагалось привлекать население к сбору корней, семян и ягод лекарственного значения⁵. Схожие методы применялись в Пермской губернии, где в 1920 году был устроен «субботник сбора трав» [4].

Однако административные меры, которые применялись Губздравотделами уральских губерний, оказывались недостаточными. Причина была в последствиях разрушительной Гражданской войны и общем недостатке финансовых средств. Например, Екатеринбургскому Губернскому отделу здравоохранения согласно утвержденной смете на первое полугодие 1920 года требовался 161 млн руб. Однако медицинскими учреждениями было недополучено кредитов на

60 млн руб., т. е. недостаток денежных средств составил 40%. Из-за отсутствия ассигнований Отдел вынужден был занимать большие суммы у различных советских учреждений. К примеру, задолженность Губздрави местным продовольственным органам за 5 месяцев 1920 года составила более 10 млн руб.⁶ В Пермской губернии в 1920 году из 7 млрд руб. сметных расходов затраты на здравоохранение составили лишь 3,8%⁷.

В этих непростых условиях органы здравоохранения вынуждены были проводить планомерную работу, а некоторые губернские отделы даже выделяли средства для расширения медицинской сети. Так, в Нижнем Тагиле была оборудована хирургическая больница, при Городской больнице в Екатеринбурге был открыт рентгеновский кабинет. Для стационарной помощи в Екатеринбурге начала работу специальная больница для нервных больных и неизлечимых хроников. В Рязановской больнице (г. Екатеринбург) организовано специальное лечение для беременных женщин и открыта детская больница⁸.

Введение НЭПа (новой экономической политики) вызвало еще более значительные трудности с финансированием медицинских учреждений, в связи с сокращением числа больничных коек, которые состояли на государственном бюджете. В результате, денежные средства были выделены только на треть существовавших больничных кроватей, необходимо было сокращать их количество. Так, в Пермской губернии всего за период с января по апрель 1923 года их количество сократилось с 3884 до 2525 коек, т. е. уменьшение произошло на 1359 мест всего за несколько месяцев⁹. В Челябинской губернии за 1922 год вынуждены были сократить коечный фонд в 2,5 раза. Этого количества больничных коек было недостаточно, необходимо было менять организацию системы здравоохранения. Выход был найден в практике передачи больниц на содержание промышленным предприятиям, а также возобновилась возможность передачи больниц в частные руки [1, с. 23]. Для преодоления фармацевтического кризиса и снабжения региона лекарственными средствами органами здравоохранения вводилось разрешение на свободную торговлю медикаментами. Так, согласно постановлению Челябинского Губисполкома от 7 февраля 1923 года. «О порядке открытия оптовой и розничной торговли медикаментами», право продажи лекарств предоставлялось общественным и кооперативным организациям и частным лицам, получившим разрешение Губз-

¹ ГАСО. Ф. Р-737. Оп. 2. Д. 4. Л. 23.

² ГАСО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 18. Л. 36.

³ ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 4. Д. 96. Л. 105.

⁴ ОГАЧО. Ф. Р-1542. Оп. 2. Д. 54. Л. 118.

⁵ ГАСО. Ф. Р-737. Оп. 2. Д. 4. Л. 15.

⁶ ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 2. Д. 85. Л. 4.

⁷ ПермГАНИ. Ф. 557. Оп. 2. Д. 280. Л. 47.

⁸ Там же. Л. 25.

⁹ ГАПК. Ф. р-15. Оп. 2. Д. 81. Л. 27.

дравотдела¹. Схожие постановления были опубликованы и в других уральских губерниях.

В условиях НЭПа в аппарате Комиссариата здравоохранения и в Губернских органах здравоохранения разгорелась дискуссия об отказе от принципов бесплатности медицинских услуг, предоставляя такое право только застрахованным гражданам. Здравоохранение для остальной части населения предполагалось перевести на хозяйственный расчет. В Пермской губернии даже успели разработать и начать внедрять новые правила «О платности лечения в больницах и платности отпуска лекарств в Пермской губернии». Согласно документу платное лечение было введено не только в губернской больнице, но и уездных и даже детских учреждениях. Бесплатный отпуск лекарств допускался только для социально не обеспеченных групп населения, красноармейцев, но не более 20 рецептов ежедневно в г. Перми². Однако на проходившем III Всероссийском съезде здравотделов Н.А. Семашко публично осудил сторонников данного подхода, высказался за сохранение единства советского здравоохранения, бесплатности и общедоступности медицины для всех слоев населения.

Подводя итог периода организации советской медицины на Урале в начале 1920-х годов можно отметить несколько характерных особенностей в деле становления советского государственного здравоохранения. В первую очередь, в это время происходит принятие основополагающих декретов, предписаний, касающихся зарождения советского здравоохранения. В основе системы здравоохранения были заложены принципы бесплатности, бессловности и доступности для нужд всего населения. Происходит незначительное расширение медицинской сети за счет приспособления и рационализации имеющихся возможностей. Однако строительство новых больничных учреждений, расширение медицинской сети не было возможным в виду отсутствия достаточных материально-технических ресурсов.

В становлении медицинского обслуживания населения Урала большое влияние оказало Постановлением ВЦИК от 3 ноября 1923 года «Об образовании Уральской области» (состоявшей из современных Свердловской, Челябинской, Тюменской, Курганской областей, Пермского края, частично Башкирской и Удмуртской республик). Вследствие образования Уральской области в декабре 1923 года были ликвидированы губернские отделы здравоохранения и учрежден Уральский Областной отдел здравоохранения³.

На первом этапе организации медицинской помощи в рамках большой Уральской области

органы здравоохранения своей первоочередной задачей ставили сохранение материально-технической базы, доставшегося наследства. Облздрав даже вынужден был принимать на финансирование из местного бюджета больницы, на которые ассигнования должны были идти из государственной сметы. Так, в ноябре 1924 года заведующий окружным общим отделом Окрисполкома Челябинского округа в докладной записке указывал, что леченые учреждения Исправительных домов округа не были включены в госфинансирование и ходатайствовал о принятии их на средства уральского здравоохранения⁴.

С организацией Уральской области Облздраотдел занялся перспективным планированием больничного строительства. В 1924 году органами здравоохранения был составлен большой план развития медицинских учреждений и их больничного строительства, включивший около 38 объектов. Важно, что обсуждение векторов развития уральской медицины происходило и на местном уровне. Так, в период с 12 декабря 1923 года по 15 мая 1924 года секция Челябинского Горсовета по здравоохранению провела 13 собраний, где основное внимание при обсуждении было уделено состоянию медицинских учреждений⁵. Пользуясь этими данными, в первый строительный план вошли такие крупные учреждения, как Златоустовская больница, Надеждинский тубдиспансер [2, с. 19]. Всего с 1925 по 1928 год на Урале велось строительство 77 новых лечебных учреждений, среди которых наиболее значимыми являлись детский костный тубсанаторий, физиотерапевтический институт и институт профзаболеваний. В результате, уже к 1927 году в Уральской области уже насчитывалось 270 больниц⁶. Однако показатели обеспеченности населения лечебной помощью оставались достаточно низкими. Так, в 1927 году на одну больницу в Уральской области приходилось в среднем 16025 жителей. Наиболее слабые результаты обеспеченности показывали районы Южного Урала. В Челябинском округе на одну больницу приходилось 29601 человек, в Курганском – 28076, Троицком – 29795. Лучше обстояли дела на территории Среднего Урала. Здесь все районы показывали результаты обеспеченности выше средних по Уральской области. В Свердловском округе на одну больницу приходилось 13649 жителей, в Талильском – 12942, в Ирбитском – 11709 [7, с. 52].

Организация государственной системы советского здравоохранения, появление специализированных видов медицинской помощи требовали увеличения финансирования. Восстановление народного хозяйства, поднятие экономики в годы НЭПа – благоприятный

¹ ОГАЧО. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

² ГАПК. Ф. р-15. Оп. 2. Д. 81. Л. 21.

³ ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 10. Д. 146. Л. 6.

⁴ ОГАЧО. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 99. Л. 103.

⁵ ОГАЧО. Ф. Р-112. Оп. 1. Л. 108.

⁶ ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 10. Д. 783. Л. 5.

период капиталовложений в дело здравоохранения на Урале. В связи с этим на протяжении второй половины 1920-х годов происходит ежегодное увеличение финансирования на здравоохранение в Уральской области. Так, в 1924–1929 годах рост ассигнований на здравоохранение по госбюджету вырос в 4 раза (с 352,8 тыс. руб. до 1444,3 тыс. руб.), местный бюджет стал отчислять в 2,5 раза больше средств (с 9337,5 тыс. руб. до 23506,2 тыс. руб.)¹. Характерно, что почти 94% расходов на нужды здравоохранения легло на областной бюджет, дотации из госбюджета были минимальными.

С общим подъемом финансирования медицины происходит увеличение средних медицинских расходов на одного жителя Уральской области. В 1924–1925 годы они составляли 1 руб. 49 коп., из всех источников финансирования, а в 1928–1929 годы – 3 руб. 48 коп. Если сравнить расходы на одного жителя с досоветским периодом, то разница еще очевиднее. В 1911 году расходы на здравоохранение на территории бывшей Пермской губернии составляли 72 коп. на человека [6, с. 14].

Подводя итог, отметим, что период с 1923 по 1929 год на Урале связан с приоритетным развитием здравоохранения со стороны советских органов власти. Началось перспективное планирование медицинского дела, происходит ежегодное увеличение финансирования работы Уральского Облздора. Вводятся в эксплуатацию новые больничные здания, расширяется количество медицинских пунктов. Только в 1929 году на территории Уральской области велось строительство 34 новых больниц.² Сеть больничных учреждений Уральской области в период с 1925 по 1929 год возросла с 250 до 325 зданий, амбулаторий – с 904 до 1051 [8, с. 57]. Среди отдельных территорий Урала выделялся Свердловский округ. Здесь в период с 1914 по 1928 год количество больниц возросло с 4 до 28, а число коек в них с 420 до 961 [5, с. 26]. Распространение получают специальные виды медицинской помощи. В 1928 году в Уральской области имелось 29 рентгеновских установок, был открыт раковый корпус, люпозорий, началось зубопротезирование [3, с. 9]. В результате, именно в 1920-е годы была создана государственная система здравоохранения обслуживания населения, основанная на принципах централизации, единства и бесплатности медицинской помощи. Однако проходившие в последующий период модернизационные процессы, связанные, прежде всего, с индустриализацией и сплошной коллективизацией, обусловили значительные трудности, вызванные финансированием государственной медицины по остаточному принципу.

¹ ГАСО. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 5. Л. 16.

² ЦДОСО. Ф. 273. Оп. 1 а. Д. 7. Л. 54.

Список литературы

- 1 Бабановский И. В. Вопросы финансирования здравоохранения в СССР. Москва : Медицина, 1976. 128 с.
- 2 Белостоцкий И. С. Больничное строительство в Уральской области // Уральский медицинский журнал. Свердловск, 1928. № 1. С. 19–22.
- 3 Величкин В. И. К десятилетию советской медицины // Уральский медицинский журнал. Свердловск. 1928. № 1. С. 5–12.
- 4 Звезда. 1920. 30 июля.
- 5 Округ. 1928. № 36–37. С. 26.
- 6 Серебренников В. С. Здравоохранение на Урале (итоги и очередные перспективы). Свердловск, 1929. 24 с.
- 7 Уральское хозяйство в цифрах 1928 г. Краткий статистический справочник. Свердловск. 1928. 571 с.
- 8 Уральское хозяйство в цифрах 1930 г. Свердловск, 1930. Вып. 1. 223 с.

УДК 908:930.25

М.Ю. Киселев,
г. Москва

ФОНД ОБЩЕСТВА КРАЕВЕДОВ-МАРКСИСТОВ В АРХИВЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Аннотация. В статье представлена информация о документах фонда «Общества краеведов-марксистов Коммунистической академии», хранящихся в Архиве Российской академии наук за 1929–1932 годы: протоколы заседаний бюро ячейки и комиссии Комакадемии по вопросам краеведения; стенограммы пленумов и организационных собраний общества; план и отчет о научной деятельности; статьи, стенограммы научных докладов и прений, прочитанных в обществе. Попытка создания еще одного органа управления краеведением в стране, в этот раз в Коммунистической академии, не увенчалась успехом. Оно заняло идеологическую позицию, которая в дальнейшем привела к разгрому краеведения, как государственного, так и общественного.

Ключевые слова: общество, краеведы-марксисты, Коммунистическая академия, архив, Российская академия наук.

Архив Российской академии наук (РАН) по праву считается одним из крупнейших и старейших ведомственных архивохранилищ России по истории отечественной науки и культуры XVIII–XXI веков. В собраниях Архива РАН сохранились фонды личного происхождения выдающихся ученых, фонды академических учреждений и организаций, периодических изданий и коллекции документов. В составе документальных комплексов архива отложились материалы по истории краеведения в России.

В 1924 году была организована Коммунистическая академия Центрального исполнительного комитета (ЦИК), в составе которой с 1929 года

работала Ячейка по вопросам краеведения, реорганизованная 8 июня 1930 года в Комиссию по изучению краеведческих вопросов. 28 января 1931 года комиссия была реорганизована в Общество краеведов-марксистов (ОКРАМ) Коммунистической академии, просуществовавшее до 1933 года. В Московском отделении Архива Академии наук СССР в 1936 году был сформирован фонд № 367 «Общество краеведов-марксистов Коммунистической академии ЦИК СССР», в состав документов которого вошли: протоколы заседаний бюро ячейки и комиссии Комакадемии по вопросам краеведения (1929-1930); стенограммы пленумов и организационных собраний Общества (1930–1932); анкеты членов-учредителей Общества (1930-1931); план и отчет о научной деятельности (1930-1931); постановления и резолюции Президиума Комакадемии по докладам (1931–1933), а также статьи, тезисы докладов и стенограммы докладов, прочитанных в Обществе (1930–1933), анкеты действительных членов Общества (1931-1932).

Обратимся к отдельным наиболее интересным документам фонда. В стенограмме организационного собрания Общества краеведов-марксистов от 28 января 1931 года, на котором присутствовали 53 члена-учредителя, сохранился текст выступления И.Г. Клабуновского. Он отмечал, что краеведение в стране, являясь одним из участков массово-культурного движения, пережило тяжелый кризис: борьба с досоветским, а в отдельных случаях и антисоветским краеведением, в основном была завершена. По его мнению, удалось перестроить организационно краеведческую исследовательскую работу и всю краеведческую сеть в сторону подчинения задачам вовлечения трудящихся масс в участие в социалистическом строительстве. Краевед высказал надежду на то, что общество краеведов-марксистов станет тем центром, где краеведы Москвы, Ленинграда, провинциальных городов «сумеют завоевать теоретическое оружие на фронте краеведения»¹.

Член президиума собрания В.Ф. Карпыч отмечал, что была выполнена первая задача – сочетание краеведческого движения с текущим политическим моментом, поскольку были найдены новые формы, которые «вливали политическое содержание в эту массовую научную работу». По его мнению, удалось определить формулу краеведения, которая заключалась в том, что советское краеведение являлось одной из лучших форм самоворужения масс методом научного анализа, научного исследования. Он отмечал, что до определенного времени во многих краеведческих организациях допускалось некоторое либеральное отношение к ошибкам краеведов, к работам краеведов, где искажалась сущность советского краеведения, то создаваемая орга-

низация должна явиться организацией поистине воинствующей краеведов-марксистов, «которая должна разгромить всю контрреволюционную идеологию, живущую до сих пор в краеведческой литературе». Краевед ссылаясь на устав общества, в котором было указано, что общество не организовывало филиалов на местах, как самостоятельные единицы, а организовывало группы краеведов-марксистов внутри краеведческих организаций. Он констатировал, что «Таким образом, теоретически подкованные, теоретические видные товарищи из этого общества выбирают для методологического и академического руководства этим движением с тем, чтобы постепенно внутреннюю работу с массами советского краеведения поставить на рельсы ортодоксального марксизма»².

Значительный интерес представляет стенограмма заседания президиума Общества краеведов-марксистов с участием партийного актива, датированного 12 сентября 1931 года.³ Заседание было приурочено к планируемому первому партийному совещанию по краеведению в научном секторе Отдела культуры и пропаганды (Культпропа) Центрального комитета Всесоюзного комитета партии большевиков (ЦК ВКП (б)). К заседанию членом общества В.Ф. Карпычем были подготовлены и разосланы тезисы к докладу на совещании «Состояние советского краеведения и меры по укреплению и развитию краеведческого движения в СССР»⁴. Тезисы состояли из следующих разделов: характеристика положения и основные принципы консолидации марксистских сил на фоне краеведения; за большевистскую партийность в краеведении; за превращение краеведения в органическую часть социалистического планирования и строительства районов СССР; за марксистско-ленинскую методологию краеведения; установки вульгарных материалистов и механистов; за организационную консолидацию сил и четкую структуру краеведческих организаций. Сохранился проект постановления первого партийного совещания по краеведению в научном секторе Культпропа ЦК ВКП (б), подготовленный В.Ф. Карпычем, в который были включены мероприятия: по линии общего методологического руководства; по линии оперативной научно-исследовательской краеведческой работы на местах; по линии укрепления и развития массовой краеведческой организации; по линии родственных организаций.

В составе документов фонда отложилась стенограмма совещания по краеведению при президиуме Коммунистической академии ЦИК СССР по вопросу о разногласиях в Обществе краеведов-марксистов, датированная 16 октября 1931 года. Практически все выступления участ-

² Там же, л. 9-22.

³ Там же, д. 8, л. 1–102.

⁴ Там же, л. 102а–118.

¹ АРАН, ф. 367, оп. 1, д. 5, л. 2–7.

ников совещания были посвящены взаимоотношениям Общества краеведов-марксистов с другими организациями, занимающихся вопросами краеведения. В первую очередь это касалось разногласий с руководством Общества пролетарских туристов, которое протестовало против признания Общества краеведов-марксистов методологическим центром по краеведению. Кроме того, сектор науки Народного комиссариата просвещения и Центральное бюро краеведения (ЦБК) пытались сделать Общество краеведов-марксистов придатком ЦБК. Вторым вопросом разногласий являлись задачи краеведения: общество настаивало на комплексности и всесторонности краеведческого движения, тогда как Общество пролетарского туризма и экскурсий (ОПТЭ) утверждало, что это «левацкая болтология», призывало изучать природу и обвиняло их в принадлежности к неоакадемизму, сравнивая с позицией академика (А.Е.) Ферсмана. Третий вопрос разногласий касался встречного комплексного планирования: ЦБК и ОПТЭ отказывались заниматься «встречным-поперечным» планированием, которое, по их мнению, не имело никакого отношения к краеведению. Четвертый вопрос разногласий – организационный: Общество краеведов-марксистов предлагало создать Общество пролетарских туристов, экскурсий и краеведения. Основанием для такого предложения являлся тот факт, что районные бюро краеведения были ликвидированы и существовали нелегально, ячеек нет, а в краевых бюро очень текучий состав. По мнению Общества краеведов-марксистов, не стоило создавать заново краеведческую сеть, тогда как уже существовала крупная организация краеведческого дела, которую нужно «было переворочить методологически и методически»¹.

2 апреля 1932 года состоялось заседание пленума Общества краеведов-марксистов, на котором выступил И.Г. Клабуновский². Он сообщил об изменении параграфа 8 в уставе общества, в соответствии с которым общество не организовывало своих местных отделений. По утверждению краеведа целый ряд краев и областей поставил перед обществом вопрос о том, чтобы отказаться от этой формулировки. Предлагалось создавать краевые и областные отделения общества, отделения при районных центрах, на предприятиях, в колхозах, учебных заведениях и прочих. Отдельно он остановился на письме И.В. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция», которое «мобилизует всю партийную, профессиональную, советскую общественность на борьбу за чистоту ленинских установок, с всевозможными уклонами «левацкого», правооппортунистического характера от линии партии, имеет для краеведческой системы глубочайшее принципиальное значение». Кра-

евед отмечал, что не в достаточной мере была развернута борьба с «реакционными буржуазными краеведческими системами, установками и работами отдельных старых краеведов, с отдельными ошибками наших товарищей правого и «левого» характера». Был выдвинут лозунг – за марксистско-ленинскую методологию против всяких извращений диалектического и исторического материализма на краеведческом фронте.

И.Г. Клабуновский поставил вопрос о необходимости подготовки специального доклада в ЦК ВКП (б) о развитии краеведческого дела в СССР, что, по его мнению, тесно связано с установлением связей с областными, краевыми центрами, научными, научно-исследовательскими организациями, музеями и другими организациями, занимающимися вопросами краеведения. Также он сообщал о необходимости подготовки разнообразного материала для выпуска специального сборника «Краеведение в СССР за 15 лет Октября». Необходимым условием для успешной работы в области краеведения, по его мнению, должна быть подготовка новых кадров краеведов-марксистов, изучение естественных богатств страны для помощи плановым органам. В план работы общества должны быть включены: разработка форм и методов участия краеведческих организаций в работе планирующих органов; изучение особенностей истории, экономики, культуры и быта в различных областях; установление связи краеведения с начальной и средней школой; разработка теоретических основ, методики и методологии советского краеведения.

Значительный интерес представляет заслушанный на заседании пленума доклад Н.В. Крыленко «Итоги 1931 г. и перспективы 1932 г.»³, который признал положение в обществе недостаточно благополучным. Рост числа членов общества с 50–60 до 150–180 нельзя считать значительным, в журнале «Советское краеведение» и двух сборниках «Навстречу второй пятилетке» и «За марксизм в советском краеведении» отсутствовали работы методологического характера. Отсутствовало единогласие в вопросах о задачах и методах краеведческой работы, что привело к спорам в ущерб практической работы. В прениях по докладу выступили более 15 участников заседания пленума.

В документах фонда сохранился доклад И.Г. Клабуновского «Письмо тов. [И.В.] Сталина и задачи борьбы на краеведческом фронте» на заседании Общества краеведов-марксистов, датируемый 22 апреля 1932 года.⁴ Он отмечал, что за последние годы была проведена довольно решительная борьба против реакционных буржуазных установок в краеведении. По его мнению, целый ряд областей, по сути, был отдан на откуп представителям буржуазного академиче-

¹ АРАН, ф. 367, оп. 1, д. 9, л. 1–62.

² Там же, д. 14, л. 1а–15.

³ АРАН, ф. 367, оп. 1, д. 14, л. 16–134.

⁴ Там же, д. 15, л. 1–89.

ского краеведения. В качестве примера краевед привел высказывания (А.В.) Бакушинского, которое отражало тоску по общерусской внеклассовой культуре. В обожании русской торговой буржуазии и восхвалении колониальной политики самодержавия автор доклада обвинял (А.А.) Бахрушина и (Н.Н.) Семенова-Тян-Шанского. Другие краеведы обвинялись в защите старых, мелкособственнических форм крестьянского хозяйства. И.Г. Клабуновский приводил примеры из отдельных публикаций по краеведению, в которых, по его мнению, были допущены ошибки идеологического характера. Он констатировал, что руководящие органы краеведения не до конца решили задачи идеологической борьбы с реакционным академическим буржуазным краеведением. Значительный интерес представляют прения по докладу участников заседания.

Члены Общества краеведов-марксистов готовили научные доклады, с которыми выступали на заседаниях. Сохранились научные доклады и стенограммы прений по ним: А.П. Пинкевич «Сущность советского краеведения»¹, А.Ф. Вангенгейм «Краеведение и социалистическое строительство»², Шнеерсон «Принципы построения краеведного музея и взаимоотношения краеведных музеев и краеведных организаций»³, И.Г. Клабуновский «О советском краеведении»⁴. В фонде отложились статьи М.Я. Феноменова по краеведческим вопросам⁵ и рецензия М. Брянского на книгу С. Толстова «Введение в советское краеведение» (1932 год)⁶.

В заключение необходимо отметить, что попытка создания еще одного органа управления краеведением в стране, в этот раз в Коммунистической академии, не увенчалась успехом. Общество краеведов-марксистов, за более чем трехлетний период своего существования, не смогло наладить контакты с существовавшими в СССР краеведческими организациями, не проводило никаких практических действий в организации краеведения, погрязло в разногласиях и выяснениях отношений. Оно заняло идеологическую позицию, которая в дальнейшем привела к разгрому краеведения, как государственного, так и общественного. Заниматься краеведением в нашей стране стало опасно. Краеведов в эти годы обвиняли во многих грехах. Их обвинили в попытке организации заговора против Советской власти вместе с академиками-историками С.Ф. Платоновым и Е.В. Тарле, в связях с учеными-экономистами Л.В. Чаяновым и Н.Д. Кондратьевым, объявленными врагами народа, и т. д. Появились работы, в которых совершенно по-новому оценивалось краеведение, как в дорево-

люционное, так и в советское время. Закрывались краеведческие издания. Такие тяжкие обвинения объясняются тем, что краеведческое движение в 1930-е гг. перестало вписываться в официальную идеологию и политику. Краеведение – это движение с демократическими традициями, движение, дающее знания населению без «руководящих указаний» и минуя официальные каналы. Краеведы всегда были за разнообразие форм хозяйства и не соглашались с унификацией экономики, были за развитие культуры всех народов, населяющих СССР, не соглашались с разрушением памятников истории и культуры, были за сохранение взаимосвязи истории СССР и истории России и не соглашались с утерей населением СССР своих корней, соглашались с идеологизацией всей культурной жизни в стране. Факты, добываемые краеведами, уже никак не подходили для официальной истории. В целом краеведы стали, как говорят сегодня, инакомыслящими. Они не устраивали тот режим, который утвердился в 1930-е годы в СССР. Отсюда обвинения, отсюда гонения и репрессии многих краеведов. Краеведение в стране практически остановилось. Была утрачена самая сильная его сторона – массовость. Изучение края стало делом узкого круга лиц – работников архивов и музеев.

Эти процессы не могли не отразиться на организации краеведения в регионах России. Одним из недостатков краеведческих учреждений и организаций был тот факт, что они старались заниматься всем краеведением, не деля его на географическое, историческое и т. п. Представленная информация позволит расширить источниковедческую базу по истории краеведения, может быть использована в исследовательских и образовательных целях.

УДК 930.85

*И.З. Шахметова,
г. Уфа*

«НОВАЯ» ГОРОДСКАЯ КУЛЬТУРА И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ КАК РЕЗУЛЬТАТ ГРАДООБРАЗОВАНИЯ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Аннотация. Статья посвящена формированию особой городской культуры и повседневности, что стало следствием градообразования советского периода. Вся жизнь граждан была связана с промышленным предприятием, которое являлось и местом трудоустройства, и распределителем социальных благ, и организатором досуга населения.

Ключевые слова: города, градообразова-

¹ АРАН, ф. 367, оп. 1, дд. 17–19.

² Там же, дд. 20–21.

³ Там же, д. 22, л. 1–187.

⁴ Там же, д. 23, л. 1–90.

⁵ Там же, д. 24, л. 1–99.

⁶ Там же, д. 25, л. 1–13.

ние, Южный Урал, городская культура, повседневность.

В настоящее время возрос интерес к историческому наследию, поскольку для успешного продолжения реформ в Российской Федерации необходимо учитывать наследие прошлого, в том числе беспрецедентной по своим масштабам модернизации государства советского периода.

Одной из форм этой модернизации стал процесс градообразования, результатом которого был рост численности городского населения в стране, создание мощной индустриальной базы и особого типа культуры населения новых городов.

Города Южного Урала, возникшие в советский период, расположены вдали от ядра горно-заводской промышленности региона. Они были основаны как центры деревообрабатывающей промышленности (Тавда), в связи с добычей открытых в XX в. полезных ископаемых и их первичной обработкой (Гай, Волчанск, Медногорск, Магнитогорск, Ишимбай, Салават, Туймазы, Октябрьский, Нефтекамск и др.) [2, с. 101].

Основная масса населения созданных в период индустриализации и последующие десятилетия XX века – это рабочие, которые численно пополнялись за счет административно организованных мобилизаций. Так, в 1931-1932 год был осуществлен оргнабор на Магнитогорский металлургический комбинат. Всего было объявлено о мобилизации 56052 человек, в том числе из Уральской области, Татарской АССР, Башкирской АССР, Средневолжского края и ряда других областей страны [1, Л. 171]. При оргнаборе учитывались производственный стаж, возраст, предпочтение отдавалось молодежи до 25 лет, образовательный уровень, социальное происхождение, членство в партии или комсомоле. Статус трудовых мигрантов по оргнабору заметно ужесточился в конце 1930-х годов и особенно в период Великой Отечественной войны.

Рабочие в новых южноуральских городах были по происхождению сельскими жителями. Они являлись носителями общинного уклада жизни, который подразумевал бескорыстную взаимовыручку и взаимоподдержку людей, проживавших на селе. В городе эти отношения вылились в форму бескорыстных отношений людей, на основе сходства в жизненных обстоятельствах. Иерархия и профессионализм в сфере производственных отношений дополнялись равенством и братством в быту. Люди разных социальных слоев мало отличались друг от друга, поскольку заработная плата была де-факто унифицирована, люди имели стандартное жилье (сначала общее, коммунальное, а затем отдельное), посещали одни и те же социальные объекты, например, кинотеатры, парки культуры и отдыха, театры, кафе и т. п. Именно сфера быта была строго очерчена государством: любое от-

клонение от общепринятых норм в образе мыслей, форме отдыха негативно воспринимались в обществе.

Промышленное предприятие в советский период стало центром жизни горожан. Оно определяло индивидуализацию работника: каждый занимал свое место, согласно квалификации и профессиональному статусу, мог проявить свои таланты и способности. В связи с этим работа на заводе или фабрике наделялась особым смыслом. Предприятие служило распределителем социальных благ в процессе трудовой деятельности: жилья, путевок в дошкольные учреждения, санатории, курорты, распределения дефицита и продуктов питания.

Коллективность потребления социальных благ стала оптимальной формой новой действительности. В подобную форму вписывались бараки, общежития, квартиры, воспитание и организация отдыха детей в пионерлагерях. Эти вопросы дополнялись мероприятиями промышленных предприятий по эксплуатации и поддержке городских электрических и транспортных систем, содержанию на балансе дворцов культуры, домов отдыха, пионерлагерей, стадионов и т. п.

Таким образом, промышленные предприятия стали центрами поддержания социальной инфраструктуры городов, что соответствовало социальным задачам государства.

Такая социальная модель была реализована первоначально в городах, возникших в период индустриализации, а затем, после ее успешного апробирования, она была распространена и на все другие города, включая города с дореволюционной историей. Города, начиная с предвоенного периода, унифицировались и внешне, и по образу жизни населения, и по вектору своего развития.

Список литературы

1 Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. 234. Оп. 1. Д. 57. Л. 171.

2 Шаяхметова И. З. Ментальная повседневность советских горожан Южного Урала // *Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. Серия «Патриотическое воспитание студентов в техническом вузе»*. Воронеж : ВГУИТ, 2017. Вып. 4 (17). С. 100–102.

УДК 070.1 : 94(47).084.8

**А.Н. Лымарев,
г. Челябинск**

ГАЗЕТЫ НА НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКАХ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ УРАЛА)

Аннотация. В статье анализируется функционирование периодических изданий уральско-

го региона на национальных языках в конце 30-х и в годы Великой Отечественной войны. Особое внимание уделяется целям и задачам, которые ставила партия большевиков перед газетами в предвоенный период и на разных этапах военных действий. Отмечается, что достижение высокой эффективности агитации и пропаганды облегчалось тем, что все СМИ действовали в единстве, дополняя друг друга, тем самым максимально увеличивая воздействие на массовое сознание. Отдельно рассматриваются статистические показатели, общее содержание, решение кадровой проблемы национальной периодики. Сделан вывод о необходимости таких изданий для гармоничного развития межнациональных отношений.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Урал, периодическая печать, корреспонденты, национальные отношения.

В Советском Союзе основная задача периодических изданий определялась следующим образом: «возвышать и облагораживать потребности советских людей, формировать в них идейную убежденность и сознание высокой личной ответственности за состояние политики, экономики, управления, морали, культуры, законности и правопорядка, всех сфер жизнедеятельности» [9, с. 37]. Основная функция газет и журналов, характерная для большинства стран – доведение информации до читателя – в СССР отходит на второй план. Не случайно последние исследования читательских приоритетов датируются серединой 30-х годов. Само это понятие пытались втиснуть в рамки марксизма-ленинизма и получился «гибрид»: с одной стороны, в соответствии с общими представлениями психологии, этот интерес представлялся как «специфические установки в процессе поиска, приема и переработки новой информации», которые действуют как своеобразный фильтр, пропускающий в сознание только ту ее часть, «на которую настроен, очищая или трансформируя остальную» [6, с. 15]. С другой стороны, этот интерес делился на «советский», наполняемый марксистско-ленинской идеологией (как вариант – «общественно-революционная установка»), и «буржуазный, стоящий далеко от общественной жизни читатель – индивидуалист» [8, с. 11]. Опубликованные официально данные обследования рабочих промышленности Свердловской области в 1937 году показали: в среднем 1 рабочий читал в год 240 экз. газет, что в 2-3 раза ниже, чем прочитывал инженер [7, с. 326.].

Основные задачи периодической печати диктовались интересами пропаганды и агитации. Это трактовалось как доведение до широкой общественности тех политических и идеологических установок, которые были сформулированы партией. При этом все эти разроз-

ненные установки, дававшиеся партийными структурами различного уровня, сводились к некоему единому знаменателю, оформлялись в стройную систему идеологических догм. Такая цель существовала как для центральных, так и для местных средств массовой информации. Ее выполнение облегчалось тем, что все СМИ – и центральные, и региональные функционировали в единстве, дополняя друг друга, тем самым максимально увеличивая воздействие на массовое сознание.

Исходя из главной, можно определить второстепенные задачи периодики. Здесь и информирование о происходящем в стране и в мире, о событиях на уровне региона (для местных газет свой уровень – область, город, район и т. д.), работа с читателями (письма, читательские конференции – так называемая «обратная связь» и т. д.), различного рода специфические задачи ведомственных газет. Общие задачи советских газет и журналов сформулировал М.И. Калинин: служить не отдельным, сравнительно ничтожным по своей численности группам привилегированных людей, а «всему народу, целому обществу, которое сплочено единством своих кровных интересов, коренных устремлений; развивать, просвещать, воспитывать широкие массы, внедряя в их сознание благороднейшие и самые гуманные принципы человеческого общежития; стремиться научить людей зорко следить за явлениями действительной жизни, осмысливать эти явления и направлять их в общее русло закономерного развития нашего советского общества» [2, с. 8-9].

Первые попытки определиться с задачами газет в годы войны сделаны в директиве СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 года. Эти задачи вписывались в рамки общепартийных, а их суть заключалась в следующем: всесторонне разъяснять населению политику партии и советского правительства; разоблачать человеконенавистническую сущность фашизма; всемерно развивать любовь к Родине, крепить дружбу народов, единство фронта и тыла. Позже они уточняются в выступлении И. В. Сталина 3 июля 1941 года. Работникам СМИ там предназначался следующий посыл: «Прежде всего необходимо, чтобы наши люди, советские люди поняли всю глубину опасности, которая угрожает нашей стране, и отрешились от благодушия, от беспечности, от настроений мирного строительства, вполне понятных в довоенное время, но пагубных в настоящее время, когда война коренным образом изменила положение». Этот тезис повторяет директивное письмо Молотовского обкома партии, появившееся в сентябре 1941 года и направленное редакциям районных и городских газет. В нем особо обращалось внимание на то, что «в условиях войны в газете не может быть случайных заметок. Каждый номер газеты, каж-

дая корреспонденция должна призывать своим содержанием к еще более напряженной работе и бдительности. Газета должна показывать лучшие образцы дисциплинированности, организованности и высокой производительности труда, должна на конкретных примерах показывать, как предприятия, колхозы, учреждения перестроили свою работу на военный лад, как они помогают фронту» [3, с. 37].

Функционирование пропагандистской системы осложнялось многонациональным составом Советского Союза в целом и Урала в частности. Этот фактор пришлось учитывать в 30-е годы, когда шел процесс формирования сети местных изданий. Если в 1928 году по всему Советскому Союзу на национальных языках издавалась 321 газета, то к 1940 году их насчитывалось 2275. В 1939 году разовый тираж газет на башкирском языке, выходивших в СССР, составлял 78,8 тыс. экз., а число названий составляло 25, на татарском – 363,9 тыс. и 122 соответственно [5, с. 80]. В Чкаловской области до осени 1941 года издавались газеты на казахском – «Социалистический труд» («Социалистик енбек») – Адамовский район, «Красная степь» («Кызы дола») – Домбаровский район, 2 газеты на немецком и 1 на татарском, в Челябинской таких газет было 4: «Большевик» (Аргаяшский район), «Колхозсы» (Кунашакский), «Сталин юлы белен» (Нагайбакский) и «Коммунист» (Сафакулевский район), издававшиеся на башкирском и татарском языках. В Альменевском районе Курганской области выходила газета «За урожай», совмещавшая публикации на татарском и русском языках. По статистике, в этом районе проживало 1859 татар и 1669 русских. В среднем, в каждом номере под материалы на татарском отводилось 40–50 строк, иногда печатались передовицы.

Основные задачи местных периодических изданий в военное время сформулированы в «Правде». Газеты должны были: 1) разъяснять народу высокие, благородные цели советского народа в его великой освободительной войне против коварного и вероломного врага; 2) поддерживать и развивать патриотический порыв народа на фронте и в тылу; 3) воспитывать советских людей на славных патриотических традициях русского народа и других народов СССР, в духе горячей любви к родной земле; 4) воспитывать в советских людях ненависть к врагу на фактах неслыханных зверств фашистов на оккупированных территориях; 5) пропагандировать героические подвиги советских людей на фронте и в тылу; 6) служить живой связью между фронтом и тылом; 7) несмотря на военную обстановку, по-большевистски критиковать все негодное, избличать бюрократов, ротозеев, всех, кто мешают ковать победу над ненавистным врагом.

В начале войны первоочередной задачей стало проведение мобилизационной компании,

которая, вопреки ожиданию немецкого командования, не только не привела к массовым выступлениям против сталинского режима, но и прошла на волне патриотического подъема. Здесь средства массовой информации четко отыграли свою роль, заполнив страницы многочисленными отчетами с митингов и письмами желающих идти на фронт. Другой, не менее важной задачей воюющей страны стало создание военной экономики. Отметим, что превращение Советского Союза в годы войны в «единый военный лагерь» было невозможно без организации мощного пропагандистского воздействия. Особенно примечательна в этом плане развернувшаяся с 1942 года компания по проведению Всесоюзного социалистического соревнования, включавшая в себя всевозможные структуры средств массовой информации. Главным стимулом повышения экономической эффективности в таких условиях становился не материальный, а моральный фактор, опирающийся на народный патриотизм. Из этого же исходили и при проведении целого ряда других компаний: по сбору теплых вещей для Красной Армии, помощи эвакуированным и т. п.

В условиях потребительского отношения власти к населению, рассматриваемому только как трудовой ресурс, те меры, которые должны были облегчить жизнь народа, практически не реализовались. Взамен на страницах газет предлагались некие идеи, компенсирующие тяжелые будни. Массовыми стали надежды на лучшую жизнь в послевоенное время и сожаление о довоенном, которое в сознании народа стало воплощением счастливой жизни. Трудности военных лет вызывали скрытое недовольство части населения. Одной из задач средств массовой информации являлось блокирование этого недовольства путем локализации, объяснения возникших трудностей местными условиями (читай – деятельностью или бездействием местных начальников); путем нравственного шантажа, поясняя, что недовольство может сыграть на руку врагу; путем перевода недовольства в разряд девиантного, а иногда и деликвентного поведения; и, наконец, путем откровенной лжи.

Следующим направлением являлась нейтрализация конкурирующих идеологий, так как рамки военного времени расширили поток информации, ранее не доступный советским гражданам. Традиционно, в советской историографии рассматривалась лишь одна сторона проблемы – борьба с фашистской идеологией, оставляя в стороне вопросы противодействия либеральной, проникавшей из Европы и США. Главным поставщиком информации в таких условиях выступало Совинформбюро, созданное 24 июня 1941 года. Оно ежедневно передавало для всей страны и армии сообщения о внутренних и международных событиях, о ходе военных действий, обеспечивало информацией союзные

и нейтральные страны. За годы войны сводки Совинформбюро выходили ежедневно, формируя у населения картину мира и места в нем Советского Союза. Результатом такого воздействия стал своеобразный «союзоцентризм», то есть гипертрофированное представление советских людей о роли СССР в мире.

В содержании уральских газет на национальных языках в 1941–1945 годы можно выделить две части. Первая – это передовица, написанная на фактах из жизни области, города, района. Обычно к этой передовице привязывалась и рубрика «В помощь фронту», состоявшая из различного рода корреспонденций и заметок о деятельности предприятий и колхозов по выполнению плана, укреплению дисциплины, участию в соцсоревновании и т. д. Здесь же публикации постановлений местных властей, раздел партийной жизни, письма трудящихся. Вторая часть – обзор военных действий за неделю, основанный на сводках Совинформбюро (обычно под рубрикой «В последний час»). Корреспонденты старались рассказывать о подвигах земляков на фронте, печатали письма бойцов Красной Армии. Иногда присутствовали статьи по военному делу, краткая информация по международным вопросам.

Серьезной проблемой национальных изданий стали кадры. В некоторых газетах необходимо было содержать две редакции, готовивших верстку на русском и башкирском, татарском или других языках (в Башкирии в 1944 году выходило по 2 районные газеты на русском и на башкирском языках в 23 районах). Плачевное состояние с уровнем образования констатировалось в докладной в Челябинский обком ВКП(б) за 1941 год: «большинство работников районных газет не имеют законченного среднего образования». Далее подчеркивалось, что у корреспондентов нет желания исправить положение: «на 1 ноября подали заявки в заочную школу 51 человек, а приступили к учебе только 26»¹. Еще одна проблема, обострившаяся в годы войны – совмещение должностей. В 1942 году редактор башкирской районной газеты «Колхоз ударчысы» писал в обком партии: «22 марта 1942 г. райком назначил меня редактором газеты. До этого я работал учителем физики и математики в школе. Но не успел выпустить 2 номера, райком ВКП(б) назначил меня своим представителем в один колхоз. По крайней мере 4-5 дней недели я должен находиться в этом колхозе. Для моей основной работы, которой я еще толком и не освоил, остается всего лишь 2-3 дня. А в аппарате кроме меня есть только один секретарь редакции» [1, с. 37]. Подобные факты встречались и в других областях.

Количество корреспондентов зависело от аудитории газеты. Для областных в 1940 году

оно составило 10–12, для городских от 5 до 10 человек. В годы войны эта сеть сократилась. В 1942 году у газеты «Кызыл Башкортостан» имелось 8 корреспондентских пунктов, но ни на одном из них не было сотрудника. Приходилось привлекать внештатных сотрудников. В постановлении «О районных газетах» 1940 года ЦК партии указывал на необходимость того, чтобы местные газеты, особенно районные, строились «на материалах рабочих и сельских корреспондентов, партийного и советского актива».

Не во всех средствах массовой информации уделялось достаточно внимания развитию рабселькоровского движения, несмотря на столь грозные указания из Москвы. В январе 1941 года в аргаяшской районной газете «Большевик» (Челябинская область) проходило партсобрание, на котором секретарь организации отметил, что «особенно плохо поставлена работа с письмами селькоров». Далее он сообщил, что многие из них находятся без ответа по 10–12 дней, а некоторые материалы могли вызвать интерес правоохранительных органов. Так, в одном из сообщений, обнаруженном в папке «не подлежащих к опубликованию материалов», сообщалось о фактах продажи местных девушек. Сотрудники редакции, вместо того, чтобы отвечать на сигнал, просто выкидывали письма, ссылаясь на то, что «написано неразборчиво». В период войны происходит резкое сокращение количества рабселькоров. Уже в 1942 году редактор газеты «По сталинскому пути» (Нагайбакский район Челябинской области) докладывал на совещании в обкоме партии, что если раньше в работе газеты участвовали постоянно 70–80 человек, то из них 59 человек уехали².

Отсюда серьезные проблемы национальных периодических изданий военного времени. В Сафакулевском районе (Челябинская область), где был достаточно пестрый национальный состав (башкир – 4559, татар – 3610, русских – 2228, украинцев – 324), местная газета «Коммунист» должна была часть своих публикаций выпускать на татарском. В течение 1943 года газета выходит только на русском из-за отсутствия необходимых специалистов. В предыдущем, 1942 году отмечался крайне низкий уровень публикаций на национальных языках. Так, в № 77 от 24 сентября 1942 года присутствовала заметка на татарском из 28 строк, которую редактировал лично заведующий отделом пропаганды и агитации РК ВКП(б). В ней, как отмечалось в докладной в обком партии, было допущено 16 грамматических ошибок³. Тем не менее, работа по развитию рабселькоровского движения не прекращалась. 30 января 1945 года в Кургане состоялся первый областной съезд рабочих и сельских корреспондентов, на котором с докладом «О задачах раб-

² ОГАЧО. Ф. п. 115. Оп. 3. Д. 83. Л. 2

³ Там же. Ф. п. 288. Оп. 6. Д. 247. Л. 86.

¹ ОГАЧО. Ф. п. 288. Оп. 4. Д. 247. Л. 26.

селькоров» выступил редактор газеты «Красный Курган» С.С. Глебов.

Серьезной проблемой стало распространение периодики. Здесь помогали газетные витрины. В Кургане эта форма получила развитие еще в 1941 году. 24 июля бюро Курганского ГК ВКП(б) принимает решение «О развертывании агитационно-массовой работы в мобилизационный период», в котором предусматривалось оборудование в городе 43 газетных витрин. А бюро Шадринского ГК в 1942 году отмечало хорошее использование газетных витрин парторганизациями автоагрегатного завода, фабрики им. Володарского и учительского института. Здесь же отмечалась плохая работа на станции Шадринск и металлзаводе. Рост общего количества газетных витрин в области продолжился и в 1943 году. В апреле бюро обкома партии рассмотрело вопрос «О состоянии газетных витрин в г. Курган и в Мостовском районе» и предложило в каждом районе установить не менее 90 витрин, в том числе, в каждом сельсовете и колхозе. Особо подчеркивалось значение деятельности избчитален, в обязанности которых входило «вывешивание газетных витрин и монтажей». Их число в городах предусматривалось довести до 120. Здесь же отмечалось неудовлетворительное обслуживание витрин. Например, в Мостовском районе из 18 числящихся регулярно действовали только 8. Общее же количество витрин в 1943 году составляло 1430, а в 1944 году – 1713¹.

На Урал поступали газеты из Казахстана и Средней Азии. Их читателями были трудмобилизованные. Только в Свердловской области общий список газет подобного рода насчитывал 69 наименований. Летом 1943 года на Кировском заводе (г. Челябинск) для рабочих среднеазиатских республик выписывалось 150 экз. газеты «Кызыл Узбекистан» и 20 экз. газеты «Правда Востока» на туркменском языке. Всего же в Челябинскую область в 1944 году ежемесячно поступало 1283 экз. газет на узбекском, казахском и киргизском языках².

К концу войны на Урале выходило 29 газет на татарском, 27 на удмуртском, 19 на башкирском и по 2 на коми-пермяцком, чувашском и марийском языках [4, с. 196]. Наличие национальных изданий плодотворно влияло на межнациональные отношения. Вместе с тем, назначением средств массовой информации того времени было не столько выявление, сколько сокрытие состояния общества. Средства массовой информации создавали идеологизированную картину мира, а население, в свою очередь, пытаясь сопоставить эту информацию с реальностью, поневоле продуцировало всевоз-

можные мифологемы. Общественное мнение формировалось между двумя полюсами: официальной пропагандой и действительностью. Однако власть, пытаясь монополизировать большую часть информации, имела мощный рычаг манипуляции общественным сознанием, что позволило избежать социального взрыва в условиях военного времени.

Список литературы

- 1 Ахунзянов Т. И. Печать советской Башкирии. Кн. II. Уфа : Башкирское кн. изд-во, 1970.
- 2 Калинин М. И. Некоторые вопросы партийно-массовой работы : речь на совещании партийных работников предприятий г. Москвы 21 апреля 1942 г. // Спутник агитатора. 1942. № 9.
- 3 Кириенко Л. Д. Печать Западного Урала в годы Великой Отечественной войны (1941-1945) // Из истории партийных организаций Урала. Ученые записки кафедры истории КПСС Пермского университета № 276. Пермь, 1976.
- 4 Корнилов Г. Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны 1941 - 1945 гг. Свердловск, 1990.
- 5 Печать СССР в 1939 г. Статистические материалы. Москва, 1940.
- 6 Пронин Е. И. Печать и общественное мнение. Москва, 1979.
- 7 Фельдман М. А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914 - 1941 гг. (численность, состав, социальный облик). Екатеринбург, 2013.
- 8 Шафир Я. Очерки психологии читателя. Москва – Ленинград, 1927.
- 9 Эффективность средств массовой информации. Минск, 1986.

УДК 94(47)

О.В. Рябкова,
г. Салехард

ОРГАНИЗАЦИЯ СБОРА ТЕПЛОЙ ОДЕЖДЫ ДЛЯ ФРОНТОВИКОВ В ЯМАЛО-НЕНЕЦКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ОКРУГЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В годы Великой Отечественной войны действующая армия получала финансовую и материальную поддержку от гражданского населения Советского Союза, что стало одним из залогов победы в войне. В 1941 году к организации помощи армии присоединились все регионы страны.

В данной статье на основе архивных документов и материалов периодической печати рассмотрена проблема организации сбора теплых вещей среди гражданского населения Ямало-Ненецкого национального округа для действующей армии в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Ямало-Ненецкий национальный округ, Великая Отечественная война, помощь Красной Армии, все для фронта.

¹ ГАОПДКО. Ф. 90. Оп. 80. Д. 454. Л. 45.; Ф. 166. Оп. 1. Д. 14. Л. 8 - 9.; Оп. 49. Д. 88. Л. 9.; Ф. 351. Оп. 73. Д. 888. Л. 1.

² ОГАЧО. Ф. п. 92. Оп. 5. Д. 237. Л. 3.; Ф. п. 288. Оп. 8. Д. 145. Л. 93.; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 38. Д. 23. Л. 17-19.

Одной из ключевых тем истории России XX века является Великая Отечественная война, внутри которой существует достаточное количество различных проблематик, разрабатываемых историками. Довольно интересной темой истории Великой Отечественной войны является проблема организации помощи действующей армии гражданским населением. Тесная взаимосвязь фронта и тыла была одним из залогов победы СССР в войне с фашистской Германией. Виды помощи бойцам РККА, оказываемые гражданским населением, были различными: сборы денег на постройку боевой техники, подписки на военные займы, а также организация сбора и отправки теплых вещей на фронт для бойцов РККА.

В данной статье на основе архивных документов и материалов периодической печати будет рассмотрена проблема организации сбора теплой одежды для бойцов РККА жителями Ямало-Ненецкого национального округа в годы Великой Отечественной войны. Сбор и отправка теплых вещей защитникам отечества, изначально начавшиеся как частная инициатива, были официально поддержаны правительством 5 сентября 1941 года. ЦК ВКП(б) принял Постановление «О сборе тёплых вещей и белья среди населения для Красной Армии» [1]. Информация была направлена телеграммой на адрес Омского областного комитета ВКП(б) и комитета ВЛКСМ 6 сентября. В соответствии с постановлением Обкомы, Крайкомы, Центральные комитеты союзных республик обязывались начать сбор теплых вещей в частности «полушубков овчин, выделанных и невыделанных, валенок фуфаек, тёплого белья, шерсти, рукавиц, шапок ушанок, ватных брюк, курток и другого. Организовать на местах окончательную обработку овчин и пошивку из них полушубков, а так же переработку шерсти на валенки, варежки, носки, и др.» [ГАОО Ф.17. Оп.1. Д.264. Л.3-4]. Руководство организацией сбора вещей возлагалось на Обкомы, Крайкомы и ЦК компартии союзных республик, горкомы и райкомы партии, при которых создавались специальные комиссии для организации работ на практике. Вместе с тем партийные профсоюзные и комсомольские организации должны были развернуть по предприятиям, учреждениям, колхозам, совхозам, общежитиям, домами, широкую работу среди населения по сбору тёплых вещей и белья для Красной армии. Отчётная информация по сбору вещей для Красной армии отправлялась в Областной комитет КПСС с 1-го октября 1941 года в зашифрованном виде каждые 5 дней [ГАСПИТО Ф. П-135 Оп.1. Д.236.Л.4].

Все сдаваемые вещи принимались строго по инструкции «О порядке использования и переработки полученных от населения материалов сырья и полуфабрикатов для нужд Красной армии» [ГАСПИТО Ф. П-135 Оп.1. Д.236. Л.1-3],

которая была утверждена 14 сентября 1941 года главным интендантом Красной Армии генерал-майором П.А. Давыдовым, инструкция была направлена в местные комитеты ВКП(б) для начала работы.

Согласно инструкции все материалы, собранные на местах, сортировались по видам и назначению: бельевые материалы, одежда и подкладочные материалы, фурнитура и портновский материал, шерсть весовая и шерстяная пряжа, овчина (выделанная и невыделанная), меховой лоскут. Местом хранения назначались склады приёмных комиссий. Готовые к использованию вещи передавались складам Народного Комиссариата Обороны (далее по тексту НКО).

Требующие ремонта и переработки вещи местные комиссии передавали на предприятия, кооперативной промышленности и задействованному для данной работы населению в виде заказов. Инструкцией определялись ориентировочная стоимость пошива и ремонта вещей. Стоимость включала в себя зарплаты, начисления на зарплату, накладные расходы, начисления на производственную себестоимость в размере 5,8%. Расчёт стоимости заказов определялся ремонтными и пошивочными организациями. «За сентябрь – ноябрь 1941 г. для защитников Родины были сданы миллионы теплых вещей: 1 млн 175 тыс. пар валенок, около 3 млн кг. шерсти, свыше 500 тыс. полушубков, миллионы пар шерстяных перчаток и варежек, меховых рукавиц, ватных курток, шапок-ушанок и прочего» [4, с. 167].

Активная работа по сбору теплой одежды для солдат Красной Армии началась и в Ямало-Ненецком национальном округе, 16 сентября 1941 года в окружной газете были опубликованы обращения работников Салехардского городского потребительского общества и конторы связи с призывами к жителям города и округа об организации помощи Красной Армии теплыми вещами [5, с. 1].

О том насколько быстро набирала обороты акция в округе можно судить все по тем же статьям из окружной газеты, 18 сентября к ней присоединились работники Салехардского лесостарного завода [6, с. 1], 19 сентября работники окружной больницы [7, с. 2], уже к 21 сентября в одном только Салехарде теплые вещи сдали 264 человека [8, с. 2]. Но работа не ограничивалась только Салехардом, в районах также проводился сбор теплых вещей, а так же были организованы швейные мастерские, в которых женщины бесплатно шили теплую меховую одежду и меховые одеяла для солдат. Так, «в пяти райцентрах, во многих колхозах были организованы женщинами – общественницами пошивочные мастерские, где из различных материалов бесплатно шили тёплые вещи (меховые жилеты, белье, рукавицы, варежки, носки, кисы,

чижи и тд.). Таким путём было изготовлено более 270 штук меховых жилетов, 106 штук шапок, больше 1000 одеял, свыше 150 пар белья, 215 пар рукавиц и много других вещей» [ГАСПИТО Ф. П-135 Оп.1. Д.236. Л. 16]. Кроме того, в округе была организована заготовка камусов (шкура с голени оленя) и мехового сырья для пошива обуви для Красной армии.

За 3,5 месяца было собрано 19339 штук наименований тёплой одежды и белья, без учёта сдаваемой мануфактуры и оленьих шкур. Жители округа сдавали не только тёплую одежду, но и ценные личные вещи «6 штук карманных часов, 1 патефон, 2 гармонии, несколько дамских платьев, блузок и тд.» [ГАСПИТО Ф. П-135 Оп.1. Д.236. Л.16]. Продукция, собранная и пошитая в Ямало-Ненецком национальном округе, доставлялась на склад НКО №569, находящийся в городе Тюмень [ГАСПИТО Ф. П-135 Оп.1. Д.236. Л.10].

Однако, не смотря на активность жителей округа, прием и доставка теплой одежды для бойцов РККА проходила не всегда гладко. Комиссии, созданные для реализации постановления «О сборе тёплых вещей и белья среди населения для Красной Армии» столкнулись с рядом проблем, отмечаемых в архивных документах, которые мешали четкому выполнению работы.

Первая проблема – невыполнение плана по сбору тёплых вещей из шерсти и овчины. План по сбору тёплых вещей и белья для нужд Красной армии включал сбор изделий из шерсти и овчины, но в Ямало-Ненецком национальном округе товары из данных материалов были сугубо привозными. По этой причине задание по сбору шерстяных носков, чулок удалось выполнить только на 50% (всего собрали 792 шт.), с такой же проблемой столкнулись при сборе тёплого белья из шерсти. Для выполнения плана был увеличен сбор утеплённых рубашек.

Вторая проблема – транспортировка вещей на склады НКО. Специфической особенностью округа было отсутствие грунтовых дорог, перевозка грузов производилась в основном тремя способами: водным, гужевым и воздушным транспортом. Склад окружной комиссии «По приёму тёплых вещей и белья для нужд Красной армии» находился в административном центре г. Салехарде, затем собранные вещи отправлялись в Тюмень на склад НКО. Но из районов вещи должны были быть доставлены сначала в Салехард, а лишь потом после учёта и упаковки, пароходами в Тюмень. Так, в октябре 1941 года заготовленные вещи привезли пароходы «Я. Свердлов» и «В. Чкалов» [ГАСПИТО Ф. П-135 Оп.1. Д.236. Л.18]. Однако до закрытия навигации в 1941 году все вещи из районов и из г. Салехард вывезти не удалось. По этой причине на 1 января 1942 года в районах округа на складах осталось около 8-9 тонн вещей, например, в Тазовском районе

4 тонны, в Шурышкарском 2 тонны, в Салехарде 2 тонны [ГАСПИТО Ф. П-135 Оп.1. Д.236. Л.16].

Третья проблема – оплата услуг ремонта, предоставляемых предприятиями местной промышленности. Цены на данную услугу были определены лишь примерными, фактически являлись минимальными, по этой причине окружные комиссии стали ориентироваться на бесплатную переработку материалов и ремонт вещей.

Со временем проблемы были решены и комиссии стали работать более слаженно. За четыре года Великой Отечественной войны жителями Ямало-Ненецкого национального округа было собрано, отремонтировано, пошито, а затем отправлено на фронт 65 000 [ГАЯНАО Ф.3 Оп.1 Д. 41.Л.81] вещей, что составило 28% от общего количества тёплых вещей, отправленных с территории Тюменской области (в современных границах).

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны в Ямало-Ненецком округе, также как и во всей стране проводилась активная поддержка действующей армии. Одной из форм помощи являлся сбор и пошив теплых меховых вещей проводимый в округе в соответствии с Постановлением ЦК ВКП(б) «О сборе теплых вещей и белья среди населения для Красной Армии». Мероприятие проводилось в соответствии с правительственными инструкциями, в округе были организованы специальные комиссии координирующие сбор и отправку вещей на склад НКО в городе Тюмени.

Список литературы

- 1 *Московская битва в хронике фактов и событий*. Москва : Воениздат, 2004. URL: http://militera.lib.ru/h/moskovskaya_bitva_v_hronike_faktov/04.html (дата обращения: 08.02.2018).
- 2 ГАОО. Ф.17. Оп.1. Д. 2624.
- 3 ГАСПИТО. Ф. П-135. Оп.1. Д.236.
- 4 *Великая Отечественная война 1941–1945 годов : в 12 т. Государство, общество и война*. Москва : Кучково поле, 2014. Т. 10. 864 с.
- 5 *Нарьяна Нгэрм «Красный Север» от 16 сентября 1941 г.*
- 6 *Нарьяна Нгэрм «Красный Север» от 18 сентября 1941 г.*
- 7 *Нарьяна Нгэрм «Красный Север» от 19 сентября 1941 г.*
- 8 *Нарьяна Нгэрм «Красный Север» от 21 сентября 1941 г.*
- 9 ГАЯНАО. Ф.3. Оп.1 Д. 41.

*В.П. Мотревич,
г. Екатеринбург*

РАБОЧИЕ И СЛУЖАЩИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ В 1940–1950 ГОДЫ

Аннотация. Крестьянство Курганской области в годы Великой отечественной войны и послевоенный период изучено в исторической литературе достаточно подробно. Однако трудившиеся в аграрном секторе рабочие и служащие изучены хуже. Они были заняты в обслуживании сельского хозяйства и ветеринарии, работали в МТС, совхозах и подсобных хозяйствах предприятий, учреждений и организаций. Именно анализу этих категорий населения и посвящена настоящая статья.

Ключевые слова: рабочие, служащие, Курганская область, сельское хозяйство.

В годы Великой Отечественной войны и послевоенные годы важным аграрным районом страны стала созданная в феврале 1943 года Курганская область. В настоящее время исследователями достаточно глубоко изучен круг вопросов, связанных с историей крестьянства и сельского хозяйства Южного Зауралья. Аграрная история края тех лет получила свое освещение как в общих трудах по истории крестьянства и сельского хозяйства СССР [1; 2; 5; 6], так и в работах, написанных по материалам Урала [1; 3; 8; 9; 11] и Курганской области [7; 10]. Однако в сельской местности проживали не только колхозники, но и трудившиеся в аграрном секторе рабочие и служащие. Они были заняты в обслуживании сельского хозяйства и ветеринарии, работали в МТС, совхозах и подсобных хозяйствах предприятий, учреждений и организаций. Вместе с тем анализ научной литературы по проблеме показывает, что на Урале историки-аграрники занятыми в сельском хозяйстве рабочими и служащими практически не занимались, исследование сводилось, как правило, к изучению крестьянства. В результате в научной литературе содержатся лишь отрывочные сведения об аграрных рабочих на Урале, хотя советская деревня в послевоенные годы уже не была «чисто крестьянской». В 1940–1950 годы колхозное крестьянство – это лишь часть сельского населения. Значительную его долю составляли работники государственных предприятий, в том числе и сельскохозяйственных.

До Великой Отечественной войны большая часть населения Урала (в 1939 году – 64,7%) про-

живала в сельской местности. Большинство сельчан были колхозниками. Расчеты показывают, что в 1940 году на Урале насчитывалось 2431,1 тыс. трудоспособных колхозников и 245,2 тыс. занятых в сельском хозяйстве рабочих и служащих. Из их числа 67,4% работало в совхозах и подсобных сельских хозяйствах промышленных предприятий, организаций и учреждений, 27,9% – в МТС, 4,7% – в обслуживании сельского хозяйства и ветеринарии¹.

Больше всего рабочих и служащих было занято в сельском хозяйстве на Южном Урале, где размещалось свыше половины совхозов края. Так, в 1940 году в районах, из которых через несколько лет будет сформирована Курганская область, в сельском хозяйстве было занято 34,1 тыс. рабочих и служащих. Это составляло 27,8% всех занятых в народном хозяйстве. По этому показателю сельское хозяйство занимало первое место среди отраслей будущей Курганской области, значительно опережая промышленность, транспорт, народное образование и др. (таблица 1). Остальные, не занятые в сельском хозяйстве сельские жители Южного Зауралья работали на промышленных предприятиях, транспорте, в строительстве, на лесозаготовках и т. д.

В начальный период Великой Отечественной войны в СССР произошла массовая эвакуация на Восток страны, в том числе и на Урал. В результате количество рабочих и служащих в народном хозяйстве Урала возросло с 2,5 млн человек в 1940 году до 3,4 млн в 1945 году, а их доля в составе занятого сельского населения увеличилась с 7,4% до 11,9%². Число занятых в сельском хозяйстве рабочих и служащих особенно быстро увеличивалось в индустриальных областях Урала. Это было следствием усилий по развитию продовольственной базы вокруг промышленных центров Урала. В годы войны для ее укрепления была частично реорганизована структура государственных сельскохозяйственных предприятий. Многие совхозы были переданы предприятиям для создания на их базе подсобных хозяйств. Одновременно подсобные хозяйства организовывались на землях госфонда, а также неиспользуемых землях колхозов.

Технический уровень оснащенности создаваемых подсобных хозяйств был чрезвычайно низким, что потребовало привлечения в больших размерах дополнительной рабочей силы.

Число работников государственных хозяйств по этой причине увеличилось в 1,7 раза. Весь прирост численности занятых в сельском хозяйстве был достигнут за счет организации

¹ *Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 15, д. 3733, л. 63–71.*

² *Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 327, оп. 2, д. 375, л. 28–35, 125; д. 376, л. 4, 5, 20, 25; д. 379, л. 4; д. 390, л. 47; РГАЭ. Ф. 1562, оп. 324, д. 3733, л. 63–71.*

Таблица 1 – Численность рабочих и служащих в Курганской области (на начало года)²

Отрасли хозяйства	Год				
	1941	1946	1951	1956	1961
Промышленность	24821	32091	36956	46066	69490
Строительство	650	2063	3968	13142	20126
Сельское хозяйство	34119	36281	45560	93330	67041
Лесное хозяйство	1854	694	2164	2188	2196
Транспорт	12345	13230	16823	23105	28447
Торговля и общепит	12171	11041	17610	18051	20694
Здравоохранение	4593	5307	7853	9900	12860
Народное образование	16193	11775	17248	19636	24396
Аппарат управления	6454	9889	9252	6869	7696
Прочие отрасли	9464	11205	14684	17923	20926
По всем отраслям	122664	133576	172118	250210	273872

подсобных хозяйств, поскольку число совхозов на Урале сократилось с 330 в 1940 году до 253 в 1945 году, а среднегодовая численность их работников с 113,6 до 83,2 тыс. Подсобные хозяйства организовывались и в Курганской области, но в гораздо меньших размерах. По данным 43 министерств и ведомств в 1944 году в Башкирии было учтено 547, в Молотовской области 522, в Свердловской области – 475 подсобных хозяйств, а в Курганской области всего 283 ¹.

Данные таблицы 1 свидетельствуют о том, что численность занятых в сельском хозяйстве Курганской области рабочих и служащих за годы войны несколько возросла. Это произошло несмотря на массовый призыв в ряды РККА и мобилизацию на работу в промышленность. Однако рост их численности был достигнут только за счет занятых в подсобных хозяйствах. Данные таблицы 2 показывают, что количество работающих в МТС рабочих и служащих сократилось за годы войны почти на четверть, а число занятых в обслуживании сельского хозяйства и ветеринарии на 43,4%. Таким образом, за годы Великой Отечественной войны в Курганской области увеличилось число рабочих и служащих, занятых в сельском хозяйстве. Одновременно возросла численность работников в промышленности, здравоохранении, строительстве, аппарате управления и на транспорте. По нашему мнению, это было результатом размещения в Курганской области эвакуированных предприятий и учреждений, а также изменения статуса данной территории, ставшей областью.

После окончания Великой Отечественной войны демобилизация и реэвакуация заметно повлияли на движение рабочих кадров. Динамика их численности носила противоречивый характер. Прежде всего, в области резко сократилось число подсобных хозяйств. Если в 1945 году в Курганской области насчитывалось 283 подсобных хозяйства, то в 1950 году их осталось всего 11 (данные на начало года). Соответственно уменьшилась и численность работающего в

них персонала. Сокращение было вызвано реализацией мер, направленных на укрепление колхозного строя. В сентябре 1946 года Совмин СССР и ЦК ВКП (б) приняли постановление «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах». В соответствии с ним предприятия и учреждения должны были вернуть неиспользуемые колхозные земли [4, с. 91–97]. Одновременно происходило постепенное восстановление совхозного сектора, количество советских хозяйств в области за эти годы возросло с 39 до 46. В результате за счет восстановления совхозного сектора численность занятых в совхозах и подсобных хозяйствах рабочих и служащих возросла с 27,0 тыс. человек в 1945 году до 31,5 тыс. в 1950 году (таблица 2). В связи с курсом на укрепление колхозного строя в послевоенные годы большое внимание уделялось укреплению машинно-тракторных станций, являющихся основой материально-технической базы коллективных хозяйств. За годы четвертой пятилетки количество занятых в МТС рабочих и служащих возросла с 8,6 тыс. в 1946 году до 12,7 тыс. в 1951 году и заметно превысила довоенный уровень (данные на начало года). Превысило довоенный уровень и число занятых в обслуживании сельского хозяйства и ветеринарии (таблица 2).

В послевоенные годы в сельском хозяйстве СССР происходили многочисленные преобразования, призванные обеспечить восстановление и дальнейшее развитие отрасли. Среди них борьба с нарушителями устава сельскохозяйственной артели, возвращение «расхищенных» колхозных земель, электрификация деревни, контракция скота, реформа управления сельским хозяйством (опыт «дробного» управления сельским хозяйством), реорганизация структуры сельскохозяйственных предприятий, введение уголовной ответственности за хищение общественного имущества, выселение в отдаленные местности колхозников, не выработавших обязательный минимум трудодней, изменения в формах организации труда в колхозах, освоение целинных земель, укрупнение колхозов и массовое

¹ РГАЭ. Ф. 1562, оп. 324, д. 191, л. 14; д. 1257, л. 23, 25.

² РГАЭ. Ф. 1562, оп. 15, д. 3733, л.71; д.6036, л. 56.

преобразование колхозов в совхозы и др.

Таблица 2 – Численность рабочих и служащих в сельском хозяйстве Курганской области (на начало года)¹

Сельское хозяйство	Год				
	1941	1946	1951	1956	1961
Машинно-тракторные станции	11091	8649	12735	56820	4068
Совхозы и подсобные хозяйства	21913	27001	31539	35901	59889
Обслуживание с.-х. и ветеринария	1115	631	1286	609	3084
Всего	34119	36281	45560	93330	67041

Массовое преобразование артелей в совхозы началось в СССР в 1954 году, а на Урале несколько позже – в 1957 году. В этот год на их базе в регионе было организовано 58, в 1958 году – 9, в 1959 году – 6, а в 1960 году – 67 совхозов. Всего за эти годы на Урале на базе 1207 колхозов было создано 140 совхозов. В них трудилось примерно 150,0 тыс. человек, в основном бывших колхозников². Расширение совхозной системы происходило и в Курганской области. Если в 1954 году в Курганской области насчитывалось 48 советских хозяйств и в них 27,5 тыс. постоянных работников, то в 1958 году было 54 совхоза, в которых трудилось 44,7 тыс. человек³. Однако больше всего возросла численность рабочих и служащих машинно-тракторных станций, за 1951–1955 годы их численность увеличилась в 4,5 раза. В конце 1950-х происходит резкое падение численности персонала МТС, что было связано с реорганизацией машинно-тракторных станций. Одновременно в пять раз возросла численность занятых в обслуживании сельского хозяйства и ветеринарии (таблица 2). Реорганизация МТС привела к значительному сокращению занятых в них рабочих и служащих. В Курганской области их численность уменьшилась с 93,3 тыс. человек в 1955 году до 67,0 тыс. в 1960 году. Сокращение произошло за счет работников машинно-тракторных станций, многие из которых стали уходить из колхозов и перебираться в города.

Таким образом, для сельского хозяйства Курганской области была характерна стабильная численность рабочих и служащих в годы Великой Отечественной войны, быстрый рост в первые послевоенные годы и двукратное увеличение в 1950-е годы. В конце 1950-х годов в связи с реорганизацией МТС количество занятых в сельском хозяйстве рабочих и служащих заметно сократилась.

¹ РГАЭ. Ф. 1562, оп. 15, д. 3733, л.71; д. 6036, л. 56.

² ГАРФ. Ф. 262, оп. 8, д. 1026, л. 24.

³ РГАЭ. Ф. 1562, оп. 324, д. 5444, л.11; д. 7168, л.14.

Список литературы

- 1 Богденко М. Л. Совхозы СССР 1951–1958 гг. Москва : Наука, 1972. 376 с.
- 2 Вылцан М. А. Восстановление и развитие материально-технической базы колхозного строя (1945–1958). Москва : Мысль, 1976. 261 с.
- 3 Денисевич М. Н. Индивидуальные хозяйства на Урале (1930–1985 гг.). Екатеринбург : УрО РАН СССР, 1991. 195 с.
- 4 Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Москва : Госполитиздат, 1958. Т. 3. 863 с.
- 5 Зеленин И. Е. Совхозы СССР (1941–1950). Москва : Наука, 1969. 344 с.
- 6 История советского крестьянства. Москва : Наука, 1988. Т. 4. 395 с.
- 7 Кодинцев А. Я., Подливалов В. В., Федченко М. Н. Экономика Южного Зауралья периода Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет (1941–1953). Курган : КГУ, 2004. 159 с.
- 8 Корнилов Г. Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск : УрГУ, 1990. 203 с.
- 9 Мотревич В. П. Колхозы Урала в годы Великой Отечественной войны. Свердловск : УрГУ, 1990. 195 с.
- 10 Подливалов В. В. Реорганизация МТС: осуществление и последствия (на материалах Курганской области). Урал и Сибирь в контексте развития российской государственности : сб. науч. тр. Курган : КГУ, 2012. С. 172–174.
- 11 Толмачева Р. П. Колхозы Урала в 50-е годы. Томск : ТГУ, 1981. 190 с.
- 12 Хисамутдинова Р. Р. Аграрная политика советского государства на Урале после окончания Великой Отечественной войны (июнь 1945 – март 1953 гг.). Оренбург : ОГПУ, 2003. 608 с.

УДК 351.85 (470.56)

О.Ю. Ганина (Устинова),
г. Оренбург

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ ЧКАЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В КУЛЬТУРНО-МАССОВОЙ СФЕРЕ В 1946–1953 ГОДЫ

Аннотация. В научной статье изучены основные направления деятельности местных органов государственной власти по организации кинообслуживания населения Чкаловской области в сельской местности в послевоенные годы. Исследовано положение сельской киносети в 1946–1953 годы, выявлены основные трудности в кинообслуживании сельских жителей, рассмотрены шаги местных Советов по обеспечению сети кино кадрами, мероприятия по вводу в эксплуатацию нового кинооборудования и другие вопросы.

Ключевые слова: Южный Урал, местные органы власти, кинообслуживание, послевоенное время.

Потребность в возвращении к мирной жизни после окончания Великой Отечественной войны выдвинула перед центральным и местным руководством Советского Союза новые задачи.

В первую очередь, речь шла о восстановлении оккупированных в годы войны территорий, народного хозяйства, решении в целом вопросов социально-экономического развития Советского государства. Однако немаловажной стороной деятельности советского и партийного аппарата в условиях перехода к мирному строительству стало удовлетворение культурно-бытовых нужд простых граждан, в том числе и их культурное обслуживание.

Одним из направлений работы как центральных, так и местных органов государственной власти в культурной сфере в послевоенное время стало восстановление деятельности культурно-просветительных учреждений. Начавшийся на завершающем этапе Великой Отечественной войны процесс активизации функционирования очагов культуры в городе и сельской местности проходил в достаточно сложных условиях. Это было обусловлено, среди прочих причин, тем, что большинство культурно-просветительных учреждений Южного Урала в указанный период располагались либо в непригодных помещениях, либо их здания использовались под хозяйственные нужды, в связи с чем деятельность очагов культуры оказывалась практически невозможной. Тем не менее, шаги по переводу экономики страны на мирные рельсы создавали необходимые условия для культурного развития.

Задачи культурного строительства СССР нашли свое отражение в «Законе о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946 – 1950 гг.», принятом Верховным Советом СССР 18 марта 1946 года. За ним последовало Постановление № 632 Совета Министров РСФСР от 21 сентября 1946 года «О мерах помощи сельским клубам и избам-читальням»¹. Указанные нормативные правовые акты предписывали оказание помощи культурно-просветительным учреждениям как со стороны местных органов власти, так и населения. В результате принятых мер методом народной стройки на Южном Урале были заново отремонтированы и построены тысячи культурных учреждений. К примеру, в период с 1945 по 1953 год сеть культпросветучреждений возросла в 1,3 раза, то есть с 2490 до 3220 единиц [1, с. 25].

Для сельской местности очаги культуры имели большое значение. Здесь велась кружковая работа, располагались книжные фонды, свежие номера газет являлись главными источниками информации на селе. Не менее значимым был показ кинофильмов.

Анализируя итоги кинообслуживания населения в 1945 году, Чкаловский облисполком 19 марта 1946 года констатировал, что план по количеству сеансов в целом по области выполнен на 76%, по валовому сбору – на 93%, обслужено

зрителей 88% к плану². Кроме того, в Абдулино, Соль-Илецке, Андреевке, Гавриловке, Екатериновке, Павловке, Пономаревке, Саракташе кинотеатры не отапливались³, в зрительных залах и фойе не хватало мебели, качество показа кинофильмов было неудовлетворительным. Андреевский, Гавриловский, Екатерининский, Кувандыкский, Люксембургский, Павловский, Пономаревский, Саракташский, Соль-Илецкий райисполкомы не уделяли должного внимания отделам кинофикации, не контролировали и не оказывали им практической помощи⁴. Чкаловский облисполком обязал начальника областного управления кинофикации в срок до 1 июня 1946 года полностью укомплектовать кадрами аппарат областного управления кинофикации, районные и городские отделы, провести до 1 июля 1946 года смотр технического состояния киноаппаратуры во всех городах и районах, восстановить бездействующие киноустановки области, обеспечить до 1 октября 1946 года показ кинокартин в каждом сельском Совете не менее 1-2 раз в месяц⁵.

Не меньшее значение придавалось расширению киносети. План развития государственной сети кино в 1946 году предусматривал ввод в эксплуатацию на территории Чкаловской области 69 киноустановок, однако фактически к работе приступили только 40 из них⁶. Несмотря на передачу управлению кинофикации в 1946 году 18 стационарных и 60 передвижных аппаратов, а также 10 электростанций, ввели в действие лишь 40 киноустановок, в результате выполнения плана по развитию киносети составило 86,3%. На 1 января 1947 года бездействовала 21 киноустановка, в том числе 5 сельских стационаров, 5 звуковых и 11 немых кинопередвижек⁷.

С целью активизации кинообслуживания населения Чкаловской области в 1947 году местные органы власти провели инструктивное совещание с начальниками районных отделов и директорами кинотеатров, а также кустовое совещание. В результате разработанных мер в течение 1947 года были введены в эксплуатацию 32 новых киноустановки, в том числе городской кинотеатр в Чкалове и кинотеатр «Железнодорожник», а также звуковая кинопередвижка в Чкалове и сезонная площадка в Бузулуке. В сельской местности начали работать 17 новых колхозных кинотеатров, 12 звуковых кинопередвижек с электростанциями. Одновременно с этим ввиду износа аппаратуры и оборудования киносеть области сократилась на 13 немых

¹ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. Р-1014. Оп. 6. Д. 176. Л. 299.

² Оренбургский государственный архив социально-политической истории (ОГАСПИ). Ф. 371. Оп. 10. Д. 538. Л. 17.

³ ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 4. Д. 14. Л. 25.

⁴ ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 10. Д. 538. Л. 17.

⁵ ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 4. Д. 14. Л. 25, 26.

⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А-495. Оп. 1. Д. 159. Л. 83.

⁷ ГА РФ. Ф. А-495. Оп. 1. Д. 159. Л. 84.

кинопередвижек, более не годных к эксплуатации. В этих условиях областное управление кинофикации дало указание всем районным отделам и директорам районных кинотеатров составить постоянные маршруты движения кинопередвижек, согласовать их с райкомом ВКП(б) с расчетом охвата кинопоказом каждого сельсовета не менее 1-2 раз в месяц¹. Как показали отчеты районных отделов кинофикации, в большинстве районов Чкаловской области в 1947 году данное указание выполнялось. В ряде районов отделы пропаганды и агитации райкомов ВКП(б) и райисполкомы проверяли фактическое выполнение маршрутов и принимали меры, чтобы сельсоветы и колхозы регулярно предоставляли транспорт для кинопередвижек по маршруту. Продолжительность маршрутов передвижек колебалась от двух недель до одного месяца. Однако двухразовое обслуживание сельсоветы обеспечить не смогли, в большинстве случаев речь шла об одном показе в месяц².

Ситуация с кинообслуживанием населения оставалась напряженной и в последующие годы. Согласно постановлению Совета Министров РСФСР № 417 от 23 апреля 1948 года «Об улучшении кинообслуживания населения и увеличении доходов от кино» во многих сельских Советах месяцами отсутствовал показ кинофильмов. План третьего квартала по количеству зрителей был выполнен только на 84% и по валовому сбору на 83%. Прирост киносети резко отставал от установленного на 1948 год плана. В частности, в третьем квартале приступили к работе по стране 524 новых киноустановки против 692, введенных во втором квартале текущего года. В сентябре 1948 года бездействовало 1046, в ноябре – 1126 сельских киноустановок³. Отдельные районные отделы кинофикации не доводили планов до сельсоветов и клубов. К примеру, план первого квартала 1953 года был доведен до сельсоветов Чкаловской области с большим опозданием⁴. Сказывалась нехватка помещений для кинопоказа, вследствие чего кинопередвижки сосредоточивали свою работу в ограниченном количестве населенных пунктов⁵.

К концу 1950 года, несмотря на значительный рост государственной киносети и улучшение ее технической оснащенности, кинообслуживание населения продолжало оставаться неудовлетворительным. За девять месяцев 1950 года план киносети удалось выполнить по количеству посетителей на 94,7%, по валовому сбору – на 88,4%. Местные органы власти не сумели обеспечить выполнение установленных планов. Указанная ситуация наблюдалась практически во всех рай-

онах Чкаловской области. К примеру, анализируя положение с кинообслуживанием жителей Державинского района, Чкаловский облисполком пришел к выводу, что в 1950 году план по количеству посетителей был выполнен только на 82% и по валовому сбору на 76%. Державинский райисполком в течение полутора лет ни разу не заслушивал отчеты директора районного кинотеатра, несмотря на имевшиеся сигналы о неудовлетворительной работе, не обсуждал создавшегося положения, формально относился к выполнению решений Чкаловского областного Совета от 8 апреля 1949 года № 293 и 21 июня 1949 года № 713⁶. Маршруту звуковых кинопередвижек внимания не уделялось. Колхозы зачастую перевозили киноаппаратуру не по маршруту, а по указанию председателей колхозов в ближайший населенный пункт. Чкаловский облисполком потребовал от местных органов власти Державинского района обеспечить к 1 августа 1951 года условия для показа кинокартин в каждом населенном пункте, подлежавшем обслуживанию, не менее 3-4 раз в месяц, отремонтировать и оборудовать клубные помещения и избы-читальни, предназначенные для показа кинокартин, обеспечить здания мебелью и топливом на зимний период к 1 сентября текущего года⁷.

Реализации указанного выше решения способствовали решения, принятые Советом Министров РСФСР и Министерством кинематографии РСФСР. Перед местными органами власти ставилась задача обеспечить в 1950 году широкий показ на экранах городской и сельской киносети новых фильмов, рассмотреть и утвердить в месячный срок постоянные маршруты сельских кинопередвижек и твердые календарные графики показа кинофильмов в населенных пунктах, выделить на местах пригодные для кинопоказа помещения и обеспечить предоставление колхозами, совхозами и сельсоветами транспорта для кинопередвижек⁸.

В целом, предпринятые шаги позволили расширить киносеть Чкаловской области и обеспечить минимальные потребности жителей края. Ее численность по Чкаловской области на 1 октября 1950 года составила 355 киноустановок, из них в городах действовали 14 постоянных кинотеатров, 15 кинопередвижек, 20 киноустановок в арендуемых профсоюзных и ведомственных помещениях, 32 киноустановки профсоюзного подчинения. В сельской местности работали 306 киноустановок, из них – 39 районных кинотеатров, 61 колхозная стационарная киноустановка и 206 кинопередвижек, 18 киноустановок профсоюзного подчинения. По сравнению с 1940 годом киносеть Чкаловской области увеличилась на 213

¹ ГА РФ. Ф. А-495. Оп. 1. Д. 168. Л. 198, 199.

² ГА РФ. Ф. А-495. Оп. 1. Д. 168. Л. 198, 199.

³ ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 6. Д. 5280. Л. 1, 5.

⁴ ГА РФ. Ф. А-495. Оп. 1. Д. 252. Л. 279.

⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 133. Д. 339. Л. 3, 4.

⁶ ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 1. Д. 762. Л. 6.

⁷ ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 1. Д. 762. Л. 6.

⁸ ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 6. Д. 6838. Л. 23, 24.

киноустановок, то есть на 150%¹. В 1952 году в Чкаловской области действовали 150 стационарных киноустановок, 271 передвижка².

Успешная реализация кинообслуживания населения Чкаловской области во многом зависела от своевременного технического и кадрового обеспечения этого направления культурно-массового развития. Постановлением Совета Министров РСФСР от 30 ноября 1950 года № 1512 в Чкаловской области дополнительно вводились в штат управления кинофикации должности киноинженера и киномеханика. Всего по РСФСР трудилось 29 кино-инженеров, 81 киномеханик, 16 инженеров и техников-строителей. Согласно указанному постановлению в 1951 году организовывались 140 новых киноремонтных пунктов, из них 4 – в Чкаловской области³. Уделялось пристальное внимание и кадрам. Так, решением Чкаловского облисполкома № 546 от 8 июня 1951 года «О проведении месячных курсов по повышению квалификации заведующих райотделами культурпросветработы» областному отделу культурно-просветительской работы разрешалось в период с 15 июня по 15 июля 1951 года провести месячные курсы по повышению квалификации 25 заведующих районными отделами и 25 директоров районных домов культуры⁴.

Важное место занимала проверка деятельности районных управлений кинофикации, непосредственно взаимодействующих как с областным управлением кинофикации, так с райисполкомами. Так, управление кинофикации Чкаловской области в 1949 году проверило 30 из 61 хозяйственных единиц, из них 5 районных отделов кинофикации и 8 кинотеатров. В результате проведенных ревизий выявлены 5 случаев растрат на сумму 25 тыс. руб., 5 случаев злоупотреблений с кинобилетами на 31 тыс. руб. по номинальной стоимости⁵. С целью недопущения сбоев в работе киносети области Чкаловский облисполком совместно с управлением кинофикации в 1949 году вызывал с докладами начальников и директоров наиболее отстающих райотделов и районных кинотеатров, после чего принимались соответствующие решения. В результате, в течение 1949 года было проведено 3 областных совещания с руководящими работниками низовой киносети, кустовые совещания киномехаников в Чкалове, Бугуруслане, Бузулуке, Орске, Сорочинске⁶.

Регулярными становились доклады районных исполкомов о состоянии районной киносети. Так, на заседаниях Чкаловского облисполкома в 1952 году с докладами о положении и мерах по кинообслуживанию населения выступили пред-

седатели Буртинского, Павловского, Сакмарского, Саракташского и Сок-Кармалинского райисполкомов. 4 апреля 1952 года Чкаловский обком ВКП(б) обсудил на бюро вопрос о состоянии и мерах по улучшению кинообслуживания сельского населения и в порядке контроля заслушал секретаря Сакмарского райкома ВКП(б). Областное управление кинофикации совместно с обкомом союза ежеквартально подводили итоги работы, лучшим киномеханикам присуждалось переходящее Красное знамя⁷.

Местные органы власти Чкаловской области в 1952 году организовали 3 совещания, на которых присутствовали начальники районных отделов кинофикации и директора городских кинотеатров, 3 кустовых совещания и 2 совещания со старшими киномеханиками, на которые были приглашены лучшие из них, выполнившие план. Совещания проводились с участием представителей Чкаловского обкома ВКП(б) и облисполкома, на них обсуждались итоги функционирования киносети и задачи, изложенные в постановлении Совета Министров СССР от 14 февраля 1952 года № 1321 «О мерах по обеспечению выполнения плана доходов от кино на 1952 год». Помимо общих координационных вопросов участники совещаний заслушали доклады 13 начальников районных отделов кинофикации, приняли обязательства на 1952 год, а также решили вызвать на социалистическое соревнование работников кинофикации Куйбышевской области с заключением договоров между всеми отделами кинофикации⁸. В итоге удалось приблизиться к показателям, установленным для киносети области. Так, по плану развития киносети в 1952 году ввели в действие 25 киноустановок, из них одну летнюю киноплощадку, 9 колхозных стационаров, 15 звуковых передвижек. В 29 районах каждый сельсовет обслуживался от 3-4 и больше раз в месяц, однако в Абдулинском районе, насчитывавшем 30 сельских Советов, 17 обслуживались от 0,5 до 2 раз в месяц. Из 18 сельсоветов Мордово-Боклинского района 7 обслуживались по 1-2 раза в месяц⁹. Таким образом, в 1945–1953 год на Южном Урале произошел рост числа киносеансов в 2,5 раза (с 170 558 до 433 080), зрителей – в 4,2 раза (с 8218 в 1946 году до 34 887 в 1953 году) [1, с. 23]. Тем не менее, план по зрителям и валовому сбору по областям не выполнялся. В то же время выполнялся и перевыполнялся план по количеству киносеансов.

В целом, проведенный анализ архивных данных свидетельствует о том, что местным органам власти Чкаловской области в послевоенное время удалось обеспечить выполнение большей части установленных показателей и в основном выполнить планы по кинопоказу в

¹ ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 14. Д. 718. Л. 77.

² ГА РФ. Ф. А-495. Оп. 1. Д. 252. Л. 278.

³ ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 6. Д. 6838. Л. 27, 29, 30.

⁴ ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 1. Д. 762. Л. 4.

⁵ ГА РФ. Ф. А-495. Оп. 1. Д. 204. Л. 3, 4.

⁶ ГА РФ. Ф. А-495. Оп. 1. Д. 204. Л. 10.

⁷ ГА РФ. Ф. А-495. Оп. 1. Д. 252. Л. 277.

⁸ ГА РФ. Ф. А-495. Оп. 1. Д. 252. Л. 277.

⁹ ГА РФ. Ф. А-495. Оп. 1. Д. 252. Л. 279, 285.

сельской местности. Сельское население обслуживалось преимущественно кинопередвижками, численность которых к концу 1951 года составляла 21 тыс. единиц. Среди основных направлений работы местных органов власти Чкаловской области в условиях перехода к мирному строительству стало возвращение зданий культурно-просветительным учреждениям, в которых среди прочего осуществлялся показ кинофильмов, а также решение вопросов по организации бесперебойной работы киносети области. Тем не менее, вопрос с кинообслуживанием населения края продолжал оставаться достаточно напряженным длительное время.

Список литературы

1 Алятин А. Г. Деятельность учреждений культуры на Южном Урале после окончания Великой Отечественной войны (1945 – 1953 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2006.

УДК 619 (091) (075.8)

Л.В. Алексеева,
г. Нижневартовск

ПОСЛЕВОЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ВЕТЕРИНАРИИ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. В статье преимущественно на основе новых архивных источников, рассматривается ветеринарная организация Курганской области в первые послевоенные годы. Автор приводит фактографические сведения о поголовье скота, заболеваемости животных, о численности ветеринарных учреждений и работников, анализирует и оценивает ветеринарную ситуацию в области.

Ключевые слова: ветеринария, животноводство, поголовье, колхозы, падеж.

В начале 2018 года автором была опубликована монография по истории ветеринарии Курганской области. В ней систематизирован имеющийся материал о прошлом ветеринарии края и на основе новых архивных источников представлено описание достижений и проблем в ее развитии в период 1940-1980-х годов. В данной статье автор сосредотачивает внимание на состоянии ветеринарной службы в первые послевоенные годы.

В 1943 году (6 февраля) Указом Президиума Верховного Совета СССР была образована Курганская область из районов, выведенных из состава Челябинской и Омской областей. В марте сформировали областной земельный отдел (ОБЛЗО), в составе которого для руководства ветеринарной службой Курганской области было организовано ветеринарное управление отдела. Первым начальником ветеринарного управления

был назначен ветеринарный врач – Л.Д. Лунев [2].

8 января 1946 года Курганский облисполком принял решение № 15 «О штатах ветеринарного управления Курганского ОБЛЗО». Оно определяло 2 специалиста по штату: начальника, он же являлся главным ветврачом, и старшего ветврача. Затем штат был увеличен еще на 2 единицы. Месячный оклад ветврача управления составлял 3 265 руб.¹

В области не хватало 79 ветеринарных врачей и 146 веттехников и фельдшеров. 69% работавших ветеринаров имели лишь курсовую подготовку. Один раз в месяц районные земельные отделы (РАЙЗО) проводили в своих районах совещания с работниками зооветсети. Например, в 1945 году в области было проведено 436 подобных совещаний².

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О государственном плане развития животноводства в колхозах и совхозах на 1945 г.» для Курганской области предусматривало увеличение поголовья. В этой связи ОБЛЗО издало 32 приказа. Поголовье скота в период 1945-1946 годов еще не росло. Продуктивность молочного стада оставалась на низком уровне. Средний удой на 1 фуражную корову в 1945 году составлял в области 1061 л³. Главной проблемой животноводства оставался падеж. По результатам 1945 года наибольший падеж был допущен в Шадринском, Галкинском, Лопатинском, Кировском, Шатровском районах. Скот пал от бескормицы⁴. В числе отстающих по животноводству районов значились: Чашинский, Катайский, Шатровский, Кетовский. Наилучших результатов в развитии животноводства достигли в Щучанском, Юргинском, Далматовском, Усть-Уйском, Мостовском районах⁵.

Сведения, приведенные в таблице 1, показывают, что за военный период количество скота сократилось в 2 раза.

М.Н. Федченко приводит следующие данные о численности скота на 1 января 1946 года: КРС – 501, 9 тыс. голов, свиньи – 55, 6 тыс. голов, лошади – 73,9 тыс. голов, овцы и козы – 442,9 тыс. голов [5, с. 106].

Нельзя не отметить наличие породного скота в хозяйствах области. Разводили следующие породы: лошади (Орловская, Русский рысак, Русский тяжеловес); КРС (Курганская, Тагильская, Ярославская, Симментальская, Остфризская); овцы (Алтайская, Советский меринос, Кавказская); свиньи (Крупная белая, Брейтовская)⁶.

¹ ГАКО, ф. р – 895, оп.1, д. 1036, л. 6.

² Там же, д. 1043, л. 43.

³ Там же, оп. 7, д. 395, л. 38.

⁴ Там же, оп. 1, д. 1043, л. 45.

⁵ Там же, оп. 1, д. 1036, л. 1.

⁶ Там же, ф. р – 895, оп. 7, д. 2347, л. 60, 23.

Таблица 1 – поголовье скота в Курганской области в 1940-х годах¹

	1941 год всего скота в области	На 1.01. 1945 года в колхозах	1945 год в том числе породный скот	На 1.01. 1946 года в колхозах	На 1.01. 1948 года всего скота в области
Крупный рогатый скот	242 243	162 732	31 173	155 959	511521
В т.ч. коровы	84 800	50 952		50 812	
Овцы	489 192	227 373	154 262	207 416	415536
Свиньи	130 251	29 254	30 842	27 254	56217
Лошади	117 600	58 278	5 218	60 180	83 820
Птица	160 000	79 546		93 800	78443

Обнаруженный отчет, направленный в Министерство животноводства СССР «О ходе подготовки к зимнему содержанию» от 27 августа 1946 года дает некоторое представление о том, что происходило в животноводстве области. В частности, в документе сообщалось, что за последние пять лет вопросам своевременной подготовки к зиме не уделялось внимания. Отсюда и проблемы с падежом, поскольку скот оставался на зимовку в не утепленном помещении, не обеспечивался кормами².

Помнению А.Я. Кодинцева, в 1946-1947 годах колхозы Зауралья переживали новый сельскохозяйственный кризис (на Урале, наоборот, наблюдался рост). В конце 1940-х годов сельское хозяйство Зауралья находилось в состоянии депрессии. Нельзя не учитывать, что с 1948 года государство развернуло наступление на личные подсобные хозяйства (ЛПХ) крестьян. Проводилась принудительная скупка скота, возросли налоги. Крестьяне пытались лавировать, расширяли посевы, увеличивали количество мелких домашних животных. Рьяная деятельность местных властей привела к тому, что ЛПХ курганских колхозников было самым слабым на Урале (в расчете на один двор оно имело в 3,7 раза меньше овец, в 34 раза меньше свиней, чем на Урале) [3].

В 1946 году райветлечебницы реорганизовали в центральные зоотехнические ветеринарные участки. По сведениям ОБЛЗО 13 районов не имели ветеринарных врачей. В ветслужбе области сложилась весьма кризисная ситуация. Параллельно шла работа по разбирательству, сложившемуся в зооветснабе в связи с царившими там нарушениями. В результате были уволены его директора А.Д. Алексеев, а затем Е.И. Киселев. Была уволена с должности врача-терапевта Облветполиклиники ветврач М.В. Киселева. Начальником ветотдела стала З. Угольникова. Ею были предприняты меры по налаживанию ветеринарной работы в области. Она обнаружила, что по инфекционным заболеваниям отсутствовали сведения, не были составлены эпизоотические карты. Она также выявила, что план

1945 года по противоэпизоотическим мероприятиям выполнялся несвоевременно, прививки проводились вынужденно, когда уже вспыхнула эпизоотия. Таким образом, 1946 год стал временем полного выявления эпизоотического состояния области. Были выявлены: африканский сап, нутталлиоз лошадей, инфекционная анемия лошадей, и др. Обнаружение инфекционной анемии лошадей в 161 хозяйстве области потребовало принятых быстрых и решительных мер. По свидетельству Угольниковой, до 1946 года никакой борьбы с ИНАН не велось. Из Москвы прибыли специалисты. Общими усилиями инфекция была ликвидирована в 44 хозяйствах³.

По свидетельству З. Угольниковой, лечебное дело в области также находилось в запущенном состоянии. Стационарное лечение не проводилось, амбулаторный прием велся ветфельдшерами, порядок и режим работы ветлечебниц не соблюдался, т. к. зачастую все работники находились в колхозах на фермах⁴. В районы были направлены 10 ветеринарных специалистов и еще 10 человек на низовую работу. Общая картина с кадрами была следующая в 1946 году: ветврачей в области – 10, ветфельдшеров со средним специальным образованием – 13, без образования – 69. На должности старших ветврачей районов требовалось 19 человек, и в 16 районах исполняли обязанности ветеринарных врачей веттехники⁵. Финансирование ветслужбы осуществлялось по трем бюджетам. В 1946 году оно составило по союзному бюджету – 261 тыс. руб., по республиканскому – 120 тыс. руб., по областному – 385,3 тыс. руб.⁶

Ветеринарный учет и правительственная отчетность до 1946 года также находились не на должном уровне в области. Только к концу 1947 года ветеринарному управлению удалось собрать неполный, разрозненный и разбросанный материал. Не хватало и бумаги, и специальных отчетных форм, журналов учета видов ветеринарной работы.

В 1947 году ОБЛЗО переименовали в управление сельского хозяйства Курганского облисполкома. Тогда же центральные зоотехнические ветеринарные участки вернули в прежнее

¹ ГАКО, ф. р -895, оп. 2, д. 102, л. 2; оп. 7, д. 880, л. 3; д. 2347, л. 23; д. 769, л. 2.

² Там же, оп. 1, д. 1043, л. 140.

³ Там же, оп. 7, д. 441, л. 1.

⁴ Там же, д. 442, л. 10.

⁵ Там же, л. 11.

⁶ Там же.

состояние – райветлечебницы¹. Реорганизация была завершена в 1948 году [4]. В области имелась одна областная ветбаклаборатория (ВБЛ) и четыре межрайонные ВБЛ. В 1946 году из-за неукомплектованности кадрами врачей они не играли ведущей и руководящей роли в организации практической помощи районам². По оценке З. Угольниковой «бывший состав ветуправления работал в стиле: ты меня не трогай – я тебя не трону. Особой требовательности и руководства районами не было. Ветврачи и директора ветбаклаборатории были в полном произволе, работа выполнялась стихийно без учета и контроля, «пожарными» методами, когда распространялась та или иная эпизоотия. На областных совещаниях отсутствовала критика, не рассматривались итоги работы. Как правило, к областному совещанию ветуправление и ветснаб подготавливали спирт и во время совещания он всегда выдавался, в результате чего некоторая часть ветврачей не присутствовала на совещании, а другая часть после услуг ветеринарного управления с самодовольным настроением не осмеливалась навести критику в развале работы ветеринарного управления и ветснаба... Ветеринарное дело в области пришло в полную разруху: деятельность среди ветеринарных работников низко пала»³.

З. Угольникова отмечала, что с большим патриотизмом работали ветврачи: Молокотин, Пономарев, Азаров, Хомяков, Печенежский, Бехтеров, Митрофанов, Турутин, Путинин, Кузнецов, Гехт, Масловский; ветехники: Дмитриенко, Таранов, Паклин, Сургучев⁴. В решении № 60 исполкома облсовета от 16 января 1947 года подчеркивалось, что «ветеринарно-санитарная работа в большинстве районов еще не налажена, а в некоторых находится в запущенном состоянии. Лечебное дело поставлено плохо. Стационарное лечение не проводится»⁵. В докладе начальника ветотдела З. Угольниковой «О ветеринарной работе в Курганской области за период 1943 - по 1 октября 1947 г.» была охарактеризована эпизоотическая обстановка и сделан вывод о неблагоприятном эпизоотическом состоянии Курганской области.

В период 1943-1946 годов ветеринарный состав районной зооветсети и Ветуправления был недостаточно квалифицированным, им своевременно не были диагностированы заболевания лошадей инфекционной анемией и африканским сапом, что создало в области стационарные очаги⁶. Ящур заносился из Северо-Казахстанской и Кустанайской областей, руководство которых не уведомили Курганскую область об имевших ме-

сто эпизоотиях в их республике. Для установления ящура, З. Угольниковой пришлось выехать в Кустанай и на месте убедиться, что ящур в Казахстане имел место. В следующие годы для предотвращения заноса ящура были установлены охранно-карантинные пункты на границе.

Согласно постановления Совета Министров СССР от 7 апреля 1947 года № 887 и приказа Министерства сельского хозяйства от 14 сентября 1947 года, решения Курганского облисполкома от 13 мая 1947 года № 506 было организовано 5 районных ветеринарных лечебниц, 67 зооветучастков, 148 зооветпунктов, 4 ветеринарно-фельдшерских пункта, 4 городских ветпункта, областная ветбаклаборатория и пять межрайонных ВБЛ. По типовому штатному расписанию для указанных выше ветеринарных учреждений требовалось 97 ветврачей, 224 фельдшера, 67 зоотехников с высшим образованием, 215 зоотехников со средним образованием⁷. Фактически имелось 19 ветврачей и 267 фельдшеров. Из них 221 фельдшер имели лишь курсовую подготовку.

Область в 1947 году имела 1770 колхозов, 32 совхоза, 2 Госплемрассадника, 3 конных завода, 2 Госконюшни. На каждое зооветучреждение приходилось 8 колхозов. В среднем в колхозе имелось тогда 250 голов скота. К этому надо еще добавить около 1 тыс. голов скота индивидуальных хозяйств. Таким образом, в среднем предстояло обслужить 3 тыс. голов скота.

В 1947 году ряд районов приступили к строительству ветеринарных учреждений. Финансирование по союзному бюджету задерживалось. На эти цели было отпущено 251 тыс. руб. Строительство осложнялось нехваткой строительных материалов: гвоздей, стекла и т. д.⁸

Ветеринарно-санитарный надзор в области осуществляли 4 горветпункта, вторые ветврачи райсельхозотделов. Ветсанитарное состояние оставалось неудовлетворительным. Для охраны границ от заноса заразных болезней со стороны Казахстана, были организованы 4 ветфельдшерских пункта, которые вели наблюдение за передвижением скота, выявляли больных и не допускали их в пределы области⁹.

В 1948 году численность ветработников области по занимаемым должностям составляла: ветврачей – 123, ветехников – 124, ветфельдшеров – 157, ветсанитаров – 402 [4]. Подготовка кадров тогда осуществлялась только в Макушинском зооветтехникуме. За период с 1947 года по 1957 год он выпустил 210 ветфельдшеров [4].

¹ Там же, оп. 7, историческая справка, л. 1.

² Там же, д. 442, л. 13.

³ Там же, л. 14.

⁴ Там же, л. 16.

⁵ Там же, д. 1327, л. 1.

⁶ Там же, д. 606, л. 1.

⁷ Там же, л. 11.

⁸ Там же, л. 12.

⁹ Там же, л. 16.

Таблица 2 – Состав государственной ветеринарной службы на территории Курганской области (1940–1948 годы)¹

Ветучреждения	Зоотехническо-ветеринарная сеть		
	1940 год	1946 год	1947-1948 годы
Центральные (районные) зооветучастки с лечебницами	31–35	41	-
Районные ветлечебницы	-	35	35
Зооветучастки с ветамбулаториями	37	41	38
Зооветпункты	146	148	150
Ветпункты	4		6
Охранно-карантинные пункты	4	4	

К 1948 году лечебное дело в области по сравнению с предыдущими годами несколько улучшилось, но все еще находилось не на должной высоте. Слишком большой радиус обслуживания зооветучастков и зооветпунктов не давал возможности своевременно и качественно оказывать ветеринарно-лечебную помощь. На качестве лечебной работы отражался и низкий профессиональный уровень ветеринарных работников. Специально на лечебной работе было занято только 9 ветврачей. Уровень заболеваемости заразными болезнями был достаточно высок. По отдельным годам он охватывал десятки тысяч голов скота. Еще больше в области имели распространение незаразные болезни и падеж по ним был весьма высоким.

В 1948 году начальником областного ветеринарного управления стал Неверов. В 1949 году в результате очередной реорганизации структуры управления сельского хозяйства, вместо ветеринарного управления был организован отдел ветеринарии².

В 1949 году в области функционировал 1 771 колхоз и 97 МТС³, 21 животноводческий совхоз, один Госплемрассадник и племенной совхоз по разведению Курганской породы КРС, один Госплемрассадник по разведению крупной белой породы свиней, три конных завода по разведению русского рысака⁴. Это большое животноводческое поголовье требовало обслуживания квалифицированными кадрами ветеринарных специалистов, которые в области отсутствовали.

Таким образом, изучение состояния ветеринарного дела в области в первые послевоенные годы показало, что трудностей в работе ветслуж-

бы было достаточно. В их числе – нехватка квалифицированных специалистов, инструментов, оборудования, медикаментов, транспорта, дезинфекционных средств. Плохие условия содержания животных еще более осложняли положение из-за высокого падежа, особенно молодняка. Преобладали падежи от незаразных болезней (недостаточный уход, неправильная эксплуатация, плохое кормление). Эпизоотическое состояние области характеризовалось как неблагоприятное и не терпело отлагательств. В области было много бруцеллезных хозяйств. Нужны были срочные меры по исправлению ситуации к лучшему.

Список литературы

1 Алексеева Л. В. Государственная ветеринарная служба в СССР: 1940–1980-е годы (на материалах Курганской области) : монография. Нижневартовск : Изд-во НВГУ, 2018. – 193 с.

2 Бобров А. И. Из истории Управления ветеринарии Курганской области и развития ветеринарной службы на территории Курганской области. URL: <http://kurganobl.ru/ upravlenie-veterinarij-kurganskoy-oblasti-1> (дата обращения: 20.05.2015 г.).

3 Козинцев А. Я. Крестьянство Курганской области в 1941–1953 годах : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курган, 2000 // Научная библиотека диссертаций и авторефератов. URL: <http://www.dissertat.com/content/krestyanstvo-kurganskoi-oblasti-v-1941-1953-godakh#ixzz3w9cCK1vs> (дата обращения: 3.01.2016 г.).

4 Умов А. А., Малокотин С. П. Очерки истории ветеринарии Курганской области. Курган, 1966.

5 Федченко Н. М. Животноводство Курганской области (1945–1953 гг.) // XV Зырянские чтения : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Курган, 7–8 декабря 2017 г.). Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2017. 256 с.

УДК 93

В.С. Грозный,
г. Курган

БЫТОВЫЕ УДОБСТВА В КУРГАНЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «КРАСНЫЙ КУРГАН»/ «СОВЕТСКОЕ ЗАУРАЛЬЕ» ЗА 1945–1960 ГОДЫ)

Аннотация. В настоящей статье на основе материалов областной газеты «Красный Курган» (с 1959 года «Советское Зауралье») осуществляется реконструкция бытовых условий курганцев, живущих в благоустроенных квартирах. Анализируя материалы газет, автор описывает уровень бытовых условий горожан в период массовой застройки Кургана многоквартирными домами. Полученные данные позволяют сравнить не только бытовые условия жильцов курганских квартир изучаемого периода и современного, но и причины появления проблем в сфере жилищно-коммунального хозяйства, охарактеризовать подходы областных и городских властей к их решению.

¹ Составлена по: Умов А.А., Малокотин С.П. Очерки истории ветеринарии Курганской области. Курган, 1966. ГАКО, ф. р-895, оп. 7, д. 442, л. 11; д. 606, л. 11.

² ГАКО, ф. р-895, оп. 7, историческая справка, л. 18.

³ Там же, ф. р-1591, оп. 2, д. 202, л. 55.

⁴ Там же, ф. р-895, оп. 7, д. 769, л. 1.

Ключевые слова: жилищно-коммунальное хозяйство, бытовые условия, «Красный Курган», Курганская область.

В данной работе рассматривается период, когда Курган массово застраивался многоквартирными домами. Тогда изменился не только внешний вид города, но и условия жизни курганцев, что повлияло на их представление о бытовых удобствах, необходимых советскому человеку. Эта тема является важной для повседневной истории Кургана, но она мало разработана региональной исторической школой.

Основным источником для проведения данного исследования стали материалы областной газеты «Красный Курган» и преемника этой газеты – областного издания «Советское Зауралье». К исследованию было привлечено более 300 публикаций, посвящённых городскому жилищно-коммунальному хозяйству, что само по себе свидетельствует об актуальности для курганцев устройства бытового пространства. Для понимания важности конкретных бытовых удобств для горожан, мы провели подсчёт публикаций газеты, в которых говорилось о проблемах, связанных с конкретными бытовыми удобствами. Таких было выявлено 88 публикаций. Остальные посвящены другим проблемам ЖКХ, например, ремонтно-строительным работам, уборке мусора и пр. Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Распределение публикаций газеты «Красный Курган»/«Советское Зауралье», посвящённых бытовым проблемам, по упоминанию конкретных бытовых удобств [4]

Бытовое удобство	Количество статей, посвящённых бытовым проблемам
Водопровод	25
Отопление	21
Электричество	17
Канализация	9
Радио	8
Уборка мусора	5
Телефонная связь	2
Телевидение	1
Всего статей	88

В газете за 22 декабря 1945 года, в разделе «Письма в редакцию» мы видим обращение Ф. Савельевой под названием «Вместо ремонта – обещания»: «Мой муж погиб в боях за Родину. На руках у меня остался ребёнок, с которым я проживаю по улице М. Горького, 63. Квартира требует серьёзного и срочного ремонта. В ней неисправны пол, крыша, печь. Я уже несколько раз обращалась в горжилуправление, но здесь даже не желают выслушать мою просьбу. Эта история тянется уже целый год, и пока что ко мне побывала только комиссия, которая составила акт, и на этом всё дело замерло. Когда отремонтируют мою квартиру?» [8].

По этому письму мы можем проследить несколько тенденций, которые продолжают в течение всего, рассматриваемого нами, периода. Первая: все материалы, связанные с бытовыми удобствами, как правило, имеют негативный характер. Позитивные встречаются в нескольких случаях, например, если речь идёт о новоселье, но и часть материалов, связанных с новосельем, носили негативный характер, если проблема не решилась. В отличие от проблемных статей, позитивные материалы, связанные с бытовыми условиями, не имели конкретики.

Вторая: как правило, проблемы, связанные с коммунальным хозяйством, решались вышестоящими органами длительный срок, даже после публикации письма в газету ответ на него можно было получить через месяц или больше, причём в этом ответе могли содержаться не обещания исправления ситуации, а только констатация того, что приведённый факт действительно имеет место быть, также был популярен ответ в стиле «Корреспонденция была обсуждена на заседании» [1].

Третья тенденция: как правило, хоть ветеранам Великой Отечественной войны и их близким родственникам тоже приходилось ждать оказания ремонтных услуг или заселения в новую квартиру, всё-таки их проблемы решались быстрее, по сравнению с людьми, которые не были участниками Великой Отечественной войны.

Несмотря на то, что большее количество негативных публикаций связано либо с недоделками строителей, либо с некачественным выполнением работ, которые вскрывались в ближайшие годы, некоторые из них связаны с нерациональным расходом ресурсов. Возьмём для примера публикацию письма К. Мехалевой за 10 февраля 1947 года: «В течение длительного времени отдельные районы Кургана лишены электрического освещения. Свет, как правило, горит только днём, когда в нём нет нужды. Вечером, после рабочего дня трудящиеся не могут почитать газету, книгу, заняться домашними делами. Начальник горэлектросети ссылается на ТЭЦ, последняя в свою очередь, на перегрузку сети, а свет до сих пор не горит. Пора наладить освещение всех районов города. Этим должен заняться горисполком» [5].

Помимо электричества для местных жителей было важно наличие исправного водопровода, работающей котельной, которая обеспечивает в доме тепло, канализации, с 1954 года для курганцев становится важным наличие возможности установить радио, а в 1960 году замечено обращение об отсутствии необходимого напряжения для работы телевизора. В этот период, особенно в 1950-е годы, в газету направлялось много жалоб, связанных с неудовлетворительной работой водопровода. В то же время, по этим публикациям можно понять, что в середине

1950-х такое бытовое удобство как водопровод было уже вполне привычным элементом повседневности. В доказательство приведём цитату из материала «О неудобствах в быту», опубликованном в газете за 29 августа 1956 года: «Как это ни странно, но в Кургане есть кварталы, где нет ... воды» [7].

Исходя из анализа текста, можно понять, что автор мог писать об отсутствии воды как об удивительном явлении только в том случае, когда использование водопровода было широко распространено в домах. Несмотря на то, что во всех новых домах был водопровод, жители жаловались на отсутствие постоянного напора воды, или вообще отсутствие воды, встречались ситуации, когда из-за недостатка напора вода доставалась только обитателям нижних этажей.

Из-за халатного отношения строителей к своей работе, новым домам уже через несколько лет требовался новый ремонт. На страницах газеты «Красный Курган» можно найти предупреждения о возможных последствиях, но, например, Горкомхоз их игнорировал. Пример такого предупреждения мы можем найти в публикации С. Николаевой «Беречь государственные дома» от 21 мая 1955 года: «В Кургане на крышах многих домов принадлежащих горкомхозу, можно видеть груды глины и кирпича, оставленные печниками после ремонта труб. Нельзя, сказать, чтобы рабочие не знали, какой вред они причиняют государству, оставляя мусор, под которым быстро портится крыша» [6].

В дальнейшем эта история получила продолжение, и в номере за 1 сентября 1956 года этой теме была посвящена рубрика «Фотообвинение»: «Кирпичи и глина лежат здесь лет шесть или семь, точнее, с тех пор, как последний раз в доме ремонтировались печи и трубы. Таков верх у дома №85. Кровля под мусором проржавела, прогнила и начала проваливаться. Низ дома не уступает верху. Потолки дают течь, венцы подгнили, углы каменного полуподвала разваливаются, рамы в окнах обветшали до того, что их опасно открывать. Много заявлений писали жильцы дома, но в домоуправлении №5, как впрочем, и в горжилотделе, привыкли замалчивать всякие жалобы и заявления. Правда, случается, что руководители горкомхоза отвечают на жалобы, дают обещания. Но какова их цена, можно судить по такому факту» [9].

Как мы видим по последним двум предложениям, отписки ответственных органов были обычным делом, и не всегда жильцам квартир можно было дожидаться необходимого ремонта. Об отношении этих ответственных людей к исправлению неполадок можно узнать в тексте «Своя рубашка ближе к телу» номера за 21 ноября 1956 года: «В прошлом году водопроводные трубы в этом доме тоже заморозили, начальник участка немедленно исправил поломку в сво-

ей половине дома, а жители других квартир не пользуются водопроводом до сих пор» [2].

Помимо обилия жалоб к власти на некомфортные условия жизни, также на страницах встречаются упреки в сторону людей, которые только ждут, когда им что-то починят, авторы таких публикаций призывают заниматься исправлением своих проблем самостоятельно. Такое обращение можно увидеть в материале «Хранить жилой фонд» газеты за 28 апреля 1957 года. «Отвалился скажем, кусочек штукатурки, или появилась трещина у почки... – иные жильцы рук не приложат, ждут, когда из горкомхоза придут и произведут ремонт» [3].

Правда, следует отметить, что автор материала К. Канташова была управляющей домом №12, тем самым, её обращение нельзя рассматривать, как обращение другого жильца, так как она относилась, к системе, критику в адрес которой высказывали жильцы. С другой стороны, это обращение является примером мнения другой стороны, вовлечённой в вопрос предоставления бытовых удобств для жильцов квартир в Кургане, и это мнение не заключено в рамки формальной отписки.

Таким образом, период массовой застройки Кургана многоквартирными домами, который начался в рассматриваемый период, повлиял на представление жителей города о необходимых бытовых удобствах. Чем больше появлялось многоквартирных домов в городе, тем чаще встречаются публикации в газетах «Красный Курган» и «Советское Зауралье», посвящённые неисправности или отсутствию бытовых удобств, которые начали получать широкое распространение в связи с плановой застройкой города.

Список литературы

- 1 Больше заботы о благоустройстве Кургана // *Красный Курган*. 1947. 23 августа.
- 2 Зайков А. Своя рубашка ближе к телу // *Красный Курган*. 1956. 21 ноября.
- 3 Канташова К. Хранить жилой фонд // *Красный Курган*. 1957. 28 апреля.
- 4 *Красный Курган*. 1945-1959 гг., Советское Зауралье. 1959-1960 гг.
- 5 Мехалева К. Письма в редакцию // *Красный Курган*. 1947. 10 февраля.
- 6 Николаева С. Беречь государственные дома // *Красный Курган*. 1955. 21 мая.
- 7 О неудобствах в быту // *Красный Курган*. 1956. 29 августа.
- 8 Савельева Ф. Вместо ремонта – обещания // *Красный Курган*. 1945. 22 декабря.
- 9 Фотообвинение // *Красный Курган*. 1956. 1 сентября.

*А.И. Тимошенко,
г. Новосибирск*

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ ГОРОДОВ СИБИРИ В УСЛОВИЯХ ИНДУСТРИАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Аннотация. Рассматриваются проблемы социокультурного развития индустриальных городов Сибири в условиях индустриальной модернизации советского периода, отмечается значимая роль государственных решений в процессе индустриального освоения восточных регионов СССР. В качестве выводов подчеркивается, что сибирские города на разных этапах индустриальной модернизации отличались особыми тенденциями и характеристиками социокультурного развития. Они изменялись исключительно в рамках стратегии, определенной государством.

Ключевые слова: Сибирь, сибирские города, индустриальная модернизация, социокультурное развитие.

Социокультурное развитие городов Сибири в советский период было напрямую связано с индустриальной модернизацией экономики региона. Советское правительство рассматривало индустриализацию в качестве решающего фактора выживания политического строя и в целом государства. В этой ситуации важнейшую роль предстояло сыграть пространству и природным ресурсам Сибири. Активизация их использования в экономическом развитии Российского государства стала проявляться ещё в начале XX века с вводом в эксплуатацию Транссиба, который создавал возможности, как для роста экономики, так и для заселения восточных регионов русскоязычными людьми.

Советская власть унаследовала данное отношение к социально-экономическому развитию Урала, Сибири и Дальнего Востока. Планы социалистической индустриальной модернизации включали в себя как заселение, так и социально-экономическое развитие восточных регионов, в том числе не только западных и южных территорий, примыкающих к Транссибу, но и северных, богатых природными и минерально-сырьевыми ресурсами, необходимыми для роста экономики всей страны. Поэтому в государственной модернизационной стратегии восток страны занимал одно из главных мест.

Индустриальное развитие конкретно Сибири в 1930-е годы рассматривалось как поэтапное, продвигающееся с запада на восток и охватывающее всё более новые территории региона. Уже начало реализации данных страте-

гических замыслов внесло большие изменения в развитие экономики. В Сибири в годы первых предвоенных пятилеток наблюдался резкий рост городов и городского населения, создавались целые промышленные районы и крупные производственные комплексы.

В результате в регионе создавалась индустриальная культура производства и жизнедеятельности населения. Необходимо отметить, что в Сибири индустриализация начиналась с создания базовых отраслей экономики: тяжелой промышленности, военно-оборонных производств, транспортных и энергетических объектов, что являлось определяющими факторами для соответствующих социально-демографических и социокультурных изменений в регионе. Достижению индустриальных целей служили организованные государством миграционные процессы, главным образом направленные на формирование в Сибири значительного контингента индустриальных кадров. Многонациональные потоки направлялись государственными органами добровольно и принудительно в разные районы, в основном связанные с освоением природных ресурсов, строительством промышленных предприятий, энергетических и транспортных объектов. Огромную роль сыграло создание в регионе минерально-сырьевой ресурсной базы Советского государства.

Первой индустриальной программой Сибири в советский период стал Урало-Кузнецкий проект, который реализовывался в конце 1920-х в 1930-е годы. Согласно плану реализации проекта строились не только промышленные предприятия, но и индустриальные поселения. Рабочие поселки, ставшие в последствие городами, возникали, как правило, вокруг шахт и строящихся предприятий, были органически связаны с производством и развивались вместе с ним. Они создавались по двум основаниям. Одни из них начинались буквально на пустом месте и росли вместе с новостройками, другие образовывались рядом со старыми населенными пунктами и впитывали в себя уже устоявшиеся социокультурные традиции. Эти два фактора в значительной степени определяли первичный облик новых индустриальных поселений, формировали основные характеристики их населения, которое ещё не ушло от прежней жизни, но в то же время, по воле обстоятельств, оказалось во власти другой. В целом же и те и другие новые городские поселения росли и развивались в зависимости от потребностей промышленного и транспортного строительства, а затем и производства.

В 1920-е годы накануне разворота индустриального строительства на территории Кузнецкого угольного бассейна процент городского населения был невысоким: чуть более 10%. В 1926-1939 годы население Кузбасса выросло в

четыре с лишним раза, в том числе городов и рабочих поселков – в 13,6 раза. В регионе интенсивно развивался процесс урбанизации. Удельный вес горожан в этот период поднялся до 55%, что было гораздо выше, чем в других областях Западной Сибири [1, с. 23–25; 2, с. 217].

Период 1926-1939 годов можно определить в качестве первого этапа становления в Сибири индустриально-урбанистического общества. Причем необходимо отметить, что социокультурные навыки и традиции индустриального города не передавались по наследству, а приобретались в процессе проживания людей в определенной социальной и культурной реальности, в условиях, которые развивались в основном в интересах производственного строительства, концентрировавшего все главные усилия и ресурсы общества. В этот период социальные проблемы решались очень ограниченно, из них в первую очередь те, которые непосредственно были связаны с производством. В 1930-е годы элементарные жизненные потребности людей на индустриальных новостройках удовлетворялись по остаточному принципу с соблюдением жесточайшей экономии. В результате городское строительство являлось отражением данной политики. В этот период индустриальная модернизация в стране, и в Сибири в частности, отличалась форсированными темпами производственного строительства и пренебрежением к социальным проблемам, которые решались в результате только острой необходимости и только в тех случаях, когда могли пострадать интересы производства.

В Кузбассе в начале индустриального строительства городское строительство также не получало достаточного финансирования. Например, в Новокузнецке до пуска Кузнецкого металлургического комбината городское строительство всячески ограничивалось. В городе многого не хватало для жизни населения: жилья, магазинов, столовых, школ, больниц. На стройплощадке была всего одна баня с пропускной способностью 70 человек в час. Её внеочередное посещение предусматривалось в качестве премии для стахановцев и прочих передовиков производства, так же как и получение талонов на приобретение продуктов или промтоваров в магазине¹.

Более активное городское строительство и благоустройство началось только в годы второй пятилетки, когда Кузнецкий металлургический комбинат стал работать на полную мощность. По-видимому, в какой-то степени сыграл свою роль факт переименования города Новокузнецка в Сталинск. В данных обстоятельствах уже недостаточно было только декларативно заявлять, что новые предприятия – гиганты социали-

стической индустрии в СССР должны иметь благоустроенные, красивые и самые современные города. Необходимо было уже и что-то делать в этом направлении. По инициативе региональных и городских властей стали изыскиваться различные возможности для активизации строительства города, названного именем вождя. Особенно большое внимание стало уделяться строительству жилья. В ноябре 1932 года было принято специальное постановление Совета Труда и Оборона «О ходе жилищно-коммунального и социально-культурного строительства г. Сталинска», подкрепленное финансированием². В конце 1930-х годов Сталинск считался одним из самых красивых и благоустроенных городов Сибири.

В 1930-е годы также активно развивался город Кемерово. Индустриальное строительство в Кузбассе сосредотачивалось не только в двух городах. Оно охватывало весь регион, в котором в годы первых пятилеток вступили в строй действующих более 40 угольных шахт со всем необходимым обустройством: транспортными и энергетическими объектами, предприятиями угольной разведки и т. д. В связи с этими событиями шахтерские поселения быстро росли и получали городской статус. В 1931 году стали городами Анжеро-Судженск и Прокопьевск, где было сразу открыто несколько крупных угледобывающих предприятий. В 1936 году был объявлен городом Киселевск, в 1938 году – Гурьевск, Осинники, Белово. В Белово кроме шахт был построен цинковый завод, что тоже активизировало городское строительство. Всего в 1930-е годы в Кузбассе появилось 11 новых индустриальных городов. В Кемеровской области на момент её образования (1 января 1943 года) городское население составляло около 60% [3, с. 153-154].

Ситуация, сложившаяся в 1930-е годы, заложила в социокультурное развитие городов Кузбасса противоречивый характер, который продолжал проявляться и в последующий период. С одной стороны, присутствовали явные свидетельства социального прогресса в регионе, а с другой стороны остаточный принцип решения городских проблем не позволял в полной мере решать насущные задачи общественного бытия: обеспечивать население жильём, бытовыми и культурными услугами. Социокультурное развитие индустриальных городов не было равномерным. В условиях ограниченных возможностей государства наибольшие возможности имели крупные города с более мощными градообразующими предприятиями.

Военные годы стали особым периодом в социокультурном развитии сибирских городов. В это время индустриальные поселения региона практически не получали средств для нового строительства. Все материальные ресурсы кон-

¹ Новокузнецкий филиал Государственного Архива Кемеровской области (НФГАКО). Ф.143. Оп. 1. Д.35. Л.65–70.

² Там же. Ф. 143. Оп. 1. Д. 41. Л. 236–239.

центрировались вокруг военного производства, которое должно было обеспечить победу над врагом. Поэтому в военный период очень сложно говорить о каком-то социальном прогрессе в сибирских городских поселениях вообще и о социокультурном в частности.

Зато в развитии экономики Сибири в годы Великой Отечественной войны произошёл существенный прорыв. С эвакуацией нескольких сотен промышленных предприятий из европейских районов СССР в Сибири значительно усилился индустриальный потенциал. Регион превратился поистине в арсенал для Советской Армии. Но вместе с тем, в годы войны поступательное социальное развитие региона в значительной степени затормозилось. Промышленные предприятия, не относящиеся напрямую к военному производству, были вынуждены работать в условиях сокращения капиталовложений и материально-технических ресурсов, недостаточной численности рабочих и служащих.

В структуре промышленного производства приоритетные позиции заняли отрасли, формировавшие фонд военного потребления. В 1942 году Сибирь давала около 1/3 общесоюзного производства чугуна, свыше 1/4 стали и проката, почти 1/2 кокса и 1/3 марганца [3, с. 203]. За счет Урало-Кузнецкого комбината СССР к 1943 году превзошел Германию по производству качественного металла, что, несомненно, послужило залогом победы в войне. Сибирь в большом количестве поставляла не только черные, но и цветные металлы, особенно после пуска Норильского промышленного комплекса, Новокузнецкого алюминиевого и ферросплавного заводов, Беловского цинкового.

В годы войны на Кузнецком металлургическом комбинате были пущены электроплавильный и прокатный цехи, что позволило выплавлять специальные виды сталей, необходимых для производства военной техники. Металлурги Кузбасса в содружестве с учеными под руководством академика И.П. Бардина впервые в мире за кратчайшие сроки освоили выпуск броневой стали в большегрузных мартеновских печах, что явилось подлинной революцией в технологии производства качественного металла. Уже во второй половине 1941 года металлурги перевели производство на военные рельсы и добились резкого увеличения выпуска специальных сталей и высокосортного броневых листов. В 1941-1945 годы выплавка чугуна на Кузнецком металлургическом комбинате выросла с 1599 до 1643 тыс. т, стали – с 2080 до 2290 тыс. т, проката – с 1384 до 1638 тыс. т. К концу войны новые марки стали и профили проката составляли около 80% всей продукции комбината. Из стали, выплавленной на комбинате в военное время, можно было изготовить 100 млн снарядов, 50 тыс. тяжелых танков, 45 тыс. самолетов [1, с. 364].

Высокими темпами развивались машиностроение и металлообработка. При общем росте промышленного производства в Западной Сибири за первые два года войны в 2,5 раза продукция машиностроения и металлообработки увеличилась в 8 раз, а связанная с военным производством в 30 раз. В целом в 1941-1945 годах объем промышленного производства Западной Сибири увеличился почти в 3, а Восточной – в 1,5 раза [3, с. 203-204].

В послевоенные годы начался следующий этап индустриальной модернизации Сибири. В этот период начали реализовываться программы, намеченные ещё в 1930-е годы и приостановленные в связи с начавшейся Второй мировой войной. Первой из них стала Ангаро-Енисейская индустриальная программа, в основе которой находилось энергетическое строительство и создание затем на его базе энергоёмких производств [4, с. 130-131].

Первенцем реализации этой программы стало строительство Иркутской и Братской ГЭС, а затем Усть-Илимской и Красноярской. В результате в Восточной Сибири возникло сразу несколько индустриальных поселений, получивших вскоре статус городов. Так, например, Братск из населенного пункта с количеством жителей менее 1 тысячи человек за десятилетие (1955-1965 годы) превратился в город с 200-тысячным населением. Рядом со строящимися предприятиями возникли новые города Ангарск, Байкальск, Шелехово, Железногорск-Илимский, Усть-Илимск, Дивногорск и др. Численность жителей Братска к 1965 году увеличилась в 12 раз, Железногорска-Илимского – в 7 раз, Усть-Илимска (1967-1977 годы) – в 14 раз [5, с. 129].

Следующим этапом индустриальной модернизации Сибири стала реализация на севере Западной Сибири нефтегазовой программы, в результате которой также появились новые индустриальные города, отличающиеся особым социокультурным колоритом. Например, к началу 1980-х годов на севере Тюменской и Томской областей было построено уже около двадцати новых городов и несколько десятков рабочих поселков. Первые из них Урай, Нижневартовск, Сургут, Нефтеюганск стали известны уже в 1960-е годы. При активном участии региональных властей активно разрабатывались и утверждались схемы планировки новых городов, из года в год возрастали темпы их строительства. Уже на начальном этапе формирования Западно-Сибирского нефтегазового комплекса для размещения строителей и нефтяников в Среднем Приобье было введено в действие более 150 тыс. м² жилья. В новых городах появились первые школы, больницы, дошкольные детские учреждения, объекты коммунального хозяйства. В 1970-1980-е годы прирост городского населения на севере За-

падной Сибири был самым высоким в стране. Удельный вес горожан Ямало-Ненецкого автономного округа за 1970–1985 годы вырос с 43 до 79% [5, с. 162, 185; 2, с. 27].

Население зоны БАМ также начало быстро увеличиваться с началом строительства магистрали. С 1975 по 1980 год оно возросло вдвое. К концу 1980-х годов здесь в 13 городах и 80 рабочих поселках проживало около двух млн человек. На карте появились новые городские названия: Тында, Северобайкальск, Нерюнгри, Ния, Ургал, и др. В целом по данным Всесоюзных переписей населения с 1959 по 1989 годы количество городских жителей в Сибири и на Дальнем Востоке увеличилось почти в два раза с 12,4 до 23,5 млн чел., выросла доля горожан в общей численности населения региона с 55 до 73,3% [6, с. 14, 25].

На формирование социокультурных характеристик новых индустриальных городов Сибири сильно влиял тот факт, что их население складывалось в основном за счет молодых мигрантов, прибывающих из различных районов страны. Процессы социокультурного развития новых поселений имели свою специфику по сравнению с уже давно существующими городскими центрами, которые развивались постепенно, эволюционно формируя городскую среду и веками приспособивая её для нужд населения. В новых городах история не давала такого шанса. Общественное предназначение их требовало быстрых и интенсивных изменений, которые должны были происходить форсировано и даже скачкообразно для того, чтобы в короткие исторические сроки получить необходимые общественные результаты.

Новые города Сибири создавались целенаправленно, в рамках государственной стратегии индустриализации, главными задачами которой было не столько заселение территории региона, сколько освоение его природных богатств, необходимых для успешного развития экономики СССР. Поэтому роль государства в данных процессах была определяющей. Хотя проблемы формирования и социокультурного развития населения в регионе решались исключительно с точки зрения обеспечения предприятий и строений трудовыми ресурсами, тем не менее, проводимая государственная политика способствовала в целом экономическому и социальному прогрессу осваиваемых территорий Сибири. Возникшие там индустриальные поселения становились опорными пунктами дальнейшего урбанистического развития региона.

Районы нового индустриального строительства, как правило, отличались неразвитостью транспортной, экономической и социокультурной инфраструктуры. Чтобы организовать в данных условиях крупное энергетическое или промышленное строительство разрабатывалась целая

система мероприятий государственной миграционной и социальной политики, с помощью которой организовывались значительные контингенты мигрантов, желающих жить и работать в Сибири и способных преодолевать все трудности и лишения, связанные с недостаточным социальным и экономическим развитием территорий нового строительства. С использованием богатейшего опыта агитации и пропаганды, накопленного советской системой ещё в годы первых пятилеток и послевоенного восстановления, у переселенцев формировались общие цели и задачи, для решения которых они и прибывали на новые места. В результате соответствующего настроения горожане легче переживали все трудности начального периода, адаптировались к новым видам производственной деятельности, изменениям в социально-бытовой жизни, к новым межличностным отношениям.

В начальный период создания нового города существенная роль отводилась трудовым коллективам и общественным организациями, администрациям строительных предприятий, которые не только принимали людей на работу и обеспечивали их труд, но и всячески обустроивали их жизнь на новом месте, способствовали закреплению на стройке. В последующее время с развитием города всё большую роль начинали играть и другие традиционные городские организации, например, органы местного самоуправления, учреждения образования, культуры и т. п., которые, согласно своему предназначению, брали на себя значительную часть забот не только по жизнеобеспечению населения, но и по его социокультурному развитию.

Таким образом, можно сделать вывод, что социокультурное развитие сибирских городов в условиях индустриальной модернизации советского периода происходило под контролем государства и отличалось особыми обстоятельствами и тенденциями.

Список литературы

- 1 Историческая энциклопедия Кузбасса. Кемерово : Издательский концерн «Штама», 1996. Т. 1. 380 с.
- 2 Сибирь на пороге нового тысячелетия. Новосибирск : Изд-во ИЭиОПП СО РАН, 1999. 296 с.
- 3 Тимошенко А. И. Проекты социально-экономического развития Сибири в XX веке. Концепции и решения. Новосибирск : Сибирское научное издательство, 2007. 287 с.
- 4 Тимошенко А. И. Разработка и реализация жилищных программ в районах нового промышленного освоения Сибири в 1950–1980-е гг. // Опыт решения жилищной проблемы в городах Сибири в XX–XXI вв. Сборник научных трудов. Новосибирск : Изд-во «Параллель», 2008. С. 125–144.
- 5 Урбанизация советской Сибири. Сборник научных трудов. Новосибирск : Изд-во «Наука», 1987. 223 с.
- 6 Численность населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения в 1989 г. Москва : Изд-во «Статистика», 1990. 377 с.

*Н.А. Лушникова,
г. Курган*

МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ БАЗА ЛЕЧЕБНО-ПРОФИЛАКТИЧЕСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ СЕЛЬСКОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В 1965–1990 ГОДЫ (НА МАТЕРИАЛАХ КУРГАНСКОЙ, СВЕРДЛОВСКОЙ И ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТЕЙ)

Аннотация. Развитие хозяйственной базы сельских учреждений здравоохранения в 1965–1990 годы характеризовалось государственной поддержкой крупных деревень и районных центров, оптимизацией медицинского обслуживания путем закрытия мелких больниц в небольших селениях, объединения с более крупными лечебно-профилактическими учреждениями. Специализированная медицинская помощь в деревне осуществлялась путем объединения, организации межрайонных учреждений. В статье дается периодизация развития сельского здравоохранения и показаны основные тенденции эволюции материально-технической базы.

Ключевые слова: лечебно-профилактическое учреждение, фельдшерско-акушерский пункт, центральная районная больница, «неперспективная» деревня, оптимизация.

Сельское здравоохранение и медицинское обслуживание в 1965–1990 годы развивалось противоречиво. С одной стороны, основным местом оказания лечебной помощи селянам в «перспективной» деревне был фельдшерско-акушерский пункт (ФАП), куда сельский житель мог обратиться как за первичной доврачебной помощью, так и за проведением определенных лечебных и профилактических процедур без отрыва от сельскохозяйственных работ. Для получения более квалифицированной медицинской помощи деревенские жители ехали в районный или областной центр. С другой стороны, политические процессы сселения «неперспективной» деревни приводили к оптимизации медицинского обслуживания, уничтожению медицинской помощи в мелких и средних деревнях.

В конце 1950-х – начале 1960-х годов была сформулирована и начала претворяться в жизнь политика ликвидации «неперспективной» деревни. Ликвидация медицинских учреждений в малых деревнях приводила к вынужденной миграции сельского населения в «перспективную» поселенческую сеть.

А.А. Гуменюк доказал, что к середине 1980-х годов высококвалифицированная специализированная медицинская помощь стала

доступнее, в том числе и в сельской местности [1, с. 114]. Лишение доступности сельского здравоохранения стало характерно для малых и средних деревень, а по статистике оптимизация способствовала развитию специализации в общегосударственном масштабе. Отсутствие подходящих помещений в «неперспективной» деревне привело к ухудшению медицинского обслуживания сел, многочисленным проблемам лечения местного населения.

Процессы оптимизации выразились в укрупнении сельских лечебно-профилактических учреждений (ЛПУ). В 1970 году в Свердловской области было укрупнено 6 сельских больниц, реорганизовано в ФАП 2 участковые больницы. В 1971 году были укрупнены Верхотурская, Ирбитская, Камышловская центральные районные больницы (ЦРБ), 7 участковых больниц, закрыты 2 участковые больницы на 10 коек. При участковых больницах было создано 117 сельских детских консультаций, в сельских районах функционировали 15 молочных кухонь¹. В течение 1978 года в Свердловской области были закрыты 2 участковые больницы, в результате осталось 53 больницы численностью до 25 коек. За 1975–1979 годы 17 участковых больниц были реорганизованы в сельские амбулатории, отделения ЦРБ и ФАП².

В 1972 году в Челябинской области осталось 8 коечных больниц в районах³. В Челябинской области в 1986 году из-за низкой укомплектованности врачами-терапевтами не было произведено разукрупнение территориальных терапевтических участков в Агаповском районе⁴.

К 1980 годам государство осознало необходимость сохранения жизнеспособности сельских населенных пунктов, в том числе и за счет поддержания ЛПУ в деревнях. Однако остановить процесс сокращения численности сел в общегосударственном масштабе стало невозможно. С 1982 года в Курганской области был взят курс на первоочередное строительство малопрофильных, объединенных с поликлиникой ЦРБ на 300–500 коек, а также постепенная реорганизация мелких участковых больниц во врачебные амбулатории, ФАП⁵.

Итак, в 1965–1990 годы происходили процессы централизации и оптимизации сети ЛПУ путем сокращения маломощных и коечных больниц. В этом проявилось одно из направлений политики страны, стремление сэкономить бюджет, а на деле – приводило к лишению единственного медицинского учреждения. Миграции из деревни в город в этих условиях усиливались.

В 1965 году в связи территориальными изменениями районов Курганской области были

¹ ГАСО. Ф. р-627. Оп. 3. Д. 150. Л. 24–28.

² ЦДОСО. Ф. 273. Оп. 2. Д. 58. Л. 26–27.

³ ОГАЧО. Ф. П-2883. Оп. 1. Д. 21. Л. 28.

⁴ ОГАЧО. Ф. П-2883. Оп. 1. Д. 34. Л. 82.

⁵ ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 349. Д. 156. Л. 36–42.

совершены преобразования, направленные на централизацию медицинской помощи для жителей близлежащих пунктов¹. Происходившие события объяснялись объективной политической причиной – дальнейшей гибелью сельских населенных пунктов. Сельский врач или фельдшер не мог лечить больных самостоятельно в условиях стационара, а вынужден был отправлять на лечение в ЦРБ.

Общую динамику развития лечебно-профилактических учреждений в исследуемых областях можно проследить по данным таблиц. В данных таблицах в отдельных ячейках присутствует знак « - », который означает, что количественный материал по определенному году автору не известен.

Исходя из вышеприведенных данных, можно сделать вывод, что количество сельских больниц за исследуемый период уменьшилось примерно на треть.

Таблица 1 – Количество сельских больниц в Курганской, Свердловской и Челябинской областях²

	1968 г.	1969 г.	1971 г.	1976 г.	1982 г.	1983 г.	1985 г.	1986 г.	1990 г.
Курганская область	140	-	-	-	-	73	-	-	-
Свердловская область	-	-	140	121	115	-	-	115	-
Челябинская область	-	113	-	98	-	-	92	-	75

Таблица 2 – Количество фельдшерско-акушерских пунктов в Курганской, Свердловской и Челябинской областях³

	1968 г.	1969 г.	1970 г.	1971 г.	1976 г.	1979 г.	1983 г.	1985 г.	1986 г.	1990 г.
Курганская область	733	-	750	-	-	825	872	-	-	-
Свердловская область	-	-	-	1044	994	-	-	-	927	-
Челябинская область	-	2032	-	-	-	-	-	785	786	748

¹ ГАКО. Ф. р-1232. Оп. 1. Д. 1061. Л. 42-43.

² Составлено автором по материалам: ГАРФ. Ф. А482. Оп. 56. Д. 1156. Л. 82-83, 161; ГАРФ. Ф. А482. Оп. 56. Д. 1158. Л. 101-102; ГАСО. Ф. р-627. Оп. 3. Д. 150. Л. 24-28; ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 338. Д. 197. Л. 211-212; ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 166. Д. 178. Л. 31; ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 10. Д. 3536. Л.61; ОГАЧО. Ф. Р-1379. Оп. 6. Д. 3633. Л. 27-29; Ф. Р-1379. Оп. 3797. Л. 94.

³ Составлено автором по материалам: ГАРФ. Ф. А482. Оп. 56. Д. 1156. Л. 161; ГАКО. Ф. р-1541. Оп. 8. Д. 3255. Л. 2-8; ГАСО. Ф. р-627. Оп. 3. Д. 150. Л. 24-28; ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 338. Д. 197. Л. 211-212; ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 10. Д. 3536. Л.61; ОГАЧО. Ф. Р-1379. Оп. 6. Д. 3633. Л. 27-29; Ф. Р-1379. Оп. 3797. Л. 94.

Из данных таблицы следует, что в Челябинской области количество пунктов уменьшилось более, чем в 2 раза. Это было связано с преобразованием ФАП в сельские амбулатории или с закрытием и передачей в подчинение сельским Советам. В Свердловской области их количество уменьшилось не столь значительно. А в Курганской области наблюдался рост количества сельских ФАП за счет реорганизации мелких номерных больниц. В Курганской области шел процесс, обратный, протекающему в Челябинской области в развитии сети ФАП. Но это не говорит о том, что в Свердловской и Челябинской областях не происходила реорганизация коечных и номерных больниц. Этот процесс шел, но в меньших объемах и темпах по сравнению с Курганской областью.

К 1990 году в 321 населенном пункте Челябинской области отсутствовали учреждения здравоохранения⁴. Жители данных сел должны были ехать за медицинской помощью несколько километров в близлежащее поселение, либо ждать приезда фельдшера, что не всегда было удобно.

Проблемой развития материально-технической базы сельского здравоохранения стало строительство новых ЛПУ в «перспективной» деревне. Строительство, ввод в эксплуатацию этих учреждений в Курганской и Свердловской областях были выше, чем Челябинской. Это было связано с лучшей обеспеченностью фондами и организацией строительства на местном уровне.

В строительстве сельских медицинских учреждений сложилась противоречивая ситуация. С одной стороны, происходит строительство новых ЛПУ в «перспективной» деревне. С другой стороны, часть зданий в «перспективном» селе вовремя не ремонтировались. В «неперспективной» деревне лечебные учреждения закрывались, а существующие – не ремонтировались, обрекая в будущем на прекращение деятельности.

Развитие сельского здравоохранения можно разделить на три периода:

1) середина 1960-х – середина 1970-х годов характеризовалась строительством различных лечебно-профилактических учреждений в «перспективной» деревне, укрупнением ЦРБ, переводом амбулаторий в ведение больниц и др. Все процессы были связаны с оптимизацией деятельности сельских учреждений медицины, экономией и без того малого бюджета для их развития.

Тем не менее в 1965 году в Курганской области были сданы в эксплуатацию Юргамышская, Лебяжьевская и Верхне-Теченская больницы⁵. За 1973-1974 годы были введены в строй: Вар-

⁴ ОГАЧО. Ф. Р-1379. Оп. 6. Д. 3633. Л. 27-29; Ф. Р-1379. Оп. 3797. Л. 94.

⁵ ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 289. Д. 1. Л. 8-9.

гашинская ЦРБ, инфекционное отделение Щучанской ЦРБ, поликлиника Мишкинской ЦРБ и другие объекты¹.

За 1969-1970 годы в Свердловской области были возведены: детская больница в Ново-Лялинском районе, Колчеданская больница в Каменском районе, Бобровская больница в Сысертском районе, Саткинская больница в Алапаевском районе и др.².

Строительство новых медицинских учреждений на средства колхозов и совхозов шло медленными темпами, поскольку хозяйства решали вопросы экономики производства, а на строительство и содержание учреждений здравоохранения колхозно-совхозное финансирование шло по остаточному принципу.

Тем не менее у рентабельных сельских хозяйств имелись возможности для строительства и ремонта сельских больниц, амбулаторий, ФАП. За счет средств Такташинского совхоза Курганской области в 1965 году был выстроен инфекционный корпус Кировской больницы³. За 1968–1971 годы в Свердловской области было построено 35 фельдшерских пунктов и больниц на 100 коек за счет колхозов и совхозов⁴.

Имелись факты аварийного состояния сельских учреждений медицины, недостаточной площади сельских ФАП, что способствовало понижению общего санитарного уровня.

В 1965 году в Челябинской области 250 фельдшерско-акушерских и фельдшерских пунктов (37,5%) из 667 не соответствовали самым простым санитарным и технологическим нормам⁵. К 1976 году в Каргалах, Касли, Красноармейском, Кунашакском, Нагайбакском, Сосновском районах лечебные учреждения располагались в ветхих, непригодных, малых по площади зданиях⁶.

В Курганской области в 1971 году многие сельские медицинские учреждения не соответствовали санитарным требованиям, а строительство и ввод в эксплуатацию новых лечебных объектов (Петухово, Щучье и др.) затягивалось⁷.

Ветхость помещений приводила к прекращению деятельности учреждений до ликвидации нарушения. В г. Красноуфимске Свердловской области в 1965 году был закрыт стационар межрайонного кожно-венерологического диспансера в связи с аварийным состоянием помещения⁸.

Имелись факты некачественного ремонта зданий сельскими подрядчиками. Из-за нарушений закладки фундамента при строительстве «Кургансельстроем» Мокроусовской ЦРБ в Кур-

ганской области в 1973 году началась деформация конструкций строящегося здания⁹.

Другой проблемой стала консервация строительства новых зданий для сельской медицины в районных центрах по всему региону.

Немаловажным вопросом материально-технической базы сельских учреждений здравоохранения являлась обеспеченность необходимым оборудованием и аптечными товарами. Это восполнялось за счет шефской помощи областных учреждений здравоохранения.

Облаптекоуправлением Курганской области в 1968 году были направлены в районы области 9755 аптек, 16230 индивидуальных пакетов, перевязочный материал: марля 45 тыс. метров, бинтов 445 тыс. штук, 6 тонн ваты и другие медикаменты¹⁰.

2) середина 1970-х – начало 1980-х годов определялись дальнейшим оформлением специализированной медицинской помощи – развитием межрайонных диспансеров и дальнейшим сокращением бюджета здравоохранения.

Следует отметить, что возведение новых больниц осуществлялось в районных центрах, оставляя без внимания глухие деревни. Так, в 1976 году в Курганской области была сдана в эксплуатацию Мокроусовская ЦРБ, Шумихинская ЦРБ, лечебные корпуса областной психиатрической больницы в р. п. Мишкино, глазное отделение Далматовской ЦРБ. В 1977 году готовились к сдаче в эксплуатацию детский корпус в с. Кетово и санитарно-эпидемиологическая станция в г. Петухово¹¹.

В 1979 году в Свердловской области строились детская многопрофильная больница в Краснотурьинске, инфекционное отделение в г. Тавде, детская поликлиника и родильный дом в г. Красноуфимске, родильные дома в городах Березовском, Невьянске¹².

В 1977 году за счет средств совхозов строились Мостовской и Писанский фельдшерские пункты Свердловской области¹³.

Имелись факты долгого строительства. Например, с 1974 по 1980 год строился больничный комплекс в селе Миасском при норме возведения 2 года¹⁴.

3) в 1980-е годы выявляется окончание реконструкции поселенческой структуры государства, начинает проводиться политика сохранения деревни в условиях кризиса и начала сокращения государственного финансирования.

В 1981 году в Курганской области при об-

¹ ГАОПДКО. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 4. Л. 107.

² ГАСО. Ф. Р-627. Оп. 3. Д. 747. Л. 31–37.

³ ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 289. Д. 1. Л. 8-9.

⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 89. Д. 264. Л. 41–43.

⁵ ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 10. Д. 858. Л. 53–55.

⁶ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 166. Д. 178. Л. 81.

⁷ ГАОПДКО. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 2. Л. 36-37.

⁸ ГАСО. Ф. Р-627. Оп. 3. Д. 146. Л. 28-29.

⁹ ГАКО. Ф. Р-1779. Оп. 1. Д. 889. Л. 32.

¹⁰ ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 294. Д. 361. Л. 98-99.

¹¹ ГАОПДКО. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 7. Л. 75.

¹² ЦДООСО. Ф. 273. Оп. 2. Д. 58. Л. 10-11.

¹³ ГАСО. Ф. Р-627. Оп. 3. Д. 150. Л. 24–28.

¹⁴ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 166. Д. 178. Л. 81; ОГАЧО. Ф. П-481. Оп. 1. Д. 120. Л. 4.

ластной больнице были созданы областные специализированные центры, а в трех центральных районных больницах – межрайонные [2, с. 816].

В Челябинской области в 1982 году была введена в строй Карталинская ЦРБ, завершено строительство корпуса Варненской больницы, было начато строительство ЦРБ и поликлиники Сосновского района. В 1982-1983 годы на селе введено в строй 5 амбулаторий и 41 ФАП, отремонтировано 19 участковых больниц, 6 поликлиник, 131 ФАП [3, с. 24-25]. В 1986 году была построена и сдана в эксплуатацию в Еткульском районе Коелгинская поликлиника¹.

В 1988 году 35 центральных и участковых больниц не отвечали элементарным требованиям. Площадь на одного больного в стационаре и поликлинике была в 3 раза меньше норматива. Средства, выделяемые на строительство и техническое оснащение здравоохранения, осваивались на 60–80%². В Свердловской области в 1989 году из 85 участковых больниц четверть находилась в ветхих деревянных зданиях, не подлежащих ремонту, две трети зданий не имели канализации, треть – водопровода. С 1986 года в поселке Тимирязерском Челябинской области из-за аварийного состояния была закрыта участковая больница, обслуживавшая 9 населенных пунктов³.

Проблема ветхости, непригодности к дальнейшей эксплуатации зданий сельских медицинских учреждений стояла остро. В «перспективной» поселенческой сети данная проблема не имела значения.

В «перспективном» г. Камышлове Свердловской области центральная районная больница была размещена «в одноэтажных деревянных зданиях, постройки до 1898 года без канализации, водоснабжения, с печным отоплением»⁴. Вопрос строительства нового здания не могли решить в течение многих лет.

К 1988 году были построены Куртамышская и Каргапольская ЦРБ, строившиеся соответственно по 13 и 8 лет⁵.

Это привело к ухудшению медицинского обслуживания сел, многочисленным проблемам в лечении местного населения, гибели людей. К 1989 году в аварийном состоянии находились Кочердыкская и Гудиновская участковые больницы, построенные в 1938 и 1916 годах. Вопрос со строительством новых зданий не решался⁶. В течение 8 лет (1980–1988 годы) больница в г. Макушино находилась в помещении гостиницы в связи с аварийным состоянием зданий боль-

ницы. Не решался вопрос строительства нового лечебного корпуса на 60 коек⁷.

Что касается аптечного снабжения, то в 1982 году в Свердловской области были направлены 105 наборов фельдшера, 139 наборов сельского терапевта, 155 наборов сельского педиатра, 1867 аппаратов для измерения кровяного давления, 42 электрокардиографа, 58 аппаратов УВЧ-терапии, 161 лампа «Соллюкс», 142 ртутно-кварцевого облучателя, 111 санитарных автомобилей⁸.

Увеличение количества ФАП достигалось за счет централизации медицинской помощи: ряд номерных и участковых больниц были переведены в статус пункта фельдшера. Укрупнение части сельских ЛПУ привело к качественному ухудшению здравоохранения мелких поселений. Гибель сельских лечебных учреждений приводила к ухудшению здоровья и гибели населения, переезду в более благоприятные сельские пункты.

Материально-техническая база сельского здравоохранения развивалась противоречиво. С одной стороны, усилиями подрядных организаций и силами рентабельных колхозов и совхозов проводилось строительство и текущий ремонт медицинских учреждений. С другой стороны, политика укрупнения сельских учреждений здравоохранения привела к гибели села. В оптимизации государство видело упрощение проблемы материально-технической базы сельской медицины.

Нерешенность многих проблем (строительство, капитальный ремонт зданий, оптимизация медицинского обслуживания и др.) в развитии ЛПУ в сельской местности является актуальной и для современности.

Список сокращений:

- 1 ЛПУ – лечебно-профилактическое учреждение
- 2 ФАП – фельдшерско-акушерский пункт
- 3 ЦРБ – центральная районная больница

Список литературы

1 Гуменюк А. А. Развитие здравоохранения в СССР во второй половине 1950-х – первой половине 1980-х годов (по материалам Нижнего Поволжья) // Известия Саратовского университета. Сер. История. Международные отношения. Саратов, 2015. Т. 15. Вып. 4.

2 Лушникова Н. А. Развитие сельской медицинской помощи и санаторно-курортного лечения в 1960-1980-е гг. (на материалах Курганской, Свердловской и Челябинской областей) // Современные тенденции сельскохозяйственного производства в мировой экономике : материалы XV Международ. науч.-практ. конф-ии (г. Кемерово, 6-7 декабря 2016 г.). Кемерово, 2016.

3 На страже здоровья народа // Политический информатор. 1985. № 11.

¹ ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 10. Д. 3294. Л. 5, 6, 34, 60-61.

² ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 355. Д. 21. Л. 22.

³ ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 10. Д. 3294. Л. 5, 6, 34, 60-61.

⁴ ГАСО. Ф. р-88. Оп. 2. Д. 2543. Л. 29; Ф. р-88. Оп. 2. Д. 2373. Л. 145.

⁵ ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 355. Д. 21. Л. 22.

⁶ ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 10. Д. 3294. Л. 5, 6, 34, 60-61.

⁷ ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 355. Д. 21. Л. 22.

⁸ ГАСО. Ф. р-88. Оп. 2. Д. 3928. Л. 44–46; ЦДОСО. Ф. 273. Оп. 2. Д. 61. Л. 46–48, 53–55.

*В.А. Фёдоров,
г. Курган*

ДОСУГ РУССКОГО СОВЕТСКОГО КРЕСТЬЯНИНА

Аннотация. Советская эпоха в истории нашей страны являлась периодом значительных достижений советского народа во всех сферах его жизни. Таковыми, например, были изменения в сфере досуга русского советского крестьянства, некоторые особенности которого в частности рассматриваются в статье. Досуг можно определить, как часть социального времени, которой человек относительно свободно располагает и использует, и в которой он, соответственно, наиболее полно проявляет себя как личность. В процессе досуговой деятельности человек может переходить от простых её форм к более сложным, от пассивности – к активности, от потребительства – к творчеству, от узкогрупповой – к социально широкой, от менее культурной – к более культурной и т. д.

Ключевые слова: досуг, повседневность, русское крестьянство, советская эпоха.

Досуг, удовлетворяя индивидуальные потребности, через личность, её жизнедеятельность, оказывает влияние на общество, его потребности, его жизнедеятельность. Поэтому обществу не безразлично, на что и как будет потрачено время досуга. В результате на него обществом, его властью обращается соответствующее внимание, которое в конечном итоге выливается в общественное, властное управление, руководство им. Последнее заключается не в каких-то конкретных предписаниях по использованию досуга конкретными людьми, а в подчинении его общим закономерностям функционирования общества, определении тех или иных методов, путей, ведущих к формированию во время досуга людей, желательных для данного общества – определённого мировоззрения, стиля жизни, форм деятельности и т. п. Управление досугом осуществляется при помощи социально-экономических, идейно-политических, воспитательно-правовых средств. Оно включает в себя комплекс таких мер, которые в конечном итоге подчиняют его общим закономерностям развития конкретного общества, его ценностям и идеалам. Таким образом, характер досуга – это социальный заказ общества, в соответствии с которым осуществляется досуговая политика, заставляющая человека «правильно» использовать своё время досуга. Свободное время досуга оказывается свободно лишь относительно, личность в нём свободна в той мере, в какой её деятельность согласуется с требованиями, нормами общества. Досуг считается приемлемым,

разумным, если он не противоречит интересам данного общества, правящего в нём класса, его власти. В конечном итоге характер досуга выражает характер общества, соответствует общественным отношениям, носит классовый, сословный, групповой характер.

Советская система организации социальной жизни, ставившая во главу угла благополучие и всестороннее развитие человека, открывала огромные возможности для его самореализации в досуговое время. Несмотря на многие объективные трудности, постоянно повышался материальный уровень жизни людей, улучшались условия их труда, быта, досуга. Была создана надёжная система социальной защиты людей, освобождавшая их от экономического давления, страха перед нуждой. Советская Конституция провозглашала и гарантировала наряду с другими невиданными до этого в истории социальными правами и право на отдых, которое подкреплялось тысячами учреждений здравоохранения, бытового обслуживания, образования, культуры. Из сформированных общественных фондов потребления всем гражданам СССР предоставлялось множество самых разнообразных выплат, льгот, возможностей: бесплатное общее и профессиональное образование, бесплатная медицинская помощь, пособия, пенсии, стипендии, оплата отпусков, бесплатных и льготных путёвок в дома отдыха, санатории, курорты, туристические поездки, бесплатный доступ к досуговому занятиям по интересам. Социальное равенство и социальная справедливость давали возможность пользоваться благами, независимо от своего социального положения.

Советское общество стремилось в меру своих возможностей создать максимально благоприятные условия для выявления и развития культурных способностей людей, сделать их жизнь духовно богатой. Для этого культурное строительство в СССР, начинавшееся с примитивных изб-читален и рабочих клубов, располагавшихся в различных приспособленных помещениях, выросло до огромной сети самых разнообразных учреждений культуры. Постоянно повышалось качество их работы, росла доступность, востребованность и посещаемость их населением. Огромные достижения были в советском искусстве; оно было высокохудожественным и высокодуховным, ориентированным на утверждение гуманистических, подлинно человеческих ценностей бытия. В стране сложилась уникальная система художественного образования и воспитания, включавшая в себя дошкольные учреждения, общеобразовательные школы, институты, специальные для этого школы, училища, вузы, а также средства массовой информации и, наконец, художественную самодеятельность во всём её многообразии. Людей приобщали и в значительной мере приоб-

щили к культурным ценностям. СССР стал страной великой культуры. Советская (народная!) власть осуществляла установку на коммунистическое воспитание людей, т. е. людей всесторонне и гармонично развитых, сочетающих в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство. В результате преобразований сложилась единая интернациональная общность людей – советский народ, с коллективистским образом жизни, с высоким духовным и нравственным здоровьем. Жизнь людей была стабильной и предсказуемой, наполненной оптимизмом и творчеством.

Советской власти досталась деревня с традиционно сельским образом жизни, основными чертами которого были: подчинённость труда и быта ритмам и циклам природы с неравномерностью трудовой и бытовой деятельности, их большой напряжённостью в отдельные периоды, сезоны; необходимость трудоёмких работ в домашнем и личном подсобном хозяйстве; необходимость владения теми или иными видами ремёсел; неизбежность тяжёлого продолжительного физического труда с невысоким его результатом; слабая дифференциация в сфере приложения труда, предопределённость профессии, передававшаяся по наследству; большая слитность труда, быта, досуга, их жёсткая регламентация; почти полное бытовое самообслуживание; низкий уровень здравоохранения, его практически полное самообслуживание (знахарство, самолечение); жёсткое давление близкого и дальнего начальства, старших в семье и роду; сильный социальный контроль общины, общественного мнения; слабая формализация социальных ролей, большая социальная однородность, практически полное отсутствие социальной мобильности; жёсткая оседлость; небольшое по преимуществу население, узкий круг общения, отсутствие его анонимности; значительная предопределённость спутника (спутницы) жизни, выбираемого из своего круга; отсутствие гарантированного ежедневного и еженедельного минимума времени, свободного от постоянных работ в любой сезон года; культурное самообслуживание, ограниченные возможности образования, культурного развития. Такой образ жизни не способствовал культурному, полноценному досугу.

Досуг советских крестьян также имел свою специфику, связанную со спецификой их сельской жизни, которая в основном сводилась к следующему: 1) специфика сельскохозяйственного производства, включающего в свои технологические процессы природу и влияющего тем самым на уровень развития производительных сил, условия труда, разорванность объёма рабочего времени, отсутствие гарантированного минимума досуга в любой сезон года; 2) материальные условия жизни, уровень дохода ниже,

чем в городе; 3) особенности сельской поселенческой структуры, сказывающейся на жилищно-бытовых условиях жизни населения, уровне её благоустройства; 4) меньшая, чем в городе, возможность удовлетворения культурных потребностей, меньшая степень их развитости, иная их иерархия. Такие особенности жизни влияли на общий объём досуга, его складывание в течение суток, недели, времён года, а также на его структуру, содержание, культуру проведения.

В то же время, в результате социалистических преобразований в деревне условия жизни крестьян постоянно изменялись к лучшему. Так, улучшались материальные условия их жизни, труда. Колхозы и совхозы превратились в крупные сельскохозяйственные предприятия, оснащённые передовыми для своего времени техникой и технологиями. Росли дифференциация в сфере приложения труда, возможности выбора работы, смена рабочих мест. Труд всё более из только лишь вынужденной необходимости становился для крестьян возможностью реализации их способностей, служения народу, стране, делом чести. Росли доходы крестьян, складывавшиеся из оплаты общественного труда, общественных фондов потребления и личного подсобного хозяйства. Доля оплаты труда в общественном производстве при этом постоянно повышалась и постепенно приближалась к уровню зарплаты в городе, в промышленности. Изменялись жилищно-бытовые условия жизни крестьян. Осуществлялось строительство жилья, детских садов, школ, учреждений здравоохранения, торговли, общественного питания, бытового обслуживания. Последние выполняли работы на месте, в селе, или принимали заказы для выполнения их в районных центрах. Жители всё больше покупали продуктов, товаров, всё чаще обращались к сфере услуг.

Постоянно росла сеть учреждений культуры, укреплялась их материальная база, оснащённость оборудованием, инвентарём, предметами культуры. Строительство, оснащение и работа учреждений культуры осуществлялись как государством, так и трудовыми коллективами колхозов, совхозов, других организаций и шефов города. Строительство и открытие какого-либо нового учреждения соцкультбыта на селе было обыденным, привычным явлением. К началу 1990-х годов, т. е. ко времени свершения в стране контрреволюции, обеспечение многими из них в сельской местности было практически полным. При клубах, Домах культуры, школах строились спортзалы, стадионы, спортплощадки. Много делалось для приобщения людей к чтению, начиная с семьи, детского сада, школы. Поддерживался высокий уровень издания газет, журналов, книг. Развивались местные СМИ – районные, колхозные, совхозные. Росло число киосков прессы, подписка на неё, её тиражи.

Постоянно росло число библиотек – общих, профсоюзных, учебных заведений, рос их книжный фонд. Расширялась книжная торговля. В жизнь сельских жителей вошли радио и телевидение. СМИ и литература служили правдивому информированию, просвещению, повышению культуры людей и были вполне доступны им по цене. Они в значительной степени ставили сельских жителей в равные условия с городскими. Повышался уровень общего и профессионального образования крестьян, сформировалась сельская интеллигенция.

Постоянное улучшение условий труда, материальных, жилищных, бытовых, образовательных, культурных условий способствовало разнообразному, содержательному, здоровому досугу, увеличению его времени в целом, а также расширению его временных рамок за пределы зимнего периода. Увеличению времени досуга способствовали: во-первых, рост производительности труда, ведущего к сокращению рабочего дня, увеличению выходных дней, дней праздников и продолжительности отпусков; во-вторых, сокращение внерабочего времени, времени быта за счёт прогрессивных форм обслуживания населения, механизации домашнего хозяйства, уплотнения, совмещения различных видов деятельности.

Изменения в сфере досуга советского крестьянства были быстрыми и значительными. Они происходили под влиянием общих процессов развития советского общества и тех целей и задач в культурной политике, которые перед ним ставились. Основными тенденциями этих изменений являлись следующие: превращение досуга из своеобразного вторичного «приложения» к труду, как формы отдыха после него, в самостоятельную и самоценную сферу среди других сфер жизнедеятельности, повышение его социальной и личностной роли; сохранение в значительной мере досугового самообслуживания, осуществление многого в проведении его на общественных, коллективистских началах; отход во многом от традиционности в проведении досуга, интернационализация его, следование его за процессами, происходившими в этом отношении в городе и в советском обществе в целом; расширение инновационных процессов в сфере досуга, усложнение его структуры и содержания, изменение соотношения видов деятельности; рост активного досуга, интенсификация деятельности в нём; возрастание внеинституциональных форм использования досуга, его камерности, «одомашнивания»; рост и усложнение досуговых потребностей крестьян, проявление в них дифференциации, избирательности; переход от простых форм деятельности к сложным, от пассивного времяпрепровождения – к активному, от удовлетворения простых психофизиологических потребностей – к реализации глубоких социаль-

ных устремлений, от физической рекреации – к духовности, просвещению, творчеству.

Значительная часть досуга крестьян была связана с учреждениями культуры: сначала избами-читальнями, потом клубами, Домами культуры, библиотеками и т. п. Большую роль в их досуге стали играть СМИ – периодические издания (газеты, журналы), радио, телевидение. Через учреждения культуры и СМИ осуществлялось распространение информации, культурных ценностей, знаний, интеграция и регулирование общественных отношений, формирование общественного мнения, развитие определённой культуры, культурный обмен, социализация людей, их ориентация – социальная, культурная, идеологическая, политическая, нравственная.

Досуг начинается с отдыха. Последний служит в основном восстановлению, рекреации жизненных сил человека (физических, психических, душевных), затраченных им в необходимое время труда, быта и заполняется часто случайной, поверхностной деятельностью, не ставящей перед собой определённых серьёзных целей. Отдых может быть как пассивным так и активным. У советских крестьян большое место стал занимать активный отдых – прогулки (пешие, на велосипеде, мотоцикле, автомобиле, на лыжах), охота, рыбалка, сбор грибов, ягод, общение, посещение зрелищ, поездки за пределы деревни с досуговой целью (в гости, в учреждения культуры, отдыха, туристические поездки и т. д.), молодёжные развлечения – игры, танцы, лёгкие занятия. Всё большее внимание стало уделяться физкультуре, спорту. Молодёжь стала играть в футбол, волейбол, хоккей, ходить на лыжах. Она участвовала в деятельности добровольных спортивных обществ «Колхозник» и «Урожай», в спортивных соревнованиях в рамках Спартакиады народов России (как местных, так и общероссийских), различных кроссах, спортивных играх, сдаче норм комплекса ГТО. Важными элементами системы отдыха становились для крестьян профилактории, дома отдыха, санатории, курорты, которые обеспечивали возможность для сочетания отдыха с оздоровлением. Путёвки в них давались бесплатно или за часть цены. Значимым видом досуга (его отдыха, развлечений, общения и т. п.) были праздники. В целом отдых всё более становился временем для развития личности, включающим в себя посещение учреждений культуры, потребление культуры (чтение, просмотр телепередач, слушание радио, посещение кино и т. п.), просвещение.

Важная составная часть досуга – общение. Оно есть необходимое условие общественной жизни, социализации, развития и раскрытия личности – социального и духовного. Расширялся круг общения крестьян. К нему добавилось общение в процессе коллективного труда, более частое общение за пределами поселения.

Развивалось общение в процессе посещения учреждений культуры, потребления культурных ценностей, творческой деятельности, посещения зрелищ, общественных мероприятий, занятий спортом. Общение становилось более дифференцированным, по интересам.

Более высоким уровнем досуга является просвещение, которое направлено на удовлетворение склонностей, интересов, развивающих личность – самообразование, серьёзное чтение, посещение серьёзных мероприятий и т. п. В связи с этим значительное место в досуге крестьян занимало просвещающее, развивающее культурное потребление. Так, в клубах, Домах культуры крестьяне слушали лекции, участвовали в тематических вечерах, политзанятиях, встречах с интересными людьми, смотрели кино, концерты, спектакли, занимались в народных университетах культуры, слушали музыку, повышали образование и т. п. Они всё чаще посещали культучреждения в райцентрах, городах – музеи, выставки, театры, филармонии. Советские крестьяне много читали. Они общепризнанно были самым читающим крестьянством в мире. Газеты, журналы, книги вошли в их повседневную жизнь. Несмотря на то, что тиражи их были огромны, на них трудно было подписаться, взять в библиотеке, купить в магазине. Высоким при этом было качество чтения. Росли и возможности для чтения. Библиотеки открывались в клубах, Домах культуры, школах, как самостоятельные учреждения; организовывались передвижные библиотеки. Рос их книжный фонд. Появились домашние библиотеки, порой солидные по размерам и содержанию. Ими гордились. Практически в каждой семье выписывали периодику. Многие выписывали по несколько газет и журналов. Большое место в досуге крестьян стали занимать просмотр телепередач, слушание радио. Советские СМИ несли дух оптимизма, героики, трудовых будней, романтики. Они являлись проводниками высокой культуры, нравственности, здорового образа жизни, источниками серьёзных знаний, школой воспитания, организаторами на решение стоящих перед обществом задач. Крестьяне налаживали связь со СМИ – заводили с ними переписку, делились своими заботами. При редакциях СМИ складывался актив сельских корреспондентов-селькоров.

Всё большее число крестьян приобщалось к творчеству – самому высокому уровню досуговой деятельности личности, содействующей проявлению и развитию её способностей, обогащению знаниями. Для творчества в процессе досуга характерно создание культурных ценностей прежде всего для себя, своего развития, но нередко приобретающих существенную значимость и для общества. Для приобщения к творчеству необходимы относительно развитые творческие склонности, определённый эстетический вкус, любовь к выбранным занятиям, под-

вигающим человека на созидание, делающих его счастливым. Творческие занятия являются одним из главных показателей его духовного, культурного развития. Проявлением интереса крестьян к творчеству являлись рост числа различных творческих объединений (жанров художественной самодеятельности, кружков по интересам) и рост числа их участников. Об этом же говорили многочисленные смотры художественной самодеятельности, выставки – районные, областные, республиканские, которые отличало обилие жанров. Многие тысячи исполнителей демонстрировали на них своё мастерство. Смотры, выставки выявляли множество одарённых исполнителей, творцов. Продолжало развиваться самодеятельное творчество в домашнем быту – в украшении жилища (внешнем и внутреннем), изготовлении предметов быта, домашнем ремесле.

Социальная активность советских крестьян за пределами непосредственного труда и семейного быта, являющаяся важным фактором развития человека, получила своё развитие в общественно-политической деятельности: работе в партийной, комсомольской, профсоюзной и других общественных организациях, выполнении общественных поручений, участии в общественных мероприятиях, политических занятиях, собраниях, интересе к общественно-политической информации.

Активное участие в организации досуговой жизни села принимала школа. Учителя являлись зачастую главными организаторами многих общественных мероприятий, принимали в них активное участие. Но прежде всего школа занималась детским и подростковым досугом. При школах получили распространение так называемые группы продлённого дня («продлёнки»), где младшие школьники под опекой учителей выполняли домашние задания, проводили досуг, освобождая тем самым родителей время для труда, домашних дел, общественной работы. Учителя проводили большую внеклассную работу с детьми: занимались с отстающими учащимися, организовывали работу кружков по своим учебным предметам, оборонно-технических кружков, военно-патриотических клубов, музеев боевой и трудовой славы, кружков по интересам – художественной самодеятельности, изобразительного искусства, спортивных, туристических, юннатских и т. д. По итогам кружковой работы проводились смотры художественной самодеятельности, выставки работ, тематические вечера, военные игры «Зарница», «Орлёнок», спортивные соревнования «Золотая шайба», «Кожаный мяч», «Белая ладья», «Весёлые старты», сдача норм ГТО и т. д. Юннаты, которые создавали уголки живой природы, сады, цветники, работали на учебно-опытных участках, по итогам своей работы проводили праздники урожая. Кроме

того, сельские учащиеся участвовали во Всероссийских соревнованиях школьников по туризму, Всероссийских соревнованиях школьников по ориентированию на местности, Всесоюзных экспедициях «Моя Родина – СССР», экспедициях по изучению родного края, по местам боевой славы, тематических туристических походах и поездках. Всё больше крестьянских детей отдыхали в пионерских и спортивных лагерях вне школы. Школьники также занимались различными общественно-полезными делами: организовывали субботники, проводили озеленение, собирали металлолом, макулатуру, шефствовали над детскими дошкольными учреждениями, участвовали в Тимуровском движении – оказывали помощь нуждающимся в заготовке дров, сборе книг, игрушек и т. п.

Таким образом, досуг советских крестьян являлся ярким свидетельством их культурного, духовного роста. В то же время, в определённой мере стала постепенно проявляться общемировая тенденция потребительского использования досуга, которая в данном случае была связана со следующими основными причинами: 1) имевшееся относительное отставание общественной сферы досуга от роста потребностей людей, нехватка квалифицированных кадров, специальных помещений, инвентаря, инструментов и т. п.; 2) «индустриализация» домашнего досуга, насыщение его предметами духовной культуры, делавших его более привлекательным, усиливавшим культурное потребление на дому; 3) недостатки культурных запросов людей, их недостаточное умение удовлетворять свои культурные потребности. К тому же, с общим процессом роста потребностей у крестьян, в т. ч. в досуге, и недостаточным пока в связи с различными объективными и субъективными обстоятельствами их удовлетворением, у них появился определённый критический настрой к нему и даже желание покинуть село по этой причине, чего, кстати, в старой деревне не было и не могло быть.

Все отмеченные выше явления были во многом разрешимы и постепенно решались. В целом же, становление нового, более развитого общественного уклада способствовало становлению нового, более развитого досуга. Управление им, его регулирование осуществлялось с максимальным учётом интересов как общества, так и личности. Крестьянский досуг всё более становился сферой всестороннего развития личности: более объёмным, сложным, содержательным, культурным, в нём всё больше времени уделялось развивающим занятиям, просвещению, творчеству, он всё более наполнялся духовной стороной. Такой досуг во всё более значительной мере отвечал высокому смыслу человеческого предназначения, способствовал здоровым человеческим отношениям, общей удовлетворённости жизнью, ощущению её полноты.

Приложение к таблицам

Некоторые данные о досуге колхозников Курганского Зауралья по результатам исследования Лаборатории конкретных социологических исследований Курганского государственного педагогического института, проведённого в 1974-1975 годах (в процентах к числу опрошенных).

Таблица 1

Структура досуга колхозников	%%
Просмотр телепередач	71,3
Чтение	48,3
Посещение кино	37,8
Слушание радио	29,9
Хождение в гости, приём гостей	29,5
Посещение клуба, Дома культуры	21,2
Отдых на природе (прогулка, рыбалка и т. п.)	15,7
Просто отдых, ничегонеделание	13,8
Игра в карты, домино, лото, бильярд	10,7
Игра в шахматы, шашки	7,6
Любительские занятия	3,7
Учеба	2,5
Занятия спортом	2,2
Занятия художественной самодеятельностью	1,7
Занятия в кружках, секциях	1,0
Другое	5,1

Таблица 2

Любительские виды творчества	%%
Игра на музыкальных инструментах	4,4
Садоводство, цветоводство	4,2
Фотография	4,0
Рисование	2,2
Пение, танец	2,2
Лепка, выжигание, резьба по дереву	0,7
Литературное творчество (стихи, проза)	0,5
Участие в любительских спектаклях	0,5
Рационализаторство, изобретательство	0,3
Любительское кинотворчество	0,1

Таблица 3

Место проведения своего отпуска	%%
Дома	43,6
В гостях	15,4
В санатории	3,3
На курорте	3,3
В туристической поездке, походе	2,8
В доме отдыха	2,3
Отпуск не использовали	29,3

Таблица 4

Наличие в семье предметов духовной культуры	%%
Телевизор	78,9
Подписка на газеты, журналы	69,2
Радиоприёмник, радиола	64,1
Радиорепродуктор	53,0
Аккордеон, баян, гармонь	13,8
Электропроигрыватель, магнитофон	12,4
Фотоаппарат	9,5
Семейная библиотека	7,8
Пианино, рояль	0,5
Киноаппарат	0,3
Другое	2,9
Предметов духовной культуры нет	1,5

Список литературы

1 Никулин В. В., Степанова И. Н., Фёдоров В. А. Сравнительный анализ причин текучести рабочей силы в колхозах Курганской области. Курган, 1976. 165 с.

2 Фёдоров В. А. Закон возвышения потребностей и колхозное крестьянство // Тезисы докладов научной конференции (декабрь 1977 г.) Гуманитарные науки. Редколлегия: Гольтиков В. Ф. и др. Курган : КГПИ, 1977. 214 с.

3 Фёдоров В. А. Культура досуга колхозников Зауралья. 70-е гг. XX века // Культура Зауралья: прошлое и настоящее : сб. научных трудов / отв. ред. В. В. Подливалов. Курган : Изд-во КГУ, 2005. Вып. 6. 161 с.

4 Фёдоров В. А. Досуг русского крестьянина (дореволюционный период) // Емельяновские чтения : материалы I межрегиональной научно-практической конференции (Курган, 19-20 апреля 2006 г.). Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2006. 242 с.

РАЗДЕЛ III. КУРГАНСКАЯ ОБЛАСТЬ И РОССИЙСКАЯ ПРОВИНЦИЯ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

УДК 792.2(470)(092)

*С.С. Наумов,
г. Омск*

МЕМОРИАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ М.А. УЛЬЯНОВА В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00329

Аннотация. В статье представлен обзор основных мероприятий, связанных с упорядочением архивного наследия, созданием личного музейного фонда, увековечением имени и памяти уроженца Омской области, народного артиста СССР, актёра Московского театра им. Е. Вахтангова М.А. Ульянова (1927–2007). В хронологическом порядке рассматриваются основные практики, связанные с превращением личности М.А. Ульянова в историко-культурный бренд Омской области.

Ключевые слова: М.А. Ульянов, мемориализация, память, музей, культурное пространство, бренд.

Одним из наиболее актуальных жанров современной историографии в рамках «антропологического поворота» стал жанр исторической биографии. Общая установка персональной, или новой биографической истории состоит в том, что реконструкция неповторимых судеб отдельных исторических индивидов, изучение формирования, развития их внутреннего мира «рассматриваются одновременно - и как главная цель исследования, и как одно из эффективных средств познания того исторического социума, в котором они жили и творили, радовались и страдали, мыслили и действовали» [22, с. 7]. Учитывая междисциплинарную природу современных локальных исследований, связанных с изучением коллективной памяти, социальных практик коммемораций, интеллектуальной и творческой жизни культурных сообществ, современная историческая биография не ограничивается годами жизни того или иного исторического персонажа. Историкам интересна не только сама жизнь выдающегося человека, но и увековечение его памяти после смерти – мемориальные практики. Хотя, важно заметить, что когда речь идёт о действительно выдающейся личности, то

мемориализация, как правило, начинается прижизненно. Региональный материал подтверждает это, в том числе, солидным опытом формирования локальных культурных брендов.

В этом контексте для Омской области уникальной является личность Михаила Александровича Ульянов (20.11.1927 – 26.03.2007), советского, российского актёра театра и кино. М.А. Ульянов знаковая фигура для культуры России и культуры Омского Прииртышья, актёр, режиссёр, народный артист СССР, Герой Социалистического Труда. М.А. Ульянов родился в с. Бергамак Муромцевского района Омской области, детство и юность провёл в г. Тара. С 1942 года занимался в театральной студии, при эвакуированной в г. Тара украинской театральной труппе. С 1944 года жил в Омске, учился в театральной студии при Омском драматическом театре. В 1946 году уехал в Москву, продолжил обучение в Театральном училище имени Б.В. Щукина при Государственном академическом театре имени Е. Вахтангова. С 1950 года – актёр, с 1973 года – режиссёр, с 1987 года – художественный руководитель Государственного академического театра им. Е. Вахтангова. Сыграл в 50-ти театральных постановках, снялся более чем в 70-ти кинокартинах [27, с. 451–452]. На протяжении всей жизни после переезда в столицу, М.А. Ульянов никогда не прерывал связи с городами своего детства и юности, – Тарой и Омском, – ратовал за сохранение культурных и нравственных традиций родного края. Задачей данной статьи является обобщение опубликованной информации о связи имени М.А. Ульянова с Омским Прииртышьем.

Личность М.А. Ульянова, по факту, стала культурным брендом Омского региона за несколько десятилетий до момента ухода артиста из жизни. В период полного расцвета актёрского таланта и всенародного зрительского признания Михаила Ульянова, его земляки – тарчане начали работу по сбору документальных источников о жизни и творчестве артиста. В 1978 году сотрудники Тарского историко-краеведческого музея приступили к комплектованию личного архивного фонда М.А. Ульянова. Первым поступлением стал чёрно-белый снимок 17-летнего М.А. Ульянова 1945 года. С 1979 года завязывается переписка тарских музейщиков с артистом. Вот одно из первых посланий М. А. Ульянова:

«Уважаемые работники музея!

Уважаемый товарищ директор!

Извините, по имени-отчеству я, к сожалению, не знаю.

Года, кажется, два, три назад я заходил к вам в музей, когда он находился ещё на улице Свердлова и, разговорившись с вами, пообещал прислать кое-какие материалы о себе. Но потом забыл об этом в московской суете и спешке. Вот сейчас исправляю свой промах.

Право, я не знаю, что вас может интересовать? Фото я выбрал лучшее, но решил, что этого вполне достаточно. Да вот книжица моя, где есть много и о Таре.

Напишите, если что-то нужно ещё.

На всякий случай сообщаю «музейные» данные.

В 1961 году мне было присвоено звание «Заслуженный артист РСФСР».

В 1965 – «Народный артист РСФСР».

В 1966 году присуждена Ленинская премия за «Председателя».

В 1969 году – присвоено звание «Народный артист СССР».

В 1975 – присуждена премия им. Станиславского.

Делегат XXV съезда КПСС. Был избран в члены Центральной Ревизионной Комиссии ЦК КПСС, 1976 год.

Вот, пожалуй, и всё.

Извините за задержку. Поклон землякам. Пишите. С глубоким уважением Ваш М. Ульянов. 4 мая 1979 года».

На протяжении более 20 лет в музее г. Тары формировался личный архивный фонд М.А. Ульянова, состоящий из книг, фотографий, журналов, благодарственных и поздравительных писем. Из переписки за 1998 год:

«Дорогие земляки! Посылаю вам письма. Это интересные документы... Фотографий новых (кино – театр) нет пока. Если будет что-то новое, я вышлю. Спасибо за память. Как Тара живёт?»

Низкий поклон землякам. Всегда ваш М. Ульянов. 12 апреля 1998 года».

Некоторые письма актёра тарским музейным работникам свидетельствуют о понимании им необходимости пополнения данной коллекции:

«Дорогие земляки! Разбирая свои бумаги, я думал выбросить эти папки. Ну кому они нужны? А потом решил отправить в мой родной город, где есть люди, которым, кажется, это нужно. В том углу, где есть мои фото и книги, пусть будут и эти знаки моей жизни.

Низкий поклон землякам. Ваш М.А. Ульянов. 7 октября 1998 года».

Связь с малой родиной и земляками М.А. Ульянов старался никогда не терять, что проявлялось даже в мелочах. Вот текст новогоднего поздравления на открытке «Государственный академический театр им. Евгения Вахтангова»:

«С Новым годом, дорогие земляки! Пусть

он будет к нам добрым и справедливым. Пусть силы не убывают, а надежда не гаснет. Пусть Тара богатеет, а тарчане будут счастливыми. Всегда с вами М. Ульянов» (год не указан) [11, с. 194–197].

В 1988 году решением городского Совета народных депутатов М.А. Ульянову было присвоено звание «Почётный гражданин города Тары». В связи с этим, в Тарском филиале Государственного архива Омской области задумались о формировании фонда «Почётные граждане г. Тары». Архивисты организовали переписку со знаменитым артистом. Несмотря на невероятную занятость, он нашёл время, чтобы прислать в родной город копии документов (например, диплома с отличием об окончании Щукинского училища), книги, фотографии [7, с. 214].

В апреле 2001 года М.А. Ульянов приезжал в Омскую область на юбилей своей родной сестры М.А. Козловой. Приезд совпал по времени с днями культуры Муромцевского района, проводившимися в рамках фестиваля «Душа России», в котором актёр также принял участие. Руководство Муромцевского района предложило открыть в селе Бергамак, где родился артист музейную экспозицию. На это М.А. Ульянов замечал: «Уголок артиста в середине Сибирской низменности – это уж слишком. Памятуя о том, что гордыня наказуема, я, как мог, от этого дела отмахивался, но властей такая довольно парадоксальная ситуация ничуть не смущает. Ну, раз считаю это нужным, пусть будет такой музей. Другое дело получится ли...» [17].

Последний приезд М.А. Ульянова в Тару состоялся в апреле 2002 года. Имя М.А. Ульянова было присвоено Центральной библиотеке Муромцевского района Омской области. Накануне этого события М.А. Ульянов прислал в посёлок телеграмму: «Дорогие земляки! Сердечно благодарю вас за глубоко взволновавшее меня известие о присвоении Центральной Муромцевской библиотеке моего имени. Спасибо вам за такое удивительное решение. Спасибо. С благодарностью Ваш Михаил Ульянов» [29, с. 44]. Впоследствии в библиотеке появился мемориальный зал, в котором хранятся памятные дары – документы, фотографии, афиши театра, альбомы по искусству и т. д. Там же находятся книги, которые Ульянов присылал в Муромцево [8].

В 2005 году в Омской области была учреждена премия в сфере театрального искусства имени М.А. Ульянова, которая присуждается лучшему театру, лучшему актёру и лучшему режиссёру года [2, с. 78].

Последний приезд М.А. Ульянова на землю Прииртышья состоялся летом 2005 года в рамках гастролей Театра им. Е. Вахтангова [5]. Во время этого визита М.А. Ульянову было присвоено звание «Почётный гражданин Омской области» [21, с. 170].

Власти Тары неоднократно предпринимали попытки основать в городе профессиональный театр. Реализовать эту инициативу удалось с третьей попытки. 18 июня 2001 года губернатор Омской области подписал распоряжение о создании государственного учреждения культуры «Омский государственный Северный драматический театр». Он начал работу на сцене Тарского Дома культуры.

Через два месяца после кончины артиста, 31 мая 2007 года в память об ушедшем земляке Северному драматическому театру г. Тары (специально для него – зал на 250 мест – реконструировано здание бывшего кинотеатра «Родина») было присвоено имя М.А. Ульянова [24, с. 72–83].

3 августа 2007 года в Таре в доме, где жила семья Ульяновых была установлена мемориальная доска в память об артисте. Улица, на которой расположен дом, также получила имя М.А. Ульянова (до этого она называлась ул. 5-й Армии) [24, с. 114].

19 ноября 2007 года на здании Омского академического театра драмы, в связи с 80-летием со дня рождения М.А. Ульянова была установлена мемориальная доска. Надпись на ней гласит: «В 1944 году в студии при Омском театре драмы начал свою творческую деятельность Ульянов Михаил Александрович, народный артист СССР, почётный гражданин Омской области» [23]. В тот же день состоялся торжественный вечер, посвящённый юбилею М.А. Ульянова. В нём приняли участие актёры омских театров, Северного драматического театра и самодеятельный коллектив из Муромцевского района [15].

19-20 ноября 2010 года в Таре на базе Северного драматического театра состоялась региональная научно-практическая конференция «I Ульяновские чтения. Сибирский провинциальный театр в контексте современной культуры». Было принято решение проводить это мероприятие каждые два года [18, с. 172].

Северному драматическому театру принадлежит идея проведения в Таре Всероссийского театрального фестиваля «Сотоварищи», посвящённого памяти выдающегося земляка. На здании театра установлена доска с именем актёра. Ежегодно 20 ноября в стенах театра проводятся вечера памяти М.А. Ульянова.

Мемориальной доской (после смерти артиста) был отмечен деревянный рубленый дом в с. Бергамак. На ней выбит текст: «В этом доме 20 ноября 1927 г. родился Ульянов Михаил Александрович, Народный артист СССР, Герой социалистического труда». В феврале 2016 года появилась ещё одна памятная доска. Она была установлена на здании Бергамакского сельского дома культуры, где в 2001 году в рамках «Дней культуры Муромцевского района в Омске» состоялась встреча М.А. Ульянова с земляками [16].

В 2011 году в Таре был создан благотворительный фонд «Сибирская глубинка» памяти М.А. Ульянова. Председателем фонда стал П.Ю. Исаев, бывший глава администрации Тарского района. Первое дело фонда – установка памятника актёру на площади перед Северным театром. За короткий срок была собрана необходимая сумма. 14 ноября 2012 года состоялось торжественное открытие памятника. Московский скульптор А.В. Балашов запечатлел артиста в бронзе, сидящим в раздумье на скамейке [4, с. 51].

На открытие памятника в Тару приехали дочь артиста, художник Е.М. Ульянова, сестра М.А. Козлова, коллеги по театру им. Е. Вахтангова М.Н. Есипенко, А.Г. Филиппенко и др. Выступая в читальном зале Тарской районной библиотеки Е.М. Ульянова заметила: «Человек жив, пока его помнят. В отцовском городе его помнят и любят. Есть памятник, который будет стоять много лет» [9, с. 6].

Народный артист России А.Г. Филиппенко предложил сделать Дом-музей М.А. Ульянова в Таре филиалом Государственного Центрального театрального музея имени А.А. Бахрушина, а также высказал несколько соображений о том, какие функции музей должен выполнять: «Я считаю, что здесь должны идти фильмы с его участием... Уроки для молодых артистов можно проводить... Михаил Александрович был наш российский Жан Габен. Я благодарен за память о великом актёре омичам и тарчанам» [28].

С целью увековечения памяти об М.А. Ульянове фонд «Сибирская глубинка» сделал следующий шаг – начал сбор средств для покупки дома, в котором прошло детство и юность артиста. В 2013 году дом был выкуплен. 20 мая того же года губернатор дал поручение Министерству культуры Омской области создать в нём Дом-музей М.А. Ульянова в статусе филиала Омского государственного историко-краеведческого музея. Мемориальный дом, расположенный по адресу: г. Тара, ул. М. Ульянова, 24, был передан в государственную собственность. Здесь летом 2013 года начались подготовительные работы по созданию первой экспозиции, сбор экспонатов. В итоге в рамках празднования 420-летия г. Тары 26 июля 2014 года произошло важное событие в культурной жизни города – открытие мемориального Дома-музея М.А. Ульянова [14, с. 6].

Дом – традиционная изба-пятистенок. Помещение включает в себя кухню-прихожую и две комнаты. Последние превращены в два зала – мемориальный и выставочный [13, с. 284]. В первой комнате оборудовано место для приема посетителей и экспозиционный комплекс, центром которого служит печь с разнообразной кухонной утварью. В одной из комнат воссоздана обстановка семьи Ульяновых конца 1930-х годов,

где использованы историко-бытовые предметы, переданные жителями Тарского района. Интерьер сложился благодаря воспоминаниям сестры М.А. Ульянова – М.А. Козловой. Она дала описание предметов бытовавших в семье, их расположение в комнатах. В другой комнате представлен жизненный и творческий путь артиста: стенды и витрины с материалами о родителях, жизни семьи в Омском Прииртышье, о первых сценических опытах М.А. Ульянова в Таре, его учёбе в студии при Омском областном драматическом театре в годы Великой Отечественной войны. Экспонируются документы периода учёбы в московском Высшем театральном училище им. Б.В. Щукина, о работе в театре им. Е. Вахтангова, общественной деятельности, в том числе и на посту руководителя Союза театральных деятелей России. Разнообразный экспозиционный материал – архивные документы, фотографии, личные вещи, театральный костюм актёра, кино реквизит, видео с творческих встреч с тарчанами. На одном из стендов воспроизведены страницы дневника омской театральной студии, написанные студийцем Ульяновым. Особое место занимают документы о Северном драматическом театре им. М.А. Ульянова [12, с. 216-217].

В октябре 2014 года и ноябре 2015 года Дом-музей М.А. Ульянова принял участие во Всероссийской акции «Ночь искусств», представив интересные программы, участниками которых стали как жители района, так и области. В рамках 87-летия со дня рождения М.А. Ульянова 20-21 ноября 2014 года в стенах музея прошел ряд тематических экскурсий, освещающих тарский период жизни артиста. Одной из самых посещаемых стала экскурсия о детстве и юношеских годах актера «В детстве я жил счастливой мальчишеской жизнью». Именно этими словами М.А. Ульянов всегда вспоминал свои ранние годы, прошедшие в небольшом сибирском городке.

В 2015 году одним из самых крупных и значимых мероприятий стала презентация проекта «Мишкино детство», которая состоялась в рамках празднования Дня города. Это экспозиция под открытым небом, в которую вошли надворные постройки: навес и амбар. Для реализации проекта была организована экспедиция, в результате которой на подворье появились крестьянские средства передвижения — телеги, сани, также были собраны столярные инструменты 1940-50-х годов, кустарные предметы домашнего обихода [25, с. 262-263].

Омские и тарские музейные работники вынашивают планы создания на прилегающей территории историко-культурного комплекса с кинозалом для просмотра картин с участием М.А. Ульянова.

Ещё одно средство мемориализации – доку-

ментальный фильм. В омском киноцентре «Вавилон» 28 марта 2013 года состоялась премьера документального фильма «Михаил Ульянов. Возвращение». Картина была снята на омском телевидении. Режиссёром стал преподаватель факультета культуры и искусств Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, автор проекта «Документальное кино России» на ГТРК «Омск» Ю.Д. Баженов [26].

В мае 2016 года возле Омского театра драмы, где в 1940-е годы в студии учился будущий корифей сцены и кино, появился памятный камень. На камне табличка, информирующая о том, что здесь будет установлен памятник артисту [3].

В ноябре 2017 года, накануне 90-летия со дня рождения М.А. Ульянова, в Таре и Омске прошел целый ряд культурных мероприятий, в том числе III Всероссийский театральный фестиваль «Сотоварищи». В рамках праздничной программы 19 ноября в Омском государственном Северном драматическом театре им. М.А. Ульянова открылась выставка «М.А. Ульянов. К 90-летию со дня рождения», на которой были представлены фотографии, документы и мемориальные предметы из фондов Омского государственного историко-краеведческого музея [10].

25 ноября 2017 года в Тарской центральной районной библиотеке состоялась презентация книг о жизни и творчестве М.А. Ульянова: художественного альбома «Сибиряк навсегда» [24] и документальной книги «Наш земляк Михаил Ульянов» [1]. 27 ноября [6] и 1 декабря 2017 года презентации этих изданий также прошли в стенах Омской областной научной библиотеки им. А.С. Пушкина [19; 20].

Данный обзор практик мемориализации личности М.А. Ульянова, их обширность, периодичность и насыщенность позволяют утверждать, что выдающийся актёр не только сыграл и продолжает играть огромную роль в развитии культуры Омска и Омской области, но и по-прежнему остается «личностью – брендом», доминантной фигурой в формировании социокультурного пространства Омского Прииртышья.

Список литературы

- 1 Бродский И. Е., Наумов С. С. *Наш земляк Михаил Ульянов. Омск, 2017. 204 с., ил.*
- 2 Бродский И. Е., Шпынов С. Н. *Актёр с большой буквы. Омские истоки // Национальные приоритеты России. 2016. № 2. С. 74–79.*
- 3 Васильева С. *«Движение» – вперёд! // Омская правда. 2016. 4 мая.*
- 4 Васильева С. *«Здравствуйте, Михаил Александрович!» // Омское наследие. 2012. № 11. С. 50–55.*
- 5 Васильева С. *Лауреат «Золотой маски» // Омский вестник. 2010. 10 марта.*
- 6 Михаил Александрович Ульянов. URL: http://www.tara-lib.ru/sobytia_arhiv2017.html (дата обращения: 10.01.2018).
- 7 Ермолович С. В. *От тарских мостков до столичных подмостков // Архивный вестник. Омск, 2007. № 15. С. 212–216.*

8 Жук З. Его имя вписано в нашу историю // Знамя труда (Муромцево). 2007. 30 ноября.

9 Зиангирова М. Тара. Ноябрь 2012 года // Омск театральный. 2012. № 30. С. 4–6.

10 К 90-летию со дня рождения народного артиста СССР Михаила Ульянова [Электронный ресурс]. URL: <http://sibmuseum.ru/news/k-90-letiyu-so-dnya-rozhdeniya-narodnogo-artista-sssr-mihaila-ulyanova.html> (дата обращения: 10.01.2018).

11 Мотовилова Е. И. Формирование архива М.А. Ульянова в Тарском историко-краеведческом музее // Социально-экономическое наследие Тарского Прииртышья: материалы науч.-практ. конф. Омск, 2012. С. 194–197.

12 Назарцева Т. М. Из истории создания мемориального музея М. А. Ульянова // Вторые Ядринцевские чтения: Материалы II Всерос. науч.-практ. конф. Омск: ОГИК музей, 2014. С. 213–218.

13 Назарцева Т. М. О создании в Таре мемориального музея М. А. Ульянова // Культура городского пространства: власть, бизнес и гражданское общество в сохранении и приумножении культурных традиций России: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Омск: Издат. дом «Наука», 2013. С. 283–286.

14 Назарцева Т. М. Открытие мемориального дома-музея М.А. Ульянова в Таре // Вестник культуры. 2015. № 1(43). С. 6–7.

15 Незаменим? Нет, неповторим // Омский вестник. 2007. 21 ноября.

16 Открытие мемориальной доски в селе Бергамак [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ulianov.ru/allnews/otkrytie-memorialnoj-doski-v-sele-bergamak.html> (дата обращения: 15.01.2018).

17 Першина Л. Сибиряда М. Ульянова – от Тары к Бергамаку // Новое обозрение – Версия, 2001. 18-24 апреля.

18 Петренко О. В. М.А. Ульянов – знаковая личность или культурный бренд г. Тары? // Инновационное развитие малого города в условиях постиндустриального общества: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Омск, 2012. С. 169–173.

19 Презентация альбома «Сибиряк навсегда», посвященного жизни и творчеству великого актёра, нашего земляка Михаила Александровича Ульянова. URL: <http://omsklib.ru/Sobyitiya/fls75c5tio> (дата обращения: 29.01.2018).

20 Презентация книги «Наш земляк Михаил Ульянов». URL: <http://omsklib.ru/Sobyitiya/fm081kb6k1> (дата обращения: 29.01.2018).

21 Распоряжение губернатора от 10 июня 2005 года №136-Р. См. Петренко О. В. М. А. Ульянов – знаковая личность или культурный бренд г. Тары? // Инновационное развитие малого города в условиях постиндустриального общества: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Омск, 2012. С. 170.

22 Репина Л. П. От исторической биографии к биографической истории // В тени великих: сборник научных статей. Серия «Человек второго плана в истории / Отв. ред. Л. П. Репина. Санкт-Петербург: Алетейя, 2010. С. 5–18.

23 Родина Л. Памяти любимого актёра // Вечерний Омск – Неделя. 2007. 21 ноября.

24 Сибиряк навсегда: художественный альбом, посвященный 90-летию со дня рождения М. А. Ульянова / сост. Л. П. Трубицина. Омск: Омскбланкиздат, 2017. 148 с.: ил.

25 Сильванович И. И., Шахматова Е. В. Дом-музей М. А. Ульянова в системе культурных учреждений города Тары и Тарского района // Третьи Ядринцевские чтения: Материалы III Всерос. науч.-практ. конф. Омск: ОГИК музей, 2015. С. 262–264.

26 Снова на экране... // Четверг. 2013. 28 марта.

27 Ульянов Михаил Александрович // Энциклопедия Омской области: в 2 т. М-Я / под общ. ред. В. Н. Русакова. Омск: Омское книжное изд-во, 2010. Т. 2. 592 с.

28 Филиппенко А. «Его величество случай в жизни актёра играет главную роль» / запись Н. Яковлевой // Учительская газета. 2013. 29 января.

29 Чугулёва Г., Штевская И. Северное чудо имени Михаила Ульянова // Библиотека. 2002. № 11. С. 44–45.

УДК 908.373.1

Т.П. Урожаева,
г. Иркутск

ШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ГОРОДАХ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ В 1995–2005 ГОДЫ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация. Недофинансирование школ, перегруженность педагогов бумажной работой сильно тормозили процессы реформирования. Массовые акции протеста педагогов, охватившие во второй половине 1990-х годов города Иркутской области, показали сплоченность учителей в их борьбе за отстаивание профессиональных интересов и социальных гарантий. Поворот к лучшему в начале 2000-х годов был связан не только с наметившейся экономической стабилизацией, но и с переменами в системе управления образованием.

Ключевые слова: дефицит финансирования, забастовочное движение, кадровый кризис, инновационные процессы.

Уникальность реформирования школы в 1990-е – начале 2000-х годов заключалась в том, что оно проходило в условиях децентрализации, а потому осуществлялось неравномерно по разным регионам и в каждом из них имело свои особенности. В этот период начали постепенно меняться приоритеты в жизни педагогической общестственности. В первой половине десятилетия педагоги находились в ситуации педагогической свободы, творчества и перемены (большинство исследователей по этому поводу используют термин «период романтизма»). Во второй половине 1990-х годов происходила смена приоритетов: после пика творческой активности педагогов это движение пошло на спад, первостепенными стали материальные проблемы педагогов.

В 1990-е годы трудности экономического развития страны, непоследовательность проводимых хозяйственных реформ не позволили преодолеть остаточный принцип финансирования образования. Так, в Иркутской области произошло снижение удельного веса затрат на народное образование в расходах на социальную сферу с 55,4% в 1994 году, до 43,3% в 1995 году. Затраты на школьное образование в общей сумме расходов составили 20,3% против 25% минимально необходимых.¹ Это, конечно, не могло

¹ Государственный архив Иркутской области (ГАИО), Ф. р-3511. Оп.1. Д. 410. Л.13.

не повлиять на общеобразовательную деятельность учебных заведений региона.

В обращении к Главному управлению народного образования Иркутской области в 1996 году трудового коллектива школы № 5 г. Саянска, отмечалось, что «не было выделено средств на ремонт школьных зданий, на приобретение учебников, ТСО, учебных пособий. Мебель в школах находилась в плачевном состоянии, отсутствовала материальная база трудового обучения и физкультуры, не было кабинета ИВТ».¹ Учителя и учащиеся школы № 7 Саянска начали 1996/1997 учебный год в здании школы, где не были завершены строительные-монтажные и отделочные работы.²

В 1997 году учебников в школах не хватало: полного комплекта книг для начальной школы не было, в дефиците оставались учебники «Истории», «Географии», «Английского языка». Во многих школах использовали учебные пособия 1980-х годов выпуска [14, с. 3].

Финансирование сферы образования Иркутской области из года в год уменьшалось: если в 1994 году его удельный вес в общих бюджетных затратах составлял 23,5%, то в 1998 году – 19%. На ремонт, приобретение учебной, методической литературы не оставалось средств [20, с. 3].

В 1997–1998 годах на обновление книжного фонда школ из областного бюджета выделялись минимальные суммы – 2-3 млн руб.

В 1999 году ситуация изменилась к лучшему: выделили на приобретение учебников 7,6 млн руб. На полное обновление книжного фонда требовалось порядка 100 млн руб. На то, чтобы вернуться к утраченным позициям, потребовалось не меньше десяти лет [6, с. 2].

В августе 1999 года из 1136 школ области к учебному году были готовы только 566, то есть половина. На ремонт требовалось 70 млн руб., однако местные бюджеты смогли выделить только 23%. По словам первого заместителя начальника ГУОПО В. Вильчинского, из 6 млн руб., предусмотренных областным бюджетом на ремонт школ было выделено 600 тыс. руб., и то, в основном, зачетами и векселями [22, с. 2].

Недофинансирование школ, перегруженность педагогов бумажной работой сильно тормозили процессы реформирования. Так, например, недофинансирование областного бюджета в 1999 году по капитальному ремонту школ составляло 2,3 млн руб. В целом расходы бюджета области на образование снизились с 23% в 1996 году до 20,7% в 1998 году³.

Положительная тенденция роста расходов на образование стала реальностью лишь с 1999 года, когда эта доля в федеральном бюджете уве-

личилась до 3,63%, а в 2000 году – до 3,75. По сравнению с 1998 годом (3,45%) это увеличение, конечно, было незначительно, но позволило улучшить ситуацию в регионе. 12 млн руб. из бюджета области было выделено на приобретение спортивного инвентаря и оборудования и 20 млн руб. было выделено на учебники (в 1999 году – 7,6 млн руб.) [5, с. 11].

С апреля 2000 года в три раза были увеличены ассигнования из областного бюджета, которые составили 20 млн руб. В результате к началу учебного года почти все деньги были освоены, большинство территорий свои учебники забрали. Каждая школа получила комплекты географических и исторических карт. Начали понемногу «подпитывать» библиотеки художественной литературой: например, двухтомник В. Распутина во все школы отправили. До этого момента некоторые образовательные учреждения почти 10 лет ни одной художественной книги не получали [13, с. 1].

Вместе с тем, в некоторых городах области по-прежнему ощущался недостаток финансирования. В 2003 году в г. Тайшете, например, сфера образования была профинансирована лишь на 41% – и это при том, что утвержденный бюджет и без того не позволял нормально содержать школы. В г. Шелехове на текущий ремонт и проведение аварийных работ в школах было выделено лишь 50% от необходимой суммы. Некоторые здания вообще представляли угрозу безопасности учеников и учителей. В киренских школах №№ 2 и 4 возникла острая необходимость перекладывать старые полы в коридорах и классах [16, с. 3].

В начале 2000-х годов, по мнению учителя из г. Ангарска Ю. Андреева, основной бедой в школе была не только перегруженность школьников и все возрастающее число ребят, способных обучаться лишь в коррекционных классах. Учеба в школе требовала все больших расходов и трат от родителей. В 2003 году комплект учебников по отечественной истории с 7 по 11 класс обходился семейному кошельку почти в 1 тыс. руб. Для учителей слишком дорогими стали профильные журналы, методические пособия, раздаточный и дидактический материал. Учебник по-прежнему оставался настольной книгой для ребенка – не многие школы имели доступ в Интернет, могли применять электронные средства обучения [2, с. 3].

В редакционной почте газеты «Восточно-Сибирская правда» нарастал поток учительских писем. Эти «волны» писем, начиная с 1992 года, сильно разнились. Для первой «волны» (1993–1994 годы) были характерны пафос, «лозунговость» и оптимистичность. Для второй (1995–1996 годы) – «сгущение туч» учительского гнева пропорционально ухудшению финансирования школы. Для третьей (1997–1998 годы) – отсут-

¹ ГАИО, Ф.р-3511. Оп.1. Д.410. Л.10.

² ГАИО, Ф.р-3511. Оп.1. Д.410. Л.21.

³ ГАИО. Ф. Р-1929. Оп.3. Д.1884. Л.233.

ствие всякой надежды, безысходность.

Постепенно увеличивался разрыв в оплате труда педагогов и работников производственной сферы. На ноябрь 1995 года в регионе средняя заработная плата в школьном образовании составляла 562,8 тыс. руб. против 1 105,4 руб. в промышленности.¹

С середины 1994 года стала расти задолженность по заработной плате. Массовые акции протеста педагогов, охватившие во второй половине 1990-х годов города Иркутской области, показали сплоченность учителей в их борьбе за отстаивание профессиональных интересов и социальных гарантий. В 1995 году областной профсоюз стал инициатором коллективных акций протеста, вызванных тяжелым социально-экономическим положением учительства. Подтвердили свое участие в забастовке 357 коллективов области, в различных акциях участвовали образовательные учреждения 25 городов и районов. Только в сентябре 1996 года во Всероссийской забастовке учителей приняло участие 587 коллективов школ Приангарья (24542 чел.).²

В октябре 1998 года представители 23 территорий Иркутской области рассказали губернатору Б.А. Говорину о тяжелейшем положении учителей [3, с. 2]. В декабре 1998 года учителя г. Железногорска-Илимского обратились в Верховный суд РФ, Международный Красный Крест, Государственную Думу и другие организации. «Бездействие исполнительной власти привело к разрушению системы школьного образования в стране, – написали они в своем обращении. – Школы, в последние годы державшиеся на добросовестности голодного учителя, уже практически не могут функционировать» [7, с. 1].

«Всем нам морально очень тяжело, – делится завуч саянской школы № 5 С.Н. Коломеец. – Не поверите, но одна из учительниц, Г.А. Мисуркеева, ветеран педагогического труда, отличник народного просвещения, 1 сентября даже плакала от огорчения. Мы понимаем, что в долгу перед детьми и родителями. Учебную программу все равно придется наверстывать. Учителя знают, что за неявку на работу зарплату им не начислят. Но и мириться с безденежьем мы не намерены. Отпускные выбили себе буквально с боем – только под угрозой, что не покинем классы, если не заплатят» [18, с. 1].

27–29 января 1999 года состоялась Всероссийская акция протеста. В ней приняли участие 340 учебных заведений Иркутской области (7751 чел.), «замученные» невыплатами заработной платы, причем 103 школы объявили бессрочные забастовки [10, с. 3].

Задолженность по заработной плате в 1999 году по области составила 190 млн руб., в 27 муниципалитетах области сохранялись долги по зар-

плате за 1998 год. Отношение заработной платы учителей к среднеобластному уровню составляло в 2000 году – 50%, в 2005 году немного выше – 67%.³

Поворот к лучшему был связан не только с наметившейся экономической стабилизацией, но и с переменами в системе управления образованием. Представители педагогической общественности Шелехова, Усть-Илимска, Саянска, Железногорска-Илимского и других городов отметили несомненную пользу единых совместных планов работы, впервые разработанных в 1999 году Главным управлением образования и муниципальными органами образования. Чтобы стабилизировать ситуацию с зарплатой, необходимо было передать финансирование с муниципального на государственный уровень. Муниципальные органы власти просто не в силах были содержать школы. По мнению видного педагога Л.А. Выговского: школу необходимо было «размуниципализировать», сделать ее по-настоящему государственной [6, с. 2].

В 2000 году основным требованием учителей стало повышение заработной платы. Средний ее уровень не превышал 1 тыс. руб. Согласно закону РФ эта цифра должна была соответствовать среднему уровню зарплаты в промышленности. В реальности же она составляла лишь 25% от этой цифры. В списке выдвигаемых требований было повышение зарплаты в два раза – к концу года [21, с. 3].

В 2005 году в Иркутской области зарплата школьного учителя в среднем не превышала 4 600 руб. Это примерно составило 40% от заработной платы, получаемой в промышленности. Нагрузка многих педагогов была предельной – в два, два с половиной раза больше ставки. Нередко при распределении «часов» в коллективах возникали конфликты, разрешать которые приходилось профсоюзам. Учитель при скудном заработке был лишен возможности непосредственно от родителей учеников получать деньги за дополнительные услуги, например, за консультации сверх своей и без того высокой загруженности. По этой причине процветало «подпольное» репетиторство, индивидуальные платные уроки и пр. [11, с. 4].

В анкетах родители писали, что вынуждены сдавать деньги на подарки не только школе, но и директору, и учителям. Иркутяне, участвовавшие в анкетировании, отмечали, что им приходилось сдавать крупный ежегодный взнос и еще платить ежемесячную «ренту». Из этих средств, как подсчитали проверяющие, 51% расходовалось на ремонт, 45% – на содержание охраны, оплату труда уборщиц. Еще хуже обстояло положение в других городах области [16, с. 3].

В целях стимулирования общеобразовательных учреждений, активно внедряющих ин-

¹ ГАИО, Ф. 3511. Оп. 1. Д. 410. Л. 14.

² ГАИО, Ф. Р-1929. Оп. 3. Д. 1905. Л. 15.

³ ГАИО, Ф. Р-1929. Оп. 3. Д. 1696. Л. 10–14, 17.

новационные образовательные программы, им на конкурсной основе была оказана поддержка в размере 1 млн руб. За 2005 год в Иркутской области такая поддержка была оказана 106 школам. В этих целях ежегодно из федерального бюджета в бюджет Иркутской области были направлены субсидии объемом 53 млн руб. Предполагалось ежегодно обеспечивать новейшей компьютерной техникой порядка 40 опорных школ Приангарья дополнительно к тем общеобразовательным учреждениям, которые получили на конкурсной основе финансовую поддержку по 1 млн руб.

В федеральном бюджете на 2006 год были предусмотрены средства в размере 148,4 млн руб. для предоставления субсидии бюджету Иркутской области на выплату ежемесячного дополнительного вознаграждения педагогическим работникам за классное руководство. В 2005 году на конкурсной основе были поддержаны денежными поощрениями в размере по 100 тыс. руб. 352 учителя региона, обладающие высоким профессиональным мастерством и внёсших значительный вклад в развитие образования [19, с. 3].

Иркутская областная организация профсоюза работников народного образования и науки (председатель Ю.А. Бакштановский) постоянно взаимодействовала с ГлавУНО по вопросам защиты социально-экономических и правовых интересов работников [8, с. 46].

Одной из самых сложных проблем оставалась проблема привлечения молодых педагогов в школу. Постепенно снижалось число учителей с высшим образованием, только за 1997–1998 уч. год из образовательных учреждений области ушли 4223 педагога. Постоянно уменьшалось число выпускников вузов, приходящих в школы. В 1998 году из 509 выпускников ИГПУ только 145 трудоустроились в школах области, из выпускников ИГУ всего восемь человек пришли в школу, из 416 выпускников ИГЛУ – 18 чел.¹

Кадровый педагогический состав неуклонно старел: в 1998 году 40% педагогов работали 15 и более лет. Многие педагоги, не видя перспективы, уходили из школы: в 1997 году уволился каждый десятый учитель. Школа «зияла дырами» вакансий, а «латать» их было нечем: из выпускников педвузов учительскую стезю выбрали чуть больше половины [20, с. 3].

В 1999 году в области только 61% учителей имели высшее образование. В 1989 году он был выше – 73–75%. Начиная с 1991 года поддерживалась система среднего специального педагогического образования. Вакансии заполнялись в основном выпускниками педучилищ [6, с. 2]. В конце 1999 года из 28 тыс. педагогов в области 4 600 чел. достигли пенсионного возраста.²

¹ ГАИО. Ф. Р-1929. Оп. 3. Д. 1948. Л. 79, 125.

² ГАИО. Ф. Р-1929. Оп. 3. Д. 1790. Л. 22.

В 2001 году в области наблюдалась серьезная нехватка педагогических кадров: потребность была в учителях иностранного, литературы, русского языка. Педагоги старшего поколения уходили на пенсию, а смены практически не было – из-за низкой зарплаты и отсутствия жилья молодые специалисты в школе не задерживались [15, с. 3].

Весной 2004 года в школах Приангарья насчитывалось 398 преподавательских вакансий. Самый большой дефицит (111 вакансий) наблюдался среди преподавателей английского языка. Также не хватало преподавателей труда, музыки, физики, истории. При этом среди работающих учителей только 67,7% имели высшее образование, 3,3% – незаконченное высшее, 28,3% – среднее специальное и 0,7% – общее. Тем не менее, учителя региона сумели достойно проявить себя. Каждый шестой работник общего и профессионального образования Иркутской области имел высшую квалификационную категорию. Около 2,5 тыс. педагогов были награждены нагрудными знаками, 20 чел. получили звание «Заслуженный учитель России», 5 чел. были награждены орденами и медалями [4, с. 6-7].

Подготовку учителей с высшим педагогическим образованием в Иркутской области осуществляли два вуза – ИГПУ и ИГЛУ. По данным начальника Главного управления общего и профессионального образования Иркутской области Н. Малявкиной, выпуск в 2005 году составил 884 чел. Педагогический вуз выпустил 575 молодых специалистов, а лингвистический – 309 преподавателей. Еще 434 выпускника педагогических колледжей и училища собирались устроиться на работу в школы [1, с. 3].

В исследуемый период продолжало снижаться число учителей-мужчин, в основном из-за невысокой заработной платы и, как следствие, происходила феминизация школы. Продолжал оставаться высоким процент неявки в школы выпускников, окончивших педагогические вузы.

Однако в 1990-е годы наблюдались и положительные сдвиги. Так на основе принципа единой школы были созданы различные типы государственных и муниципальных учебных заведений, дающих общее среднее образование: лицей, гимназия, школа с углубленным изучением отдельных предметов и другие. Число частных учебных заведений постепенно увеличивалось. В 2002 году в Приангарье действовало 10 частных общеобразовательных школ [12, с. 2]. Например, группа саянских педагогов в 1997 году учредила региональный образовательный фонд «Перспектива». Новая организация получила лицензию на право оказывать платные альтернативные услуги на nive просвещения [17, с. 2].

Оправданным в данный период было введение в практику обучения новых программ и систем развивающего характера (система

Л.В. Занкова, система Д.Б. Эльконина, В.В. Давыдова, Ш.А. Амонашвили), которые с успехом использовали в своей деятельности учителя Иркутской области. Около 40% школьников занимались по методике опережающего обучения С.Н. Лысенковой, технологии скоростного чтения А.М. Кушнира [23, с. 58].

Центром научно-методической работы с педагогами, повышения их профессионального мастерства, обобщения и распространения их передового опыта в регионе стал институт повышения квалификации работников образования (ИПКРО). Работники Иркутского ИПКРО внедряли в практику новые формы работы с педагогами-слушателями: семинары, коллоквиумы, научно-практические конференции, тренинги, решение практических задач, анализ педагогических ситуаций. Все курсы педагогического мастерства проводились по обновленным программам и учебным планам [9, с. 24].

Главное управление образования разрабатывало программы применительно к условиям региона. Они были направлены на социальную поддержку учительства, на оказание помощи в становлении молодых педагогов, в росте их профессионального мастерства («Областное положение об аттестации педагогических и руководящих кадров», 1995 год, Иркутск; «Программа развития образования в Иркутской области на 1992–1995 и до 2000 году» и др.).

В 1999 году на уровне министерства образования и науки завершилась разработка стратегии и ряда важнейших нормативных документов, определяющих дальнейшие пути развития образовательной системы. Тенденции усиления контрольных функций, укрепления централизации и вертикали управления, стабилизации кадрового и материально-финансового состояния системы образования, увеличения бюджетного финансирования, развития внебюджетных источников системы образования и др. наметившиеся в начале 2000-х годов укрепились и продолжили дальнейшее развитие.

Список литературы

- 1 Азарова Д. Педагогическая проблема // Учительская газета. 2005. № 21. С. 4.
- 2 Андреев Ю. Учение – свет. Только очень дорогой // Время. 2003. 6 июля. С. 3.
- 3 Быков Е. Вчера более трехсот учителей из разных районов Иркутской области вышли на пикет у здания областной администрации // Восточно-Сибирская правда. 1998. 6 октября. С. 2.
- 4 В школах Приангарья насчитывается около 400 преподавательских вакансий // Аргументы и факты в Восточной Сибири. 2004. 4 марта. С. 6-7.
- 5 Выговский Л. Сияй, Россия, на Байкальских берегах / беседа провела Э. Кез // Учительская газета. 2000. № 41. С. 11.
- 6 Выговский Л. Школа идет на поправку // СМ-номер один. 1999. 31 августа. С. 2.
- 7 Золотухин Ю. Казна пуста – протест бессмыслен // Газета Прилимья. 1998. 16 декабря. С. 1.
- 8 Из истории Иркутской областной организации про-

фсоюза работников народного образования и науки РФ / ред. А. И. Сайфутдинов. Иркутск : Иркутский областной комитет Профсоюза работников образования и науки РФ, 2000. С. 45–49.

9 Иркутский областной институт повышения квалификации работников образования // Приангарье: годы, события, люди. Иркутск. 1998. С. 23–25.

10 Камека С. Учитель – вечный пасынок бюджета // Восточно-Сибирская правда. 1999. 28 января. С. 3.

11 Климова Э. На гребне социальной волны // Восточно-Сибирская правда. 2005. 21 января. С. 4.

12 Кузнецова Л. Частная школа // СМ-номер один. 2002. 31 августа. С. 2-3.

13 Мадьярова Д. Вчера в школах прозвенел первый звонок // Учительская газета. 2000. № 49. С. 1.

14 Мадьярова Д. Грустный праздник // Восточно-Сибирская правда. 1997. 5 октября. С. 3.

15 Мадьярова Д. Преодолеем сообща // Восточно-Сибирская правда. 2001. 16 мая. С. 3.

16 Наши дорогие дети // СМ-номер один. 2003. 20 ноября. С. 3.

17 Соловьев Ю. Учителя выходят на рынок // Новые горизонты. 1997. 27 декабря. С. 2.

18 Соловьев Ю. Школы по-прежнему пусты // Новые горизонты. 1998. 3 сентября. С. 1.

19 Стимул для педагога // Учительская газета. 2006. № 4. С. 3.

20 Страсти по зарплате // СМ-номер один. 1998. 5 сентября. С. 3.

21 Трифонова Е. Учителя требуют повышения зарплаты // Аргументы и факты в Восточной Сибири. 2000. 15–22 марта. С. 3.

22 Учебный год ничем не омрачится // СМ-номер один. 1999. 12 августа. С. 2.

23 Шаг в будущее. Информационный сборник о развитии образования Иркутской области (выпуск третий) / под ред. А. К. Костина. Иркутск : Изд-во Главного управления общего и профессионального образования администрации Иркутской области, 1997. С. 58.

УДК 930

В.А. Устинова, А.А. Любимов,
г. Ишим

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВETERАНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В МАЛЫХ ГОРОДАХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ НА ПРИМЕРЕ ИШИМСКОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА ИМ. П.П. ЕРШОВА (ФИЛИАЛ) ТЮМГУ

Аннотация. Цель настоящей статьи – рассмотреть особенности формирования и становления ветеранских организаций как форм социальной помощи представителям старших поколений на локальном уровне, в частности, в социальном пространстве вуза малого города. Авторы статьи попытались выделить цели ветеранской деятельности в рамках Ишимского педагогического института им. П.П. Ершова, ставшего социально-значимым учреждением образования в Тюменской области и готовившим педагогические кадры в основном для средних учебных заведений по различным специальностям. В исследовании акцентируется внимание

на общественной деятельности конкретных лиц, в разный период времени возглавлявших совет ветеранов вуза, показан их личностный и профессиональный вклад в организацию ветеранской работы.

Ключевые слова: Ишимский государственный педагогический институт, пожилые люди, пенсионеры, ветеранские организации, социальная поддержка, патриотическое воспитание.

В период начавшихся в стране перестроечных процессов 1980-х годов когда стали весьма остро проявляться кризисные явления в экономике, финансовое положение большинства населения стало резко ухудшаться, осложнились социально-бытовые условия жизни людей. Самыми незащищенными в этой ситуации оказались ветераны, инвалиды, вдовы погибших, пенсионеры, героическими усилиями которых была достигнута победа над фашизмом, чьими руками восстанавливалось разрушенное войной народное хозяйство. Поэтому стремление ветеранов сплотиться в борьбе за свои права ещё более усилилось. Этот процесс происходил на фоне радикальных изменений в политической, социально-экономической и духовно-нравственной сферах, затронувших социальный статус, систему ценностей и образ жизни представителей старших поколений.

Заявленная тема представляет определенный научный интерес для исследователей. Ее изучение позволяет выявить актуальные проблемы российского социума, необходимость решения которых способствует созданию общественных организаций, призванных отстаивать в своей деятельности значимые жизненные интересы старших поколений.

Авторами статьи уже рассматривались факты личных биографий и общественная деятельность отдельных ветеранов в рамках проведения работы по патриотическому воспитанию в системе научно-просветительской деятельности музея ИПИ им. П.П. Ершова [1, с. 263–266.; 2, с. 228–230]. Необходимо заметить, что всестороннего изучения функционирования ветеранских организаций определенных учреждений в рамках отдельных локальных территорий не предпринималось.

В середине 1980-х годов, руководство страны (тогда СССР) попыталось придать ветеранскому движению организованный характер. В тот момент было принято решение создать Всесоюзную организацию ветеранов войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов, которая объединила бы все категории ветеранов-пенсионеров.

17 декабря 1986 года в Москве состоялась учредительная конференция Всесоюзной организации ветеранов. На ней был принят Устав, определена структура организации, обозначены

задачи. Это явилось толчком целенаправленного развития ветеранского движения, как в стране, так и в регионах. Ветеранское движение призвано было способствовать укреплению как социального статуса лиц пожилого возраста, так и воспитанию уважительного отношения к ним со стороны представителей других возрастных групп. В сферу внимания ветеранских организаций вошли системные проблемы, затронувшие пожилых граждан. Люди этого возраста стали нуждаться в эффективной юридической помощи, социально-бытовой поддержке, оказании квалифицированных медицинских услуг, эмоционально-психологической заботе.

Стремление ветеранов всех категорий, особенно войны, объединиться, в том числе и в рамках своего региона, населенного пункта, с целью разрешения возникающих в ходе жизни проблем появилось еще в послевоенное время. Так в различных районах и городах, поселках и селах Тюменской области, на предприятиях и организациях практически сразу после окончания Великой Отечественной войны стихийно создавались ветеранские группы. В них сначала входили в основном участники Великой Отечественной войны. Они проводили большую работу не только по защите своих законных прав, но и среди молодежи по её патриотическому воспитанию. Достаточно назвать девизы проводимых в то время воспитательных мероприятий и движений: «Никто не забыт и ничто не забыто!», «Дорогой отцов», военно-спортивная игра «Зарница» и т. д.

В Тюменской области ветеранские организации, как системные структуры, появились в 1987 году. Так, были созданы областной, городские и районные советы ветеранов. Самые новые организации – «Союз танкистов», «Дети войны» и «Комитет ветеранов подразделений особого риска» – начали действовать в этом году. Всего в регионе зарегистрировано 53 организации ветеранов. В своей деятельности они до сих пор несут весьма полезную общественную нагрузку. Ветеранские организации Тюменской области под руководством областного совета ветеранов войны и труда успешно выполняют очень важную в современном обществе функцию – оказание помощи и поддержки пожилым людям. Обращают ежедневное внимание на социально-бытовые условия их жизни, вовлекают их в общественно-полезные дела, патриотическую работу с молодежью и школьниками, организуя их досуг и т. д.

В период с 2010 по 2015 год вопросы укрепления первичных организаций ветеранов были постоянно в центре внимания социальной политики, проводимой в тюменском регионе. Так к 2015 году численность первичных ветеранских организаций составила 1207. Это весьма весомый показатель, свидетельствующий о широком

масштабе ветеранского движения в области в современных условиях.

Роль ветеранских «первичек» в работе со старшим поколением весьма значительна. Именно члены ветеранских организаций на местах имеют возможность непосредственно взаимодействовать с каждым человеком, оказывать помощь и комплексную поддержку нуждающимся, больным и пожилым гражданам в решении их актуальных, жизненных проблем.

Весьма показательным обстоятельством, является работа ветеранских организаций на уровне локальных территорий, в частности в Ишиме, который принадлежит к малым городам региона.

Деятельность этих советов состоит в защите социальных прав старшего поколения, улучшении материального благосостояния пожилых людей и их жилищных условий. Основным направлением этого движения можно считать участие ветеранов в патриотическом воспитании молодежи.

В год образования городского совета (1987 год) уже насчитывалось тридцать восемь первичных ветеранских организаций, в них состояло четыре тысячи пять ветеранов. В 2006 году – восемьдесят одна первичная организация с численностью более шестнадцати тысяч человек. Из них – триста шестьдесят шесть инвалидов и участников Великой Отечественной войны, более трёх тысяч участников трудового фронта, более восьми с половиной тысяч ветеранов труда.

В 2015 году ветеранская организация в Ишиме насчитывала уже 14 689 человек, в том числе 76 участников Великой Отечественной войны, 977 участников трудового фронта, 7 жителей блокадного Ленинграда, 5 узников концлагерей. В составе городского совета ветеранов насчитывалось 82 первичные ветеранские организации, и работали различные комиссии: организационная, по социальным вопросам, по патриотическому воспитанию молодёжи, информационная, культурно-массовая, по охране жизни и здоровья старшего поколения.

Можно отметить и определенные структурные изменения в составе ветеранской организации города Ишима за последнее десятилетие.

В силу демографического старения и ухода из жизни представителей старших поколений сокращается численность участников Великой Отечественной войны в ветеранских организациях города, ветеранов трудового фронта. Поэтому, требуется повышенное внимание к ним как со стороны органов власти, так и общественных организаций.

В среде ветеранских организаций есть люди, которые могут внести существенный вклад в воспитание молодого поколения современной России. К ним относятся ветераны образовательной сферы.

В городе Ишиме особое место занимает ветеранская организация Ишимского государственного педагогического института им. П.П. Ершова. Она была создана в 1987 году. Следовательно, в 2017 году общественной ветеранской организации Ишимского педагогического вуза исполнилось тридцать лет. Этот юбилей свидетельствует о долгом историческом периоде её становления и развития.

Педагогический институт, основанный в г. Ишиме в 1954 году, стал высшим учебным заведением в Тюменской области, готовившим педагогические кадры в основном для средних учебных заведений по различным специальностям. Педагогическая работа требовала не только высокого уровня квалификации, но и необходимых морально-нравственных качеств, максимальной личностной самоотдачи. Такую деятельность осуществляли сотрудники вуза, входившие в профессорско-преподавательский состав и административно-технический персонал учреждения. После выхода на заслуженный отдых им требовались поддержка и внимание не только со стороны близких, но и от трудовой организации. Эту работу была призвана осуществлять ветеранская организация вуза, обеспечивавшая материальную и психологическую поддержку бывших сотрудников образовательного учреждения.

Важная роль в координации ветеранской работы выполняло её руководство. Так первым председателем совета ветеранов стала кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Васса Даниловна Кочурова. Она была прекрасным организатором, неутомимым пропагандистом, чутким отзывчивым человеком. Васса Даниловна в своё время выполняла значимые общественные поручения – избиралась секретарем партбюро института, председателем профсоюзного комитета первичной организации общества «Знание» в г. Ишиме. Совет ветеранов ИГПИ В.Д. Кочурова возглавляла в течение пяти лет, активно отстаивая жизненные интересы ветеранов. Она знала каждого пенсионера-ветерана, его запросы, нужды, умело ставила проблемные вопросы ветеранов перед ректором, профкомом. Именно в период ее деятельности проводились особо памятные встречи. Так, запоминающимся был вечер 9 мая 1990 года, посвященный 45-й годовщине Великой Победы. В актовом зале главного корпуса чествовали преподавателей и сотрудников – ветеранов-фронтовиков, участников трудового фронта. В их адрес звучали стихи, песни, теплые поздравления и пожелания.

После В.Д. Кочуровой председателем советов ветеранов ИГПИ были Вера Ефимовна Быстракова, Мария Петровна Яцык.

С деятельностью М.П. Яцык в качестве руководителя связана организация интересных дел

по патриотическому воспитанию студентов: конференций, поднимающих и обсуждающих этот вопрос; выступлений ветеранов – участников Великой Отечественной войны – с воспоминаниями; оформление стендов и выпуск стенных газет, отражавших творческий путь педагогов с отношением к ним студенческой аудитории.

Совет ветеранов в это время серьезное внимание уделял и проблеме социально-психологической реабилитации ветеранов. Им была предоставлена возможность ежегодно отдыхать на спортивной базе ИГПИ «Буревестник» в Синицинском бору, расположенной недалеко от г. Ишима. В окружении коллег и подрастающих внуков ветераны института проводили свой летний отдых, укрепляли здоровье, принимали участие в лесных походах, в спортивных соревнованиях, в конкурсах, выставках, смотрах художественного творчества и праздничных концертах, проводимых на базе отдыха.

Такие мероприятия способствовали сохранению у ветеранов активного, творческого и самостоятельного отношения к себе, своей жизни и деятельности.

В трудный в социально-экономическом плане 1996 год совет ветеранов ИГПИ возглавила педагог Инна Васильевна Каплунова. Её чуткость, порядочность, обязательность развивали инициативу не только членов совета, но и всего ветеранского коллектива. Совет собирался регулярно, один раз в месяц. Наиболее острые вопросы оказания материальной помощи членам профсоюза решали коллегиально.

Важным направлением в деятельности совета ветеранов в рассматриваемый период времени оставалась работа с молодежью. Встречи с учащейся молодежью периодически проходили в аудиториях, на спортивных соревнованиях, в музее института. Именно с этого времени музеем ИГПИ, возглавляемый членом совета ветеранов Галиной Пантелеевной Шульц, стал своеобразным центром, объединяющим молодежь и старшее поколение в рамках проводимых культурных мероприятий. Стало хорошей традицией в праздничный день 9 мая собираться в музее после митинга у Памятника погибшим ишимцам.

В 2000-е годы деятельность совета ветеранов института получила активное продолжение. В ноябре 2004 года была организована встреча молодых преподавателей и студентов с ветеранами Д.К. Гилевым, В.Д. Богус, И.В. Каплуновой. Много интересных материалов об участниках Великой Отечественной войны было собрано преподавателями и студентами именно в этот промежуток времени. Кроме того, при поддержке совета ветеранов института осуществлялась масштабная издательская деятельность. Так были выпущены вузовские сборники «Выпускники ИГПИ им. П.П. Ершова», «Именные стипендиаты ИГПИ им. П.П. Ершова», подготовленные

кандидатом философских наук, профессором института Александром Васильевичем Коптяевым, более сорока лет, возглавлявшим кафедру иностранных языков ИГПИ, и редактором вузовской газеты «Институт», журналистом Людмилой Ивановной Мариковой. Ветераны института регулярно публиковали в городской газете «Ишимская правда» и газете «Институт» материалы о своей жизни и общественной деятельности. Жизнедеятельность ветеранской организации вуза находит и сегодня свое отражение в средствах массовой информации г. Ишим.

В 2010 году председателем совета ветеранов была избрана Светлана Георгиевна Бородулина, доцент кафедры иностранных языков. Совет под её руководством сохранил традиции ветеранской работы института и продолжил её основные направления. Ветераны вуза с восторгом вспоминают хорошо организованную экскурсионную поездку в г. Тобольск и Абалакский монастырь. Светлана Георгиевна трепетно относилась к поздравлениям юбиляров-ветеранов – ни один из них в это время не был забыт!

Долгое время заместителем председателя совета ветеранов была Валентина Павловна Ткач. Она активно поддерживала все начинания ветеранского коллектива. Так, например, оформлялись биографии сотрудников института, материалы о них публиковались в сборниках и институтской газете. В течение двух лет В.П. Ткач исполняла обязанности председателя совета, она достойно представляла организацию института в городском совете ветеранов.

На этом посту в 2015 году её сменила Татьяна Ивановна Новикова.

За короткий срок проделана большая работа по оформлению новой документации. Ведется постоянный диалог с ветеранами. Пенсионерам при необходимости оказывается материальная поддержка и помощь в решении социально-бытовых вопросов. Регулярно организуются поздравления юбиляров. В 2015 году проведен памятный новогодний «Голубой огонек» с вручением подарков. Были отмечены: День защитников Отечества, Международный женский день – 8 Марта. В День Победы 9 мая проходило чествование ветеранов Великой Отечественной войны, трудового фронта и блокадного Ленинграда, состоялись возложение венков и торжественный митинг у Памятника павшим воинам, организованы чаепитие и концерт художественной самодеятельности.

В 2014 году ИГПИ им. П.П. Ершова изменил статус, теперь это ИПИ им. П.П. Ершова (филиал) ТюмГУ. В настоящее время первичная ветеранская организация института насчитывает в своих рядах 124 пенсионера. Звание «Ветеран труда» имеют 62 человека. Общий трудовой стаж у этих людей от 20 до 40 лет. Большинство из них окончили наш вуз – ИГПИ им. П.П. Ершова –

и остались в нем работать. Среди ветеранов есть участники трудового фронта 1941-1945 годов – В.Д. Богус, А.И. Истомина, Т.К. Камышникова, В.Г. Мальцева, которая имеет статус жителя блокадного Ленинграда. Ветеран Т.П. Савченкова – Почетный гражданин города Ишима.

Сегодня ветеранскую организацию вуза возглавляет Бикеева Альбина Николаевна. В состав совета избраны авторитетные и активные пенсионеры: Ирма Александровна Бангерт, Зоя Акиндиновна Лошманова, Александра Григорьевна Иванова, Татьяна Александровна Валейшо, Тамара Федоровна Мартусюк, Василий Сергеевич Мошкин, Людмила Федоровна Санникова, Татьяна Васильевна Соколовская, Анкундинова Нина Александровна.

В настоящее время ветераны востребованы и как члены независимой комиссии по проведению экспертизы представленных в институт конкурсных работ приоритетного национального проекта – создание электронной книги «Учитель и война». В ней приняли участие все школы города Ишима и Ишимского района. Преподавателями-ветеранами были оценены краеведческие работы о малой родине – городе Ишим – участников Международного конкурса Государственного Русского музея Санкт-Петербурга «А я один на свете город знаю...». Награждение победителей состоялось в Михайловском дворце Государственного Русского музея в марте 2017 года. В Информационно-образовательном центре «Русский музей: виртуальный филиал» ИПИ им. П.П. Ершова для ветеранов организуются тематические беседы-лекции, посвященные русской культуре. В наступившем году студенты и ветераны с интересом прослушали научные лекции преподавателя зарубежной литературы, канд. филол. наук Т.П. Савченковой: «Античное искусство Рима», «Н.В. Гоголь и Рим».

Педагогический институт ценит ту поддержку и помощь, которую всегда готовы оказать ветераны-наставники. Значимым является их участие в профессиональном становлении молодых сотрудников, они посещают различные мероприятия, проводимые в институте по духовно-нравственному и культурно-эстетическому воспитанию молодежи, выступают на научно-практических конференциях с докладами, публикуют статьи в вузовских сборниках научных статей, являются членами круглых столов, встреч со студентами и школьниками. Часть ветеранов продолжает работать в институте на профессорско-преподавательских должностях. Они участвуют в учебном процессе, являются наставниками и научными руководителями студентов и аспирантов вуза.

Традиционно в институте проводятся торжественные собрания и праздничные концерты, посвященные государственным праздникам, с приглашением ветеранов. Совместно с руковод-

ством института они участвуют в торжественной церемонии возложения гирлянд, венков и цветов к Вечному огню в День памяти и скорби и в День Победы 9 мая. В эти дни организуется посещение мест захоронения ветеранов Великой Отечественной войны, бывших сотрудников института.

Ежегодно ко Дню пожилых людей, при непосредственном участии руководства института, для ветеранов проводятся торжественные мероприятия с демонстрацией концертной программы и награждением активистов ветеранского движения.

Важным моментом в деятельности ветеранской организации является празднование Дня учителя. И для ветеранов в институте складывается хорошая традиция – отмечать этот день в коллективе. В программе-экскурсии по институту, знакомство с материально-технической базой, встреча с преподавательским составом, но самое главное – возможность побеседовать с коллегами, вспомнить былое. Приветствует всех студенческий коллектив художественной самодеятельности. Такие мероприятия придают жизненные силы и создают соответствующее эмоционально-психологическое настроение у ветеранов.

В институте действует ещё одна хорошая традиция – проведение Дня встречи выпускников. В этот день в институт приезжают выпускники разных лет, проходит настоящий праздник: ветераны вспоминают о прежней жизни вуза, о своих коллегах, студентах, о традициях, которые живы с первых дней коллектива. Для гостей открыты все двери, руководители кафедр рассказывают о достижениях коллектива, перед выпускниками и ветеранами выступают с художественной самодеятельности студенты нового поколения. Студенты-выпускники (а их за годы жизни учебного заведения более 24 тысяч человек) благодарят своих наставников за многолетний труд: педагога института не только передавали воспитанникам свои знания, но и вкладывали в этот процесс свою душу. Ныне работающие преподаватели ИПИ, выпускники института, также благодарны нашим ветеранам педагогического труда за тот огромный профессиональный опыт, который они получили, и гордятся тем, что имели возможность работать рядом с такими педагогами-наставниками!

Деятельность председателя ветеранской организации ИПИ им. П.П. Ершова Т.И. Новиковой в конце 2016 года была отмечена Благодарственным письмом от администрации города за активную гражданскую позицию и участие в социальной и общественно-политической жизни г. Ишима. Руководство института, Ученый совет вуза, профсоюзная организация уделяют постоянное внимание работе с организацией ветеранов вуза, оказывают ей необходимую поддержку.

Так выполняется основная цель ветеранского движения – способствовать укреплению социального статуса лиц пожилого возраста, и воспитывать уважительное отношение к старшему поколению со стороны представителей других возрастных групп общества, в том числе и учащейся молодежи. Сегодня ветеранские организации принимают активное участие в социальной и общественно-политической жизни малого города, в патриотическом воспитании молодого поколения нашей страны.

Список литературы

1 Устинова В. А., Любимов А. А. Организация патриотического воспитания в системе научно-просветительской деятельности музея. Музейный комплекс ИПИ им. П.П. Ершова (ТюмГУ (филиал в г. Ишиме)) // Материалы VIII региональной научно-практической конференции «Вагановские чтения», посвященной 85-летию со дня основания Тарского бюро краеведения. Тара, 2016.

2 Устинова В. А., Любимов А. А. Патриотическое воспитание в системе научно-просветительской деятельности музея // Югра, Сибирь, Россия: политические, социально-экономические, социокультурные аспекты прошлого и настоящего сб. научных статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященный 85-летию образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры / под. общ. ред. Я. Г. Солодкина, Л. В. Алексеевой. Нижневартовск, 2016.

УДК 342.53

А.А. Козодубов,
г. Севастополь

СТАНОВЛЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. Рассмотрена история становления местного самоуправления в Зауралье. Проанализированы этапы реформы местного самоуправления в современной России. Исследована региональная нормативная правовая база, направленная на формирование и развитие местного самоуправления в Курганской области. Обозначено соотношение административно-территориального и муниципального деления территории области. Обозначены проблемы, связанные с повышением эффективности местного самоуправления в регионе и предложены пути их решения.

Ключевые слова: местное самоуправление, законодательство, муниципальное образование.

Юридическим фактом создания Курганской области в пределах существующих в настоящее время административных границ является Указ Президиума Верховного Совета СССР от 06.02.1943 года, в соответствии с которым Кур-

ганская область была выделена из состава Челябинской области.

В соответствии с действующей Конституцией Российской Федерации (далее – РФ, Россия), Курганская область – один из 85 субъектов РФ, входящий в состав Уральского федерального округа.

Зарождение местного самоуправления (далее – МСУ) в России посвящено много исследований, однако, как справедливо отмечает профессор Н.В. Постовой, «в современной науке не сложилось единого мнения о времени зарождения российского самоуправления. Ряд авторов относит зарождение общинного самоуправления в России ко времени становления и развития общинного строя у славян, объединения производственных общин в союзы общин и городские поселения, разделения власти на центральную и местную» [5, 8-9].

История возникновения МСУ в Курганской области связана с приходом русских людей в Зауралье, хотя имеются памятники истории и культуры, позволяющие утверждать, что 13 тысяч лет назад на этой территории находились временные стоянки человека. «Известно 10 памятников мезолита, расположенным по рекам Тобол и Исеть. <...> В 13 веке эти земли входили в Золотую Орду, затем – в Сибирское ханство» [8].

Большое количество переселенцев шло из Поморья (нынешняя Архангельская область), европейской части России, южного региона (Астрахань). Люди бежали главным образом от крепостнического гнёта. К этому времени на территории края проживали сибирские татары и калмыки, в южных районах кочевали казахские и башкирские племена. «В 1574 году Иван Грозный выдал купцам Строгановым жалованную грамоту на владение зауральскими землями по реке Тобол. Однако на пути землепроходцев стояла преграда - Сибирское ханство во главе с ханом Кучумом. В разгроме ханства видную роль сыграл поход Ермака в Сибирь, который снарядили Строгановы. Поход начался осенью 1581 года и продолжался в течение года. Под командованием Ермака была взята столица ханства, полный же разгром завершили другие отряды в 1586 году. С этого времени Зауралье вошло в состав Русского государства» [7].

В XVII веке в Зауралье образовались волостные и сельские (деревенские) общины («миры»), которые объединяли крестьян одного, реже двух-трех поселений. В соответствии с существующим в то время административно-территориальным устройством формировались волостные и сельские сходы. Основную часть населения составляли государственные крестьяне («сельские свободные обыватели»), которые обладали значительными личными правами, включая право избирать и быть избранным в сельские и волостные представительные органы

самоуправления. Вся полнота власти в зауральских селах принадлежала мирским сходам. В этот период царская администрация поощряла самостоятельность органов общинного управления.

Законодательное оформление представительных органов крестьянского самоуправления состоялось во второй половине XVIII века. На основании императорского Указа «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» Пермский и Тобольский генерал-губернатор Е.П. Кашкин в 1786 году издал «Наставление на постановление волостных судов». Данный документ стал одним из первых правовых актов в России, законодательно закрепивших систему общинных представительных органов самоуправления. Административно территория губернии делилась на волости, в которых учреждались выборные волостные правления («волостные суды»), и волостные собрания.

Первые города в Зауралье стали появляться в XVIII веке. В 1712 году Шадринская слобода получила статус города. В 1781 году село Николаевское (бывшая Служня слобода) уже именовалось городом Далматово, через год согласно Указу Екатерины II Курганская слобода стала городом Курганом. С петровских времен для управления городским хозяйством были учреждены представительные органы самоуправления «граждан», то есть городских сословий (мещане, купцы, цеховые ремесленники). Городская община избирала мирское управление, старост и магистраты. Данные учреждения защищали социальные и имущественные интересы населения, помогали представителям царской администрации в хозяйственном управлении городами [6, 13-14].

Реформа императора Александра II несколько изменила представительные органы городского самоуправления России. В земстве было увеличено значение сословного начала. Органы самоуправления попали под контроль правительственных чиновников. В научной литературе эти реформы иногда называют контрреформой местного самоуправления, однако в это время укреплялась экономическая основа земств, из государственного бюджета земствам стали выделять специальные средства казны.

Изначально земские учреждения были введены только в 34 губерниях Европейской России. В Зауралье вплоть до 1917 года земства действовали только на территории Шадринского уезда Пермской губернии и некоторых волостей Оренбургской губернии. Курганский уезд, входивший в Тобольскую губернию, а значит считавшийся частью Сибири, почти на столетия остался в стороне от деятельности земств.

Как справедливо отмечает профессор Н.С. Тимофеев, «... одновременно существовали

взаимоисключающие институты - неограниченное самодержавие, всесильность и бесконтрольность бюрократического аппарата центральной власти, учреждающего свои подразделения на местах вплоть до низовых административно-территориальных единиц, - и вместе с тем различные формы общественного самоуправления [4].

Временное правительство предпринимало попытки повысить роль местного самоуправления:

- была принята Декларация (3 марта 1917 года), провозгласившая всеобщее, равное, прямое, тайное избирательное право для граждан, достигших 20 лет;

- издано Распоряжение о передаче власти в губерниях и уездах комиссарам Временного правительства, которыми становились представители земских управ;

- при Министерстве внутренних дел было создано Особое совещание по реформированию местного самоуправления (ими были разработаны важные документы);

- было утверждено Положение о поселковом управлении (5 марта 1917 года), которое должно было вводиться в населённых пунктах при потребности в благоустройстве;

- постановлением Временного правительства от 21 мая 1917 года «О волостном земском управлении» было учреждено волостное земство [2].

Земство получило новое место в общей системе государственно управления, ему передавалась вся полнота власти на местах. К сожалению, последующие события поставили крест на всех этих нововведениях. Примерно с начала 20-х годов термин «местное самоуправление» исчезает из политического и юридического лексикона.

С первых дней после победы Октябрьской социалистической революции у руководства страны и партии было понимание необходимости привлечения широких масс к управлению государством. Однако судьба земских и городских учреждений в значительной степени определялась рекомендациями советского правительства, направляемыми в адрес местных Советов, использовать аппарат данных органов для осуществления декретов новой власти. В ноябре 1917 года состоялся земский съезд, который пытался наметить пути преодоления кризиса. Декретом Совета народных комиссаров от 27 декабря 1917 года состав Земского Союза был распущен. «Важную роль в сохранении и развитии городского и земского самоуправления в конце 1917 – начале 1918 года могло сыграть политическое соглашение большевиков и левых эсеров, завершившееся созданием коалиционного правительства в декабре 1917 года. Левых эсеры были последовательными сторонниками развития местного самоуправления. На осно-

вании достигнутого соглашения о правительственном блоке декретом СНК 16 декабря 1917 года был образован Комиссариат по местному самоуправлению. <...> Но после выхода левых эсеров из правительства постановлением СНК от 20 марта 1918 года Наркомат по местному самоуправлению как самостоятельное учреждение было упразднено». [2] С органами местного самоуправления было покончено. В историко-теоретических исследованиях неоднократно соотносили деятельность Советов рабочих, крестьянских депутатов с деятельностью местных Советов, пытаясь установить их преемственность.

Конституция РСФСР 1918 года закрепила место Советов в системе государственной власти. В период существования Советского Союза термин «местное самоуправление» долгое время не употреблялся, а если и употреблялся, то в качестве института буржуазной демократии.

Лишь в начале 60-х годов XX века в советской научной литературе появляются исследования о местном территориальном самоуправлении. «Проблема правового статуса местных органов власти была поднята в период подготовки и обсуждения проекта Конституции СССР 1977 г. Итогом стало закрепление в Конституции положения о наличии в Советском Союзе системы местных органов государственной власти, в принципиальном плане не отличающегося от ранее действовавшего конституционного положения».

В нашей стране МСУ начало возрождаться в 90-е годы XX века (в период СССР) с принятием Закона СССР от 9 апреля 1990 года «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР».

В статье 12 ныне действующей Конституции России декларируется, что в нашей стране «признается и гарантируется местное самоуправление», а также закрепляется самостоятельность этого уровня публичной власти (в пределах своих полномочий). Местному самоуправлению посвящена отдельная глава (глава 8), состоящая из четырёх статей, в которых в общем формате определяются обращение с муниципальной собственностью и формы осуществления МСУ (статья 130), территориальная организация МСУ (статья 131), порядок наделения органов МСУ отдельными государственными полномочиями (статья 132), а также гарантии МСУ (статья 133).

В развитие конституционных положений о МСУ в 1995 году был принят специальный Закон № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Во многих субъектах Российской Федерации, в том числе в Курганской области, были приняты соответствующие региональные Законы (в Курганской области – Закон Курганской области от 5.02.1996 года № 37 «О местном

самоуправлении в Курганской области»). Учёные-юристы, занимающиеся проблемами Муниципального права, справедливо указывают на излишнее региональное правотворчество в этом направлении.

В средствах массовой информации Курганской области этого периода отмечалось: «Власть на всех уровнях сформирована, органы местного самоуправления приступили к исполнению своих полномочий. На четырехлетнюю вахту встали 453 городских, районных, поселковых и сельских администраций, более 2700 депутатов местных представительных собраний. <...> решена только часть задачи становления местного самоуправления как полномочного субъекта властных отношений. До сих пор возложенные на местные органы функции и полномочия законодательно не отрегулированы и остаются в компетенции органов государственной власти. Не решены вопросы взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления» [1].

Очередной этап реформирования МСУ в нашей стране связывают с ратификацией Россией в 1998 году Европейской Хартии местного самоуправления ЕТС № 122 (Страсбург, 15 октября 1985 года). В рамках этого этапа реформы был принят Федеральный закон от 06.10.2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – 131-ФЗ), который устанавливает общие правовые, территориальные, организационные и экономические принципы организации местного самоуправления в России, а также определяет государственные гарантии осуществления МСУ.

Общие требования к осуществлению местного самоуправления нашли правовое закрепление в части V Устава Курганской области (утверждён законом Курганской области от 16.12.1994 года № 1).

Заметим, что во многих субъектах Российской Федерации приняты Законы «Об особенностях местного самоуправления...», в которых реализованы некоторые их (субъектов) полномочия, определенные 131-ФЗ. Так, законом Белгородской области от 30.03.2005 года № 177 «Об особенностях организации местного самоуправления в Белгородской области» установлены наименования органов МСУ и должностных лиц МСУ муниципальных образований области. По нашему мнению, именно такая практика правотворчества на региональном уровне соответствует требованиям действующего законодательства.

В соответствии с требованиями 131-ФЗ муниципальные образования (далее – МО) наделяются соответствующим статусом, а также устанавливаются границы МО законами субъектов РФ (статья 10). В Курганской области был принят Закон Курганской области от 06.07.2004 года

№ 419 «О наделении муниципальных образований статусом городского округа, муниципального района, сельского поселения, городского поселения, о месте нахождения представительных органов городских округов, муниципальных районов, сельских поселений, об установлении наименований представительных органов муниципальных образований, глав муниципальных образований, местных администраций (исполнительно-распорядительных органов муниципальных образований)» (далее – 419 закон КО), в соответствии с которым статусом городского округа наделены два муниципальных образования (город Курган, город Шадринск). Область разделена на двадцать четыре муниципальных района (МО «второго уровня»), территория которых состоит из городских и сельских поселений (МО «первого уровня»), а также из межселенных территорий:

- Альменевский район (10 сельских поселений);
- Белозерский район (19 сельских поселений);
- Варгашинский район (1 городское поселение; 18 сельских поселений);
- Далматовский район (1 городское поселение; 25 сельских поселений);
- Звериноголовский район (8 сельских поселений);
- Каргапольский район (2 городских поселения; 19 сельских поселений);
- Катайский район (1 городское поселение; 15 сельских поселений);
- Кетовский район (25 сельских поселений);
- Куртамышский район (1 городское поселение; 19 сельских поселений);
- Лебяжьевский район (1 городское поселение; 18 сельских поселений);
- Макушинский район (1 городское поселение; 18 сельских поселений);
- Мишкинский район (1 городское поселение; 17 сельских поселений);
- Мокроусовский район (17 сельских поселений);
- Петуховский район (1 городское поселение; 17 сельских поселений);
- Половинский район (15 сельских поселений);
- Притобольный район (14 сельских поселений);
- Сафакулевский район (13 сельских поселений);
- Целинный район (19 сельских поселений);
- Частоозерский район (9 сельских поселений);
- Шадринский район (35 сельских поселений);
- Шатровский район (17 сельских поселений);
- Шумихинский район (1 городское поселение;

16 сельских поселений);

- Щучанский район (1 городское поселение; 16 сельских поселений);

- Юргамышский район (1 городское поселение; 1 сельское поселение).

Городские поселения получили следующие наименования:

- город (например, город Петухово). Всего с таким наименованием – 7 поселений;

- рабочий посёлок (например, рабочий посёлок Мишкино). Всего – 3 поселения;

- поссовет (например, Лебяжьевский поссовет). Всего – 3 поселения.

Сельские поселения называются сельсоветы (например, Чистовский сельсовет). Всего – 400 сельских поселений.

Заметим, что в такое количество сельских поселений – результат их объединения (утверждено Законом Курганской области от 25.10.2017 № 94). Объединение МО – одна из форм преобразования муниципальных образований (наряду с разделением, изменением статуса МО и проч.), предусмотрено 131-ФЗ (статья 13). Концепция реформирования территориальной организации МСУ Курганской области была разработана в 2015 году: были подготовлены необходимые методические материалы, получены и учтены предложения самих муниципалитетов. Губернатор Курганской области Алексей Кокорин на апрельском заседании областной Думы отметил, что такого количества (458 муниципальных образований) нет ни в одном субъекте РФ. В Свердловской области, которая чуть ли не в пять раз больше Курганской менее 70 муниципальных образований [3]. Объединение муниципальных образований в Курганской области, по нашему мнению, должно продолжиться.

Отдельными Законами Курганской области установлены границы муниципальных образований (например, законом Курганской области от 25.10.2004 года № 437 установлены границы МО города Кургана).

В 419 законе КО не перечислены административно-территориальные единицы (деревни, сёла и проч.), входящие в состав муниципальных образований «первого уровня», однако в законах подобного назначения некоторых субъектов РФ административно-территориальные единицы перечисляются. В Курганской области принят Закон от 27.12.2007 года № 316 «Об административно-территориальном устройстве Курганской области», в котором, в соответствии с его названием, установлено административно-территориальное устройство области и порядок его изменения. В нём также содержится перечень административно-территориальных единиц области (города, посёлки, сёла, деревни и проч.). В Курганской области насчитывается более 1,2 тыс. населённых пунктов.

Необходимо учитывать, что формирование муниципальных образований «первого уровня» зависит от административно-территориального устройства субъекта РФ, т. е. в состав сельского поселения входят сельские населённые пункты (сёла, деревни и проч.), а не наоборот.

Также в 419 законе КО закреплены наименования представительных органов – городская, районная, поселковая, сельская думы, главы муниципального образования – Глава города, Глава района, Глава поссовета, Глава сельсовета; исполнительно-распорядительных органов – Администрация (с указанием принадлежность, например «Администрация города Ш.»).

Во всех МО приняты Уставы муниципальных образований, которые утверждены представительными органами МСУ с учётом мнения населения и в соответствии со 131-ФЗ (например, Устав муниципального образования город Шадринск утверждён решением Шадринской городской Думы 3.03.2005 года № 26).

Органы МСУ Курганской области осуществляют правовое регулирование в соответствии с их компетенцией, которая в общем формате закреплена в 131-ФЗ и конкретизирована в Уставах муниципальных образований.

В формате настоящего исследования не представляется возможным более подробно проанализировать перспективы развития МСУ Курганской области. Представленное исследование – приглашение к диалогу по проблематике.

Список литературы

- 1 Богомолов О. А. Местное самоуправление в Зауралье: проблемы и перспективы // Чиновник. 1998. № 1. URL: <http://chinovnik.uapa.ru/ru/issue/1998/01/02/>
- 2 Игнатюк Н. А., Павлушкин А. В. Муниципальное право: учебное пособие. 2007 // Консультант Плюс.
- 3 Интернет-газета Z NAK // Операция «Оптимизация» 6 Июня 2017. URL: <https://yandex.ru/search/?text=%20Z%20NAK&lr=959&clid=2275465>
- 4 Муниципальное право России : учебник / отв. ред. профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации С.А. Авакьян // КонсультантПлюс.
- 5 Постовой Н. В. Местное самоуправление. История, теория, практика. Москва, 1995. С. 8, 9.
- 6 Представительная власть в Зауралье: история и современность / [авт. текста: Д. А. Кошкаров; ред. совет: М. Н. Исламов (пред.) и др. ; фот. Ю. А. Побритухин]. Челябинск : Авто Граф, 2009.
- 7 Федеральный портал protown.ru Курганская область. История Курганской области. URL: http://www.protown.ru/russia/obl/history/history_406.html
- 8 Энциклопедия «Всемирная история». URL: <http://w.hist.ru/articles/article/show>

УДК 930

В.Е. Поляков,
г. Симферополь

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ БИОГРАФИИ ХИРУРГА ИЛИЗАРОВА

Аннотация. В статье впервые рассматриваются обстоятельства рождения Илизарова в Панской Польше, малоизвестные факты биографии его отца, переезд на Кавказ, учеба в сельской школе, в Буйнакском рабфаке, в Симферопольском медицинском институте.

Ключевые слова: Илизаров, таты, хирург, Белосток, Кавказ, Симферополь, Курган.

Вероятно, это субъективно, но город Курган лично у меня вызвал ассоциацию с военно-политическим училищем военно-воздушных сил, с автомобильными прицепами, с доктором Илизаровым. У моего друга – с боевой машиной пехоты, автобусом Курганского автомобильного завода, и ... доктором Илизаровым, у другого — с Курганской преступной группировкой, с киллером Ивановым и... доктором Илизаровым.

Задумав написать статью о моем «земляке» докторе Илизарове, по мере сбора материала постепенно пришло понимание того, что есть немало мест, которые имеют гораздо больше прав на звание родного города, а город Курган по праву стал его второй Родиной.

Не пересказывая общеизвестные факты из биографии Илизарова, предлагаю осмыслить только ранее неизвестные детали его весьма запутанной биографии.

Самая большая и, казалось бы, обстоятельная книга об Илизарове [3], является классическим примером пресловутого социалистического реализма, хотя и издана была уже в годы «Перестройки».

Вот конкретный пример: «Отец маленького Гавриила, будучи красным конником, прошел дорогами Гражданской войны в армии Буденного. Вернулся в родной село, вместе с земляками создавал первый колхоз» [3, с. 24].

Если обратиться к другим источникам, то можно узнать, что родился будущий хирург 15 июня 1921, в Белостокском воеводстве, Польской Республики. Его мать уроженка тех мест Голда Розенблюм [2].

Его отец – Абрам Илизаров родился на Кавказе в селе Кусар современного Азербайджана. [2].

Невольно возникает вопрос о том, как это могло произойти? В уже упоминавшейся биографии упоминается о том, что его отец «буденовский конник» [3, с. 14]. То что 1-я конная Семена Михайловича Буденного принимала участие в «Польском походе» факт общеизвестный.

Части Красной армии действительно были в Белостоке. Впрочем, как планировалось, это должен был быть только промежуточный пункт. В те дни в стране Советов очень были популярны лозунги: «Даёшь Варшаву!», «Даёшь Берлин!». Может быть так и произошло бы, но состоялось «Чудо на Висле» и, казалась бы, уже разбитые польские части сумели не только дать отпор, но и наголову разбить части Красной армии.

В ходе Варшавской катастрофы погибли 25 тысяч красноармейцев, 60 тысяч попали в польский плен, 45 тысяч были интернированы немцами, несколько тысяч человек пропали без вести [1].

Сегодня можно с уверенностью сказать, что одним из этих «без вести пропавших» красноармейцев оказался Абрам Илизаров, которого спрятала у себя еврейская семья. Не будем уточнять детали, а сопоставим даты: части Красной армии вошли в Белосток 23 июля 1920 года; катастрофа произошла в августе 1920 года; родился Гавриил Илизаров 15 июня 1921 года. Потом, там же в Польше, на свет появились его брат и сестра. Далее история еще более загадочная. В 1928 году вся семья уезжает в Советский Союз. Легально или, скорее всего, не легально, об этом не известно ничего!

Забегая вперед, отмечу, что 13 лет спустя все евреи Белостока, а это 56 тысяч человек будут расстреляны! Все! Дети, старики, женщины... Так, Голда Розенблюм, решившись уехать со спасенным ею человеком в далекий неведомый ей край, спасла свою жизнь, своих детей, и тех, которые уже успели родиться и тех, кому предстояло появиться на свет уже в Советском Союзе.

По возвращению на Кавказ они селятся в родном селе Абрама Илизарова — Кусар. Примечательно, что Нувахов пишет о том, что он принимал участие в создании первого колхоза. По времени это действительно совпадает.

В 12 лет Гавриил впервые пошел в школу. Можно только представить, какой языковой винегрет был в голове мальчишки. До 11 лет его родными языками были польский и еврейский (идиш), в Кусарах пришлось общаться на русском, азербайджанском и родном языке отца — татском (иранская группа). Как описывает Нувахов: «В Хусарах жили: таты, русские, каракалпаки, азербайджанцы, армяне» [3, с. 24].

За один год Гавриил успешно прошел курс начальной школы, а затем и семилетку. Далее, по версии Нувахова, с отличием окончил десятилетку [3, с. 26]. Позволю себе с этим не согласиться, так как известно, что Илизаров поступил в рабфак Буйнакского медицинского техникума, что вполне логично для обладателя семилетнего образования, но рабфак совершенно не нужен выпускникам средней школы.

Вероятно, следует дать пояснение, почему

выбор пал именно на медицинский? По версии Нувахова это связано с встречей с местным фельдшером. Выскажу иную версию. Дело в том, что отец будущего великого хирурга Абрам Илизаров принадлежал к такому реликтовому народу как таты или, как их еще называют, горские евреи. Ученые до сих пор спорят об их происхождении. Вера у них — классический талмудизм, язык восходит к иранской группе. В эпоху «Покорения Кавказа» таты сразу встали на сторону России и зарекомендовали себя не только бесстрашными войнами и умелыми разведчиками, но, что главное, все таты традиционно считались на Кавказе врачами. Вот почему, на мой взгляд, выбор Гавриила, как потом и его младшего брата не был случайным.

Рабфаки той поры были подготовительными курсами для малограмотных кандидатов в студенты из числа рабочих и крестьян. Успешно его окончив, Гавриил поступил в медицинский институт, но почему-то не на Кавказе, а в Крыму, в Симферополе. Произошло это в 1939 году.

Мне довелось беседовать с людьми, которые учились с ним в ту пору. По их словам, он воспринимался окружающими, как типичный кавказский горец. Из-за плохого знания русского языка учеба давалась ему очень тяжело, и он искренне радовался каждой с трудом полученной тройке. Других оценок он в ту пору, просто, не знал. Следует отметить, что в те годы «тройка» была конвертируемой оценкой, и свидетельствовала о вполне достаточном уровне знаний.

Когда имя Илизарова стало широко известным в стране, его однокурсники даже были обескуражены этим сказочным превращением «гадкого утенка» в мировое светило науки.

С началом Великой Отечественной войны Крымский медицинский институт был эвакуирован в Казахстан в город Кызыл-Орда, где Гавриил продолжил учебу. Трудно сказать, как сложилась бы его судьба дальше, если бы летом 1944 он вместе с институтом вернулся в Симферополь, но так получилось, что он закончил учебу и получил диплом врача несколько раньше.

Я не буду перечислять его дальнейшие успехи, они общеизвестны.

В завершении статьи с горечью отмечу, что ни в современной Белоруссии, ни в Польше, где он появился на свет на родине его матери; ни на родине его отца в с. Кусар современного Азербайджана; ни в Дагестанском Буйнакске, где он учился; ни в моем родном Симферополе, который дал ему профессию, я не заметил и толики того уважения к светлой памяти великого хирурга, которую хранят о нём в Кургане. Спасибо Вам курганчане!

Список литературы

1 *Варшавская битва* (1920). URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 5.01.2018).

2 *Илизаров Гавриил Абрамович*. URL: <https://>

УДК 908

*Е.Н. Архипова,
г. Курган*

К ВОПРОСУ СОХРАНЕНИЯ ОБЪЕКТОВ ГОРОДСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ КАК ФАКТОРА РАЗВИТИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ

Аннотация. Статья посвящена советскому периоду в истории г. Кургана, памятникам истории и культуры, формирующим облик города Кургана, представляющим собой социально-культурные объекты, а также объектам советского периода, не относящимся к памятникам.

Ключевые слова: городской туризм, объекты культурного наследия, культурный ландшафт, социокультурное развитие.

Культура сохраняет и передает социальную память человека. Разрушение культурных традиций ведет к разрушению исторической памяти поколений, деградации общества.

Город является составной частью «культурного ландшафта», который в свою очередь, формирует культурное пространство [2, с. 37]. Развитие общества непосредственно связано с определенными изменениями в пространстве, которое это общество занимает. Интегрируясь в окружающий мир, мы его изменяем в соответствии со своими потребностями, а «городская среда» по сути то же самое проявление окружающего мира, иными словами культурно-эстетическая среда обитания. Объекты культурного наследия и здания, формирующие исторический облик города, несут на себе и современные утилитарные функции. Среди памятников архитектуры в основном это: административные здания, приспособленные под современное использование, заведения общественного питания, музеи. Объекты, не являющиеся памятниками истории и культуры, но представляющие историческую ценность в большинстве принадлежат к многоквартирным жилым домам.

В 2018 году Курганская область отмечает свое 75-летие. В целом, развитие каменного строительства в том масштабе, который мы видим на сегодняшний день, начало осуществляться в советское время, на этом моменте и хотелось бы остановиться подробнее.

В годы гражданской войны строительство в стране практически не велось. Первое десятилетие Советской власти – чрезвычайно трудное

и напряженное для всей страны – не дало Кургану новых каменных зданий.

Значительный толчок развитию города дала Великая Отечественная война. Курган принял 15 эвакуированных промышленных предприятий из западных областей. Требовалось быстро наладить их производство, чтобы дать продукцию фронту, начать строительство жилья из местных материалов, разработать скоростные способы строительства. 6 февраля 1943 года Президиумом Верховного Совета СССР был издан Указ «Об образовании Курганской области в составе РСФСР».

В состав области вошли 32 сельскохозяйственных района восточной части Челябинской области и 4 района Омской области с общим количеством населения 975 тысяч человек [6]. В начале 50-х годов разворачивается строительство ряда крупных предприятий, создаются многие общественные сооружения, запланированные еще в конце 1940-х годов.

В послевоенное десятилетие динамично развивается инфраструктура зауральских городов, в том числе и Кургана. В 1947 году Совет Министров СССР издал постановление «О мерах по улучшению городского хозяйства Кургана» [6], содержащее, по сути, программу дальнейшего развития города. Предполагалось строительство городской канализации, жилых домов, школ, гостиницы, роддома, областной больницы, универмага, кинотеатров. Уникальными по росту городского населения были 1955–1959 годы: ежегодный прирост в городе Кургане составлял 5,5%. Изменялся и облик города [6].

Растущему городу требовался новый общественно-административный центр, решенный в соответствии с архитектурными воззрениями послевоенного времени, отражающими торжество победы, веру в близкое преодоление послевоенных тягот. В соответствии с новым статусом города, его размерами, ландшафтной ситуацией в 1950-е годы происходит структурная реорганизация центра. Им становится центральная площадь города Кургана, в настоящее время – объект культурного наследия регионального значения. Визитная карточка города – архитектурный ансамбль центральной площади Кургана, спроектированный ленинградскими архитекторами-проектировщиками.

В результате реализации этого постановления центр города практически был отстроен заново. План застройки Кургана разработал Ленинградский институт по планированию городов «Ленгипрогор» [6]. В 1950–1960-е годы был создан тот облик центральной части города, который сохраняется доныне: появилась центральная площадь, кинотеатр «Россия», Дворец пионеров, административное здание обкома партии, благоустраивались скверы и улицы. К этому времени в стране были выработаны основные принципы

организации нового городского пространства: развитие города должно происходить с помощью целых ансамблей, а не отдельных зданий; должны создаваться укрупненные планировочные структуры с четким функциональным зонированием территорий. Здания должны были выполняться в традициях классической ордерной архитектуры. Различное назначение и различная градостроительная роль зданий определяли и различные их объемно-пространственные и декоративные структуры, реализация проекта центральной площади города Кургана соответствует всем этим требованиям.

В послевоенные годы возможности жилищного строительства ограничивала нехватка материалов, механизмов и квалифицированных рабочих. Для решения жилищной проблемы в Кургане на рубеже 40–50 годов начали строиться кварталы каменных жилых зданий. Строительство в то время велось небольшими массивами в разных районах Кургана. Для решительного увеличения промышленного потенциала страны, возникла необходимость интенсивного освоения новых, еще малообжитых районов. Сегодня мы можем увидеть их в районе бывшего поселка завода КЗКТ по улице Кремлева, в районе улицы Техническая (пос. ТЭЦ) (рисунок 1).

Рисунок 1

Решение об их строительстве принималось в 1947–1949 годах. Дома строились по действующим тогда типовым (или повторно применяемым) проектам с использованием на фасадах мягких и обобщенно трактуемых декоративных элементов, с низкими фронтонами, либо с завершениями, напоминающими эпоху модерна, небольшими ризалитами, арочными окнами, карнизами, делящими фасад по горизонтали.

На рубеже 50–60 годов в Кургане достраиваются здания, проекты которых были разработаны в начале 50-х годов, например, корпуса областной больницы. Принцип ансамбливости здесь весьма показателен. На фасадах центральной части обоих зданий выполнен идентичный ордерный декор. На рубеже 40–50 годов высотные здания Москвы стали задавать тон архитектуре всей страны. Тема московских «вы-

соток» прослеживается и в Кургане – в жилых домах с башенками на центральной площади, а также в бывшей гостинице «Тобол». Здания заводу управлений КМЗ и бывшего завода КЗКТ построены, очевидно, по одному проекту, также с использованием классических пропорций, но уже со стилизацией ордерной системы. Несмотря на большую протяженность, фасады не выглядят монотонными, мощные ризалиты придают зданиям уравновешенную стройность (рисунки 2, 3).

Рисунок 2

Рисунок 3

В 1960–1970-е годы в области успешно осуществлялось строительство жилья и объектов социально-бытовой сферы. В эти годы вырос поселок Энергетиков, началось строительство Заозерного микрорайона, где впервые была применена комплексная застройка, когда вместе с жилыми домами строились магазины, школы, детские сады.

Каждый временной период находит свое отражение в материальных памятниках, в том числе сохранившихся. В настоящее время все чаще обсуждаются планы развития местного туризма. Данная тема благодатна для изучения по причине тесной связи с культурным наследием, экологией культуры и исторической памятью, что, несомненно, дает дань современным тенденциям в популяризации исторического наследия. Одним из направлений развития внутреннего туризма можно рассматривать городской туризм, связан-

ный, в частности, с возможностью ознакомления с объектами культурного наследия посещаемых городов [1, с. 40-41]. Культурное наследие является одним из основных факторов развития историко-культурного туризма, поскольку знакомство с прошлым, с историей является основной движущей силой, заставляющей туристов посещать те или иные объекты [5, с.135].

Особенностью города Кургана, сохранившейся среди архитектурного наследия советского периода, является сохранение облика провинциального уездного города 19 столетия. Облика, который мы теряем с каждым годом. Старинные улицы Кургана, где история воплощается в осязаемое, отражаясь в памятниках архитектуры, имеют большой потенциал в сфере развития регионального историко-культурного туризма. Уже несколько лет Туристско-информационный центр города Кургана реализует это направление, с успехом проводя различные мероприятия, к которым относятся: экскурсия по историческим местам города, проходящая вдоль «Красной линии» протяженностью около 12 км, по пути следования установлены информационные указатели, содержащие сведения об объектах культурного наследия, для удобства быстрого считывания информации оснащены QR-кодами, что является уже прекрасным началом соединения информационных технологий и культурных традиций в рамках развития интереса общества к своей истории, автобусные туры по Зауралью, тематические мероприятия в культурно-историческом комплексе «Парк «Царево - городище» и многое другое [8].

Большое количество возможностей для социокультурных проектов дают наши объекты культурного наследия. Большинство музеев расположено именно в таких зданиях, например, «Усадьба декабриста М.М. Нарышкина (Дом-музей декабристов)» – структурное подразделение областного краеведческого музея в г. Кургане. Музей расположен в доме, где с 1833 по 1837 годы жил декабрист М.М. Нарышкин со своей семьей (совр. Климова, 80 а). «Музей истории города: «Курган уездный», структурное подразделение областного краеведческого музея. Музей был открыт в мае 2006 года. Экспозиция музея расположена в купеческом особняке, ранее принадлежавшем купцу 1-й гильдии Семену Ивановичу Березину, а затем его сыну Фёдору. Старинный особняк является памятником архитектуры XIX века. Это единственная каменная усадьба городского типа в Зауралье, сохранившая замкнутый двор с надворными постройками и центральным домом в стиле русского классицизма [4].

Филармония. История единственного в Зауралье учреждения культуры, профессионально занимающегося просветительской и концертной деятельностью в сфере классического музыкального искусства, началась в 1943 году и за

эти годы стала частью истории родного края [3]. Первый концертный зал филармонии открылся в здании бывшей женской гимназии на улице Куйбышева. Нынешнее здание филармонии построено в 1984 году.

На сегодняшний день в Курганской области расположено 1350 учреждений культуры и искусства. Наследие как имперское, так и советское дает нам на сегодняшний день огромный потенциал для развития общественных пространств, воплощения идей – целью которых должно быть увеличение туристической привлекательности региона и создание комфортной городской среды для самих курганцев. В рамках реализации определенных программ по переселению из ветхого и аварийного жилья, к большому сожалению, мы теряем те самые объекты, которые создают определенный исторический пласт. Идентичные объекты особенно советского периода есть в каждом городе, но безжалостно уничтожив, их мы разрушим и ту память, которую связывает с такими объектами старшее поколение. Печальным примером может послужить уничтожение целого квартала КЗКТ. В историческом центре города при сносе здания, не обладающего статусом памятника, но как раз формировавшего историческую застройку 19 века, пострадал объект культурного наследия, расположенный на улице Куйбышева. На такие объекты не действуют законы, регламентирующие использование и сохранение объектов культурного наследия и физическое состояние их ухудшается с каждым годом. С тревогой горожане отмечают ухудшение состояния облика зданий по ул. Ленина, одной из центральных улиц, застроенных в советское время и сохраняющей принцип ансамбливости центральной площади (рисунок 4).

Рисунок 4

По-поводу возможной утраты декоративных элементов этих зданий и потери первоначально их облика были высказаны опасения членами Общественного совета при Правительстве Курганской области по вопросам сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской

Федерации в рамках проведенного в мае 2017 года круглого стола на тему: «Памятники советской эпохи как часть культурного наследия города Кургана» [7]. Будем надеяться, что стремление к лучшему не уничтожит нашу культурную память, и мы не окажемся на обочине истории.

Список литературы

1 Архипова Е. Н., Архипов Б. В. Проблемы сохранения ОКН как фактор развития городского туризма // Сохранение и рациональное использование культурного наследия в сфере туризма. Материалы Международной научно-практической конференции 16-17 ноября 2016 г. Уфа : Изд-во УГНТУ, 2016. С. 39–45.

2 Балина Т. А., Чупина Л. Б., Данилова Ю. Н., Наумов В. О. Социокультурное развитие региона: понятие, направления, проблемы // Географический вестник. Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2014. №4(31). С. 36–41.

3 ГАУ «Курганская областная филармония». URL: <http://kurgan-filarmonia.ru/istoriya-kurganskoj-oblastnoj-filarmonii> (дата обращения: 30.01.2018).

4 ГБУК «Курганский областной краеведческий музей». URL: <http://museum.kurg.muzkult.ru/istoriya-muzeya/> (дата обращения: 06.02.2018).

5 Назаров В. Н., Солопов О. В. Основные факторы развития культурного туризма в регионах России (на примере Тульской области) // Общество: философия, история, культура. Москва : Издательский дом «ХОРС», 2016. №12. С. 135–137.

6 Официальный сайт Правительства Курганской области. URL: <http://kurganobl.ru/zaurale-v-hh-xxi-veke> (дата обращения: 30.01.2018).

7 Распоряжение Правительства Курганской области «О составе Общественного совета при Правительстве Курганской области по вопросам сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации» от 2016-09-12. №209-р.

8 Туристский информационный центр Курганской области. URL: <http://tourism-kurgan.ru/turizm/kulturno-poznavatelnyy-turizm/> (дата обращения: 30.01.2018).

УДК 908

Д.В. Князева,
г. Курган

РОЛЬ И МЕСТО КРАЕВЕДЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В ФОРМИРОВАНИИ ГАРМОНИЧНО РАЗВИТОЙ ЛИЧНОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация. В статье говорится о важности гуманитарного развития, о краеведении как части глобальной истории и его значении в развитии современного человека. В качестве примера значения работы краеведа рассматривается деятельность зауральского исследователя А.Н. Зырянова.

Ключевые слова: историческая локализация, краеведение, историческая память, феномен краеведа.

На современном этапе особое значение при-

обретает совершенствование системы школьного и вузовского образования с ориентацией не только на техническую составляющую культуры человека, но и на личную гуманитарную культуру обучающихся и студентов. Личная гуманитарная культура на наш взгляд, невозможна без определенных краеведческих навыков и знаний. Ведь краеведение – это всестороннее изучение определенной части страны, района, города или других поселений местным населением, для которого эта территория является родным краем. Изучается природа, история, хозяйство, культура и быт населения. В процессе изучения происходит то, что в исторической локализации называют «...обращением к опыту индивидуума, группы, территории, как раз и позволяет уловить конкретный облик глобальной истории» [9, с. 18–19], а фактически формированием исторической памяти, сохранение и исследование которой позволяет любой народности не стать народом «не помнящим родства», но остаться народом, помнящим свои корни, то, что в локальной истории «...позволяет составить коллективную биографию локальной общности любого уровня от семьи до страны...» [8]. Само наличие историков-краеведов позволяет обеспечить сбор, сохранение и исследование подобной информации. Изучение их деятельности также важно для современной науки, т. к. это и есть тот самый «опыт индивидуума», о котором мы упоминали выше. Молодежи нужен пример жизни и деятельности – в местных «самоучках» мы его и находим. Одним из таких примеров может стать исследователь истории зауральского края во II половине XIX века Александр Никифорович Зырянов, занимавшийся исследованием особенностей прошлого и современности родного края – Южного Зауралья. От наблюдений за погодой и сбора фольклора до археологических и исторических изысканий – такова была широта его исследований. Именно о нем и ему подобных подвижниках своего дела уже в 1940 году писали насколько важно знать «...деятелей Урала, которые двигали Урал по пути прогресса. Все эти рабочие от станка, изобретатели, писатели, революционеры, поэты, исследователи, краеведы, доктора, инженеры, профессора и академики...все они должны быть в числе тех деятелей, биографии которых необходимо знать каждому. Необходимо знать для того, чтобы видеть, как самые обыкновенные люди достигали высоких знаний и высоких званий только благодаря личной энергии и уму...» [1, с. 13]. Первые заметки о Шадринском уезде, написанные рукой А.Н. Зырянова, относят к 40-м годам XIX века, когда юному краеведу было всего 12–15 лет. Записывая сказки, А.Н. Зырянов не боялся представлять в них сатиру на чиновничество и царский двор, как например, в сказке «Крестьянин и незнамой человек», где крестьянин осмели-

вается критиковать дьяков-«писарищиков», которые живут «не по-вашему да не по-нашему» [7, с. 95]. Интерес к деятельности краеведа и к его творчеству, а также конкретно к этой сказке проявил А.Н. Добролюбов [4, с. 637], а современник исследователя, священник-математик И.М. Первушин отмечал, что «мы не узнаем народа, его души, его стремления, его нужд и горестей, его надежд и радостей, если не послушаем его песен, сказок, пословиц, притчей, поговорок» [10, с. 3]. Стремясь сохранить эту память, А.Н. Зырянов хотел по возможности изменить жизнь земляков в лучшую сторону, в особенности там, где были давние проблемы – как, например, проблема пьянства русского простонародья. Так в бумагах краеведа мы находим «Проект обета трезвости жителей села Иванищевское от 21 июня 1860 г.», говорящий о том, что нижеподписавшиеся «...дают обет вовсе не пить водки и горячительных напитков:...пить или не пить в известные сроки, ...кому как угодно не пить некоторое время – минуту, час, день, неделю» [2, с. 49]. К сожалению, сведений о введении в жизнь этого проекта не сохранилось, но само его наличие свидетельствует о практических действиях А.Н. Зырянова в этом направлении. Археологические и исторические исследования, которым краевед также уделял очень много времени, свободного от добывания хлеба насущного, также были практически первыми в этой области для нашего края. Отдавал он этой работе практически все свободное время, а когда уезжал из дома, то наказывал домашним в случае пожара в первую очередь спасать его бумаги. Характер его был достаточно тяжелым в общении, был он человеком неуступчивым и резким, но как исследователь-краевед он оставил после себя заметный след в науке, что было отмечено еще при его жизни. Краевед печатал свои труды в Пермском сборнике, Записках Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ), Российском географическом обществе (РГО), журналах «Русская старина», «Древняя и новая Россия». С 1860 года он занимался раскопками курганов и городищ, расположенных в Шадринском уезде. В том же году исследователь был избран членом-корреспондентом Русского географического общества и награжден серебряной медалью «за постоянно доставляемые сведения о Шадринском уезде Пермской губернии». Результаты раскопок нашли отражение в серии статей краеведа, опубликованных в газете «Пермские губернские ведомости» (ПГВ) и уже упомянутых «Записках УОЛЕ». Как историк А.Н. Зырянов публикует в 1859 году статью «Пугачевский бунт в Шадринском уезде и окрестностях его», излагая свое видение событий 1773-1775 годов в Шадринском уезде, и дает при этом следующую оценку происшедшему: «Куда ни посмотри, куда ни кинь взглядом, - везде с по-

разительным согласием было одно и то же – везде кишмя – кишела картина разрушения тишины и спокойствия, везде творились крестьянский суд и крестьянская расправа» [5, с. 304]. И здесь вновь проявляется не только личностный фактор, но и тот «феномен краеведа», который заставляет исследователя быть максимально объективным. При всей своей любви к народу и понимании тяжелых условий жизни его (сам исследователь был крестьянского происхождения) А.Н. Зырянов далек от идеализации народной жизни. Он честно описывает происходившие события, отмечая «невежество и темноту крестьян, низкое умственное развитие» этого сословия и стремится что-то сделать для его просвещения – вместо спиртного дать крестьянину книгу, газету, научить его читать и думать о прочитанном. Своими делами он хотел не только найти и сохранить особенности исторической памяти своего края, но и помочь ему пользоваться.

Оценка опыта, накопленного местными историками по работе с источниками, продолжается, равно как и использование итогов их трудов на практике – распространение среди населения, в школах и вузах. И это очень важно, ведь «подобно миру, история существует лишь в нашем воображении. Это не значит, что ничего из того, о чем рассказывают историки, не происходило. Это значит, что происходившее в действительности становится историей лишь в той мере, в которой попадет в руки разума и преобразуется в ней» [6, с. 8].

Список литературы

- 1 Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. Р-790. Д. 3066. Оп. 1. Л. 13.
- 2 Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 135. Оп.1. Д. 10. Л. 49.
- 3 Дмитриев А. Писатель-самоучка Александр Никифорович Зырянов // Промыслы в Шадринском уезде. Шадринск, 1997. С. 68.
- 4 Добролюбов Н. А. Пермский сборник: рецензия // Добролюбов Н. А. Собр. соч.: в 3 т. Статьи и рецензии 1859 г. Москва, 1952. Т. 2. С. 637.
- 5 Зырянов А. Н. Пугачевский бунт в Шадринском уезде и окрестностях его // Шадринская старина // Краеведческая хрестоматия. Вторая половина XVII – первая половина XIX века. Шадринск, 1996. С. 304.
- 6 Колосов Н. Е. Как думают историки. Москва, 2001. С. 8.
- 7 Крестьянин и незнамой человек // Сто сказок Южного Зауралья : учебное пособие. Курган, 2005. С. 95.
- 8 Маловичко С. И. Современная историческая наука и изучение локальной истории // Историческая локализация Урала и Западной Сибири. Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2015.
- 9 Ревель Ж. Микроисторический анализ и конструирование социального // Историческая локализация Урала и Западной Сибири. Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2015. С. 18-19.
- 10 Рычкова Е. В. Собрание сказок в крае // Сто сказок Южного Зауралья : учебное пособие. Курган, 2005. С. 3.

*И.А. Ерзянкин,
г. Курган*

ВОСПОМИНАНИЯ РАБФАКОВЦЕВ

Аннотация. Данная статья посвящена различным сторонам повседневной жизни студентов уральских рабфаков, которые стали известны благодаря их воспоминаниям. Описываются наиболее характерные черты советской студенческой повседневности и роль рабфаков в этом явлении.

Ключевые слова: рабфак, культурная жизнь, повседневность, высшее образование, воспоминания.

В своей статье я хочу освятить воспоминания об учебе студентов различных уральских рабфаков. В. Молчанов, который позже стал врачом, был студентом челябинского рабфака. Свои воспоминания он начинает с приёмной комиссии, и вот что он пишет по этому поводу: «В приемной рабфака среди простых рабочих и крестьян толпились вкрадчиво-вежливые паренки и грациозные мамзельки, направленные на рабфак чьей-то щедрой рукой. Но только небольшая часть их проскакивала сквозь шипы приемной комиссии, а впоследствии и они отсеивались густым решетом рабфакковского коллектива» [1, с. 28]. Учиться было сложно еще и потому, что образование было не очень хорошим: «Учиться было очень трудно, так как за три года надо было получить среднее образование» [там же]. После учебных занятий, находясь в общежитиях, студенты рабфака продолжали учиться: «Идешь, бывало, вечером по улице Чапаева и видишь ярко освещенные окна рабфаковских общежитий. Они светились и поздней ночью. Одни спят, другие занимаются. Затем роли меняются» [1, с. 30]. Не только учеба, но и культурная жизнь интересовала студентов рабочих факультетов, и нередко на рабфаках были разнообразные кружки: «На рабфаке успешно работали кружки: литературный, хоровой, изобразительный и другие» [там же]. В каникулы многие студенты рабфака старались повышать свой культурный уровень: «Каникулы были зимние и летние. Зимой многие рабфаковцы отправлялись на экскурсии. Если не удавалось попасть в состав организованной группы, то, несмотря на безденежье, отправлялись самостоятельно» [1, с. 32].

М. Ожегова-Семенова пишет о поступлении на рабфак следующее: «Впервые в жизни я взгромоздилась с сундуком своим на мягкое сиденье автобуса. И этот автобус, и улицы проносящиеся за окном, казались мне волшебными, сказочными, полными неведомых чудес. Так началась моя новая жизнь. Но еще надо было

пройти вступительные испытания, Я неплохо сдала все предметы, кроме математики. С математикой я была не в ладах еще с сельской школы. И она мне отомстила за пренебрежение к ней; письменную работу по математике я провалила. Однако, взяв в расчет хорошие оценки по другим предметам, меня все же допустили к устному экзамену по математике. Громаднейшим напряжением сил, нервов, памяти я вызубрила элементарные математические истины, и кое-как «вытянула» экзамен» [1, с. 34].

Из этого можно сделать выводы, что не всегда студентам даже вступительные испытания давались легко, что, само по себе, является естественным, так как у абитуриентов разный уровень подготовки, разный уровень запоминания информации, а также разный уровень «дружбы» с тем или иным предметом.

Однако М. Ожегова-Семенова не унывала, и пыталась подтягивать свои знания по математике дополнительными самостоятельными занятиями по этому предмету: «Эта математика туго давалась мне и все последующие годы пребывания на рабфаке. Приходя с занятий, я, прежде всего, бралась за математику и сидела над ней до глубокой ночи. Потом наскоро выполняла задания по другим предметам (они давались мне сравнительно легко) и опять принималась за математику. Частенько засиживалась до утра, до полного изнеможения и отупения» [1, с. 34-35].

Также при трудностях с математикой ей очень помогли однокурсники и преподаватель: «Не знаю, что бы я стала делать, если бы не помощь товарищей. Преподаватель организовал группу отстающих и занимался с нами дополнительно. Помогали и все успевающие по математике. До сих пор с благодарностью вспоминаю высокого, сутуловатого, с зачесанными назад, но вечно растрепанными волосами замечательного товарища—Николая Логинова. Сколько времени, дорогого и для него, пожертвовал он мне и таким, как я! Зато и математика мало-помалу начала сдавать свои позиции».

Исходя из этого, можно сделать выводы, что студенческая жизнь (а рабфаковцы, все таки, являлись студентами) в Советском союзе была очень интересной, и далеко не всегда ограничивалась только учёбой [1, с. 35].

Также автор воспоминаний рассказывает о своей преподавательнице русского языка на рабфаке: «Хорошо помнятся мне и уроки русского языка. Преподавательница О.В. Сигова, тогда еще сама молодая, вкладывала без остатка всю энергию, все силы, все знания в свое дело. Только много позже я поняла, насколько ей было трудно с нами. О. В. Сигова, например, советует: «Выражайте свою мысль немногословно, укладывайте ее в краткие фразы, чаще ставьте точки, тогда не будете путаться в знаках препинания». Студентка Блинова воспринимает это так:

«“Мы. Не рабы. рабы. Не”. Мы. Уж куда она не насовала точек. Разве только что не в середине слов. И все это с искренним желанием — сделать приятное учительнице» [там же].

Также автор воспоминаний упоминает о жизни в студенческом общежитии: «Новое, никогда доселе невиданное входило и в быт, в отношения людей между собой. Помню, как возникла в студенческом общежитии наша комнатная «коммуна». В одной из комнат общежития № 5 в Детгородке жило нас одиннадцать девушек. Началось все, казалось бы, с пустяка. Галя Мячина не умела расходовать деньги. Получив стипендию, в несколько дней растрясала ее по мелочам. Потом ее всей комнатой кормили до следующей стипендии. Терпели мы терпели и возмутились. На общем комнатном собрании решили взять над ней шефство. Случай с Галей Мячиной натолкнул нас на мысль: а не начать ли нам всем питаться вскладчину. Тем более, что питание в студенческой столовой казалось дорогим. Так и сделали. При получении стипендии тут же отдавали часть денег старосте. Установили дежурства. Очередная дежурная обязана была не только поддерживать чистоту в комнате, но и, получив определенную сумму от старосты, закупать продукты и готовить еду на всю «коммуну». Каждая из нас, вступив на дежурство, старалась накормить подруг, как можно сытнее, вкуснее и дешевле. В наши трапезы вошло что-то очень уютное, домашнее, семейное. Да и денег на питание тратилось раза в полтора меньше» [1, с. 35-36].

Далее Ожегова-Семёнова вспоминает о том, как одевались студенты: «Каждый месяц, в день получения стипендии, мы обсуждали на общем собрании: кому и что покупать из обуви и одежды. Деньги выделяли в первую очередь тем, кому было совершенно необходимо пополнить гардероб — ботинки ли «каши просят» или последняя будничная кофтенка прохудилась, разлезается по всем швам. Ну, а когда оставались деньги, приобретали даже и наряды. Кстати, о нарядах. Хотя и считалось, что самый лучший берет в комнате принадлежал, например, Лизе Волковой, его могла надеть любая из наших девушек, если ей бывало необходимо появиться где-то принаряженной. Так же обстояло и с платьями, пальто, туфлями. И хотя праздничных, выходных вещей у нас было очень немного, казалось, что все мы одеваемся прилично. Все вещи в нашей комнате принадлежали нам всем» [там же].

Также студенты рабфака участвовали в общественно-полезном труде, а также в культурно-массовых мероприятиях: «Участвовали в вечерах самодеятельности, которые проходили чрезвычайно весело — в талантах недостатка на рабфаке не было. С молодым задором, с подъемом трудились мы на различных, довольно частых в ту пору субботниках: на стройках, на

заводах, на выгрузке угля. И если кто-либо из нашей «коммуны», пусть даже по уважительной причине, не мог принять участия в субботнике, остальные считали долгом отработать за него его норму. На то мы и «коммуна» [там же].

Д. Неустроев, директор института «Уралмеханобр» и П. Ярутин, доцент, бывший директор Уральского горного института пишут о своём рабфаковском прошлом следующее: «Мы пришли на рабфак в 1922 году. Оба по путевкам Красной Армии, пробыв в ней первый 3, второй 4 года. Наша подготовка к рабфаку - трехгодичная начальная школа; у одного земская, а у другого церковноприходская. Первому было 22 года, второму — 27 лет. По профессии один рабочий-металлист, второй—горнорабочий. Главное, что нас объединяло, это страстное желание учиться. Стремление к учебе возникло раньше поступления на рабфак. Но осуществить его не было материальной возможности. И только с приходом советской власти создались условия для учебы.

Поступая на рабфак, мы не думали о том, будем ли инженерами и тем более не думали о будущей инженерной деятельности. Главное чего мы хотели - это взять все, что мог дать рабфак, Мы понимали, что полученные знания расширят наш кругозор и позволят более успешно справляться с работой по своим специальностям - металлста и горняка. И это был основной стимул к нашей учебе. И только по мере приближения к финишу стала укрепляться мысль о поступлении в высшую школу. Состав нашей учебной группы, как по возрасту, так и по подготовке, и особенно по общему развитию, имел значительные различия. Самым старшим в группе был С. Золотарев (около 40 лет) и самым молодым Гриша Герсман, ему было 17 лет. Такие как В. Одиноких знали дрови, другие, как Голенищев и Гуцев, только-только справились с приемными экзаменами. Причем, последний пришел на рабфак, окончив школу ликбеза (школа по ликвидации неграмотности)» [1, с. 45].

«Началась учеба. С первого года обучения преподавали: русский язык и литературу, математику, физику, химию, географию, биологию, немецкий язык, черчение, политэкономию, историю.

Последнюю по требованию учащихся заменили историей классово-борьбы. Кроме того, сверх программы был прослушан курс диалектического материализма» [там же].

«Учебная нагрузка была огромная. Заниматься приходилось много. Было трудно, но трудно было не только нам, но и преподавателям. Наши трудности вытекали не только из большой нагрузки, но также из-за большого перерыва между окончанием начальной школы и учебой на рабфаке. В среднем он достигал 10–12, а у некоторых 25 лет. Трудность учебы вызывалась и тем, что мы привыкли воспринимать конкретные явления или как говорят, мыслить

конкретно, тогда как по ходу учебы иногда требовалось абстрагировать то или иное явление. За время длительного перерыва в учебе многие из нас забыли те небольшие сведения о правилах письма, которые были сообщены в начальной школе» [1, с. 45-46].

«Чтобы приобрести навыки в письме, мы много работали. Вечерами в общежитии собирались по 3 – 5 человек, писали диктанты, взаимно проверяя и обсуждая сделанные ошибки, переписывали текст какой-либо книги, чтобы, как говорят, «набить руку». Неумение грамотно писать нас страшно угнетало, порою приводило в отчаяние. Но мы вновь и вновь боролись с этим злом, напрягая все наши усилия. Порою казалось, что легче идти в атаку на белогвардейцев, чем избавиться от ошибок в письме. Однако мы упорно и яростно боролись с этим врагом и ликовали, как после выигранного боя, когда в наших контрольных работах количество ошибок уменьшилось. Мы считали, что к нам следует подходить более строго. Ведь мы хотели быть грамотными. И вот по решению группы мы потребовали от деканата заменить молодую преподавательницу и дать нам более строгого учителя. В результате к нам был назначен Николай Васильевич Климентьев. Николай Васильевич был одним из лучших преподавателей. Мы знали, что он требовательный, но тактичный и справедливый. Это под его плодотворным воздействием мы с увлечением читали произведения классиков и современных авторов, не включенные в программу. Когда мы уставали заниматься математикой, химией и другими предметами, то не ложились отдыхать, а брали какое-либо художественное произведение и читали.

Вторым предметом, который требовал много времени, была математика. За три: года нужно было освоить ее, начиная с дробей и кончая понятием пределов. Первые два года вел математику Алексей Николаевич Богданов. Свой предмет он любил. Преподавал с огоньком» [1, с. 46].

«Алексей Николаевич сумел убедить нас, что математику надо знать, и мы увлекались ею, отдавая много времени решению задач, заучиванию правил и доказательству теорем. Хорошо помнится такой случай: около двух часов ночи нас разбудил С. Золотарев. «Ребята,—кричал он, — я задачу решил!». Нами эта задача была решена, но он хотел решить самостоятельно и, решив ее, радовался, как ребенок. А этому «ребенку» было около 40 лет.

Нельзя не вспомнить прекрасные уроки по химии Владимира Ивановича Петрашень. Это он научил нас понимать химию, даже больше мы полюбили ее. К его урокам всегда старательно готовились. Уроки Владимира Ивановича широко сопровождались опытами и проходили очень интересно. Некоторые из нас настолько увлекались химией, что ставили опыты у себя в кварти-

ре. В частности, так поступил Андрей Личидов, создав у себя уголок химия. Активно проходили уроки по физике, которую преподавал Константин Рафаилович Кожевников. Можно сказать, что вся группа принимала активное участие в доказательстве того или другого закона. Оно и понятно, ведь большинство из нас практически пользовалось законом рычага, наклонной плоскости и т. д. Это на его уроках возникла мысль об «ошибке» Архимеда: если бы и нашлась точка опоры, то у Архимеда не хватило жизни, чтобы повернуть землю, так как пришлось пройти слишком длинный путь.

В первые годы нашего обучения на рабфаке не было лаборатории по физике, и мы нередко ходили в УПИ, где Константин Рафаилович заведовал лабораторией. Потом, когда для занятий по физике было выделено помещение, мы принимали активное участие в его оборудовании» [1, с. 46-47].

«Нельзя забыть заведующего кабинетом черчения П.А. Хожателева, всегда спокойного, скромного и терпеливо «вдалбливающего» нам основные законы геометрического и технического черчения. Увлекательными были и уроки географии. В большинстве они проходили в путешествиях. Например, Николай Иванович Томпофольский вызывал кого-либо к (географической карте и ставил вопрос, что бы мы повезли из той или другой части мира?). И попутно по всему пути следования, рассматривалось, через какие страны проходил путь, какими народами населены, промышленное развитие района, культура и т. п. Если у отвечающего встречались затруднения, на помощь привлекалась аудитория. Его задания на дом всегда охотно выполнялись» [1, с. 47].

«Уроки по политической экономии вел Т.А. Каменев. Проходили они в виде лекций, в которых широко приводились выдержки из «Капитала» К. Маркса. При этом лектор всегда указывал издание, том и страницу. Его лекции относительно легко усваивались. Благодаря им мы пристрастились самостоятельно работать над «Капиталом» [там же].

«Казалось бы, что при такой большой нагрузке у нас не должно было оставаться времени для внешкольной работы. Кроме учебной нагрузки коммунисты и комсомольцы ежедневно затрачивали по два часа на военное обучение в роте ЧОН (части особого назначения), состоящей исключительно из студентов. Тем не менее находили время для кружковой работы» [там же].

«Из нашей группы участвовали в литературном кружке В. Молчанов, А. Личидов, А. Черемных и П. Ярутин. Одни читали свои произведения, другие принимали участие в обсуждении. Наши авторы печатались в литературном студенческом журнале «Студент-рабочий». Так, в нескольких номерах была опубликована поэма

В. Молчанова «В Москву без денег». Теплые строки посвящены в ней Ольге Васильевне Сиговой, преподавателю литературы. Товарищи я пашей группы участвовали в факультетском хоре. Шура Ведунова и Надя Каменева часто выступали на факультетских вечерах и с сольными номерами. Были участники и драматического кружка, в частности П. Ярутин. Активно участвовали в нашей устной сатирической газете «Рубанок». Вася Молчанов входил «в редколлегию «Рубанка». Душой же газеты был Николай Васильевич Клементьев. Студенческие вечера проходили всегда шумно и весело. Особенно большим разнообразием отличались юбилейные. В один из таких вечеров целая комната была отведена для дружеских шаржей, нарисованных карандашом и красками. Тут были шаржи не только на студентов, но и на преподавателей. Так, например, преподаватель математики Точановский, носивший большую бороду лопатой, был изображен в медальонном овале. Под ним подпись: «Проект медали Станиславского». На следующий день Точановский пришел на занятия без бороды» [1, с. 47-48].

«Мы находили время и для физкультуры. Любимым видом спорта были лыжи. В выходные дни с 8-9 часов утра становились на лыжи и на целый день уходили за город. Обычный наш маршрут был: скотобойни, где ныне мясокомбинат, Уктусские горы, пивзавод и наши студенческие общежития в Детском городке.

С Уктусских гор мы скатывались по несколько раз, потом заходили к кому-либо из жителей, выпивали по кринке молока со свежим калачом и возвращались к себе. В рабочие дни, как правило, часов около 11 выходили на лыжную прогулку, после чего выпивали, по стакану чая и ложились спать. Мы замечали, что если такой вечерней прогулки не делали, то на другой день не чувствовали той работоспособности, которая обычно бывала после прогулки» [1, с. 48].

«Студенты нашей группы все состояли в добровольных обществах. Тогда их было несколько, начиная с МОПР и кончая обществом содействия Красной Армии. Активистом по добровольным обществам был Федя Швецов. Он был также активным пропагандистом студенческого кружка НОТ (научная организация труда). Многие из нас вели картограммы времени с графиком его расходования. По этим картограммам можно было проследить, насколько рационально расходуется время» [там же]. «У нас в общежитии не ставился вопрос о самообслуживании. Уборщицы раз в неделю мыли в комнатах. Но многие из нас мыли пол ежедневно. В своей комнате мы всегда держали в порядке книги, личное имущество и постели и, конечно, не курили.

О выпивке никогда не возникало вопроса и не только у нас в комнате, но вообще в обще-

житии. Мы не помним случая за все три года обучения на рабфаке, чтобы был кто-либо пьяным на студенческом вечере. Может быть, современной молодежи это покажется невероятным, ведь тогда был разгар нэпа, на каждом перекрестке были пивные, но факт остается фактом.

Душой всей жизни рабфака была партийная организация. В нашей группе насчитывалось около 35% членов Коммунистической партии и примерно столько же комсомольцев. Партийная часть группы вникала во всю жизнь, начиная с учебы и кончая нашим бытом. И везде коммунисты старались быть примером. Ежедневно в группе коммунисты проводили доклады о текущем моменте, где рассматривались вопросы внутреннего и международного положения СССР» [1, с. 48-49].

«В результате повседневной работы коммунистов ряды в партии росли. Так, например, в 1924 году был принят в члены РКП(б) один из нас – Д.С. Неустроев» [1, с. 49].

«Итак, рабфак не только дал нам среднее образование, но и вооружил нас политическими знаниями для дальнейшей борьбы за высшую школу. Оканчивая рабфак, мы чувствовали себя победителями, которые выиграли большое и тяжелое сражение» [там же].

Исходя из этого, можно сделать выводы, что студенческая жизнь (а рабфаковцы, все таки, являлись студентами) в Советском союзе была очень интересной, и далеко не всегда ограничивалась только учёбой.

Список литературы

1 Первые рабфаки на Урале. Воспоминания преподавателей и учащихся первых уральских рабфаков. Свердловск: Изд-во Уральского государственного университета имени А.М. Горького, 1963. 62 с.

УДК 373.1

**Б.В. Архипов, Н.М. Какуля,
г. Курган**

ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ АВТОМАТИЗИРОВАННЫХ СИСТЕМ В ПРАКТИКУ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ В СРЕДНИХ ШКОЛАХ ГОРОДА КУРГАНА

Аннотация. В статье речь идет о проблемах внедрения электронного документооборота в деятельность образовательных организаций в процессе развития компьютерных информационных технологий в Российской Федерации на примере школ Курганской области.

Ключевые слова: компьютерные техноло-

гии, электронный документооборот, образование, медиаобразование.

В современном мире компьютерные технологии приобретают все большее значение. Еще в 60-х годах XX века футурологи начали прогнозировать возникновение постиндустриального или информационного общества. Широкое распространение компьютерной техники и сетевых технологий, пришедшие на 80–90-е годы XX века начали в значительной степени изменять буквально все сферы жизни общества.

Образование, как один из наиболее консервативных социальных институтов, долгое время не реагировало на возникший вызов, скорее пытаясь ему противостоять. Однако все большее распространение информационных технологий не могло не затронуть и его. На сегодняшний день можно выделить три основных направления взаимодействия школы и информационных технологий. Первым из них, на наш взгляд, является использование возможностей информационных технологий в процессе обучения. Сюда можно отнести и их использование на уроках в роли технических средств обучения, и выполнение тех или иных заданий учащимися с применением возможностей компьютерной техники (например, широкое использование презентаций). Вторым направлением является изучение возможностей средств массовой коммуникации, постепенно получающее в нашей стране распространение, начиная с 1990-х годов. Довольно часто по отношению и к первому, и ко второму используется термин «медиаобразование», хотя это не всегда соответствует истине [1, с. 334].

Третье направление во многом задано самим развитием информационных технологий применительно к решению задач управления. Еще в 1980 году Э. Тоффлером была выдвинута идея «бесбумажного офиса» [13, с. 261]. К настоящему времени развитие компьютерной техники, систем связи и программного обеспечения позволили автоматизировать целый ряд процессов, связанных с документированием и документооборотом, во многих случаях отказавшись от использования бумажных документов и повысить эффективность управления. Применительно к управлению школой новых технологий способно снизить время, затрачиваемое учителями и администрацией на «бумажную» работу, автоматизировать различные виды отчетности, облегчить принятие управленческих решений за счет большей прозрачности всех процессов и возможности получения своевременной и полной информации практически в режиме реального времени.

Правительство РФ начиная с начала 2000-х годов стало ориентироваться на введение электронного документооборота в разных сферах предоставления государственных и муници-

пальных услуг [14], в том числе и в сфере образования.

В настоящее время существует целый ряд программных решений, нацеленных на автоматизацию управленческих процессов в рамках образовательных учреждений. В качестве примера можно привести такие системы, как «Дневник.ру» [11] компании ООО «Дневник.ру», системы «NetSchool» [10] и «Сетевой город. Образование» [12] компании ИРТех, а также «Электронная школа будущего» [16] от «Ростелекома». Перечисленные программные продукты позволяют, в том числе, решать следующие задачи [10] (на примере «NetSchool» по различным категориям пользователей).

Администрация школы:

- оперативное получение и анализ информации об учебном процессе для принятия управленческих решений;
- доступ к персональным данным;
- ведение расписания уроков, календаря мероприятий;
- контроль движения учащихся;
- создание системы школьного документооборота;

• автоматизированное составление отчетности для органов управления образования.

Учителя и классные руководители:

- ведение электронного классного журнала;
- автоматическое получение всех стандартных отчетов об успеваемости и посещаемости;
- ведение календарно-тематических планов;
- доступ к расписанию, просмотр календаря мероприятий;

• подготовка и проведение тестирования отдельных учащихся или всего класса;

• работа с мультимедийными учебными курсами, подключенными к электронному классному журналу NetSchool;

• ведение портфолио своих проектов и методических разработок.

Обучающиеся:

- доступ к своему расписанию;
- доступ к своему электронному дневнику с оценками, домашними заданиями и задолженностями по предметам;
- получение отчетов о своей успеваемости и посещаемости;
- ведение портфолио своих проектов и достижений;
- возможность дистанционного обучения в рамках школьного учебного процесса.

Родители:

- оперативный контроль по Интернет, за успеваемостью и посещаемостью своего ребенка (через его электронный дневник);
- оперативный просмотр его расписания, отчетов по успеваемости;
- возможность получать рассылку от классного руководителя на мобильный телефон в

виде SMS: отчёты об успеваемости, информация о собраниях, мероприятиях, поездках, отмене занятий и др.;

- возможность в любое время делать SMS-запрос с мобильного телефона на специальный короткий номер (например, прогнозируемые оценки за четверть);

- возможность связываться с классным руководителем или учителем-предметником своего ребёнка с помощью внутрисистемной электронной почты.

Детальнее с особенностями этих систем можно ознакомиться в таблице.

Закон «Об образовании» позволяет принимать решения о ведении учетной документации, в частности классных журналов, в электронной форме, а также предполагает наличие сайта образовательного учреждения [15]. Более детально эти вопросы раскрываются в письме Минобрнауки РФ от 15 февраля 2012 года № АП-147/07 [5]. В нем, в том числе, отражены и проблемы, требующие решения при внедрении систем электронного документооборота.

Внедрение электронных систем в процесс управления деятельностью образовательного учреждения должно, согласно вышеназванному документу, решать следующие задачи:

- фиксировать ход образовательного процесса;
- отражать результаты освоения основной образовательной программы;
- давать возможность использовать данные, формируемые в ходе образовательного процесса для решения задач управления образовательной деятельностью;
- способствовать установлению взаимодействия с органами управления (ОУ) с органами, осуществляющими управление в сфере образования.

Образовательные учреждения не ограничены в выборе информационных систем для решения названных задач, однако в письме оговаривается, что: «услуга по предоставлению информации о текущей успеваемости учащегося, ведению электронного дневника и электронного журнала успеваемости осуществляется образовательными учреждениями при участии органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации», таким образом, выбор конкретного программного обеспечения для ОУ требует, по факту, согласования с органами управления образованием.

Также данный документ содержит и методические рекомендации по внедрению информационных систем в образовательном учреждении. В частности, внедрение электронных журналов в практику деятельности образовательного учреждения требует реализации следующих этапов:

- подготовительного;
- этапа проектирования нормативного и ре-

гламентационного обеспечения;

- этапа согласования и принятия нормативного и регламентационного обеспечения;
- этап начала использования электронного журнала.

Например, на первом этапе, подготовительном, предполагается решение следующих вопросов:

- ознакомление большинства Сотрудников и органов самоуправления ОУ с различными вариантами электронных журналов и предстоящими соответствующими изменениями в деятельности преподавателей;
- организация неформального обсуждения и согласование подходов участников образовательного процесса к внедрению и использованию электронного журнала;
- выбор варианта используемого электронного журнала;
- формирование группы разработки нормативного и регламентационного обеспечения.

В то же время, как показывает практика, данные рекомендации выполняются далеко не всегда. В большинстве случаев, решение о принятии той или иной информационной системы принимается администрацией школы без какого-либо обсуждения с педагогическим коллективом. Во многом этому способствует и нежелание учителей вешать на себя груз дополнительных проблем, которые с неизбежностью возникают на этапе внедрения любой информационной системы.

Еще одним распространенным отступлением от рекомендаций министерства является отсутствие соответствующих локальных нормативных актов. Одним из немногих примеров создания соответствующих локальных документов является «Положение об электронном журнале» МБОУ города Кургана «СОШ №50» [7].

В целом, опираясь на опыт внедрений, можно выделить следующие вопросы, требующие решения:

- подготовка локальных нормативных актов;
- подготовка аппаратного обеспечения;
- обучение участников процесса работе с программным обеспечением;
- разъяснение значимости и полезности внедрения системы (одна из причин неудачи внедрения – сопротивление персонала);
- сокращение переходного периода, требующего увеличения трудозатрат ввиду применения и новых, и старых технологий, заинтересованность в результате руководства ОУ и его готовность участвовать в процессе внедрения.

Однако фактически данные требования выполняются далеко не всегда, что зачастую и встает барьером на пути внедрения названных систем. В большинстве случаев администрация ОУ не подготавливает базу в виде соответствующих локальных нормативных актов, ограничиваясь устными распоряжениями или решениями

педагогических советов, в которых просто констатируется необходимость ведения журналов дополнительно в электронном виде. Это внедрение электронных дневников и журналов обуславливается, в первую очередь, не столько реальными потребностями образовательного учреждения, сколько требованиями (руководящими пожеланиями) органов управления образованием. Такая ситуация приводит к отсутствию понимания необходимости внедрения информационных систем, а также и мотивации к их использованию со стороны участников педагогического процесса, причем, как самих учителей, так и родителей, и самих учащихся. Стоит, однако, отметить, что в ряде случаев (со слов работающих с этими системами учителей), разъяснительная работа с родителями повышает их интерес. Администрации школ, даже будучи формально заинтересованными во внедрении подобных систем, зачастую просто не обладают соответствующей подготовкой для разработки локальной нормативно-методической базы, а во многих случаях, по-видимому, даже не осознают ее необходимость.

Еще одним препятствием на пути успешного внедрения информационных систем в деятельность образовательных учреждений является то, что не устанавливаются возможные сроки переходного периода, так как и сам этот переход не предполагается. В частности, в вышеназванном положении говорится, что «Ведение электронного журнала является обязательным для каждого учителя-предметника и классного руководителя школы наряду с бумажными формами». Таким образом, учителя оказываются в ситуации дополнительной нагрузки практически без каких-либо преимуществ. Единственный плюс, упомянутый в данном «Положении», заключается в том, что предполагается «автоматизация создания промежуточных и итоговых отчетов учителей-предметников, классных руководителей и администрации», при этом не оговаривается обязательность отказа от бумажных форм отчетности. А, например, в «Положении о системе оценок, формах и порядке текущего контроля успеваемости и промежуточной аттестации учащихся классов, обучающихся по федеральным государственным образовательным стандартам НОО и ООО» МБОУ «Гимназия №31» г. Кургана [6] содержится только требование «2.13. Классные руководители доводят до сведения родителей (законных представителей) сведения о результатах четвертной (полугодовой) аттестации путём выставления оценок в дневники обучающихся, в том числе и электронный дневник». Никак вопросы нормативно-методического регулирования и мотивации сотрудников не освещаются и в данной публикации [2], посвященной данному образовательному учреждению.

Как нам видится, причины названных проблем видятся во многом, в следующем. Пись-

мо Минобрнауки РФ от 15 февраля 2012 года № АП-147/07 [5] предполагает возможность выбора ОУ либо бумажной, либо электронной формы отчетности. При этом, с одной стороны, школа оказывается вынужденной реализовывать электронную форму, (в соответствии с Законом Российской Федерации от 27 июля 2010 года № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [3], Распоряжениями Правительства Российской Федерации от 17 декабря 2009 года №1993-р [9] и от 7 сентября 2010 года №1506-р [8] производится перевод государственных услуг в электронный вид. Полный перевод всех запланированных услуг должен завершиться к 1 января 2014 года), с другой, далеко не всегда ОУ имеет для этого технические возможности. Организация и сохранение цифровых архивов, особенно с достаточно большими сроками хранения документов, является собой серьезную проблему. Например, классные журналы. Срок их хранения составляет 5 лет, а сводные ведомости из них должны сохраняться на протяжении 25 лет [4]. Обеспечение сохранности электронного архива на протяжении такого времени (даже 5 лет) является достаточно сложным делом, а в рамках образовательного учреждения практически неразрешимым. Даже в случае хранения документов на сервере поставщика услуги (например, «Ростелеком»), персональная ответственность все равно сохраняется на руководителе ОУ.

Исходя из вышесказанного, можно сформулировать следующие проблемы. Во-первых, отсутствие мотивации у руководителей и сотрудников ОУ в деле внедрения информационных систем, а также недостаточным пониманием ими особенностей внедрения. Во-вторых, не информированность, а отсюда и не востребованность информационных систем со стороны родительского сообщества. В-третьих, отсутствие во многих ОУ технических возможностей для полноценной работы с внедряемыми информационными системами, в частности, полноценного доступа к ним (компьютеры или планшеты у всех сотрудников, организация школьных серверов), что ведет к дополнительным нагрузкам на учителей и затратам времени. Во многом, на наш взгляд, эти проблемы обусловлены не совсем ясными перспективами окончательного перехода к электронной форме ведения школьной документации и, следовательно, дублированию деятельности в бумажном и электронном вариантах без оплаты такой работы.

Таким образом, как нам видится, решение этих вопросов силами самих ОУ практически невозможно. Для их разрешения требуются помощь органов управления образованием, при этом скорее на уровне субъектов РФ, а также разработка нормативно-методической базы на федеральном уровне. Необходимо создать ус-

ловия для средне и долгосрочного хранения документов, что может быть реализовано либо через федерального оператора, либо через операторов в субъектах РФ. При этом ответственность за сохранность документов должна быть переложена с руководителей ОУ на этих операторов. Могут быть предусмотрены процедуры для перевода документов долговременного хранения из электронной в бумажную форму. На

уровне субъектов РФ должны быть разработаны типовые Положения о внедрении электронного документооборота в ОУ, а также организовано обучение для управленческого состава и работников ОУ. Это позволит определить четкие перспективы отказа от бумажных форм документов, в принципе упростит работу с различными отчетами и одновременно сможет способствовать увеличению прозрачности деятельности ОУ.

Таблица 1

Характеристика	Dnevnik.ru	Netschool	Электронная школа
1 Пользователи системы	Пользователями данной системы являются ученики, родители и учителя. Именно для этой категории пользователей предоставляются разнообразные сервисы	Количество категорий пользователей данной системой гораздо больше: администратор системы; директор/завуч; классный руководитель/преподаватель; учащийся; родитель; секретарь; специалист по кадрам; медицинский работник; психолог/социальный педагог; администратор системы; технический персонал	Сервис информатизации школьного образования предназначен для следующих пользователей: - сотрудники министерства образования, регионального центра оценки качества образования; - руководители и сотрудники муниципальных органов управления образованием, методических служб, государственных и муниципальных образовательных учреждений; - учащиеся образовательных учреждений и их родители
2 Возможность перехода на электронный документооборот	Одними из основных функций Дневника является Электронный журнал и электронный дневник. Возможен экспорт и импорт журналов, их печать, а также отображение в традиционном черно-белом виде. Также есть возможность быстрого и удобного импорта в Дневник существующего списка учеников, сотрудников и родителей из Excel	Система дает возможность полностью перейти от бумажного к электронному варианту журнала. При необходимости есть возможность распечатать страницы Классного журнала в установленной типовой форме. Также для руководства школы предоставлена возможность автоматизированного составления отчетности для органов управления образованием и конструирование собственных отчетов	Помимо наличия электронного дневника и журнала в данном сервисе предусмотрена возможность сокращения бумажных потоков документооборота и переход на электронное делопроизводство; формирование отчетов различных форм и направлений в электронном виде, прием заявлений о зачислении в ОО в электронном виде // электронная школа будущего; руководство администратора
3 Возможность интеграции с другими автоматизированными сервисами	Система Дневник включает доступные всем пользователям сети Интернет сервисы социальных сетей, полнотекстовые библиотеки и тестовые системы. В Дневнике возможен импорт персональных данных из Excel, но их перечень ограничен	АИС «NetSchool» интегрирована рядом ведущих разработок в сфере образования, такими как: - «Интерактивные плакаты» от компании «Новый Диск»; - электронная библиотека «Просвещение»; - система дистанционного обучения «Moodle»; - система интерактивного тестирования знаний «СИнТеЗ» и др. Имеется возможность расширенного импорта в Excel, системы автоматизированного составления расписания Ректор и Хронограф Мастер, возможности экспорта составленного расписания или расширенного списка персональных данных из Excel	Универсальность сервиса достигается благодаря возможности интеграции платформы с существующими информационно-образовательными системами: Q7.Образование, Барс Образование, Дневник. Ру, NetSchool и др. Возможен также импорт в данных из Excel, Дневник. Ру и Netschool

4 Использование на муниципальном уровне	Дневник не создает и не представляет информацию обобщенного вида на уровне муниципальных образований (класса, школы), поэтому Органы управления образования не могут использовать эту систему	NetSchool это элемент двухуровневой системы управления (школа, муниципальная система), т. е. NetSchool может использоваться как элемент единой комплексной информационной системы Сетевой Город. Образование, объединяющей в единую сеть ОУ и органы управления образования в пределах всего муниципального образования. Каждое ОУ не просто выполняет требования Управления образования по сдаче отчетности, а получает все средства для организации собственного учебного процесса и управленческой деятельности. Параллельно, в реальном времени к обобщенной информации по школам имеют доступ и специалисты органов управления образования для получения необходимых отчетов и сведений (http://www.net-school.ru/index.php)	Электронная школа будущего для органов управления - это: - оперативный контроль за реализацией программ обучения со стороны управления образования; - электронные библиотеки информационные системы; - высокая скорость внесения централизованных изменений в образовательные программы; - статистика аналитические отчеты; - наличие достоверной информации для планирования ресурсов при развитии сети образовательных учреждений региона; - электронная запись детей в образовательное учреждение, перевод как работников, так и обучающихся из одного образовательного учреждения в другое
5 Хранение информационных данных и администрирование систем	Техническая площадка Дневник.ру находится в сети дата-центров Selectel - одного из крупнейших операторов услуг по размещению частных облачных инфраструктур в России. Многоуровневая система доступа в дата-центр отвечает самым высоким нормативам банковских и государственных структур и обеспечивает безопасное хранение и обработку данных, включая требования ФЗ-152 «О персональных данных». Содержание общедоступных разделов контролируется администраторами Дневника на предмет спама и материалов, не соответствующих Законодательству РФ	NetSchool – это электронный ресурс на собственном сервере школы, Сетевой Город. Образование – это электронный ресурс на сервере муниципального уровня. Администрирование и модерация общедоступных разделов осуществляют администраторы на школьном и городском уровне	Все данные хранятся на серверах компании «Ростелеком», что позволяет получать доступ к общей информации и документации об организации процесса обучения. Администрирование системы осуществляется специалистами Главного управления образования Курганской области. В рамках школы, администрирование системы также осуществляется администратором, назначенным приказом руководителя образовательного учреждения
6 Особенности использования	Не требуется ни установки программного обеспечения, ни закупки дополнительного оборудования. Работать в Дневнике можно с любого компьютера, подключенного к сети Интернет	NetSchool реализована в виде веб-приложения. Выделим два типа компьютеров: сервер и компьютер пользователя. NetSchool устанавливается на сервере, а файлы приложения вызываются на компьютере пользователя при помощи обычного Интернет-браузера. Это выглядит как работа в сети Интернет, только обращение происходит не ко внешнему сайту, а к серверу «NetSchool». Работать в NetSchool можно с любого компьютера, подключенного к серверу по сети — как локальной, так и сети Интернет. При этом понадобится один сравнительно мощный	Не требуется ни установки программного обеспечения, ни закупки дополнительного оборудования. Работать в системе можно с любого компьютера, подключенного к сети Интернет

		компьютер — сервер, к компьютерам пользователей особых требований не предъявляется	
8 Стоимость подключения и использования системы	Подключение к системе Дневник.ру для школы является полностью бесплатным	Стоимость программного продукта определяется в индивидуальном порядке и зависит от региона, количества подключаемых организаций и ряда других условий. По окончании гарантийной технической поддержки Заказчик может заключить договор на ее продление. Стоимость продления технической поддержки предоставляется по запросу	Для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронном виде управление образования КО закупило АИС «Электронная школа будущего». Для образовательного учреждения сервис является бесплатным

Список литературы

1 Архипов Б. В. Медиаобразование как одно из средств реализации целей общего образования / 9 Всероссийские историко-педагогические чтения «Мониторинг региональной модели исторического общего и профессионального образования». Екатеринбург : УрГПУ, 2005. С. 334–336.

2 Древицкая Н. Л., Мазжухина И. В., Штурбабин А. В., Максимовских Ю. Г. Единая информационная образовательная среда гимназии как условие качественного управления образовательным процессом / Подготовка бакалавров и магистров в условиях становления уровневого образования: опыт, проблемы, перспективы: сб. науч. статей. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2015. С. 161–164.

3 Закон Российской Федерации от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103023/

4 Каков срок хранения учебного журнала // Секретарь-референт. №1. 2012. С. 56-57.

5 Письмо Минобрнауки России от 15.02.2012 № АП-147/07 (с изм. от 21.10.2014) «О методических рекомендациях по внедрению систем ведения журналов успеваемости в электронном виде». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_130669/

6 Положение о системе оценок, формах и порядке текущего контроля успеваемости и промежуточной аттестации учащихся классов, обучающихся по федеральным государственным образовательным стандартам НОО и ООО» МБОУ «Гимназия №31» г. Кургана. URL: http://gymn31.ucoz.ru/index/normativno_pravovye_akti/0-127 (дата обращения: 08.09.2015).

7 Положение об электронном журнале МБОУ «СОШ №50». URL: <http://mou50.reg45.ru/documents.php?s=2> (дата обращения: 12.09.2014).

8 Распоряжение Правительства Российской Федерации от 7 сентября 2010 г. № 1506-р. URL: <http://www.rg.ru/2011/01/19/el-uslugi-site-dok.html>

9 Распоряжениями Правительства Российской Федерации от 17 декабря 2009 г. №1993-р. URL: <http://www.rg.ru/2009/12/23/uslugi-dok.html>

10 Сайт NetSchool. URL: http://netlyceum.bsu.by/prod_descr.htm (дата обращения 04.05.2014).

11 Сайт Дневник.ру. URL: <http://dnevnik.ru/> (дата обращения: 04.05.2014).

12 Сайт Сетевой город. Образование. URL: <http://net-school.ru/index.php> (дата обращения: 04.05.2014).

13 Тоффлер Э. Третья волна. Москва : ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. 261 с.

14 Федеральная целевая программа «Электронная Россия (2002 - 2010 годы)» / ПОСТАНОВЛЕНИЕ от 28 января 2002 г. №65 О Федеральной целевой программе «Электронная Россия (2002 - 2010 годы)».

15 Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 №273-ФЗ. Ст. 15, 28. Москва : Эксмо, 2013. 144 с.

16 Электронная школа. URL: <http://www.e-school.ru/>

УДК 908

Е.П. Свищева,
г. Курган

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ СЛАБО ЗАЩИЩЕННЫХ КАТЕГОРИЙ НАСЕЛЕНИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация. В статье рассматривается социальная политика Советского государства, направленная на защиту слабо защищенных категорий населения, к которым относятся эвакуированное население, семьи фронтовиков, инвалиды войны, дети-сироты, а также основные виды оказываемой помощи в непростой период Великой Отечественной войны 1941–1945 годы на примере Курганской области.

Ключевые слова: история России, Великая Отечественная война, социальная политика, Курганская область.

Основным направлением социальной помощи и защиты в период Великой Отечественной войны (1941–1945 годы) являлось оказание помощи следующим категориям населения: эвакуированные, семьи фронтовиков, инвалиды войны, а также дети-сироты.

Эвакуация в СССР во время Великой Отечественной войны являлась крупномасштабным перемещением в восточные регионы страны населения, промышленных предприятий, культурных и научных учреждений, запасов продовольствия, сырья и других материальных ресурсов с прифронтовых территорий.

Работой по эвакуации руководил Совет по эвакуации при СНК СССР во главе с Н.М. Шверником, созданный по указанию И.В. Сталина 24 июня 1941 года. 27 июня было принято Постановление ЦК ВКП (б) и СНК «О порядке вывоза и размещения людских континентов и ценного имущества». В 1941–1942 годы различными ви-

дами транспорта было эвакуировано около 17 млн человек [10, с. 35].

Эвакуация зачастую носила принудительный характер, т. к. люди как можно дольше старались оставаться на местах своего проживания. По прибытию на новое место у большинства эвакуированных не было ни жилья, ни имущества. Нормы снабжения эвакуированных были дифференцированы и зависели от трудоустройства. Кроме того, и в психологическом плане эвакуированному населению приходилось тяжелее, чем местным жителям.

Крупным событием в жизни нашего города явилась эвакуация в Курган населения и целого ряда промышленных предприятий из западных районов страны.

В соответствии с указаниями правительства, связанными с приемом эвакуированного населения, вменялось в обязанности председателей городских и районных Советов депутатов трудящихся проводить строгий учет пребывающих эвакуированных граждан, и по мере их прибытия на станции и пункты назначения немедленно их принимать со строгим соблюдением установленных правил. Производилась санитарная обработка, временное размещение в подготовленных помещениях, медицинское обслуживание, организация питания. Так, на станции Курган предусматривалась выдача эшелонам с эвакуированными обедов, завтраков и ужинов¹.

К концу 1941 года 20 тыс. эвакуированных были размещены в г. Кургане. Предписывалось в кратчайшие сроки устроить прибывших на работу: рабочее население – на предприятия, сельское – в колхозы и совхозы. Например, в Сафакулевский район прибыло по эвакуации 130 человек. Всем были предоставлены вполне удовлетворительные по условиям Сафакулевского района квартиры. Большинство эвакуированных были устроены на работу в Яланском зерносовхозе и часть – в райцентре [9, с. 261].

В Кургане уже 19 августа 1941 года с момента начала трудоустройства эвакуированных граждан организованным путем, т. е. через горплан, было направлено на работы в разные предприятия и организации 515 человек. Без направления горисполкома трудоустроилось около 70–80 человек, всего, таким образом, устроились на работу 600–710 человек. 1 декабря 1941 года исполком Курганского горсовета сообщал, что на 15 ноября 1941 года в Курган поступило эвакуированных 14407 человек. Из них с предприятиями 7704 и без предприятий – 6703 человека. Из общего количества эвакуированных было трудоустроено 3009 человек.

Эвакуированные были размещены в квартирах частного и коммунального сектора. Кроме того, была выделена долгосрочная ссуда в 60 тыс. рублей с целью приспособления деревян-

ных амбаров для квартир. Также эвакуированные граждане были обеспечены мебелью.

Государство и общественность края стремились оказать реальную помощь эвакуированным семьям, хотя в условиях жесточайшего дефицита и бедности в годы войны решить эти вопросы было достаточно сложно. Помощь деньгами, теплыми вещами, предметами первой необходимости, топливом, продуктами питания была оказана всем эвакуированным, решен вопрос с жильем и трудоустройством, налажено бытовое обслуживание.

В связи с развязыванием Второй мировой войны Советское государство наряду с первоочередными мероприятиями по укреплению обороноспособности страны принимает нормативные акты, направленные на всестороннее улучшение пенсионного обеспечения военнослужащих: от 16 июля 1940 года «О пенсиях военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава срочной службы и их семей», а 5 июня 1941 года «О пенсиях и пособиях лицам высшего, старшего и среднего начальствующего состава, лицам младшего состава сверхсрочной службы, специалистам рядового состава сверхсрочной службы и их семьям». В течение всего периода Великой Отечественной войны на первый план в области социального обеспечения выдвигается обеспечение военнослужащих.

С конца июня 1941 года выпускается целый ряд указов Президиума Верховного Совета СССР, послуживших основой для социального обеспечения семей фронтовиков. В указе от 26 июня 1941 года регламентируется порядок выплат пособий семьям, в 1942 году положение указа уточняется сообразно новым условиям. 4 июня 1943 года было принято постановление СНК СССР «О льготах для семей военнослужащих, погибших и без вести пропавших на фронтах Отечественной войны». За годы войны семьям военнослужащих было выплачено 25 млрд рублей, за счет фондов общественной помощи – 500 млрд рублей.

В конце 1943 года в Курганской области проживало 161670 семей военнослужащих [12, с. 150]. В период войны в области проводилась большая работа по оказанию помощи семьям фронтовиков, оказываемая в форме выплат пенсий и пособий, освобождения от военного, натурального налога и денежных выплат, снабжения продуктами питания, предметами первой необходимости, обеспечения жильем и его ремонт, выделения земли под посеы жителям города и деревни, помощи семенным материалом, выделения скота.

Руководствуясь Постановлением ЦК ВКП (б) от 22 января 1943 года «О мерах улучшения работы советских органов и местных партийных организаций по оказанию помощи семьям военнослужащих», бюро Курганского обкома ВКП (б)

¹ ГАКО. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 137. Л. 58.

создало областную комиссию по оказанию помощи семьям военнослужащих. На основании данного постановления были организованы районные, городские, местные комиссии по оказанию помощи семьям военнослужащих при всех сельских Советах, колхозах, совхозах, учреждениях и предприятиях области.

За счет собранных продуктов питания и товаров нуждающимся семьям военнослужащих была оказана материальная помощь: продуктами питания – 47280 семьям, одеждой – 5287 семьям, обувью – 7240 семьям, бельем – 18742 семьям, мануфактурой – 2087 семьям, другими товарами – 9985 семьям, домашними предметами – 9784 семьям, деньгами – 2972 семьям, скотом – 151 семье. Кроме того, отремонтировано квартир 40 семьям, предоставлено квартир 150 семьям, выделено кормов для скота 25670 ц., подвезено кормов 12705 семьям, подвезено топлива 10870 квб 32720 семьям. Всего оказана материальная помощь 67455 семьям военнослужащих¹.

В целях обеспечения семей военнослужащих индивидуальными огородами проводилась работа по сбору семян картофеля и овощебахчевых культур, а также по обеспечению земельными участками.

Работа с семьями военнослужащих проводилась также через женсоветы. В Доме Красной Армии при помощи командования гарнизона проводились лекции, вечера самодеятельности. Нередко при помощи женсовета члены семей фронтовиков устраивались на работу, остро нуждающимся семьям оказывалась необходимая материальная помощь, обеспечение топливом².

Семьям фронтовиков оказывалась помощь и через органы здравоохранения. Приказ НКЗ РСФСР от 4 февраля 1943 года «О работе органов здравоохранения по оказанию помощи семьям военнослужащих» обязал органы здравоохранения улучшить постановку лечебной помощи, использовать санатории, создать специальный фонд особо дефицитных медикаментов, полностью обеспечить детей фронтовиков детскими учреждениями и т. д.

Социальная помощь и социальная реабилитация раненых – следующий комплекс проблем в данный период. Большой поток раненых требовал экстренных мер не только по их эвакуации, но и по реабилитации. 8 октября 1941 года создаются комитеты помощи по обслуживанию больных и раненых бойцов Красной армии. В декабре 1942 года Государственным комитетом обороны организованы дома для инвалидов Отечественной войны, затем преобразованные в трудовые интернаты. В них увечные воины не только подготавливались к трудовой деятельности, но и получали новые профессии, проходили перекалфикацию.

В Курганской области был создан комитет помощи раненым при Курганском горкоме партии, который принял ряд мер по оказанию помощи инвалидам Отечественной войны. Всего инвалиды войны только через комитет помощи раненым получили в 1942 году и за два месяца 1943 года 500 пар разного белья, 100 пар валенок, 120 матрацев, 130 наволочек, 125 полотенец, 1,5 т мыла, большое количество шапок, носков и других вещей [8, с. 2].

Инвалидам оказывалась помощь в виде выплат пособий и пенсий. 31 января 1944 года СНК утвердил «Инструкцию о порядке назначения и выплаты пенсий по инвалидности военнослужащим рядового, сержантского и старшинского состава». Инвалидам, «не связанным с сельским хозяйством», но до войны работавшим, пенсия назначалась по I группе инвалидности в размере 100% от зарплаты, по II группе – 75%, по III – 50%.

Однако мало было дать пенсию, ситуация требовала организовать обучение и трудоустройство инвалидов по соответствующим специальностям, создать приемлемые производственные и жилищно-бытовые условия. С этой целью Правительство четырежды принимало постановления о трудоустройстве инвалидов войны. Расширялся круг профессий по их обучению.

Организовывались профшколы-интернаты для инвалидов Отечественной войны. Приказом Народного комиссариата социального обеспечения РСФСР №153 наркомом социального обеспечения было установлено организовать до 1 ноября 1943 года на базе существующих профтехшкол, учебно-производственных мастерских, сельскохозяйственных школ, учебно-курсовых комбинатов органов социального обеспечения профшколы-интернаты для обучения инвалидов. Учащиеся находились на полном государственном обеспечении. К данному приказу прилагался список профшкол-интернатов для обучения инвалидов Отечественной войны, в котором упоминалась Куртамышская профшкола-интернат Курганской области. Количество учащихся в ней достигало 50 человек. Предполагался счетно-бухгалтерский профиль обучения. В 1944 году курсы подготовки счетно-бухгалтерских работников закончили 35 инвалидов войны³.

Для содержания нетрудоспособных организовывались дома инвалидов. На территории области существовало большое количество домов инвалидов общего типа, например, Сухоборский, Скоблинский, Галишовский дома инвалидов⁴.

С 1 ноября 1943 года вводились единые государственные нормы снабжения продуктами питания инвалидов Отечественной войны, нахо-

¹ ГАКО. Ф. Р-1504. Оп. 1. Д. 5. Л. 3.

² ГАОПДКО. Ф. 10. Оп. 14. Д. 21.

³ ГАКО. Ф. Р-1504. Оп. 1. Д. 1. Л. 19.

⁴ ГАКО. Ф. Р-1504. Оп. 3. Д. 10. Л. 6.

дющихся в интернатах. Продукты питания, получаемые от подсобных хозяйств, использовались на улучшение питания инвалидов.

По подсобным хозяйствам интернатов распределялся скот, закупались рабочие лошади за счет общих ассигнований сметы интерната. Подсобные хозяйства интернатов для инвалидов Отечественной войны освобождались от обязательных поставок государству мяса, шерсти в 1943-44 годах.¹

Наряду с пенсионным обеспечением, трудоустройством, предоставлением лечения инвалиды войны получали помощь из других социальных источников: областных, городских, районных. Им выдавали талоны на питание и промтовары. Только в Курганской области в 1943 году выделили разовые пособия на сумму 386 тыс. рублей, а товаров – 291,7 тыс. рублей. Организовывались спецмагазины, отделы и столовые по обслуживанию инвалидов войны. Инвалидам предоставляли путевки в дома отдыха, санатории, дома-интернаты. Для них отводили землю под огороды, помогали выращивать урожай.

В условиях военного времени меняются задачи в области охраны детства и попечения сирот. Теперь они состоят не только в том, чтобы открыть новые учреждения, но и чтобы эвакуировать в глубь страны воспитанников детских домов. В постановлении СНК СССР «Об устройстве детей, оставшихся без родителей» предусматривалось создание дополнительной сети детских домов.

Из всех воспитательных учреждений, создаваемых в эти годы, главным форматом призрения детей-сирот является детские дома. В годы Великой Отечественной войны количество детских домов увеличилось. Новые детские дома открывались для детей-сирот, вывезенных из фронтовых областей; детей, потерявших родителей, детей фронтовиков.

Зауралье приняло почти 16 тыс. эвакуированных детей [13, с. 19]. Это вело к расширению сети детских домов и интернатов. В Курганскую область только из Ленинградской области было эвакуировано 70 детских домов, в которых содержалось 6663 человека. Из Курской области в Зауралье было вывезено 350 детей². 24 августа 1941 года исполком Курганского городского Совета депутатов трудящихся решает организовать интернат для 300 эвакуированных из Москвы детей. Необходимо было обеспечить охват школой всех эвакуированных детей, установить контроль за посещением ими школьных занятий, выполнением режима дня, произвести медико-санитарное обслуживание детей³.

На территории Курганской области была создана специальная комиссия по устройству

детей, оставшихся без родителей. Подобные комиссии были созданы во всех городах и районах области [11, с. 47].

Таким образом, несмотря на тяжелое военное время Советским государством оказывалась активная помощь слабо защищенным категориям населения. Основными формами оказания помощи были: выплата пенсий и пособий, обеспечение нормальных условий жизни путем предоставления социально-бытовых услуг, натуральных выплат (продуктами питания, вещами, зерном и т. д.).

Список литературы

- 1 Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. Р-1504. Оп. 1. Д. 1.
- 2 ГАКО. Ф. Р-465. Оп. 3. Д. 101.
- 3 ГАКО. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 137.
- 4 ГАКО. Ф. Р-1504. Оп. 1. Д. 1.
- 5 ГАКО. Ф. Р-1504. Оп. 3. Д. 10.
- 6 ГАКО. Ф. Р-1606. Оп. 2. Д. 3.
- 7 Государственный архив общественно-политической документации Курганской области (ГАОПДКО). Ф. 10. Оп. 14. Д. 21.
- 8 Лукьянов А. С. Больше внимания инвалидам Отечественной войны // Красный Курган. 1943. 6 марта. № 54 (6028). С. 2.
- 9 Хрестоматия по истории Курганской области (1917-1945 гг.). Курган, 1997. 328 с.
- 10 Куманев Г. А. Война и эвакуация в СССР. 1941–1942 годы // Новая и новейшая история. 2006. № 6. С. 34–62.
- 11 Лобжанидзе К. Г. Забота о детях в Зауралье в годы Великой Отечественной войны // Земля Курганская: прошлое и настоящее. Краеведческий сборник. Выпуск 4. Курган, 1992. С. 151–156.
- 12 Подливалов В. В. Южное Зауралье в годы Великой Отечественной войны. Курган, 2009. 220 с.
- 13 Помни войну. Детство, опаленное войной. сост. А. И. Букреев., В. А. Есетов. Курган, 2004. Т. 4. 367 с.

¹ ГАКО. Ф. Р-1504. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.

² ГАКО. Ф. Р-1606. Оп. 2. Д. 3. Л. 1.

³ ГАКО. Ф. Р-465. Оп. 3. Д. 101. Л. 1-2.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Алексеева Любовь Васильевна** – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Нижневартковского государственного университета, г. Нижневартовск
- Арпентьева Мариям Равильевна** – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии развития и образования, руководитель лаборатории психолого-педагогического сопровождения семьи и детства Центра социально-гуманитарных исследований Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского, г. Калуга
- Архипов Борис Владимирович** – старший преподаватель кафедры отечественной истории и документоведения Курганского государственного университета, г. Курган
- Архипова Елена Николаевна** – специалист 1 разряда службы учета объектов культурного наследия отдела учета и охраны объектов культурного наследия Управления охраны объектов культурного наследия Правительства Курганской области, г. Курган
- Атнагулов Ирек Равильевич** – доктор исторических наук, заведующий научно-исследовательской лабораторией «Этнография народов Южного Урала» Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, г. Челябинск
- Балюнов Игорь Валерьевич** – кандидат исторических наук, главный научный сотрудник Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника, г. Тобольск
- Белоус Павел Владимирович** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Нефтеюганского историко-художественного музейного комплекса, г. Нефтеюганск
- Бушувеева Анна Андреевна** – магистрант исторического факультета Курганского государственного университета, г. Курган
- Васильева Александра Михайловна** – краевед, заслуженный работник культуры РФ, г. Курган
- Ганина (Устинова) Ольга Юрьевна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Оренбургского института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, г. Оренбург
- Ганчар Андрей Иванович** – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой экономической теории Гродненского государственного аграрного университета, г. Гродно (Республика Беларусь)
- Грозный Владислав Сергеевич** – магистрант исторического факультета Курганского государственного университета, г. Курган
- Ерзянкин Иван Анатольевич** – магистрант исторического факультета Курганского государственного университета, г. Курган
- Ермачкова Елена Петровна** – кандидат исторических наук, преподаватель Заводоуковского агропромышленного техникума, г. Заводоуковск
- Ершов Михаил Федорович** – кандидат исторических наук, заместитель директора Обско-угорского института прикладных исследований и разработок, г. Ханты-Мансийск
- Какуля Наталья Михайловна** – секретарь Курганской средней общеобразовательной школы № 41, г. Курган
- Киселев Михаил Юрьевич** – кандидат исторических наук, руководитель Центра учета и обеспечения сохранности документов Архива РАН, г. Москва
- Князева Дарья Валерьевна** – преподаватель МБОУ г. Кургана «Центр образования», г. Курган
- Козельчук Татьяна Валентиновна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории и историографии Курганского государственного университета, г. Курган
- Козодубов Алексей Анатольевич** – кандидат юридических наук, доцент Севастопольского экономико-гуманитарного института (филиала) Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, г. Севастополь
- Копыркин Иван Константинович** – магистрант исторического факультета Уральского федерального университета, г. Екатеринбург
- Костин Кирилл Алексеевич** – магистрант исторического факультета Курганского государственного университета, г. Курган
- Коханова Людмила Александровна** – доктор филологических наук, профессор факультета журналистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, г. Москва
- Кротов Александр Викторович** – кандидат географических наук, доцент кафедры экономической географии и картографии Алтайского государственного университета, г. Барнаул
- Кунафин Гиниятулла Сафиуллоевич** – доктор филологических наук, член-корр. АН РБ, заведующий кафедрой башкирской литературы, фольклора и культуры Башкирского государственного университета, г. Уфа
- Лушников Нелли Анатольевна** – учитель истории средней общеобразовательной школы № 52, г. Курган

- Лымарев Александр Николаевич** – кандидат исторических наук, заведующий отделом истории Государственного исторического музея Южного Урала, г. Челябинск
- Любимов Андрей Александрович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, социально-экономических и общественных дисциплин Ишимского педагогического института им. П.П. Ершова (филиал ТюмГУ), г. Ишим
- Маслюженко Денис Николаевич** – кандидат исторических наук, зав. кафедрой культурологии, декан исторического факультета Курганского государственного университета, г. Курган
- Мелёхин Виктор Андреевич** – кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и социологии Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова, г. Барнаул
- Менщиков Владимир Владимирович** – доктор исторических наук, заведующий кафедрой отечественной истории и документоведения Курганского государственного университета, г. Курган
- Менщиков Игорь Самуилович** – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой всемирной истории и историографии Курганского государственного университета, г. Курган
- Митрохин Максим Владимирович** – студент исторического факультета Курганского государственного университета, г. Курган
- Мотревич Владимир Павлович** – доктор исторических наук, профессор Уральского государственного юридического университета, г. Екатеринбург
- Наумов Сергей Сергеевич** – аспирант исторического факультета Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, г. Омск
- Неупокоев Игорь Валентинович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Курганского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Курган
- Новиков Игорь Константинович** – старший преподаватель кафедры всемирной истории и историографии Курганского государственного университета, г. Курган
- Островкин Денис Леонидович** – ассистент кафедры истории России исторического факультета Уральского государственного педагогического университета, г. Екатеринбург
- Павлуцких Тимофей Геннадьевич** – аспирант исторического факультета Курганского государственного университета, г. Курган
- Первухина Анастасия Алексеевна** – аспирант исторического факультета Курганского государственного университета, г. Курган
- Перцев Никита Викторович** – аспирант исторического факультета Курганского государственного университета, научный сотрудник сектора археологии и этнографии Музейно-выставочного комплекса им. И.С. Шемановского, г. Салехард
- Поляков Владимир Евгеньевич** – доктор исторических наук, профессор Крымского инженерно-педагогического университета, г. Симферополь
- Пузанов Владимир Дмитриевич** – доктор исторических наук, профессор Шадринского государственного педагогического университета, г. Шадринск
- Рябкова Ольга Викторовна** – аспирант исторического факультета Курганского государственного университета, младший научный сотрудник Научного центра изучения Арктики Ямало-Ненецкого автономного округа, г. Салехард
- Свищева Екатерина Павловна** – магистрант исторического факультета Курганского государственного университета, г. Курган
- Сизов Сергей Григорьевич** – доктор исторических наук, профессор кафедры философии Сибирского государственного автомобильно-дорожного университета, г. Омск
- Сериков Юрий Борисович** – доктор исторических наук, профессор Нижнетагильского филиала Российского государственного профессионально-педагогического университета, г. Нижний Тагил
- Солодкин Яков Григорьевич** – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Нижневартковского государственного университета, г. Нижневартовск
- Спичак Александра Владимировна** – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры документоведения и всеобщей истории, научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории региональных исторических исследований Нижневартковского государственного университета, г. Нижневартовск
- Сулейманов Александр Альбертович** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории и этносоциологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск
- Тетюева Ольга Владимировна** – преподаватель Курганского института железнодорожного транспорта (филиала) Уральского государственного университета путей сообщений, г. Курган
- Тимошенко Альбина Ивановна** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СО РАН, г. Новосибирск

- Тихонов Сергей Семенович** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора археологии Омского филиала Института археологии и этнологии СО РАН, г. Омск
- Урожаева Татьяна Петровна** – кандидат исторических наук, сотрудник лаборатории исторической демографии Иркутского государственного университета, г. Иркутск
- Устинов Андрей Леонидович** – старший преподаватель кафедры истории, экономики и правоповедения Уральского государственного медицинского университета, г. Екатеринбург
- Устинова Валерия Анатольевна** – кандидат филологических наук, руководитель музея Ишимского педагогического института им. П.П. Ершова (филиал ТюмГУ), г. Ишим
- Федоров Виктор Александрович** – краевед, г. Курган
- Федоров Сергей Георгиевич** – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории и историографии Курганского государственного университета, г. Курган
- Шаяхметова Ирина Зуфаровна** – кандидат исторических наук, доцент Института истории и государственного управления Башкирского государственного университета, г. Уфа
- Ярков Александр Павлович** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Экспертного научного центра по противодействию идеологии экстремизма и терроризма Тюменского государственного университета, г. Тюмень

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Менщикова И.С. ИСТОРИЯ ЗАСЕЛЕНИЯ И ОСВОЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XVII–XIX ВЕКАХ В РАБОТАХ Н.Ф. ЕМЕЛЬЯНОВА	3
Менщикова В.В., Перцев Н.В. РУССКАЯ ЭКСПАНСИЯ НА УРАЛ И В ЗАПАДНУЮ СИБИРЬ В XII–XV ВЕКАХ: ПРИЧИНЫ, ХАРАКТЕР И ПУТИ ПРОНИКНОВЕНИЯ (К ИСТОРИОГРАФИИ ПРОБЛЕМЫ)	7
Коханова Л.А. ПРЕССА КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ	11

РАЗДЕЛ I. РОССИЙСКАЯ ПРОВИНЦИЯ В ПАНОРАМЕ ВЕКОВ

Сериков Ю.Б. АБРАЗИВЫ В КУЛЬТУРНОЙ ПРАКТИКЕ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ КЛАДОВ И ПОГРЕБЕНИЙ)	15
Балюнов И.В. «РУССКИЕ» ВЕЩИ С ГОРОДИЩА ИСКЕР	19
Тихонов С.С. «ДОЕЗД СТРУНИНА 7203 ГОДУ...» В «ХОРОГРАФИЧЕСКОЙ КНИГЕ...» С.У. РЕМЕЗОВА И СВЕДЕНИЯ ПО ГЕОГРАФИИ И ИСТОРИИ СИБИРИ	22
Маслюженко Д.Н., Новиков И.К., Первухина А.А. ЭЛЕМЕНТЫ СТРОИТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ XVIII – НАЧАЛА XX ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК ПАМЯТНИКА «КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ ГОРОДА КУРГАНА»)	27
Арпентьева М.Р. ИСТОРИЯ И ВЕРОВАНИЯ НАРОДОВ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА	29
Солодкин Я.Г. СОВМЕСТНЫЕ ПОХОДЫ БЕРЕЗОВСКИХ КАЗАКОВ И ОСТЯКОВ КОДЫ	35
Пузанов В.Д. ПЕРВЫЙ РОССИЙСКИЙ ПОГРАНИЧНЫЙ ПОЛК СИБИРИ	37
Ярков А.П. О МЕСТЕ ИСЛАМСКОЙ РЕЛИГИИ В ПРОСТРАНСТВЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XVIII ВЕКЕ	42
Устинов А.Л. ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЗАВОДОВЛАДЕЛЬЦЕВ И БАШКИР НА КАСЛИНСКОМ И КЫШТЫМСКИХ ЗАВОДАХ В СЕРЕДИНЕ – ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ КУПЧИХ КРЕПОСТЕЙ)	44
Спичак А.В. НАГРАЖДЕНИЕ БРОНЗОВЫМИ КРЕСТАМИ ДУХОВНЫХ ЛИЦ В ТОБОЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ	49
Атнагулов И.Р. ЮЖНОЕ ЗАУРАЛЬЕ – ЭТНИЧЕСКАЯ ТЕРРИТОРИЯ НАГАЙБАКОВ (К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ НОВЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В ПРОЦЕССЕ РУССКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ УРАЛА И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ)	52
Тетюева О.В. СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА КУРГАНА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА... ..	56
Павлуцких Т.Г. ПРИЧИНЫ НАРОДНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ В ЗАУРАЛЬЕ В 1841–1843 ГОДАХ	57
Ганчар А.И. ОКОНЧАНИЕ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ САМОГО АКТИВНОГО ДЕЯТЕЛЯ ПО «РАСПОЛЯЧЕНИЮ» КАТОЛИЦИЗМА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ Ф.Е. СЕНЧИКОВСКОГО (1837–1907 ГОДЫ)	59
Ершов М.Ф. ЗАУРАЛЬСКИЙ УЧИТЕЛЬ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ДРАМА ЧУЖОГО	63
Неупокоев И.В. НАЧАЛЬНЫЕ ВОЛОСТНЫЕ УЧИЛИЩА КУРГАНСКОГО ОКРУГА ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1852–1917 ГОДЫ	67

Кунафин Г.С. БАШКИРСКИЙ КРАЙ В РУССКОЙ НАУКЕ И ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА.....	71
Сулейманов А.А. ХОЛОД В КУЛИНАРНЫХ ПРАКТИКАХ АБОРИГЕННЫХ ЭТНОСОВ ЯКУТИИ: ИСТОРИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	73
Козельчук Т.В. РОДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ СРЕДИ ЧИНОВНИКОВ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ XIX ВЕКА: РЕКОНСТРУКЦИЯ ПО ФОРМУЛЯРНЫМ СПИСКАМ	76
Мелёхин В.А., Кротов А.В. ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА КОНСОЛИДАЦИИ АЛТАЙСКИХ СТАРОЖИЛОВ И ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ЕВРОПЕЙСКИХ ГУБЕРНИЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА	81
Ермачкова Е.П. МЕДИЦИНСКИЙ ПЕРСОНАЛ СЕЛЬСКИХ ЛЕЧЕБНИЦ ПРИИШИМЬЯ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВЕКОВ.....	84
Копыркин И.К. КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ПРИХОДА ЕКАТЕРИНБУРГСКОГО БОГОЯВЛЕНСКОГО КАФЕДРАЛЬНОГО СОБОРА (ПО МАТЕРИАЛАМ МЕТРИЧЕСКИХ КНИГ)	89
Митрохин М.В., Федоров С.Г. ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РОЛИ ЖЕНЩИН В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ КУРГАНСКОГО И ШАДРИНСКОГО УЕЗДОВ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	92

РАЗДЕЛ II. ЗАУРАЛЬЕ И РОССИЙСКАЯ ПРОВИНЦИЯ В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ, ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И СОВЕТСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Сизов С.Г. ПРОЖИТОЧНЫЙ МИНИМУМ В БЕЛОМ ОМСКЕ В 1918-1919 ГОДАХ.....	96
Васильева А.М. АРГЕНТОВСКИЕ	99
Бушueva А.А. ТАНАТОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ЦЕРКОВНОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ЛЕТ (НА МАТЕРИАЛАХ «ТОБОЛЬСКИХ ЕПАРХИАЛЬНЫХ ВЕДОМОСТЕЙ» 1917–1919 ГОДОВ)....	102
Белоус П.В. ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И ПЕРВЫЕ ДЕКРЕТЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (НА МАТЕРИАЛАХ ТОБОЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ)	106
Костин К.А., Козельчук Т.В. МОЛОДЕЖЬ КУРГАНА В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «КРАСНЫЙ КУРГАН» ПЕРИОДА НЭПА)	110
Островкин Д.Л. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ НА УРАЛЕ В 1920-Х ГОДАХ	114
Киселев М.Ю. ФОНД ОБЩЕСТВА КРАЕВЕДОВ-МАРКСИСТОВ В АРХИВЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК..	117
Шаяхметова И.З. «НОВАЯ» ГОРОДСКАЯ КУЛЬТУРА И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ КАК РЕЗУЛЬТАТ ГРАДООБРАЗОВАНИЯ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА	120
Лымарев А.Н. ГАЗЕТЫ НА НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКАХ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ УРАЛА)	121
Рябкова О.В. ОРГАНИЗАЦИЯ СБОРА ТЕПЛОЙ ОДЕЖДЫ ДЛЯ ФРОНТОВИКОВ В ЯМАЛО-НЕНЕЦКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ОКРУГЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	125
Мотревич В.П. РАБОЧИЕ И СЛУЖАЩИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ В 1940–1950 ГОДЫ.....	128
Ганина (Устинова) О.Ю. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ ЧКАЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В КУЛЬТУРНО-МАССОВОЙ СФЕРЕ В 1946–1953 ГОДЫ.....	130
Алексеева Л.В. ПОСЛЕВОЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ВЕТЕРИНАРИИ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ.....	134

Грозный В.С.	БЫТОВЫЕ УДОБСТВА В КУРГАНЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «КРАСНЫЙ КУРГАН»/ «СОВЕТСКОЕ ЗАУРАЛЬЕ» ЗА 1945–1960 ГОДЫ).....	137
Тимошенко А.И.	СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ ГОРОДОВ СИБИРИ В УСЛОВИЯХ ИНДУСТРИАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА.....	140
Лушников Н.А.	МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ БАЗА ЛЕЧЕБНО-ПРОФИЛАКТИЧЕСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ СЕЛЬСКОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В 1965–1990 ГОДЫ (НА МАТЕРИАЛАХ КУРГАНСКОЙ, СВЕРДЛОВСКОЙ И ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТЕЙ).....	144
Фёдоров В.А.	ДОСУГ РУССКОГО СОВЕТСКОГО КРЕСТЬЯНИНА.....	148

РАЗДЕЛ III. КУРГАНСКАЯ ОБЛАСТЬ И РОССИЙСКАЯ ПРОВИНЦИЯ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Наумов С.С.	МЕМОРИАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ М.А. УЛЬЯНОВА В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ.....	154
Урожаева Т.П.	ШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ГОРОДАХ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ В 1995–2005 ГОДЫ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ.....	158
Устинова В.А., Любимов А.А.	ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЕТЕРАНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В МАЛЫХ ГОРОДАХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ НА ПРИМЕРЕ ИШИМСКОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА ИМ. П.П. ЕРШОВА (ФИЛИАЛ) ТЮМГУ.....	162
Козодубов А.А.	СТАНОВЛЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ.....	167
Поляков В.Е.	МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ БИОГРАФИИ ХИРУРГА ИЛИЗАРОВА.....	171
Архипова Е.Н.	К ВОПРОСУ СОХРАНЕНИЯ ОБЪЕКТОВ ГОРОДСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ КАК ФАКТОРА РАЗВИТИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ.....	173
Князева Д.В.	РОЛЬ И МЕСТО КРАЕВЕДЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В ФОРМИРОВАНИИ ГАРМОНИЧНО РАЗВИТОЙ ЛИЧНОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ.....	176
Ерзянкин И.А.	ВОСПОМИНАНИЯ РАБФАКОВЦЕВ.....	178
Архипов Б.В., Какуля Н.М.	ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ АВТОМАТИЗИРОВАННЫХ СИСТЕМ В ПРАКТИКУ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ В СРЕДНИХ ШКОЛАХ ГОРОДА КУРГАНА.....	181
Свищева Е.П.	СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ СЛАБО ЗАЩИЩЕННЫХ КАТЕГОРИЙ НАСЕЛЕНИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ).....	187
	СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	191

Научное издание

VIII ЕМЕЛЬЯНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ,
ПОСВЯЩЕННОЙ 75-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ

г. Курган, 20 апреля 2018 г.

Редактор Н.Н. Погребняк

Библиотечно-издательский центр КГУ.
640020, г. Курган, ул. Советская, 63/4.
Курганский государственный университет.